Древнерусская притча

Сокровища древнерусской литературы

Сокровища древне-русской литературы

Древне-русская притча

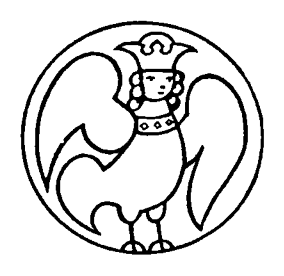
Сокровища древнерусской литературы

Сѐ варлаа́мъ ку́пе́цъ бл҃гі́й, Вѣ́ры ка́мень ꙗ҆ви̂ драгі́й :

Іѡава́фъ познава́етъ, Ꙗ҆кѡ свѣ́тъ и҆ просвѣща́етъ

Сокровища древнерусской литературы

Древнерусская притча



Москва
«Советская Россия»
1991

84Р1
Д73

Составление **Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной**

Подготовка текста и комментарий
Л. И. Алехиной

Предисловие
Н. И. Прокофьева

Оформление
Б. А. Диодорова

Д $\frac{4702010101-103}{М-105(03)91}$ 28—91

ISBN 5—268—01286—х

«Прелесть простоты и вымысла»

Притча — один из древнейших жанров в мировом фольклоре и литературе. Этот жанр возник у народов разных стран от естественных потребностей их конкретной исторической жизни, от общего стремления людей к нравственному усовершенствованию, поддержанию исторически сложившихся норм поведения в обществе, на основе вековых наблюдений наиболее характерных явлений жизни. Однако конкретно-исторический характер древнейшего жанра не исключает взаимовлияний, обмена поэтическим опытом между народами. Прямо и косвенно международное общение не могло не способствовать заимствованию сюжетов, с учетом, разумеется, своих потребностей.

Притчи, подобно сказкам, представляют исключительный интерес для понимания связей между народами. Эта связь не обязательно говорит о генетической зависимости сюжетов. Нередко сюжеты возникали и независимо один от другого, но их сходство отражало идентичный или близкий опыт различных народов.

Слово «притча» (более древнее — причта) имело различное значение в Древней Руси. Это слово изначально обозначало приткновение, прибавку к чему-либо, затем загадку, пословицу как прибавку в речи. Впоследствии слово «притча» стало обозначать образ, пример, аналогию (подобие), нравоучительное и загадочное изречение, пророчество и, наконец, определенную литературную форму. В словаре XVII в. Памвы Берынды говорится: «Притча, приповесть, образ, подобенство, приклад»[1]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского указано пятнадцать значений этого слова. Но на первом месте стоит «уподобление», а затем иносказание как форма поэтического слова. В значении «уподобления» это слово употреблено еще в «Изборнике Святослава 1073 года», в теоретико-стилистическом трактате «Творчестии образи», где сообщается: «Притъча же есть речь, подобьными и ведьмыими напред очи приводяшти разумеваемое»[2].

В другом месте «Изборника» (гл. 122) содержится тоже примечательное рассуждение о притчах: «Аште бо новестьняя почиташи имати цесарьскыя книгы, аште ли хитростьная и творитвьныя, то имаши пророки Иова и притьчьники, в них же всякая твари и ухыштрении большую остроту умьную обряштешти, яко Господа единого мудрааго

---

[1] Сахаров И. Сказания русского народа.— Спб., 1849.— Т. 2.— Кн. 5.— С. 84.

[2] Изборник великого князя Святослава 1073 года.— М., 1880.— Л. 240 (факс. изд.).

речи суть, аште ли песньным хохштеши, то имаши псалмосы или законьное заповедание преславныи Господа Закон»[1].

Как видно из этого рассуждения, сборникам притч (приточникам) придавалось большое значение, они воспринимались как книги искусные и творческие («хитростьныя и творитвьныя»), в каждом произведении («твари») можно найти мастерство большое («ухыштрении большую») и «остроту умную», подобно речи самого мудрого Бога.

Такое объяснение говорит само за себя: во-первых, здесь притчи рассматриваются как литературные произведения в ряду с другими жанрами; во-вторых, притчи признаются за произведения высокого искусства.

Если под жанром понимать устоявшуюся литературную конструкцию, отличавшуюся объектом изображения, целевым назначением, типом повествователя, своеобразием структуры и языка, то и для притчи можно установить общие признаки жанра и дать определение этому жанру. Д. С. Лихачев обратил внимание на ее своеобразие: «В ней события не определены ни хронологически, ни территориально, по большей части нет прикрепления к конкретным историческим именам действующих лиц. Притча повествует о действительности в обобщенно-трансформированной форме. Она фиксирует то, что, кажется средневековому автору и читателю, существовало и будет существовать всегда, что неизменно и часто случается постоянно»[2].

Притча — это малый повествовательный жанр, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер и утверждает моральное или религиозное наставление. Действие притчи логически и конструктивно направлено на то, чтобы создать концентрированную иллюстративность для выражения нравственной идеи. В притче как литературной форме господствует аллегоризм. Еще М. И. Сухомлинов писал: «Самым занимательным проявлением аллегории в литературе была притча, аполог. Притча сделалась у нас одною из любимых литературных форм, принесенных из Византии»[3].

Аллегория в притчах по своей сущности близко стоит к символико-аллегорическим представлениям устной народной поэзии. Иносказательный разговор, пословица, загадка находят своеобразное осмысление в притчах. Чтобы не было кривотолков, притча считает своей обязанностью дать объяснение аллегории.

Русские притчи настолько потонули в безбрежном море древней письменности, что требуются огромные усилия не одного исследова-

---

[1] Изборник великого князя Святослава 1073 года.— Л. 204.

[2] Лихачев Д. С. Славянские литературы как система//Славянские литературы: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Доклады советской делегации.— М., 1968.— С. 45.

[3] Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского//Исследования по древнерусской литературе академика М. И. Сухомлинова.— Спб.,, 1908.— С. 317.

теля, чтобы извлечь эти жемчужины поэзии оттуда и систематизировать их. Но даже предварительное ознакомление позволяет утверждать, что притчи составляют один из ведущих жанров древнерусской литературы. Они на протяжении всего русского средневековья наполняли литературу занимательным и поучительным чтением. Особенно много притч распространялось в XVII в., когда появились первые переводы притч Эзопа Фриги, как называли древнегреческого баснописца древнерусские переводчики и переписчики.

Притчи всех разновидностей — и сюжетно-аллегорические, и краткие афористические, и пословичные — оказывали благоприятное влияние на воспитание душевной чистоты и нравственности народа. Они легко запоминались, прочно держались в сознании, побуждали к разумным деяниям и справедливости, несли советы прямые и аллегорические: как свято жить в обществе, в семье, как вести себя с друзьями и недругами; без унижения человеческого достоинства высмеивали пороки. Сфера проблематики притч неисчерпаема, подобно явлениям самой жизни.

Приточники не утрудняли себя поисками новых, необычных форм, они опирались на опыт многовековых традиций. Они искали, однако, новые аспекты общечеловеческих идей применительно к реальностям исторически изменяющейся жизни. И это придало притчам устойчивость и неослабный интерес в народе. Поэтому не случайно они дошли до нас из глубины веков и до сего времени многие не утратили своей значимости и актуальности, хотя нередко и сохранились в записях в прямой связи с историческими событиями и лицами ушедших поколений.

Притчи сохранили свою жизнь из прошлого в составе самых различных видов древней письменности: в летописных сборниках, четьях-минеях, прологах, т. е. различных сборниках святых, в словах и поучениях, даже в литературных памятниках деловой письменности. Но не только в древней письменности Руси, они жили и живут до наших дней в устной речи, в устной народной поэзии. Иначе говоря, они стали явлением литературного творчества и устного поэтического слова. Такова двойная взаимосвязанная жизнь притч в истории нашей культуры. Широкое бытование притч в устной речи вызвало в свою очередь притчу с наставлением применять их к месту: «Притча из уст глупого отвратительна, ибо он не скажет ее в свое время».

В письменных источниках сохранились сведения о популярности притч, их использовании в поучительных беседах. Вот как, например, говорит об этом известный летописец Нестор в житии Феодосия Печерского, игумена Киево-Печерского монастыря: «Имеяше же обычай сиць великий отьць наш Феодосий, яко же по вся нощи обиходити ему келие мниховы вьсе, хотя уведети когождо их како житие. Егда бо услышаше кого молитву творяща, ти тъгда, став, прославляше о нем Бога, егда же пакы кого слышааше беседующа дъва ли или трие съшедъшеся

въкупе, то же ту, ударивъ своею рукою в двьри ти, тако отхожааше, назнаменав тем свой приход. Таче в утрей дьнь призъвав я, нъ не ту абие обличааше их, нъ якоже издалеча притъчами нагоня, глаголаше к ним, хотя уведети, еже к Богу тъщение их. Аще бо будяше брат льгъкъмь сърьдьцьмь и тепл на любъвь Божию, то сии въскоре разумев свою вину, пад, поклоняшеся, прощения прося от него прияти»[1].

В наставлениях пастве притчами пользовались Сергий Радонежский и его ученики.

Интересна аллегорическая притча об игумене, возникшая в Троице-Сергиевой лавре. Возможно, что она восходит к наставлениям самого́ знаменитого игумена. Изложим ее содержание по рукописи XVII в.

«Поведа нам некий отец глаголя: «Некий старец молишеся Богу и бысть во ужасе велице. И виде озеро огненое, через же его стадо велие птиц летяху, бяху же вси черны, а едина в них бела. И начаша те черныя птицы утопати, белая подхватиша и хотел горе вознесеша. Святый же старец о сем бысть во ужасе.

Стадо велие черных птиц, а едина в них белая, то был некий игумен не в коем монастырь, да о своей душе великое брожение имел, о братних же душах и о спасении их нимало брожения имел. Егда же она начаша утопати, он же нача им помогати и не возможе, и с ними утопе.

По сих же виде еси другое стадо величеством тому же подобно. Птицы же все белы, и едина в них черна. И егда черная нача утопати, белые же похватиша и выспре вознесоша. То было такое: некий игумен не в коем монастыре да о братьих душах и о спасении их великое бреженье имел, да в них и свою душу презрел. Се же Бог откры тебе таину сию о сем».

Подобный мотив известен и в мирских притчах. К ним, в частности, относится притча о тиуне и князе, сохранившаяся в списке XIV в. под названием «Наказание тверского епископа Семена» в составе юридического сборника «Мерило праведное». В притче говорится: на пиру князь полоцкий Константин поставил перед епископом вопрос: «Где быть тиуну на оном свете?» Епископ ответил: «Где и князю». Князь удивился ответу, а епископ объяснил: «Если князь праведник, а тиун грабитель и притеснитель, не по совести судит, не заботится о людях, то тиун идет в ад и князь с ним».

Что известно нам об авторах притч?

В Ипатьевской летописи под 1205 г. рассказывается о событиях, связанных с приточником Тимофеем и «славутным» певцом Митусой (до сего времени они остаются загадочными лицами). Повествование отличается действенностью и острой социальной направленностью в освещении сословных и династических столкновений.

О приточнике говорится, что он притчами обличал венгра Бенедикта,

---

[1] Житие Феодосия Печерского//Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в.— М., 1978.— С. 336.

служившего малолетнему князю Роману, сыну знаменитого князя галицкого Даниила. Летописец пишет: «Бе бо Тимофей в Галиче премудрый книжник, отцество имеа в граде Киеве, притчею рече слово о сем томителе Бенедикте, яко в последние времена <...> бегаше бо Тимофей от лица его, бе бо (Бенедикт.— *Н. П.*) томитель бояром и гражданом, блуд твори и оскверняху жены же и черницы и попадьи»[1].

Из летописного текста остается неясным — использовал ли Тимофей своюобличительную притчу или известную ему по каким-то источникам. Это вызвало в литературоведении споры: проф. Н. П. Сидоров утверждал, что «премудрый книжник» заимствовал сюжет из «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского[2]. В то же время небезынтересно, что исследователь XIX в. Н. Головин признавал приточника Тимофея возможным автором «Слова о полку Игореве»[3].

В Ипатьевской же летописи под 6748 (1240) г. вновь упоминается о славутном певце Митусе, вставшем вместе с перемышльским епископом в оппозицию к галицкому князю Роману. Этих людей беспощадно подавили посланные князем воины во главе с дворецким Андреем, который захватил владыку и разграбил его гордых слуг, разорвал его колчаны бобровые и разодрал их шлемы волчьи и барсуковые. Далее летописец пишет: «...Славутного певца Митусу, древле за гордость не восхотевша служить князю Данилу раздраного акы связаного приведоша, сиречь, яко же рече приточник, буесть дому твоего скрушиться, бобр и волк и язвецъ снедяться, си же притчею речена быша»[4].

Летописный рассказ завершается поэтическим обобщением: «Иными словами, как сказал составитель притч: «дерзость дому твоего сокрушится, бобр, волк и барсук истребится» — так сказано в притче».

Публикаторы указывают, что источником этого изречения является «Книга премудрости Иисуса сына Сираха». Однако этого изречения в современном каноническом тексте названного источника нами не обнаружено. Как сама притча, так и эпитеты *бобровые, волчьи, барсуковые* могли восходить к какому-то другому, а именно — отечественному источнику и сочинены по его образцу. Не исключено, что в данном случае мы имеем прием, подобный тому, который использован в «Повести временных лет» при составлении сказания об обрах. Это сказание также заканчивается притчей: «И Бог потреба я, и помроша вси, и не остася ни один обрин, и есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обры: их же несть племени ни наследъка»[5].

---

[1] ПСРЛ.— Т. II.— С. 157.

[2] Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей/Под ред. В. А. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.— С. 165.

[3] Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве».— М., 1846.

[4] ПСРЛ.— Т. II.— С. 793—794.

[5] Летопись по Лаврентьевскому списку.— Спб., 1897.— С. 11.

В связи с этим остановимся на неординарной личности славутного певца Митусы, которая привлекала внимание многих исследователей. Кем он был: поэтом, церковным певчим или, как утверждали некоторые, автором «Слова о полку Игореве»? Проф. Н. П. Сидоров признавал Митусу певцом епископского дома[1]. Такая точка зрения стала доминирующей.

Однако следует нам прислушаться и к мнению И. В. Ягича, которое приводит Н. П. Сидоров: «Нельзя точно разобрать, был ли Митуса только певец княжеский или вместе с тем и поэт. В последнем случае мы имели бы в Митусе княжеского южнорусского поэта, каким был и полумифический Боян или автор «Слова о полку Игореве» (с. 173).

Более естественным представляется, что одаренная поэтическая личность совмещала в себе и то, и другое, и третье, особенно когда речь идет о песнотворцах, певцах-книжниках. Не укладывается в воображении, например, облик Даниила Заточника только сочинителем книжных произведений по его знаменитому «Посланию» («Молению»), где он с таким увлечением говорит о других видах искусства. Создается впечатление, что славутный певец Митуса если и принимал участие в церковном пении и прославился этим, то вряд ли он был человеком, посвятившим жизнь только этому. Обращает на себя внимание, что он назван не христианским именем, а прозвищем, которое в древнерусском мире давалось по характерным свойствам самого носителя этого прозвища. Имя «Митуса» говорит о человеке непоседливом, мечущемся, егозе. Таким образом, упомянутое И. В. Ягичем типологическое сходство Митусы с Бояном и даже с автором «Слова о полку Игореве» не так уж далеко от истины. Показательно также для нашего разговора, что вещий Боян песнопения совмещал с сочинением притч в форме коротких изречений, которые приводятся в «Слове о полку Игореве»: «Тяжко ти голове кроме плеч, зло ти телу кроме головы»; «Ни хитру, ни горазду суда Божьего не миновать».

Приточность свойственна и автору «Слова о полку...», много притч в поэтическом тексте древней поэмы.

Контекст указывает нам, что термин «притча» здесь синонимичен словам «пословица», «поговорка»[2]. На эту особенность обратил внимание еще Ф. И. Буслаев. «Само собой разумеется,— писал он,— что поговорки, пословицы или притчи, которыми наполнено слово Заточника, немало способствовали национальности этого произведения». Однако и в целом сказание об обрах, как и ряд других сказаний в летописи,

---

[1] См. указ. статью: Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве».— С. 168—174.

[2] В летописце Переяславля Суздальского вместо слова «притча» употреблено слово «пословица»: «Есть же пословица в Руси и до сего дни: погибоше, рече, яко обри безъ останка» (Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства.— Спб., 1861.— Т. 1.— С. 123).

носит отпечаток притчеобразности самой литературной формы. Об этом читаем далее у Буслаева: «Даниил (Заточник.— *Н. П.*), так же как и Нестор, уважает народную притчу, под которой разумелось не только нравственное изречение или пословица, но и событие, с которым, по преданиям, связывалось изречение»[1].

В самом деле, в сказании перед выводом о гибели обров (аваров) с первых слов задана нравоучительная мысль, что непомерная гордыня, бессмысленное угнетение народа, издевательство над ним и особенно над женщинами сами по себе приводят к гибели завоевателей. Нравоучительная сентенция в контексте сказания не только имеет локально-исторический характер, но и придает всему произведению широкое общечеловеческое обобщение, приводит читателя на основе ассоциативного восприятия к аналогу, а от него к аллегории или даже символу.

Многие сказания раннего отечественного летописания притчеобразны. В них крылатая фраза, сентенция вытекает из повествования и придает ему как бы символическое обобщение, выходящее за пределы конкретно-исторического случая, события.

Ф. И. Буслаев в статье «О народности в древнерусской литературе и искусстве» пишет о притчеобразности летописных сказаний: «Летописец везде, где нужно, отличает языческое от христианского; но, увлекаемый своим литературным призванием, дает значительное место народным преданиям, или, как он выражается, притчам. За неимением древнейших памятников чисто народной поэзии, достаточно одних этих сказок и притчей Несторовой летописи, чтобы составить довольно полное обозрение древнерусского народного эпоса»[2].

Далее указываются герои такого рода «притч и сказок». Это обры-великаны, Родим, Вятко, Кий, вещий Олег, мстительница и мудрейшая из жен Ольга, Святослав и Владимир. В то же время надо отметить, что не все сказания «Повести временных лет», связанные с обозначенными здесь героями, являются притчеподобными. Среди них сказание о мести Ольги древлянам, в котором нет главных признаков притчи — нравственного назидания, учительной сентенции, хотя и имеется аллегория, выраженная в форме загадки. Сказание о мести Ольги за смерть мужа по своему содержанию, сюжету и функции не годилось для нравоучения: коварство, жестокая мстительность, тем более со стороны женщины, были с древнейших времен чужды нравственным принципам народа, поскольку ему чужда была и кровавая месть.

Другие летописные сказания сохранили притчеобразность, хотя местами и не столь ярко выраженную. Укажем некоторые из них, выписав лишь опорные сентенции приточного характера и озаглавив само сказание.

---

[1] Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства.— Т. 2.— С. 95.

[2] Там же.— С. 83.

— «И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовение собе, а не мученье» (О посещении апостолом Андреем Новгорода).

— «Аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, еще не объють его» (О сборе Игорем дани с древлян).

— «Переклюкала мя еси Ольга» (О посещении Ольгой Царьграда).

— «Ты, княже, чюжая земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив» (Осада Киева печенегами).

— «Да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам» (О сражении Святослава под Переяславцем болгарским).

— «И есть притча до сего дне: беда аки в Родне» (Об убийстве Владимиром Святославичем брата Ярополка. В некоторых летописных списках добавлено: «Брат брата убил»).

— «Мы не можем забыти красоты тоя; всяк бо человек аще вкусить сладка, последи горести не приимаеть» (О принятии христианства на Руси).

— «Да луче есть на своеи земле костью лечи, нели на чуже славну быти» (Сказание о емшане).

Подобные притчеобразные сказания характерны, как уже говорилось, для ранних летописных сводов. В поздних они встречаются реже, хотя дидактизм и назидательность остаются в летописях на протяжении всей истории русской литературы XI—XVI вв.

Притчеобразность ранних летописных сказаний позволяет, таким образом, проследить путь зарождения и дальнейшего развития оригинальных мирских притч. По-видимому, можно с уверенностью утверждать, что в период становления жанров древнерусской литературы притчи-пословицы сливались с мирскими сказаниями, формируя из них постепенно и собственно притчи как жанр — повествовательные эпические произведения малой формы аллегорического содержания и назидательного назначения.

Церковь позаботилась о распространении прежде всего христианских и ветхозаветных притч, которые нашли богатое отражение не только в древнерусской литературе, но и в живописи. Имеются десятки икон и росписей как церковных, так и мирских зданий на сюжеты древних притч. Особенно широкое распространение сюжеты притч получили в живописи XV—XVII вв. Впрочем, такой интерес живописцев к притчам был характерным не только для русских иконописцев, но и для западноевропейских художников[1].

---

[1] Известный итальянский художник Доменико Фижи (1589—1624) написал цикл картин на сюжеты евангельских притч: О блудном сыне, О потерянной драхме, О злом рабе, О потерянной овце, О слепых, ведущих слепых, О непришедших на пир и др. См.: Выставка картин Дрезденской галереи: Каталог.— М., 1955.— С. 68.

В живописи не только иллюстрировались тексты самих притч — их аллегориями пользовались для наглядного изображения различных позднейших текстов библейского происхождения, наполненных символическим смыслом, в частности Псалтыри, наиболее популярной книги в Древней Руси. Ф. И. Буслаев дал блестящее описание рукописи лицевой Псалтыри, переписанной в Угличе в 1485 г. и хранящейся в ГПБ в Ленинграде (Толст. № 5 и 32). Вот что пишет Ф. И. Буслаев:

«Древнехристианское искусство пользовалось и аллегориею, только не произвольно выдуманною художником, а заимствованною из общеизвестной притчи. Углицкая рукопись предлагает нам замечательнейший образец этого рода представлений в объяснение псалму 143... Миниатюра, покрывающая боковое и нижнее поле страницы, изображает Древо жития человеческого. Внизу от единорога бежит человек к древу. Потом тот же человек стоит на ветвях древа, как подобие прельщающегося прелестями мира сего. Внизу подъедают корень дерева того две мыши, белая и черная, с подписями на одной: День, на другой: Нощь. Еще ниже — пропасть, из которой поднимает свою пасть огненный адский змий...

Эта притча во всей подробности с толкованием была известна нашим предкам из 12-й главы Повести о Варлааме и Иоасафе, откуда издавна помещалась уже в древнейших списках Прологов под 19 числом ноября... Притча О инороге, пропасти, дереве и о двух мышах принадлежит к тем, которыми Варлаам украшал свои назидательные беседы с индийским царевичем»[1].

В качестве одного из многих примеров можно еще указать на икону первой половины XVI в. на сюжет популярной притчи О слепце и хромце, хранящуюся в Русском музее. В иконе три яруса. Средний состоит из трех изображений: 1) Христос нанимает сторожей у входа в сад; 2) Слепой и Хромой крадут плоды; 3) ангел прогоняет их из сада; нижний ярус — возмездие за грехи стяжательства (недостойных сторожей ангел препровождает в ад); верхний ярус — Христос в (славе) с архангелами и молящимися ему грешниками[2].

Среди библейских притч, которые имели зачастую самостоятельное распространение, следует отметить наиболее популярные на Руси: О блудном сыне, О потерянной овце, О слепце и хромце, О бедном и богатом, О ленивом рабе, зарывшем в землю талант, и др. Среди приточных сборников — Книгу притчей Соломоних и Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова. Эти библейские книги представляют собой сборники нравоучительных изречений и не содержат назидательных эпических сюжетных повествований. Религиозно-назидательная окраска

---

[1] Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства.— Т. 2.— С. 207—208. См. также с. 201, примеч.

[2] См.: Картины Государственного Русского музея: Альбом.— Вып. 1.— М., 1976.

всех ветхозаветных и новозаветных притч является доминирующей.

Широкое распространение на Руси получили также притчи, входившие в состав восточных переводных повестей. В основном эти притчи восходят к произведениям индийской и арабской литературы. Особой популярностью пользовались притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе[1], известной на Руси в XII—XIII вв., и книги притч «Стефанит и Ихнилат»[2],— в XV в.

Первая повесть дала многие притчи, которые входили в состав различных рукописных сборников, особенно в Прологи. Из них известностью пользовались притчи О ловце и славии, О временном житии, О дне и ночи, Об инорозе, О животе и смерти и другие. Эти притчи были приспособлены к христианским воззрениям и носили явно выраженные идеи христианской нравственности.

Притчи из книги «Стефанит и Ихнилат» были светскими, они выполняли иную нравоучительную функцию, отвечающую запросам мирской народной жизни. Среди самостоятельно распространявшихся притч можно назвать Об обезьяне и дровосеке, О льве, змии и пифике. В общий поток мирских притч в XVII в. вливаются три различных перевода притч Эзопа (260 притч)[3].

Оригинальных мирских и церковных притч, разбросанных по различным сборникам, довольно много в русской литературе XII—XVII вв. Одни из них возникли в результате переработки библейских и евангельских притч, как это имело место в сочинениях Кирилла Туровского (например, притчи О слепце и хромце, О человеческой душе и телеси). Максимом Греком были написаны оригинальные притчи, в которых использовались сюжеты из византийской и западноевропейской литератур: О птице неясыти, О яйце, О младом отрочище, О птице именем алканост, О птице голубе и незлобивой душе и др. Особый интерес представляют притчи, созданные в результате обобщения жизни русского феодального общества и отечественной истории. К таким относятся уже упоминавшиеся летописные повествования О емшане, О хмеле и пьянстве, О князе и тиуне, О корыстолюбце, О черных и белых птицах и др.

Нередко широкоизвестные притчи, как, например, евангельская притча О талантах, редуцировались в древнерусских произведениях до простого сравнения, короткой цитаты или даже образа. Так, Сергий Радонежский обращается к братии: «Молите, братие, о мне: гроубости

---

[1] См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе/Пер. с араб. акад. В. Р. Розена; Под ред. и с введением акад. И. Ю. Крачковского.— М.; Л., 1947; Повесть о Варлааме и Иоасафе/Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой.— Л., 1985.

[2] См.: Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков/Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье; Пер. с греч. Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской.— Л., 1969.

[3] См.: Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста: Спецкурс.— Л., 1975.

бо и неразоумиа исполнен есмь, талант приахь Вышняго Царя, о нем же и слово отдати ми есть о пастве пещись словесных овець... оуслышу ли сии божественыи глас гръним и нижним пастыря великаго Господа, благосръдне вещающа: Благии рабе, верне! Вниди в радость Господа своего»[1].

Другие притчи, наоборот, обрастали толкованиями, изъясняющими не только поверхностный назидательный смысл, но и глубинный богословский. При этом подчас толкование по своим литературным достоинствам не уступало притче, как это было в произведениях Кирилла Туровского. Из горчичного зерна произрастала и распускалась удивительными цветами древнерусской риторики пышная крона толкования на известный сюжет.

Притчи оригинальные и переводные, мирские и библейские, летописные и авторские, притчи-пословицы, притчи-басни...

Особую прелесть являют собой древнерусские притчи-загадки, разбросанные по многочисленным сборникам, часто записанные быстрым росчерком на полях, на чистых листах, в конце книги.

Нередко притчеобразные сочинения самого переписчика неожиданно появляются внутри текста. Переписчик вдруг, нарушая текст, обращается к читателю: «За тыном пьют, а нас не зовут. Пожелай ми, Господи, пива сего напитися». Запись в конце Пролога: «А писал Козьма дьяк поповиць грабящима рукама, клеветливым языком, обидливым очима». Запись на полях: «Бог, дай съдоровие къ сему богатию». «Что кунъ — то все в калите, что портъ — то все на тебе, удивися убожие — смотря на мене». Такие записи чаще всего встречаются у новгородских и псковских переписчиков книг. От них веет простонародностью, задушевностью, лукавством.

Если принимать во внимание самые существенные, самые характерные свойства и признаки жанра и не учитывать отклонений от них — хотя и понимая, что некоторые отклонения, повторяясь в многочисленных произведениях того или иного жанра, сами по себе создают уже определенные жанровые разновидности[2],— то в древнерусской литературе следует обозначить такие ведущие жанры: повесть, сказание, хожение, житие, притча, беседа, плач, поучение (слово), послание-эпистолия, лиро-эпическая песнь, видение, чудо, знамение. Одни из этих жанров имели самостоятельное распространение (повесть, хожение, сказание, житие, послание, поучение), другие и самостоятельное, и в качестве вставной формы (вставной «новеллы») входили в состав

---

[1] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвально ему слово//Сообщ. архим. Леонида.— Спб., 1885.—С. 73—74.

[2] См.: Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров в русской литературе XI—XVI веков//Литература Древней Руси.— М., 1975.

другого жанра (плач, видение, чудо, знамение). Среди них и многообразная, богатая формой притча.

Если все основные жанры расположить в определенной системе, созданной на основе средневекового мировоззрения, то увидим, что одни из них предназначались для непосредственного, прямого отражения жизни, реальных исторических событий и лиц. Такими жанрами будут повести, хожения, жития, сказания, отчасти плачи, послания и лиро-эпические песни. В них мы обнаруживаем прямой, непосредственный, порой наивный историзм содержания.

Другие жанры отражают иные потребности исторической жизни: во-первых, изобразить сверхприродную и сверхисторическую жизнь, во-вторых, абстрагировать до широких житейских обобщений и конкретизировать в символах или аллегориях жизненные явления. В первом случае такие цели реализуются в *видениях, знамениях* и *чудесах*, во втором — в притчах.

Притчи находятся в промежуточном положении в жанровой иерархии. Они располагаются между двумя полярными группами жанров — «заземленными» и «чудесными».

Различные группы жанров требовали и разных способов литературного обобщения, каждый из которых, становясь ведущим, закреплялся за определенными жанрами, а именно: правдиво-документалистическое, идеализированное, символическое и аллегорическое.

Притча как один из жанров Древней Руси, объектом которого являлись вопросы нравственности и назидательности, прибегала, как известно, к аллегорическому способу художественного обобщения. В притче, в отличие от видений, знамений, чудес, нет таинственности, нет ничего чудесного, она проста, а назидательность ее определена. Ее аллегория или сама раскрывает себя, или раскрывается повествователем, но раскрывается так, что устраняются какие-либо различные толкования ее смысла, как это бывает в толковании символических образов.

Изображение персонажей христианской мифологии и их появления в земном мире через чудесные жанры, в которых выражалось таинственное Богообщение, не нуждалось в идеализации, так как сам объект был недосягаемо идеальным, чудесным. Иное дело прославленные исторические лица, приобщенные к «святости» и послужившие объектом изображения в житийной литературе. Поэтому жития святых и князей создавались на основе идеализированного художественного обобщения. В облике святого воплощался прежде всего идеал нравственно-религиозной жизни, образец и норма высшей человеческой святости.

В видении и знамении жизнь отражалась в символических образах. Следует при этом оговориться, что речь идет не о христианских символах, возникших на основе символов веры и получивших распространение в культовом искусстве: христианские символы, хотя и несут в себе религиозную таинственность, четко ограничены своим значением, они

однозначны. Символы в литературе всегда воспринимаются неоднозначно, они несут в себе загадочную таинственность, рассчитанную на размытость и интуитивизм восприятия. Поэтому таинственны, загадочны образы видений, знамений, чудес. В них воплощались представления о силах, перед которыми люди могут испытывать чувства тревожного беспокойства и даже подсознательного страха. Поэтому художественное обобщение в этих жанрах можно признать символическим.

Разумеется, когда мы говорим о различных принципах литературного обобщения, применяемых в различных жанрах, то имеем в виду наиболее общие, самые характерные закономерности во взаимосвязях древнерусского жанра и своеобразия отображения жизни.

В ряде случаев такие взаимосвязи будут в какой-то мере нарушаться, в произведении одного жанра совмещаются различные принципы художественного обобщения. В «Слове о полку Игореве», например, совмещены документально-правдивый, идеализированный и символический принципы, но ведущим остается документально-правдивый. В «Житии Феодосия Печерского» господствующей является художественная идеализация, хотя в обрисовке, например, матери святого использован принцип документально-правдивый.

В исторических воинских повестях, повестях о княжеских преступлениях изображение событий документализируется. Но в этом жанре допускаются наслоения чудесного, включается изображение высших сил в форме видений или знамений. В паломнических хожениях также могут иметь место рассказы о легендарных событиях и лицах, но эти эпизоды передаются как предания исторической жизни, сообщенные в связи с описанием тех или иных христианских мест и святынь.

Притчи в системе жанров выполняли свою роль в общем литературно-эстетическом комплексе, который обслуживал различные сословия и классы Древней Руси. Они утверждали прежде всего нравственные идеи, вызывали интерес к самой аллегорической иллюстративной форме и доставляли при этом эстетическое удовлетворение. Круг проблем нравственности и поведения человека, который отразился в притчах, исключительно широк и многообразен. Через притчи утверждались идеи религиозно-нравственного поведения. Трудовой народ внес свою лепту в создание притч, наполняя их аллегориями, основанными на своем многовековом житейском опыте. Эти притчи, порожденные народными чаяниями и побуждениями, представляют особый интерес для понимания литературных форм и усвоения литературно-художественного опыта отошедших времен и ушедших поколений.

В целом жанровая система древнерусской литературы складывалась в течение XI—XII вв. В это время сформировалась и древнерусская притча, и ее основные жанровые разновидности.

На этом, разумеется, процесс формирования жанров не остановился, он непрерывно развивался на протяжении всей истории древнерусской литературы, жанровая система совершенствовалась новыми

видами жанровых образований. Значительная ломка жанровой системы древнерусской литературы начиналась в конце XV—XVI вв. и затем интенсивно происходила в XVII в. Городской посад и казацко-крестьянская среда в XVII в., столь сильно заявившие о себе в «бунташное» время, смеялись над средневековой системой взглядов, а заодно и над литературными формами, сложившимися в соответствии со средневековой системой взглядов. В XVII в. пародировались и тем самым отвергались многие жанры, связанные с церковью и пропагандировавшиеся ею. Петровская эпоха принесла новую систему взглядов — рационалистическую по своей сущности. Это вызвало потребность создания жанров, отвечающих новым запросам исторической жизни. Древнерусские жанры пересматривались, одни из них как обветшалые отстранялись, другие перелицовывались и принимали новые формы, третьи оказывались пригодными к новым условиям, но также подвергались частичным изменениям.

Новая мировоззренческая система в первую очередь устранила «чудесные» жанры — видения, чудеса, знамения, которые являлись классическим образцом средневековой системы взглядов и которые были не пригодны в новых исторических условиях. Видения, чудеса и знамения исчезли из литературы как жанры, однако остались в ней вплоть до наших дней в качестве художественного приема.

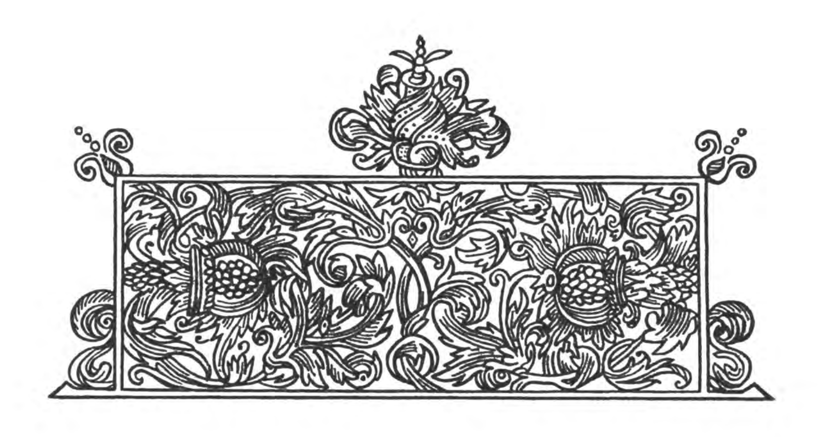
Иначе обстояло дело с притчами. Они оказались необходимыми и в новых исторических условиях, будь то мирские или библейские притчи. Жанр притч с его нравоучительной художественной функцией продолжал свою жизнь и сохранил даже древнее название *притча*, которое будет употребляться на протяжении всего XVIII в. и даже в начале XIX в.: когда появятся басни Крылова, некоторые писатели по традиции будут их именовать притчами. Стремление к аллегории, тяготение к форме древней притчи, к притчеобразным сюжетам можно обнаружить у многих авторов нового времени. Ими восторгался Н. В. Гоголь, вдохновлялся А. С. Пушкин. В письме 14 апреля 1831 г. из Москвы в Петербург поэт признавал необходимость чтения писателями древнерусских житий святых и исторических преданий, в состав которых входили и притчи, просил П. А. Плетнева передать В. А. Жуковскому: «Если все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах: прелесть простоты и вымысла»[1].

Н. И. Прокофьев

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. X: Письма.— М.; Л., 1951.— С. 317.

Притча оригинальная и переводная



I

Евангельские притчи

О сеятеле

Изыде сеяи сеяти семене своего. И егда сеяше, ово паде при пути и попрано бысть, и птиця небесныа позобаше е. А другое паде на камени и прозяб оусше, зане не имяше влаги. И другое паде посреде терниа, и възрасте терние, и подави е. Другое же паде на земли благе, и прозяб сътвори плод сторицею».

Сия глаголя, възгласи: «Имеяи оуши слышати, да слышит». Въпрашаху же Его оучиницы Его, глаголюще: «Что есть притча сиа?»

Он же рече: «Вам есть дано ведати таины Царствиа Божиа, прочим же в притчях, да видяще не видят, и слышаще не разумеют. Есть же сиа притча. Семя есть слово Божие. А иже при пути, суть слышащеи, потом приходит диавол и вземлет слово от сердца их, да не веровавше спасутся. А иже на камени, иже егда оуслышят, с радостию приемлют слово. И сии корене не имут, иже въ время веруют, и въ время напасти отпадают. А иже

в тернии падшее, сии суть слышавшеи, и от печали и богатьства и сластьми житеискими ходяще подавляются, и не съврьшяют плода. А иже на добреи земли, сии суть иже добрым сердцем и благом слышавше, слово дръжат и плод творят в трьпении».

О Царствии Небесном

Ину притчю предложи им, глаголя: «Оуподобися Царствие Небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем. Спящем же человеком, прииде враг его, и всеа плевелы посреде пшеница, и отиде. Егда же прозябе трава и плод сътвори, тогда явишася и плевелие. Пришедше же рабы господина, решя ему: «Господин, не доброе ли семя сеял еси на селе своем, откуду оубо имать плевелы?» Он же рече им: «Враг человек се сътвори». Раби же решя ему: «Хощеши ли оубо да шедше исплевем я?» Он же рече им: «Ни. Да некогда въстръгающе плевелы, въстръгнете купно с ними и пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы, и в время жатвы реку жателем: съберете первее плевелы и свяжите их в снопы, яко съжежти я. А пшеницу съберете в житницу мою».

Ину притчу предложил им, глаголя: «Подобно есть Царствие Небесное зрьну горушичну, еже взем человек, всеа на селе своем, еже малеише оубо есть от всех семен. Егда же възрастет, более всех зелии есть, и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его».

Ину притчю глагола им: «Подобно есть Царствие Небесное квасу, иже вземши, жена съкры в мучных сатех три, дондеже въскисошя вся».

Сия вся глагола Исус в притчах народом, и бес притча ничесо же глаголаше к ним, яко да сбудется реченное пророком, глаголющим: «Отврьзу в притчах оуста моя, отрыгну съкровеная от сложениа миру». Тогда оставль народы, прииде в дом Исус.

И приступишя к нему оученицы его, глаголюще: «Скажи нам притчю плевел селных». Он же отвещав рече им: «Всеавыи доброе семя есть Сын Человеческии. А село есть мир. Доброе же семя сии суть сынове Царствиа. А плевели суть сынове неприазниннии. А враг, всеавыи их, есть диавол. А жатва кончина века есть. А жателе аггели суть. Яко же оубо събирают плевел и огнем съжиза-

ют, тако будет в скончание века сего. Послет Сын Человеческии аггелы своа, и съберут от Царствиа его вся съблазны и творящая безаконие, и ввергнуть их в пещь огнену. Ту будет плачь и скрежет зубом. Тогда праведницы просветятся, яко солнце в Царствии Отца их. Имеаи оуши слышати, да слышит.

Пакы подобно есть Царствие Небесное съкровищу, съкровену на селе, еже обрет человек, съкры, и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то.

Пакы подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрыа бисеры, иже обрете един многоценен бисер, шед, продаст все, елико имяше, и купи его. Пакы подобно есть Царствие Небесное неводу, ввержену в море, и от всякого рода събравшу, иже егда исполнися, извлекоша и на краи, и седше, избрашя добрыа в сосуды, а злыя извергошя вон. Тако будет в скончание века. Изыдут аггели, и отлучят злыя от среды праведных, и ввергнут их в пещь огнену. Ту будет плачь и скрежет зубом».

Глагола им Исус: «Разуместе ли сиа вся?» Глаголашя

ему: «Еи, Господи». Он же рече им: «Сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от съкровища своего новая и ветхая».

О нанятых в виноградник работниках

Подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту, иже изыиде купно оутро наяти делателя в виноград свои. И совещав с делатели по пенязю на день, посла их в виноград свои. И изшед в третии час, виде ины, стоащя на тръжищи праздны, и тем рече: «Идете и вы в виноград мои, и еже будет правда, дам вам». Они же идоша. Пакы же изшед в шестый час и девятый час, сътвори такожде. В единый же на десяте час изшед, обрете другыя, стояща праздны, и глагола им: «Что зде стоите весь день праздны?» Глаголаша ему: «Яко никто же нас наят». И глагола им: «Идете и вы в виноград мои. И еже будет праведно, приимете». Вечеру же бывшу, глагола господин винограда к приставнику своему: «Призови делателя и даждь им мзду, начен от последних до первых». И пришедше иже в единыи на десяте час прияша по пенязю. Пришедше же первии, мнеху вяще прияти. Прияшя и тии по пенязю. Приемше же роптаху на господина, глаголюще: «Яко сии последнии един час сътвориша, и равны нам сътворил их еси, понесшим тяготу дне и вар». Он же отвещав, рече единому их: «Друже, не обижу тебе. Не по пенязю ли совеща со мною? Возми свое и иди. Хощу же и сему последнему дати, яко же и тебе. Или несть ми лсть сътворити, еже хощу, в своих ми. Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь».

Тако будут последнии прьви и первии последни. Мнози бо суть звани, мало же избранных.

О милосердном самарянине

«Человек некий схождаше от Иерусалима в Иерихон, и в разбойникы впаде, иже съвлекше его и язвы възложивше отидошя, оставльше еле жива суща. По случаю же священник некии схождаше путем тем, и видев его, мимо иде. Токожде же и левит быв на том месте, пришед и видев, мимо иде. Самарянин же некто грядыи, прииде на него, и видев его милосердова, и приступль обяза

струпы его, възливая масло и вино. Всадив же его на свой скот, приведе его в гостинницу и прилежанием. И наоутриа изшед, изем два сребреника, даст гостиннику, и рече ему: «Прилежи ем, и еже аще приидивеши, аз, егда възвращуся, въздам ти». Кто убо от тех триех ближнии мнит ти ся быти впадшему в разбоиникы?»

Он же [законник некии] рече: «Сътворивыи милость с ним».

Рече же ему Исус: «Иди и ты, твори такожде».

О бесплодной смоковнице

Приидошя же неции в то время поведающе ему о галилеих, их же кровь Пилат смеси с жрътвами их. И отвещав Исус, рече им: «Мните ли, яко галилеане сии грешнеиши паче всех галилеан бяху, яко тако пострадашя? Ни, глаголю вам, но аще не покаятеся, вси такоже погыбнете. Или они осмнадесяте на них же паде столп силоамъскии, и поби их. Мните ли яко тии длъжнеиши беху паче всех живущих в Иерусалиме? Ни, глаголю вам, но аще не покаетеся, вси такожде погыбнете». Глаголаше же сию притчю: «Смоковницу имяше некии в винограде своем всаждену. И прииде, ища плода на ней, и не обрете. Рече же к винареви: «Се третие лето, отнели же прихожду, ища плода на смоковници сей, и не обретаю. Посеци ю оубо, въскую и землю оупражняет». Он же отвещав, рече ему: «Господин, остави ю и се лето, донъдеже окопаю окрест еа, и осыплю гноем, и аще оубо сътворит плод, аще ли же ни, въ грядущее посечеши ю».

О званых на вечерю

Глаголаше же [Исус] и к звавшему его: «Егда сътвориши обед или вечеру, не зови друг своих, ни братия твоя, ни сродник твоих, ни съсед богатых. Еда коли и тии тя такоже въззовут, и будет ти въздаание. Но егда твориши пир, зови нищая, маломощи, хромыа, слепыа, и блажен будеши, яко не имут, что въздати. Въздастъ же ти ся в въскресение праведных». Слышав же некии от възлежащих с ним сиа, рече ему: «Блажен, иже снесть обед в Царствии Божии».

Он же рече ему: «Человек некии сътвори вечеру велию, и зва многы. И посла раб свой в год вечеря, рещи

званным, грядете, яко оуже готова суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первые рече ему: «Село купих, имам нужду изыити и видети е. Молю ти ся имей мя отречена». И другии рече: «Супруг въловных купих пять, и гряду искусити их. Молю тя, имеи мя отречена». И другии рече: «Жену поях, и сего ради не могу приити».

И пришед раб той, поведа господину своему сия. Тогда разгневався дому владыка, рече рабу своему: «Изыди скоро на распутия и стогны града и нищая, и бедныа, и слепыа, и хромыа введи семо». И рече раб: «Господин, бысть, яко же повеле, и еще место есть». И рече господин к рабу: «Изыди на пути и халугы и убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужии тех званых вкусит моя вечеря. Мнози бо суть звани, мало же избранных».

О погибшей овце

Кии человек от вас имы сто овец и погубль едину от них, не оставит ли девять десят и девять в пустыни

и идет в след погибъшаа, дондеже обрящет ю. И обрет възлагает на раме свои радуяся. И пришед в дом, съзывает другы и съседы, глаголя им: «Радуйтеся со мною, яко обретох овцу мою погибшую».

Глаголю вам, яко тако радость будет на небеси о едином грешнице кающемся, нежели о девять десятих и девять праведъник, иже не требуют покаания.

О потерянной драхме

Или каа жена, имущи десять драхм, аще погубит едину драхму, не вжизает ли светилника и пометет храмину и ищет прилежъно, дондеже обрящет. И обретши съзывает другыня и съседы, глаголюще: «Радуитеся со мною, яко обретох драхъму погибшую».

Тако, глаголю вам, радость бывает пред аггелы Божии о едином грешнице кающимъся.

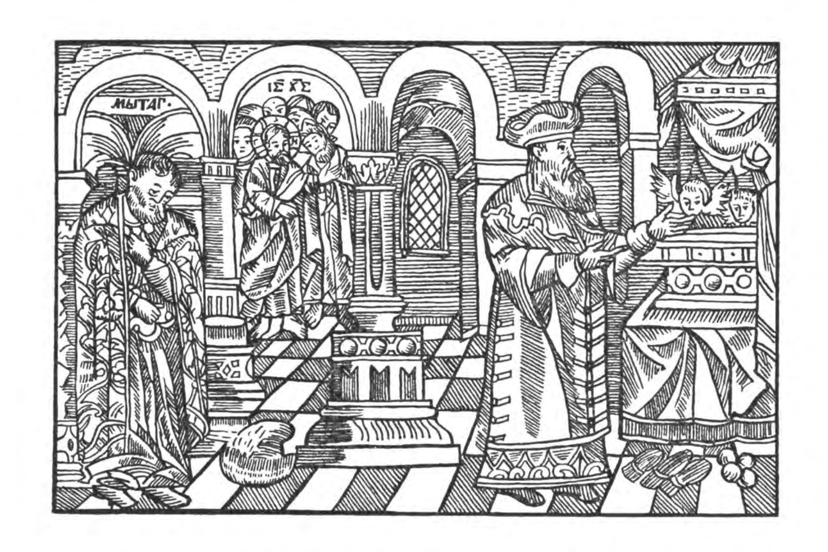
О блудном сыне

Человек некии име два сына. И рече юнеишии отцу: «Отче, даждь ми достоиную часть имениа». И раздели има имение. И не по мнозех днех събрав все мнии сын отиде на страну далече, и ту расточи имение свое, живы блудно. Изжившу же ему все, бысть глад крепок на стране той, и той начат лишатися. И шед, прилепися единому от житель тоа страны. И посла его на села своя пасти свиния. И желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядяху свиния. И никто же дааше ему. В себе же пришед, рече: «Колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю. Встав, иду к отцу моему и реку ему: «Отче, съгреших на небо и пред тобою, и оуже несмь достоин нарещися сын твой. Сътвори мя яко единого от наемник твоих». И встав иде к отцу своему. Еще же ему далече сущу, оузре его отец его и мил ему бысть. И тек нападе на выю его, и облобыза его. Рече же ему сын: «Отче, съгреших на небо и пред тобою и оуже несмь достоин нарещися сын твой». Рече же отец к рабом своим: «Изнесете одежду первую и облецете его, и дадите пръстень на руку его, и сапогы на нозе. И приведъше телец оупитанныи, заколите, и ядъше веселимся, яко сын мой сей мертв бе и оживе, и изгибл бе и обретеся». И начаша веселитися. Бе же сын его стареи на селе.

И яко гряды приближися к дому, слыша пениа и ликы. И призвав единого от отрок, въпрашаше, что оубо сия суть. Он же рече ему: «Яко брат твой прииде, и закла отец твой телец оупитанный, яко здрава его прият». Разгневав же ся, и не хотяше внити. Отец же его изшед, моляше его. Он же отвещав, рече отцу: «Се толико лет работаю тебе и николи же заповеди твоя преступих, и мне николи же дал еси козляте, да с другы своими възвеселилъся бых. Егда же сын твой сей изедый твое имение с любодейцами, прииде, закла ему телец питомыи». Он же рече ему: «Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть. Възвеселити же ся и възрадовати подобаше, яко брат твой сей мертв бе и оживе, и изгибл бе и обретеся».

О богатом и Лазаре

Человек некий бе богат и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто именем Лазаръ, иже лежа пред враты его гноин и желаше насытитися от крупиц, падающих от трапезы богатаго. Но и пси приходяще облизаху гной его. Бысть же оумрети нищему, и несену быти аггелы на лоно Авраамле. Оумрет же и богатыи, и погребошя его. И в аде възвед очи свои, сыи в муках, оузре Авраама издалече и Лазаря на лоне его. И той възглашает, рече: «Отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и оустудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Рече же Авраам: «Чадо, помяни, яко въсприял еси благая твоя в животе твоем и Лазаръ такоже злая. Ныне же оутешается, ты же страждеши. И над всеми сими, между нами и вами пропасть велика утвердися, яко хотящеи преити отсюду к вам, не возмогут, ниже оттуду к нам преходят». Рече же: «Молю тя убо, отче, да послеши его в дом отца моего, имам бо пять братия, яко да засведетельствует им, да не и тии приидут на место се мучное». Глаголат ему Авраам: «Имут Моисеа и пророкы, да послушают их». Он же рече: «Ни, отче Аврааме, но аще кто от мертвых идет к ним, покаются». Рече же ему: «Аще Моисеа и пророкы не послушают, ни аще кто от мертвых въскреснет не имут веры».



О судье неправедном

Глаголаше же и притчю к ним, како подобает всегда молитися и не стужати си, глаголя: «Судия бе некии в некоем граде, Бога не боася и человек не срамляася. Вдова же некая бе в граде том и прихождаше к нему, глаголющи: «Отмсти мне от съпреника моего». И не хотяше на долзе времени, последи же рече в себе: «Аще и Бога не боюся, и человек не срамляюся, но зане творит ми труды вдовица сия. Отмщу ея, да не до конца приходящи застоите мене». Рече же Господь: «Слышите, что судии неправде глаголет, Бог же не имать ли сътворити отмщение избранных своих, въпиющих к нему днь и нощь, и длъго трьпит о них. Глаголю вам, яко сътворит отмщение их вскоре. Обаче сын человеческии пришед, оубо обрящет ли си веру на земли».

О мытаре и фарисее

Человека два внидоста в церковь помолитися: един фарисей, а другии мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: «Боже, хвалу тебе въздаю, яко несмь яко же прочии человецы: хищницы, неправедъницы, прелюбодее, или яко же сей мытаръ. Пощуся два краты в суботу, десятину даю всего, елика притяжу». Мытарь же издалече

стоя, не хотя ни очию възвести на небо, но биаше перси своа, глаголя: «Боже, милостив буди мне, грешному».

Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой, паче оного. Яко всяк възносяися смирится, смиряаи же себе, вознесется.

О рабе верном и о рабе злом

Кто оубо есть верныи раб и мудрыи, его же поставит господин его над домом своим, еже даати им пищу в время их? Блажен раб тои, его же пришед господин его, обрящет тако творяща. Аминь, глаголю вам, яко над всем имением своим поставит его. «Аще ли же,— речет злыи раб тои в сердци своем,— коснит господин мои приити»,— и начнет бити клевреты своя, ясти же и пити с пианицами. Придет господин раба того в день, вонь же не чает, и в час, вънь же не весть, и протешет его полъма, и часть его с неверными положит. Ту будет плач и скрежет зубом.

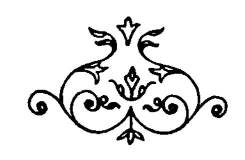
О десяти девах

Тогда уподобится Царствие Небесное десяти девам, яже прияшя светилники своя и изыдошя в сретение жениху. Пять же бе от них мудры и пять юродивы. Юродивыя же приемше светилникы своя, не взяшя с собою елеа. Мудрыя же прияшя елеи в сосудех с светилникы своими. Коснящу же жениху, въздремашяся все, и спаху. Полунощи же вопль бысть: «Се жених грядет, исходите в сретение его». Тогда вставше все девы ты и оукрасиша светилникы своя. Юродивыя же мудрым решя: «Дадите нам от масла вашего, яко светилницы наши оугасают». Отвещашя же мудрыя, глаголюще: «Еда како не достанет нам и вам. Идите же паче к продающым и купите себе». Идущим же им купити, прииде жених. И готовыа внидоша с ним на бракы, и затворени быша двери. Последи же приидоша и прочаа девы, глаголюще: «Господи, Господи, отверзи нам». Он же отвещав, рече: «Аминь, глаголю вам, не вем вас».

Бдите оубо, яко не весте дне и часа, вонь же Сын Человеческии приидет.

О талантах

Яко же бо человек некий отходя, призва своя рабы и предаст им имение свое. И овому оубо даст пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силе его, и отиде абие. Шед же приемый пять талант, дела в них, и сътвори другыа пять талант. Такожде же и иже два, приобрете и тои другая два. Приемыи же един, шед, вкопа его в землю, и съкры сребро господина своего. По мнозе же времени прииде господин раб тех, и стязася с ними о словеси. И приступль пять талант приемыи, принесе другыа пять талант, глаголя: «Господи, пять талант ми еси предал, и се другыа пять талант приобретох ими». Рече же ему господь его: «Добрыи рабе, благии и верныи, о мале бысть верен, над многыми тя поставлю, вниди в радость господа своего». Приступль же и иже два таланта приемыи, рече: «Господи, два таланта ми еси предал, се другая два таланта приобретох има». Рече же ему господь его: «Добрыи рабе, благии и верныи, о мале бысть верен, над многыми тя поставлю. Вниди в радость господа своего». Приступль же и приемыи един талант, рече: «Господи, ведех тя, яко жесток еси человек. Жнеши, оудуже не сеял еси, и събираеши, оудуже не расточил еси. И оубоявся шед съкрых талант твои в земли, и се имаши твое». Отвещав же господь его, рече ему: «Лукавыи рабе и ленивыи, ведяше, яко жну, идеже не сеях, и събираю, оудуже не расточих. Подобаше оубо тебе вдати сребро мое тръжником, и пришед аз, взял бых свое с лихвою. Възмете оубо от него талант и дадите имущему десят талант. Имущему везде дано будет и преизбудет. От неимущаго же, и еже мнится имеа, взято будет от него. И неключимаго раба ввръзете в тму кромешнюю, ту будет плач и скрежет зубом».



Притчи из Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского

О милосердном царе и безжалостном заимодавце

Ꙋподобися Царство Небесное человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими.

Толкование. Разум оубо притчи сея оучит нас прощати согрешающым нам, паче же и аще прощение требующе они припадают. А еже подробну поведают притчю единаго есть Христов оум имущаго. Обаче же и мы приложим рещи: царство есть слово Божие. Обаче же не неких малых царство, но небесем. Ꙋподоби же ся царю — воплощься нас ради и подобием человеческим быв. Слагает же слово с рабы своими, яко благ судя им, не без суда бо моучит, немилостиво бо есть се.

Наченшу же емоу стязатися, приведоша емоу единаго должника тмою талант. Неимущему же емоу воздати, повеле господь продати его, и жену его, и чада, и вся елика имеяше, и отдати емоу.

Толкование. Тмам талантом должници мы, яко на всяк день благая приемлюще, ни едино дело благо воздающе Богу. И паки должници тмам талантом соуть, иже предстание людей приимше, и человек многих, каждо бо человек талант есть, по глаголющему, яко велие дело человек. Начальство же человек приемшии, и добре не исправляющии, слово воздают от них и стязани боудут. А еже продати должника с женою и чадами и всем имением, являет очюждение его от Бога. Продаваем бо веде иного владыки бывает раб, сиречь диавола. Разумей же и женоу, плоть быти, яко спряжене соущи с душею. Чадо же — дела, деемая зле с душею и телом. Повелеват

же дати плоть сатане в наказание, сиречь недоугу или страсти бесовской предане быти. И чада иже соуть деяния злая, якоже рещи есть нечия рука крадущи, такову роуку Бог изсушает или развращает неким бесом. Се оубо есть жена плоть, и чада — деяния злая. Предан же боудет человек он озлоблению, да Духом спасется. К тому бо не действовати имать крадьбою. Тако же и о прочих разумей.

Пад оубо раб той, кланяшеся емоу, глаголя: «Господи, потерпи на мне, и вся ти воздам». Оумилосердив же ся господь раба того, прости и, и долг отпусти емоу.

Толкование. Виждь зде покаяния силу и милосердие Господне. Поклонение бо покаяния сотвори раба оного спастися от зла. Стоя бо и непадая в покаяние, стоит крепко в злобе и непрощен есть. Человеколюбие же Божие прости до конца долг, иже ни конечно прощение просящему рабоу, но урок времени. Разумей же прочее, яко множайшая дает Господь, паче их же просим. Понеже

толико есть человеколюбие Божие, яко и оно еже мнится жестоко, еже повеле продати его, не жестотою рече, но да смирит раба и сотворит его на мольбу и на покаяние обратитися.

Изъшед же раб той, обрете единаго от клеврет своих, иже бе должен емоу стом пенязь. И ем его давляше, глаголя: «Отдаждь ми, им же ми еси должен». Пад оубо клеврет его на нозе, моляше его, глаголя: «Потерпи на мне и вся воздам ти». Он же не хотяше, но вед всади его в темницу, дондеже воздаст должное.

Толкование. Изшед оубо прощение приемый, оудавляет раба. Никто же оубо в Бозе пребываяи немилостив есть, но изшедый от Бога и чоуждь от него быв. Зри же толикое безчеловечество: тме бо талант прощение прием, о сто динарии не помилова весма, ни пождание даде. Еже бо и сей раб его такова же словеса глаголаше емоу, воспоминая емоу, ими же и он прощение получи: «Потерпи на мне,— рече,— и вся воздам ти».

Видевше же клеврети его бывшая, съжалиша си зело и пришедше сказаша господину своему вся бывшая.

Толкование. Возвестницы сии ненавистни лукавству и благолюбиви являются. Сии бо с рабы, лукаваго оного раба не яко неведящу господеви сия возвещают. Но ты да разумееши, яко ангели соуть позорницы наши и колико стужают си о неправде.

Тогда призвав его господин его, глагола ему: «Рабе лукавыи, весь долг он отпустих тебе, понеже оумоли мя. Не подобаше ли и тебе помиловати и клеврета своего, яко же и аз тя помиловах?» И прогневася господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой.

Толкование. Отвещевает человеколюбия ради владыка рабу лукавому, яко да явит, яко не сам Господь оудерживает благодать свою, но суровство и неблагоразумие раба. Коим же мучителем предает его, силам соущим за моуками, якоже вечно моучиму быти. Еже бо глаголет «дондеже воздаст должное», се назнаменует: дотоле моучитися, дондеже воздаст. Обаче же николи же не имать воздати, сиречь по долгу достойныя моуки, николи же не съвершит: несть бо во аде исповедания.

Тако и Отец мой небесный сотворит вам, аще не отпустите кождо брату своемоу от сердец ваших прегрешения их.

Толкование. Не рече зде: «Отец ваш», но «Отец мой». Недостойни бо соуть таковии Бога Отца имети. От сердца же хощет оставляти, а не оустнами токмо. Разумей же, колико зло есть злопомнение, елико и Божию благодать отвратити. Еже бо и нераскаянная соуть дарования Божия, обаче же злоба отвращает.

О двух сыновьях

Человек некто имяше два сына. И пришед к первому, рече: «Чадо, иди днесь делай в винограде моем». Он же отвещав, рече: «Не хощу». Последи же раскаявся, иде. И пристоупль к другому, рече такожде. Он же отвещав, рече: «Аз, господи, иду», и не иде. Кии от обою сотвори волю отчю? Глаголаша емоу: «Первый». Глагола им Исус: «Аминь, глаголю вам, яко мытари и любодейцы [пред]варяют вы в Царствии Божии. Прииде бо к вам Иоанн Креститель путем праведным, и не вероваете емоу. Мытари же и любодеицы вероваша емоу. Вы же видевше не раскаястеся последи веровати емоу».

Толк. Два чина зде приводит: един оубо исперва обещавающимся, якови же бяху июдее, глаголюще, яко «еликая Бог рече, оуслышим и сотворим». Они же не сотвориша. Другии же — чин преслоушавших, сиречь блудниц, и мытарей, и языческих людей, иже изначала не послоушаху волю Божию, последи же покаяшася и оуслышахуся. Зри же премудрость Христову: не абие рече им исперва, яко «болшии вас соуть мытари и блудницы», но прежде вопросих и поведаша, яко от обоих сынов он послушлив есть и приятен сотворивыи волю отца. Такожде поведавшим им приведе глаголя, яко прииде Иоанн путем правды, сиречь непорочным житием. Не имате бо рещи, яко зазор некии имяше житие Иоаново, обаче блудьници оуслышаху и, вы же ни. Тем же и предваряют вас в Царство Божие, сиречь прежде вас внидоша. От онуду же и вы потщитеся, да и вы по них въслед их внидете. Аще ли не веруете ни весма, не имате внити. Мнози же и до ныне обещаются Богу и Отцу мниси или священници быти, по обещании же разленяются и мирски живут. Друзии же мнишескому или священническому житию не обещашася, мнишески же и иерейски живоут. Яве оубо, яко сии соуть чада, послушливая, делающая волю Отца, аще и не обещахуся.

О злых виноградарях

Человек некии бе домовит, иже насади виноград, и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп, и вдаст и делателем, и отиде.

Толкование. Сию притчю приведе им, являя, яко тысяща промышления приемше, не присвоишася. Человек бо дому владыка — Господь, и человеколюбия ради нарицается человек. Виноград же — народы иоудейския, иже посажден от Бога на земли обетования, введ их, рече, насади в горе святыни. Оплот же — закон, не оставляя их примешатися языком; или паки оплот, рещи, святых ангел, иже храняху Израиля. Точило же — жертовник. Столп же — церковь. Делателие же — оучителие людем, фаррисее и книжници. Отиде же дому владыка — Бог, егда не хотяше к тому столъпом облачном глаголати им; или отхождение Божие есть долготерпение его. Являет же яко спя Господь, и далече, и не оуслыша я, понеже долго терпит и гнев не наводит на всяк день, и не абие истязает вины неправд наших.

Егда же приближися время плодом, посла рабы своя к делателем прияти плоды его. И емше делатели рабы его, овогo оубо биша, овогo же оубиша, овогo же камением побиша. Паки посла и ины рабы, множайшя первых, и сотвориша им такожде. Последи же посла к ним сына своего, глаголя: «Оусрамятся сына моего». Делатели же, видевше сына, реша в себе: «Сей есть наследник, приидете и оубием его, и оудержим достояние его». И емше его, изведоша вон из винограда и оубиша.

Толк. Приближися время плодом — в пророческая лета. Раби бо послани — пророци бяху. Делатели же — ложнии оучители, и архиереи, и книжницы. Овогo убо биша, яко же Михию оудари по челюстех Седекия. Овогo же оубиша, яко же Захарию, междоу храмом и олтарем. Камением побиша, яко же и Захария сына Иодаева архиерея. Напоследок же послан бысть сын, егда хотяху его убити. Он бо хотящая быти провозвещавааше. Подобаше бо им, аще и рабы оубиша, но поне сыновняго сана оусрамитися. Делатели же глаголющии, яко сей есть Христос, они его распяша. Изведъше его вне винограда — вне бо винограда оубиша Господа. Понеже бо и людие винограда нарицаются вне винограда, сиречь вне хотения нелестных людей оубиша Господа фарисеи и лукавии делателие.

Егда оубо приидет господин винограда, что сотворит делателем тем? Глаголашя емоу: «Злых зле погубит я, и виноград предаст инем делателем, иже водадят емоу плоды во времена своя».

Толкование. Егда приидет господин, когда оубо приити имать, видев второе пришествие, является се быти. Обаче же боле есть сице разумети. Господин винограда — Бог и Отец, иже посла Сына своего, оубившагося ими. Егда оубо сей приидет, сиречь егда призрит на беззаконие, еже сотвориша жидове, тогда злых зле погубит их. Яко же и призре, и римская воинства посла, и погуби, и расточи их. И виноград, сиречь люди, предаст иным делателем, иже соуть апостоли и прочии оучителие. Разумей же паки виноград — и божественная писания, им же оплот оубо есть слово. Точило же ископанно — глубина духовная. Столп же — превысокое богословие. Сия бо писания прежде имяху зли делателие, фарисее и книжницы. Предаст же нам сия, добре делающим сих. Они бо и Господа оубиша вне винограда, сиречь вне глагол писменых, яже о нем глаголаху.

О безумном богаче

Человеку некоему богату оугобзися нива. И мысляше в себе, глаголя: «Что сотворю, яко не имам, где собрати плодов моих?» И рече: «Се сотворю: разорю житницы моя, и болшия созижду, и соберу тоу вся жита моя и благая моя. И рекоу души моей: «Душе, имаши многа благая лежащя на многа лета, почивай, яждь, пий, веселися». Рече же емоу Бог: «Безоумне, в сию нощь доушю твою истяжут от тебе, а яже оуготова, кому боудут». Тако собираяи себе, а не в Бога богатея. Сия глаголя возгласи: «Имеяи оушы слышати, да слышит».

Толкование. Рек, яко не во множестве богатства живот человеку продолжается. Ко извещению семоу наносит притчю. И виждь, како пишет нам неразоумнаго богатаго помыслы. Бог оубо своя творит и свое милосердие являет: не бо едина нива богатаго, но вси плоди его угобзишася. Он же таков бе бесплоден милосердием, яко прежде приятия держаше. Виждь же богатства злобы: «Что сотворю?» Такии глас и оубогии глаголет: «Что сотворю, яко не имею чим жив быти, и како одежоуся?» Виждь же ми и богатаго глас: «Что сотворю, яко не имею где соберou плоды моя?» Добрый покой равен со убогим.

Рече оубогий: «Что сотворю, яко не имею», и богатый: «Что сотворю, яко не имею». Что же приобретаем от излишняго богатства собирающе? Покоя оубо не обретаем от печали. Грехов же множество себе собираем.

«Разорю моя житницы и болшая сограждоу». Аще ли и на приидоущее лето паки оугобзится нива обилно, паки ли разориши и соградиши? Что польза разоряти и сограждати? Имаши житницы — оубогих оутробы, много могущя вместити, и неразоримы, и нетленны, небесны бо соуть и Божия. Кормяи оубо нища Бога кормит.

Зри же и иного неразоумия: «Жита моя и благая моя». Не бо мняше та от Бога имыи; аще бы от Бога мнел строима, не бы о них тако прилежал, но от своего труда та жита мняше. Тем о них обращаяся тако глаголаше: «Жита моя и благая моя». Ни единаго, рече, имею общника, ни единаго деляща сотворяю: не Божия соуть, но «моя». Един же наслаждаюся, и ни Бога приимоу в сие наслаждение.

Оле тако того неразумия, иже рече: «Душе, имаши многа благая, лежаща на многа лета», долготу сам себе подавает животу. Якоже от земли то возделав, еда твоя соуть жита. «Яждь,— рече,— пий, веселися». О благо твоей души, еже бо ясти и пити, и скотии души благо, таковую оубо имеет скот доушю, достойная ей предлагает. Словесныя же души благое разумевай: еже мыслити и веселитися законом Божиим и разумении благими. Не довлеет ли ти ясти и пити, о безумне? Но последованием сим, срамну и скверну сласть повелеваеши души. Наипаче бо Господь, еже той веселитися, нечистыя страсти яви, яже сытостию брашен и пития бывают.

Рече же ему Бог: «Безумне, в сию нощь доушю твою истяжут». Не яко Богу беседовавшу к богатому глаголется сие. Не се есть, еже глаголет, но сице емоу помыслившу, рече Бог. Обычай притчи, аки выше что указати. Безоумна оубо его именоует, яко всяко безоумне совещавшу, яко же и оуказахом. Безоумен бо и суетен всяк таковыи, якоже Давид глаголет: «Всоуе всяк человек собирает, и не весть кому собирает». Како бо не безумен и неразоумив, яко животу меры не разуме от единаго Бога.

Виждь же и речения: «Истяжут бо»,— рече, яко немилостивии мытари, страшне ангели доушю твою истяжут неволею. Праведнаго бо душа не истяжается, но предается Богови и Отцу Духом, радующися и веселящися. И ничто же ноужди имать изыти от тела, легким бо бременем тем облежит. Грешныи же, одебелив душю телом и сотворив ю земну, с ноуждею имать отторгнути ю из тела, тем истяжут ю, глаголет, яко же от зла должника.

Виждь же, не рече: «Истяжю душю твою», но «Истяжут». Праведных бо душы в руце Божии. По правде бо в нощи истяжается душа таковаго, не бо имать света Божия, разума освещающаго и, но в нощи златолюбия сыи, и оттого омрачен смерти предается.

Той есть собираяи себе, поистине же безумен нарицаемь. Нищим же и Богови собравыи, не имать тако. Потщимся оубо в Бога богатети. Се же есть на того уповати и того наше богатство имети; и сокровища не рещи «благая моя», но «благая Божия». Да аще Божия соуть благая, не отвращаем Бога от благих его. То есть в Бога богатети и веровати. Аще и вся дам и истощю, ничто же добрых лишюся. Сокровище бо ми есть Бог, отверзу и возмоу потребная.

О враче

Некий врачь, зря болящаго, недуготворныя вины немощи дающаго, и сильным пламенем недужным распалаема, и на погубление оума обратитися хотяща, недоужныя ради ноужды. И речет о нем врачь: «Горе болящему от погубления оума, ноужда бо есть приити погублению разума».

Обаче же горе болящему человеку, им же погубление оума приходит. Зде же не ноужду злаго недоуга виноу предлагает, но виноу недоугу дающаго. Не рече же Господь: «Горе роду человеческому», но «Горе миру». Обычаи бо есть писанию: грешных житие мир нарицати, и в нем пребывающих земленоразоумнех глаголати. Тем же оубо и оучеником Христос глаголаше: «Вы несте от мира». Еже бо и тии, часть бяху от живоущих в мире человек, но понеже во гресе не бяху, от мира не бяху.

Притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе

О трубе смерти и четырех ковчегах

Бе бо некий царь велий славен, бысть же ему шествовати на колесници позлащене и окрест его оружници, яко же подобаеть царем. Усрести два мужа растерзанами ризами и скверными оболчена суща, худа же лицем и зело побледевша, бе же царь сею зная, телесным си томлением и постным трудом и потом телу изедаему. Якоже узри я, съскочи абие с колесница и, пад при земле, поклонися има и, въстав, обят я с любовию, лобызаа ею. Велможи его и князе негодоваша о сем, яко недостойно царьскиа славы се [ство]рити недоумевающим. Не дерзающе же пред лицем обличити, искреному брату его глаголаше, да глаголеть к цареве да не досажати высоту и славу царьскаго венца. Сему же си к брату глаголющу, негодующю ему тщеславиа его и худаго, дасть ему ответ царь, егоже брат не разуме.

Обычай же бе тому царю, егда ответ смертьный которому даяше, проповедники ко вратом его посылаше в трубе смертьней уведати глаголемое, и гласом трубным разумяху вси, яко виноват смерти тъ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверех дому брата своего. Яко же услыша он трубу смертьную, недоумеваше о своем животе и размышляше о себе всю нощь. Утру же наставшю, оболъкся в худыя и в плачаныа одежа, купно с женою и с чады иде к полате цареве и ста при дверех, плачася и рыдая. Въведе же его царь к себе и, тако видев и рыдая, глагола к нему: «О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себе съгрешивша ведая, како на мя зазрение наведе, в смирении целовавшю ми и проповедника Бога моего, гласнее трубы наречествовавьшю ми смерть и страшнаго

усретениа Владыки моего, яко многа и велея в себе грехи́ сведая? Се убо ныне твоего обличая неразумиа, таковым образом замыслих, такоже с тобою свещавшиим еже о мне зазора скоро наяве обличю». И тако угодив брату своему и показа[в], пусти в свой дом.

Повеле же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златом и косте мерьтваго смердяща вложити в ня, златыми же гвозды загвозди а; другую же двою, помазав смолою и пеклом, наполни а камык честных и бисер многоценных, всех вонь благоуханных исполнив. Власяными ужи обяза я, призва велможи, зазревшим царя от двою оною мужу смиреною стрешею, и постави перед ними четыре ковчегы, да смирять, колику достойна еста глаголаху. Царь же глагола к ним: «Видях аз, яко тако вам глаголати, чювьственыма очима чювьмняхуть бо, яко царстии венци и поясы вложене в ня. Смолою же помазаная и пеклом малы и худы цены достойна еста глаголаху. Царь же глагола к ним: «Видях аз, яко тако вам глаголати, чювьствеными очима чювьственый образ разумеете, еще же не тако подобаеть творити, но утренима очима внутрь лежащее очима подобаеть видети, ли честь, ли бещестие».

И повеле царь отверсти златая ковчега. Отверзенома же ковчегома, злый смрад повеа из нею, и некрасная видена бысть видь. Рече убо царь: «Се образ есть в светлыя и славныя оболченым, многою славою и силою гордящимся и вънутрь суть мертвеца смердящая кости и злых дел исполнь». Таче повеле отверсти осмолена и пеклом помазана. Сима же отверзенома, сущиим ту вся възвеселиста о лежащих в нею светлости, и благоухание изыде от нею. Глагола же к ним царь: «Весте ли, кому подобьна еста ковчега си? Подобна еста смиренома онема и в худыя ризы оболченома, ихже вы внешний образ видяще, досажение въменисте лица ею мое поклонение до земля. Аз же, разумныма очима доброту их и честь душевную разумев, чюдився ею прикасание, лучее венца и лучее царьскаго обде честнейшая вмених». Тако осрами велможа своя и научи а о видимых не блазнитися, но о разумных вниматися.

О соловье и ловце

Сущему бо в неразумении Божии тма есть и смерть душевная, или работати идолом на погибилие естественое

мию, яко всяко нечювьствиа ему сущу и безумиа излише, яже кому уподоблю и како ти образ неразумеющих предпоставлю, но притчю ти приложю некоторым мужем премудрым изглаголано ко мне.

Глаголаше бо, яко подобне суть идолом кланяющиися человеку липителю, иже, устроив лепа, ят един от малых птиць, соловей сию наричют, приим же нож, закалаеть ю на ядь. Дасться соловьеве глас язычный, и глагола к липителю: «Кая ти полза, человече, о моем заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, но аще от сих уз свободиши мя, дам ти заповеди три. Аще храниши, то велика ти полза ти будет паче живота своего». Он же чюдився о глаголанию птици, въскоре свободить ю от уз. Възвратив же ся, соловей глагола человеку: «Никогдаже ничтоже от неприимаиных начни приимати, начнеши ясти. И не буди каяся о вещи мимоходящи. И неверну слову никогдаже ими веру. Си убо три заповеди храни, и добро ти будеть».

Радуяся мужь о добре видении и о разумнем глаголании, разрешив от уз, на аер пусти. Соловей же убо, хотя уведати, аще разуме мужь глаголанных ему силу глагол и аще ли наплодися кою любо ползу от них, глагола к нему парящи птица на аере: «Въздохни о своем несовещании, человече, каково бо днесь скровище погуби. Есть бо во утрених бисер, преимея величеством струфокамиловых яиц».

Яко же услыша си лепитель, печален бысть, каяся, како избежа соловей тъ из руку его, и, хотя абие яти ю, рече: «Прииди в дом мой, и друга створше тя добре, с честию отпущу». Соловей же рече к нему: «Ныне убо крепко не разуме. Приим бо глаголанное к тебе с любовию и с сладостию послуша, ни единоя же от них ползы стяжа си. Рекох ти, не кайся о вещи мимоидущи, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избегох, каяся о вещи мимошедьше. Глаголах ти, не начни от неприятых приимати, и хощеши яти мя, не могий приимати моего шествиа. К сим же и неверна глагола не ими веры, глаголах ти, но се веру ят, яко есть во утрених моих бисер паче возраста моего, и недомыслися разумети, яко весь аз не могу приати в себе толико великих яиць струфокамиловых и како бисера толика вместити имам в себе».

Тако убо не разумеють надеющися на идолы своя, съделаша бо тех руками своими и кланяются им, ихже сделаша перьсты их.

Об инороге

Подобне суть мужю, бегающу от лица бесущемуся инорогу, яко не терпящю гласа вопля его и рютиа его страшнаго, но крепко отбег, да не будеть ему ядь. Текущю же ему борзо, во велик ров впаде. Впадающю же ему, руце простерь, за древо твердо ятся. Держащю же ся ему крепко, яко на степене нозе утвердив, мняше мир уже есть и твердыне. Възревше убо, виде две мыши, ядуща беспрестане корень древа, идеже бе держася, илма же приближающися, да погрызета древо. Възрев во глубину рва и змея виде страшна образом, и огнем дышуща, и горко взирающа, усты же страшно зевающа и пожрети его хотяща. Възрев же абие на степень он, идеже нозе

его утверждене беста, четыре главы види аспидовы, из стены исходяща, идеже бе утвердился. Възрев очима, виде из ветвий древа того мало мед. Оставив убо расмотряти одержащих его напастей, яко внеуду бо инорог, зле бесуяся, искаше его на ядь, доле же злый змий зеяя, да пожреть его, древо же, о немже ятся, уже пастися хотяше, нозе же на колзание и нетвердо степене утвержене, толикы убо и таковых злых забыв потща себе на сладость горкаго оного меду.

Се подобие во прельсть сущим, сего житиа створившем. Сию истину ныне изъглаголю ти. Ибо инорог образ есть смерти, гоняй выину и яти последьствуеть Адамля рода. Ров же весь мир есть, исполнь сы всех злых и смерто-

носных сетей. Древо же, от двою мышу беспрестане грызаемо, ихже сотворихом, путь есть, яко жившю комуждо ядомый гыбляяй час раде дневных и нощных, и усекновение коренное приближается. Четыре же аспиды, еже о прегрешеных и безместных стухий и составлено человеческое тело съставляется, имиже бещиньствующем и мятущемся, телесный раздрушается състав. К сим же огненый он немилостивый змий страшное изобразуеть адово чрево, зевающе приати же сущих красот паче будущих благ изволиша. Медвеная же капля сладость пробавляеть всего мира сладких, имже он прелща зле своа други и не оставляеть я прележаниа творити о спасении своем.

О трех друзьях

«Подобне суть възлюбивше всего мира красоту и сладости его насладившеся, паче же будущих и недвижимых мимотекущая и немощна пречестная изволеша, человеку, три други имущю, в них бо двою с любовию чтяше и зело любовию восприимаше, даже и до смерти их подвизаяся и ею раде «беды терьплю» глаголаше; на третием же много небрежение имяше, ни чести, ни яко достояше его сподобити когда любо чести и любве, мало некое и ничесоже рещи на нь творяше дружбу. В един от дний доидуть к нему страшнеи неции, и грозниии, и воиници, тщащеся скоростию велиею сего вести ко царю, слово да дасть, имже есть должен тмою талант. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступить его ко страшному цареву ответу. Тек же убо ко первому своему и всех искренейша друга, глагола: «Сведаеши, о друже, яко выину полагах душю свою тебе ради. Ныне же требую помощи в день сей от одержащая мя беды и нужа. Тако убо исповежь, заступиши ли мя ныня и кая о тебе будеть ми надежа, о друже возлюбление». Отвещав убо он, глагола: «Несмь тебе друг, человече, не сведаю, кто ты еси, ины бо имам три други, с ними же ми днесь веселитися и други а на прочее створити. Се дам ти сукнянице две, да имаеши на пути, аможе шествуеши, от неюже ти не будеть никакоеяже полза, иноя же ни единоя не чай от мене надежда».

Сиа услышав он и недоумеваяся о ответе сем, еяже помоще надеяшеся от него, и тече ко етерому другу, и глагола к нему: «Помниши ли, о друже, колико от мене

приа честь и добрых учений. Днесь же и в печаль впад, и в напасть великую, требую сопоспешителем. Како убо можеши со мною трудитися, от сих да разумею». Друг же отвеща: «Се праздную днесь с тобою потружатися, в печале бо и аз и в напастех впад, в скорби есмь. Обаче мало с тобою пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращюся от тебе зде, своими печалми пекийся».

Тщама же рукама оттуду възвратився человек той и о всех недоумевая, рыдая себе о суетней надеже неразумных своих друг и непромыслен страды своея, ихже онех ради любве потерпи. Таже иде ко третьему своему другу, емуже никогда створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицем и долу зря: «Не имам уст развести к тебе, сведая истиною, яко не помниши мене никогдаже добростворшю ти, аще и дружбу приложих тебе. То зане напасть ят мя лютая, никакоже всима от друг моих обретох надежю о спасении моем. Придох к тебе, моляся, аще есть ти возможно, малу некую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразумиа». Он же рече тихим лицем и с радостию: «Подобаеть друга своего искреняго, глаголю тя суща и малое помню твое оно добродеяние, с прилежанием днесь въздаваю ти, и аз умолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, аз бо преже тебе доиду ко царю и не предам тебе в руки враг твоих. Дерзай убо, возлюбленне друже, и не буди в скорбе и печале».

Тогда, умилився, он глаголаше с слезами: «Увы ми, како преже поплачюся о любве, юже на непамятивую, и неблагодарьственую, и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачю недоумевание, еже но истиннаго се искреняго показа друга».

Иоасаф же, и сего слова приим, чюдися, изветованиа искаше. И глагола Варлам: «Первый убо друг есть богатое имение, еже и златолюбезно желание, егоже раде во многиа человеки впадаеть беды и многиа терпить страды. Пришедши же последней смертней кончине, ничтоже от всех трех со собою возметь, токмо еже на провожение безуспешных друг. Вторый же друг наречен бысть жена, и чада, и прочая ужики и свои; техъже любве прилепне есмь, зле отригнутися имам самой души и телу, любве их раде призираемому. Каяже есть некая от них, добродетельствуеть в час смертный, но токмо еже и до гроба провожають, абие обращается, своих имуть печале и напасте, не мнее забыти память ли тело некогда возлюбленаго

погребше в гробе. Третий же друг есть мимотекущий, временный, неприкосновенный, нъ избежный и яко же от победы, иже добрыми делы лик пребываеть, еже есть вера, надежда, любы, милостыне, человеколюбие и прочих добродетелных полк, могый пред нами шествовати, егда же исходим от тела, нас раде помолитися ко Господу и от враг наших нас избавити, от злых истяжатель, слово-датие нам горко есть, на аере движющемся и яти горко искуще. Се есть доброразумный друг и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою нам вся отдавая».

О царе на один год

Град некий великий слышах, его же гражане тако обычай имяху от древних: приимати чюжа некоего мужа, ни разумеющю о законе града того, ни обычая их всима разумеющю, и сего царем поставиша у себе, и всю власть приимшю и свою волю невозбранимо держа, дондеже скончася едино лето. Таче внезапу в ты ся дни сущу ему бес печале, питающу же ся ему обило беспрестане, мнящу же ему царствие и веки пребывати, въсташа на нь и, царьскую одежю снемше с него, нага поругаша по всему граду, на оземъствование послаша его далече в великий некий остров пустый, в немже ни пища имея, ни одежа, зле стража, не надеющю же ся ему пища и веселиа, абие в скорбе ни чаяниа, ни надежа послано.

Последьствующе же убо обычай гражан тех, поставлен бысть некий мужь в царствие тоже, разума много и промышлениа имы в себе, да такоже не восхищен будет, аще внезапу бывшю ему обилие, ни иже преже его царствовавшим и зле изгнаном непечалования въздревнова[в] во печале имяше душею подвижение. Тако убо о себе добре исправить, частаго же совета истова, уведа некыим премудрым советником обычай граждан тех и место озимъствованое, якоже подобаеть ему твердо бес прелсти уведати. Якоже убо сиа увиде, яко коли любо в томже острове быти ему, сущю же ему чюжу царьствиа, отверз скровища своа, ихъже еще во области имяше и невозбранно требование, взем на требование злато, и сребро, и камык честных и веле их множество верным своим рабом дасть, во он остров посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лету, въставше, гражане, яко

же и перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочии бо неразумнии цареве зле в гладе пребываху, се же, богатьства онаго преже пославый, в обилии выну живяше и пищю неизъедому имяше, страха всего отверг неверных гражан онех, мудрую их хваляше добраго съвета.

Град убо разумей суетнаго сего мира; гражане же начальствие и власте бесов, миродержица тме века сего, лстящем нас сладким исправлением, яко нетленное вкладающем размышляти нам тленых и мимотекущих, якоже в веки пребывати с нами и бесмертна всем пребывающим в сладости. Тако убо отложивъшем нам и никакоже о великих онех и вечных съветовавше, напрасно придеть на ны погибилие смерти. Тогда бо, тогда нагиа нас отсуду злеи горции, поимъше, гражане тме, яко оне все время свое пребыша, водять в землю тмы вечныя, идеже несть свет, ни видити житиа человеческаго, ни съветника блага, истовых всех показающему и спасенаа научивше, начинаниа к мудрому царю, моея приимай малыя низости, яко благий путь и несоблазненный показати ти придох, в вечных же и бесконечных въводя.

О царе и разумном советнике

Слышах бо царя некоего бывша, зело добре сматряюща своего царствиа. Кроток же и милостив под ним сущем людем, сим бо единим блазнимся, якоже не имает богоразумнаго просвещениа, но блазнию идольскою држим бяше. Имяше же некоего советника блага и всяким украшена еже ко Богу благочестиемь и прочее всею добродетельною премудростию. Печалуяся и скорбя о прелщении цареве и хотя его о сем обличити, удержашется от таковыя вещи, бояся, да не злу съходатай себе же и своей дружине будеит и бываемей им многым на ползу усекнеть. Обаче же искаше время доброугодное, да привлечеть его на благое.

Веща убо единою в днех царь нощию к нему: «Приди, да изидеве и походим по граду, егда что на ползу узрем». Ходящема же има по граду, видиста светлу зарю, от оконца сиающу, и к тому оконцю очи приложивша узреста под землею место, яко вертеп жилище, в немъже седяше мужь, в последней нищете живяху и худыми рубы оболчена. Престояшеть же ему жена его, вино

черплющи ему. Мужю же чашю приимшю, сладкую песнь поющи, веселие ему творяше, плящющи и мужеве похвалами хвалящи.

Окрест же царя сущии в час велий сиа слышащем, чюдишася, яко в такой тяжций нищете сущема, яко ни дому имеюща, ни риз, таким веселом житием пребываше̯та. И глагола царь к первому советнику своему: «Оле чюдо, друже, яко мне и тебе никогда наше житие тако изволе, в такой славе и пищи сияющема, яко худое се окаянное житие таковых и неразумных насладит и веселить тихим, и весел острый се и ненавидима жизнь является». Удобный же час приим, первосветник глагола: «А тебе царю, како таковых является житие?» Рече царь: «Всех, елико когда видех, нелепый и тяжкый, насмисана же и безнравна». Тогда глагола к нему первосветник: «Тако убо добре разумей, о царю, и болма злее мнимо есть наше житие, учителей видящим вечное оного житиа и славу всех убо превосходящих благ. А иже домове блещащимся златом, и светлая одежа, и прочая пища житиа сего подзерие же и омрачениа суть очима, некрашшее видевшиим неизвещаных доброт сущих на небесе нерукоделаных кущь, боготканныя же одежа и нетленный венец, их же уготова всех Съдетель и Господь любящим его. Имже образом но нам си вменишася, паче же болма мы в мире сем прелщаеми есмь и, сими насыщающеися, лжимей сей славе и неразумний пищи, рыданию есмь достойни слезам пред очима вкусившиим сладости благих онех».

Царь же, сиа услышав, яко ужастен быв, рече: «Котореи убо оне суть, иже лучшеи нас стяжавшии жизнь?» Рече первосветник: «Вси вечная изволившеи благая паче временных». Абие убо царю уведати хотящю и прашающю, что суть вечная, отвеща мужь: «Царьствие неприемлющее, жизнь неприложима смерти и богатьство, никогдаже приносящи на убожество, радость же и веселие непричастно печале и скорбе, и мир въину, свободна же от всея вражды и блуда. Сих уподобившимся приати блажене суть и тако обаче бе[с]скорби и бес печале живуть жизнь во веки, всех сладких и красных бес труда Божие Царьствие въсприимше и со Христом бес конца царствують».

«И кто подобен сих получити?» — рекшю царю, он отвеща: «Вси путь приимшеи, тамо вводящей, невозбранно бо вход токмо восхотевшим». И веща царь: «Кий путь есть, въводяй тамо?» К сему рече он светлый душею и великий: «Иже есть ведати истиннаго Иисуса Христа,

единочада Сына Его и Святый Животворяй Его Дух». Таже царь царьским разумом глагола к нему: «Что раде и что бысть, и кое ли возбранение, даже и до ныня не яви ми о сем? Не перна бо и неотметна достойна мню аз си суть, аще ли истинно тако бывають. Или в пери есть, с трудом подобаеть искати, дондеже бес пря обрящем без уныниа». Глагола мужь: «Аще унынием одержим бых, о сих не ленихся явити тебе, истинном бо сущем и всем бес пре сущем, но власте твоей и славы боюся, да не труда ти принося буду. Аще убо повелиши своему рабу памятовати на прочее о сем, да буду служа твоему повелению». Глагола царь: «Ей, не по вся дни токмо, но и вся часы память воину обнавляти. Не леню бо ся о сих, подобаеть бо сиа вънимати, но зело скор и тщив буду».

Слышахом убо,— глагола Варлам,— сему царю благочестиво и верно живъша на прочее, и без буря шествовавша, и сущаго житиа пришедша, будущаго же житиа не уполучивша блаженьства. Аще и ныня твоему отцю в ключимое время таковымже упомянулся бы, аще же и толикым разумом и сведанием одержим злыми и от сих уклонився, изберет благое. Зане ныня, егоже имея, слеп есть, не видя, истиннаго света себе лишив, сам же ходя во тме нечтивей.

О богатом юноше и дочери бедняка

Глагола же Иоасаф к нему: «А еже о моем отце владееть Господь, якоже хощет, тому убо, якоже ты рече, возможна суть, яже в человецех невозможна. Аз же, твоих неотметных раде глагол, сущих пустошнь небрегы, отступити бо от таковых всех размыслих си и с тобою прочее житие мое пребывати, да не временных раде и мимотекущих вечных и не тленных испаду благих восприати».

К сим же старець отвеща: «Аще се сотвориши, подобен будеши оному уноши мудрому, о немже слышах богатых и славных родитель бывша, емуже отець обручив дщерь некотораго добродных, богатьством многом пребывающем, и зело красне суще девици, обьщее же слово к детищю о браце глаголавшю, яко въину совещеваяся в себе, слыша он уноша, яко отметьно и скверенено вещь сиа, отвергъся, на бег возмася, оставив отца. Шествуя же, навита в дому старца некоего убогаго, жжение дневнаго

своего препокоити хотя. Дщи же старца того, единочада сущи девою, седящи пред дверми, делающи рукама своими, уста же ей благословяста Бога, безмолчно хвалящи его из глубины душевныя.

Песни же ея услышав, уноша глагола: «Кое ти, жено учение есть? Что раде, сущи худа и убога, яко некоторыми великими дары благодатьствуеши, благодателя поющи?»

Онаже отвеща: «Не разумееши, яко былие мало от великаго недуга многажды избавляеть человека. Тако подобаеть в малех благодарьствовати Бога, велик им ходатай бываеть. Аз же убо, ныня дщи сущи старца убогаго, благодарьствую от малых сих и благословлю Владыку, ведущи яко сиа давы можеть вящьшая дати. Сиа бо о внешних, а не наших, от них ни многа стяжавшим что пребываеть приобретение, да не реку, яко излишение многажды бываеть, ни меншее приимающих находит напасть обоим, в един путь шествующим и доидущим в той конець. О лучших же истовейших многих приах и великих Божиих даров, ихже убо имея число и разум подавающим. По образу бо Божию родихся и его разума сподобихся, и словом паче всех животных украшен бых, и от смерти на живот възвращен бых милосердиа ради милости Бога нашего, и его тайн приимати власть приах, и рая дверь отверзена ми бысть, егда восхощю, дасть ми вход. Толикими убо и таковых даров, ихже естьства приимають богати и нищии, достойно благодарьствовати всямо ми невозможно. Аще и малу сию песнь словесную не принесу Подателю, кый прииму ответ?»

Уноша же многому ея чюдився разуму, отца ея призвав, рече: «Дажь ми дщерь свою, возлюбих бо разум еа и благочестие». Отвеща же старець: «Недостоить ти пояти ю, нищаго дщерь, богатых родитель сущи ти». Абие же уноша глагола: «Ей, сию поиму, аще не отречешися. Дщи бо ми обручена бысть доброродных и богатых родитель, и небрег ея, на бег гряду. Дщери же твоей, зане ко Богу благочестиа и ум имущи разумен, и, изволев, сочетатися ей возлюбих».

Старець же к нему глагола: «Не могу ти ея отдати, да ведеши ю в дом отца своего, и от моих ядр разлучити, единочадо ми есть».— «Но аз,— глагола уноша,— у вас пребуду и вашю жизнь въсприиму». Таче светлую ризу суща испросив, облечеся. Много же он искусив его и различно его искусив смысла, яко разуме тверда ума сущу ему и яко не временно безумиа одержим просить дщере его, но любовию благочестно изволе вь убожестве

жити, паче славы и благодарьствиа изволе убожества, им его за руку, въведе и в своя скотница и показа ему богатьство много лежаще и стяжание много бес числа, елико никогдаже виде юноша. И глагола к нему: «Чадо, сиа вся ти даю аз зане изволи моего богатьства и наследникы быти». Его же наследие взем, он уноша всех превзиде славных и богатых, сущих на земле».

О серне

Младенец серний питаше некый от богатых. Възрастъши же ей, пустыни желаше видити, родным обычаем влекома. Ишедъши убо единою, обрете стадо серн пасомо и держащеся их. Пребываше в пажитех селных, вечер же обращашеся в дом, идеже бяше въспитана, купно же паки на утрия исходящи непризиранием служащих о ней и с дивными во стаде пребывающи. Стаду же далече пришедшю, пасущеся, последова же и та с ними. Богатаго же слугы, се ощютивше, въседавше на коне, погнаша вслед их, свою бо уловивше, възвратишася, оттоле не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другиа же зле разгнаша, уязвивше.

Сим же образом, боюся, да не будеть на нас, аще со мною последьствовати имаеши, да не излишен буду твоего сужительства и многом злом ходатай буду другом моим. Но сим хощеть тебе Господь ныне бо знаменоватися печатию божественым крещением и пребывати вмале, всего благочестиа приим и апостольских и Христовых деяний. Егдаже дасть время Вседатель добрых, тогда придеши к нам, и прочее житие купно поживем. Но уповаю бо на Господа и в будущей нераступно имам быти.

Притчи из Пролога

О душе и теле

28 сентября. В той же день слово о притчи, сказаемой о теле человечи, и душе, и о воскресении мертвых

Человек некто добра рода насади виноград и оплотом огради и. И отходя в дом отца своего, и рече: «Кого сотворю стража моему притяжанию. Аще бо оставлю зде от предстатель моих, то изгубят труд мой. Но сице сотворю: посажу у врат слепца с хромцем. Да аще от враг моих кто восхощет украсти виноград мой, слепец убо чюет, а хромец видит. Аще ли от сею кий восхощет, хромец убо не имать ногу доити тамо, слепец же аще поидет, то в пропастех убиется». И посадив я у врат, и отиде. И надолзе седящема има, рече слепец к хромцу: «Что убо благоухание се повевает извну врат?» Отвеща хромец: «Многая благая господина наю внутрь суть, их же неизреченно вкушение. Но понеже премудр есть господин наю, посади тебе слепаго, мене же хромаго, и не можема тех никакоже дойти и насытися». Отвеща слепец хромцу, глаголя: «Почто преже неси ми возвестил сего. Да быхома не жадала, аще бо аз слеп есмь, но нозе имам и силен есмь носити тебе. Возми кошь и всяди на мою плещу, и аз несу тя, ты же ми путь поведай. И вся благая господина наю обьемлема, и егда приидет господин наю, укрыется от него наю дело, аще бо мене вопросит, аз реку: «Ты веси, господин, яко слеп есмь»; аще ли тебе вопросит, и ты рцы: «Аз хром есмь». И тако премудруема наю господина». Всед же хромец на слепца и дошедша, украдоста овощь господина своего. По времени же прииде господин винограда того и, видев его украдена, повеле привести слепца и глагола: «Не добра ли тя стража моему сотворих винограду, то почто еси украл его?» Отвеща слепец: «Господине, ты веси, яко аз есмь слеп. Да аще бых и хотел, то не вижу дойти, но покрал есть хромец, а не аз». Тогда повеле господин блюсти слепца, доньдеже

призовет хромца. Призвану же хромцу, и начаста ся сама обличати между себе. Хромец убо глаголаше слепцу: «Аще не бы ты носил мене, никако же могл бых доити, понеже хром есть». Слепец же глаголаше: «Аще не бы ты мне путь сказал, како бых дошел тамо аз?» Тогда господин, сед на судищи, начат има судити и рече има, якоже еста крала, да всядет хромец на слепца. Вседшу же хромцу на слепца, повеле бити я немилостивно.

Толкование. Разумейте же сея притчи силу. Человек есть добра роду Христос Сын Божий, а виноград — земля и мир сей. Оплот же — закон и заповеди. Слуги же сущая с ним — ангелы. Менит хромца же — тело человече, а слепца — душу его. А яже посади у врат — человеку оубо предана во область вся земная. Преступившу же ему заповеди Божия, и того ради смертию осужену бывшу. Егда же приводится душа его к Богу, и оправдается глаголющи, яко не аз, Господи, преступих заповеди твоя, но тело, и того ради несть мучения душам до втораго пришествия, но блюдомы суть идеже Бог весть. Егда же приидет обновити землю и воскресити умершыя, по Павлу глаголющу, тогда вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и оживут, и изыдут сотворшеи благая в воскресение живота. Тогда бо паки души в телеса внидут и приимут воздаяния противу делом. И отслются грешницы во тьму кромешную, идеже будет плач и скрежет зубом, а праведницы в жизнь вечную. Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком.

О временном сем веке

19 ноября. В тъ же день притча святого Варлама о временьнемь семь веце

Сего света житье человечско маловременьно. Подобно есть мужю бегающу беснующемуся инърогу, яко не терпящю вопля и гласа его и рютья его страшнаго, но крепок отбег, да не будеть ему ядь. Текущю же ему в велик ров впаде. Впадающю же ему руце простер, за древо твердо ятъся. Держащю же ему крепко, яко на степени нозе утвердив, мняше уже есть твердыни. И възрев же убо и виде две мыши, едину белу, а другую черну, ядущи беспристани корень древа, иже бе держася. Сима же приближающимася да подъгрызета древо. И възрев в глубину рва и виде змия страшна образом, огнем дышюща, усты

же страшно зевающа и пожрети его хотяща. И възрев же на степень он, иде же нозе его утверженеи быша, и виде 4 главы аспидовы, из стены исходяща, иде же бе утвердился. Възрев же очима и виде из ветвих из древа того мало меду. Оставив убо расмотрив одержащих ему напастий, яко в неуду инърог зле беснуяся искашеть его на ядь, доле же злый змий и зияя да пожреть его, древо же о нем же ятъся уже пасти ся хотяше, нозе же на скокользенье нетвердо на степени утвержени, толико убо и таковых злых забыв, подщав себе на сладость малого оного меду.

Се подобье в прелести сущим, сего жития створшим сию истиньну ныне изглагола ти. Ибо инърог образ есть смерти, гоняй воину яти последьствуеть Адамля рода. Ров же весь мир есть, исполнь сы всех есть сетий смертоносьных. Древо же, от двою мышью беспрестани грызено, путь есть, яко живщю комуждо яко дым погыбнуть час ради дневных и нощных, и усекновенье кореньное приближается. 4 же аспиды еже о прегрешеньиих и безвестных стухий съставлено человеческое тело съставляется, им же бещьньствующим и мятущимся, телесны раздрушающи сставы. К сим же огненых он немилостивый змий страшно изъобразуеть адово чрево, зевающю прияти иже сущих красот паче будущих благ изволиша. Медвеная же капля сладость пробавляеть всего мира сладких, богатьство и златолюбье и среблолюбье и славохотье. Еже мы, ведущю будущюю смерть и бес конча муку и вечное Царствие Божие, не лишимься славохотья, мира сего, ищющи богатьства, гордыни, пьяньства, велеречья, ходящи смерть напрасно вся ны въсхитаеть и в ад воводить. Да лепо бы нам, братие, остатися тоя славы и суетнаго богатьства и всех злых дел и въсприяти добрая дела, плоды духовная, им же обрести Царство Небесное.

О ходящих в монашеский чин

20 ноября. В тъ же день притъча святого Варлама о ходящих в мнишьскый чин

Младеньць серний питаше некто от богатых. Въздрастъшю же ему, и желаше пустыню видети, родным обычаем влеком. Шьд единою, обрете стадо сьрн пасомо и дьржашеся их, пребываше в пажитех льсных, вечер же обращашеся в дом идеже бе въспитан, купно же пакы наутрья ис-

ходящи непризиранием служащих о ней и с дивими в стаде пребываше. Стаду же далече пришьдъшю пасущю-ся, въследоваше и та с ними. Богатаго же слугы, то очютивъше, въседъше на коня, погнаша въслед их; свою уловивъше, възвратишася, оттоле не ишьствовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же зле разгнаша, уязвивъше.

Се же разумно да есть. Сьрньць есть въспитанный иже работають у христьяньскых сынов, злых богатин света сего, и възлюбить Христа паче временыя сея славы, въсхощеть пойти в святый иночьскый чин преже проситься у злаго оного господина, иже не пустить его и претить ему горкою смертью о том, и велить отроком наблюдати. Отроком же блюдущим его по повелению господина своего, и уже многу времени минувъше, и будеть в забыти господин раба того, и он же уноша благый, ходя никымь же блюдом, взидет в манастырь, любо в пустыню, и по-стрижеться, и прилепиться к духовным мужем. Си слышав, господин тый злый послав рабы своя, своего приведеть, без милости бья, стадо же Христово раженеть и распудить. Таковый есть неприязнь в сердци богатаго, не можеть бо видети ходящих в чистомь томь образе. Аже нъ своего и мы послушаем Господа, глаголюща: «Не бойся, малое мое стадо, от убивающих тело, а душа не могущих убити; аще бо и случить ны ся смерть прияти, того ради и душю положити 100 кратичею приимет живот вечный».

О животе и смерти

22 ноября. В тъ же день поученье святого Варлама о животе о смерти

Град великий некий и слышав, его же гражане обычай имеяху от древних приимати чюжа некоего мужа, ни разумеюща о законе града того, ни обычая их отинудь ведуща, и сего царем поставиша у себе и всю власть приимша и свою власть невъзбраньмо держати, дондеже скончася одино лето. Таче внезапу в тыя дни сущю ему бес печали, питающе же ся ему обило беспрестани, мнящю же ему царствие в векы пребывающее, въсташа на нь и царскую одежю иснемше с него, нага поругашася ему по всему граду и на озимьствованье послаша его далече в великий некий остров пуст, в нем же ни пища име, ни

одёжа, но зле стража, но надеюще же ся ему пища и веселья, но всегда скоръбни чаяния надежа посланому. Последи же по обычаю гражан тех поставлен бысть никый мужь в царство, тожь разума много имый и промышленья имы в себе, да како после же не въсхищен будеть, не же внезапу бывшее ему обилие, инии же преже его царствовавшим и зле изгнаном не печалованья. И възревновав, в печали имяши душею подвизанье, како убо о себе добре исправи, чадов же света истовав, увидев неким светником премудрым обычай гражан тех и место озимьствованое, яко же подобаеть ему твердо бес прелести уведети, яко же убо сия увиде, яко коли любо в том же острове быти ему, сущю же ему чюжю царствия. Отверз скровища своя, их же еще в область имяше и невъзбраньно требованье, взем на требованье злата и сребра и камык многоценьных множьство, верным рабом своим дасть и в он остров посла, иде же посланому быти. Скончавшю же ся реченому лету, въставше же гражане, яко и перваго царя, на озимьствование послаша и. Прочии бо неразумнии времении цареви первии. Се же богатство оного преже пославый во обильи воину живяше и пищю неизедому имяше, и страха всего отверг неверных злых гражан онех.

Град убо, братье, суетный си мир. Гражане жь начальствия, власти бесов миродержьць тма века сего, льстящем нас сладким прелестным богатством и пищами житья сего въкладающим нам в мысль имети всегда яко тленьно житье се мимитекуще временьное. Царя — праведники и грешники, иже кто в жить семь нас живеть, внезапу приходящий смерть всхитить и в преже глаголаный остров в он век. Аще будеть добре жили в житьи семь делы благими, верою и кротость, въздержаньем, милостынею и постом, и тако поимут ны ангели блази и в вечную жизнь живую. Аще ли зле живем делы скверными, и поимут ны ангели страшнии и предадять ны бесом немилостивым, и тако ведут ны во дно адово и в уготованое, яко глаголеть, въсприимете же каждо по делом своим. Да се ведущим нам лучь бы ны плоть въздержати от блуда и душю от пьяньства, сердце от высокоумья и от сребролюбья, язык от вельричья и от клеветы, руце от тадбы, от разбоя и въсприяти дела благая, ими же поживше, улучим вечную жизнь.

О христианском житии

23 ноября. В тъ же день повесть святого Варлама к Асафу о крестьяньстеи житьи и о богатьстве и о нищете сиречь о Царствии Небесне и о муце

Слышах убо царя некоего бывша, зело добре сматряюща своего царствия, кроток же и милостив последнем сущим людем. Сим же единем блазняшеся, яко же благоразумнаго просвещенья, но козныю дьявольскою одержим бяше. Имеяше же некоего светника блага и всяким украшена еже к Богу благочестьем и прочее всею добродетелию и премудростью. Печалуя и скорбя о прелщене цареве и хотя его о семь обличити и удержатся от таковыя вещи, бояся, зане злу исходатай и собе же и своей дружине будеть обиваем многим на ползу, обаче искаша времене угодна, да привлечеть его на благое. Рече убо единою царь нощью к нему: «Приде, да изидеве и походиве по граду, еда что убо на ползу узреве». Ходящима же по граду и видеста светлу зарю в горе от оконца сияюща, и к тому оконцю очи приложивша, узреста под землею место яко верьтеп желище, в нем же седяше мужь, в последней нищете жива и худыми рубами облочен. И предъстояше ему жена его, вино черплющи. Мужю же чашю приимшю, и сладкую песнь пояше и веселье ему творяше, пляшющи и мужами похваляющи.

Окрест же царя сущии вся сия слышаще, чюдишася, яко в таковой нищете сущема тяжьцей, яко ни дому имеюща, ни риз, таковымь веселымь житьемь пребываста. И глагола царь к светнику своему: «Оле чудо, друже, яко и мне и тебе никогда же наше житье тако изволи в такой нище и славе сияющема, яко худое се и оканьное житье таковых и неразумных насладить и веселымь тихим житьемь». Отвещав, съветник рече ему: «О царю, не яже бо ты видиши, тако разумеваеши. Се бо тайна крестьяньская есть, никого же бо Христос не нудить к собе, но вещьми разум даеть, да от тех познаемь его. В Царство Небесное въводить, а не въсхотевшим разумети его без ответа в муку вмещеть».

Нощь есть живота сего жизнь, исход же есть царев, иже слышати душеполезное слово. Пещьра жь глубокая — дела Христова церкви, пророки дозрима и апостолы устроена. Мал же в рубы оболченая — правоверных крестьян душа целомудрием оболчены. Поеть же сладкия песни — богодухновеная писанья. Веселять же пляшющи —

умершвление плотьскихь похотий. Пьеть же чашю — кровь святую Христову, от нея же живот вечный приемлют по глаголющему пророку: «Упьються от обилья дому твоего».

О еретиках и идолослужителях

24 ноября. В тъ же день притча святого Варлама о еретицех о идолослужителиих

Бе некий человек богат, имея овець стадо много. К ним же пристави пастуси добры паствити я, бяху же ту дубравы многы, в них же паствяхуть стадо овець тех. И ту бяху в той же дубраве коз дивних, от них же козли ови млади, а друзии стари. И видевши же овце ты, прилучишася к ним и начаша паствитися с ними во единой пажити по месту ходити. Видевше же пастуси ти милосердоваша о них и в стаю начаша пущати с ними и створиша я яко овце. И глаголаша уже си не отлучатся от сих овець и небрегоша о них тверде паствити их. Овы же за мало дний, а другыя за многы дний исходяще, к первым своим стадом въспомянувши же первый обычай, в нем же ся родили. Единою же шедши опять, и не възвратишася к тому от своих стад к онем кротким овцам.

Человек есть Христос, а овце — крестьяне, а пастуси — епископи и попове. Дубрава же — весь мир, а козлят стад — еретици идолъслужители, от них кто приходит к правой вере, ти по крещеньи опять се възвращаються к своим обычаем на ту же веру, аки пес на своя блевотины. Епископом и попом, не добре пасущим их и приходящая бо от еретик и от идолъслужитель, к правой вере подобало бы преже испытати их и прокляти им свою веру и обычай и тако прилепитися им к правой вере крестьяньстей всем сердцем, учити же я по вся дни, да не токмо к своей вере опять не приступять, но о спасении их пещися должни же суть епископи и попове, словеснии пастуси, о всем мире пещися о спасении и без лености учити я.

О богатых и убогих

28 ноября. В тъ же день слово притча святого Варлама о богатых и о убогих

Бе некий царь великий славен. Бысть же ему шествовати на колеснице позлащене и оружници, яко же и подобаеть царем. И срете два мужа растерзанами ризами и скверными оболчена суща, скура же лицем и зело поблѣдневша, бе же цать сею знаю, телесным томленьем и постным трудом и потом телу изъедаему. И яко узре я, и скочи абие ис колесници и пад на земли, поклонися има и, въстав, объят я с любовью и облобыза ею. Велможи ж и князи его негодоваше о семь, яко недостойно царскыя славы створити. Недоумевающим же ся сим не дерзающим же ся пред лицем его обличити, брату цареву глаголаша да глаголет цареви, недостоить бо досажати на славу царскаго венча. Сему же брату глаголавшю, дасть ему от[в]ет царь, его же брат на разуме.

Обычай же бе тому цареви, егда же ответ смертный и которому бяше, проповедника к вратом его посылаше в трубе смертней уведати глаголемое. Глаголом трубьным разумеваху вси, яко повиньн есть смерти. Вечеру же бывшю посла царь трубу смертную въструбити при дверех дому брата своего. Яко же услышить трубу смертную, недоумевашеся о своем животе и размысляше о собе всю нощь. Утру же наставшю оболкыйся в смаглы ризы и плаченыя, купно с женою и с чады иде к полате цареве и ста при дверех, плачася и рыдая. И въвед же к собе царь и тако виде рыдающася, глагола к нему: «О неразумне безумне, яко ты тако устрашися проповедник подобнорожьнаго ти и честнаго бра[т]а, к нему же никако же себе съгрешивша ведая, како на мя зазренье наведе, в смиреньи целовавшю ми проповедника Бога моего, гласнии трубы наречьствовавши ми смерть и страшнаго усретенья Владыки моего, яко велия в себе грехы сведая. Се убо ныне твоего обличья неразумья, таковым образом замыслих тако же с тобою свещахся еже во мне зазорная яве обличю». И тако угодив и брата своего наказав, и пусти в дом свой.

Повеле же царь створити ковчегы 4 от древа, два же обложи златом и кости мертвеца вложи в ня смердящая, златыми же гвоздьми заключи. Другую же двою помаза смолою и пекломь и наполни камык честных, бисер многоценьных, от всех благовоньных вонь исполнив, власяными ужи обязав я. И призва велможе, разревшим же царя о

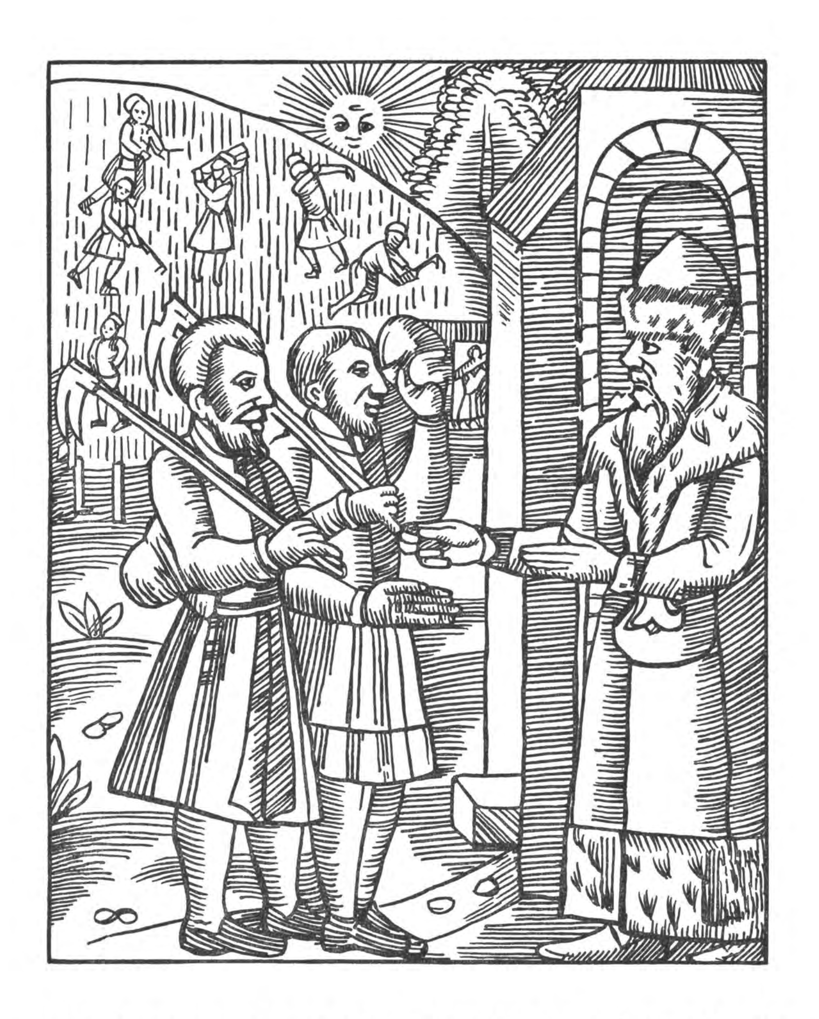
двою мужю оною смереною сретенье, и постави пред нимь 4 ковчеги, да смотрять, колику цена достойна есть златая, колику же осмоленая. Они же двою златую смериша яко множьству цены достойна еста, мняху бо царстии венци и пояси вложени в ня. Смолою же помазаная и пекломь малы и худы цены достойна еста глаголаху. Царь же глагола к ним: «Ведах аз, яко тако вам глаголати, чювьствеными очима чювьственый разум иместе. Аще не тако подобаеть вам творити, внутрьнима очима внутрь лежаще видети или честь или бещьстье».

И повеле царь отврещи златая ковчега. Отверзеным же ковчегом, злый смрад повея из нея и некрасная видена бы видь. Рече же царь: «Се образ бысть в светлыи славныи обличеным, многою силою гордящимся и внутреняя суть мертвецая кости смердящая и злых дел исполнь». Таче повеле отврещи смоленая и пекломь помазаная. Сима же отверзеныма сущема стоящим ту възвеселишася о лежащих в нею светлости, и благоуханье изыде от нею. И глагола к ним царь: «Весте ли, кому подобна еста? Смеренама онема и в худыя ризи облеченома, их вы внешний образ видяще, досаженье въместилище ею мое покланяние до земли. Аз разумныма очима доброту их и честь душевную разумев, чюдився, ею прикасанью лучь венца лучь царскаго обида и чеснейшая въмених». Тако пострами велможа своя и научи я о видимых не блазнитися, но о разумных внимати Богу.

О праведных и грешных

30 ноября. Притча святого Ефрема о праведных и о грешных, и о Божии долготерпении о нас

Богат некто в стране некоей, купи себе село обону страну реки нужныя, и призвав своя рабы, и шед абие раздели им село, яко же сам восхоте, и рече к тем: «Идите каждо на свою часть, и делайте на ней, дондеже пришед вижу ваше дело». И едини от них обретшеся благообразии, и хотяще не преслушати повеления господина своего, идоша на дело. Друзии же от них непослушливи суще и жестоцы, отрекошася господина своего, глаголюще: «Мы гласа твоего не послушаем, и чрез реку не пойдем, и на селе твоем не тружаемся». И о сих не прогневася на ня господин их, но устои пир богатый рабом своим и оупои непослушливая рабы, пове же другим рабом превозивше я реку, и положити



когождо на части, юже даст им господин их. Оудивльжеся о сем раб той и рече в себе: «Аще любит мя господин мой, отвергшу ми ся, и не прогневася на мя, но подъят с долготерпением мое непокорьство, и великую си реку и неужную, аки во сне провезе мя. Тем оубо и аз потруждоуся на селе его, поминая благодать его». И нача раб он делати прилежно, яко же преминути емоу и преже наченъших. И по сих оубудився другий раб, и обрете себе обон пол реки нужныя на селе господина своего, зол же сыи и жесток, рече в себе: «Реку сию великую и ноужную, яко во сне мя превезе господин мои, аз же оставлю пусто село

его, и вижду, что хощет ми сотворити». И паки преклонився ленивыи раб и оусне, и возлежащу емоу, взыде терние и лядина, и покры его. По мнозе же времени прииде господин раб тех, видети когождо дело прежде наченших, и благослови я; та же паки прииде к рабу, его же превезе нужную реку яко во сне, и видев доброе его дело, и возвеселися о нем, и благослови его. По сих иде видети ленивого раба и дела его, и пришед обрете его спяща, и терние с лядиною покрывенна, и призвав и господин его, с прещением рече ему: «Почто остави пусто село мое, и не веси ли како тя перевезох нужную реку яко во сне, и на твоей части, юже ти оуделих, положих тя, и зла не поминах ти о первем твоем пререкании. То не бе ли ти лепо уподобитися клевретом твоим, яко тако же и тех перевезох реку ту». Тогда ни единаго же ответа обрете раб ленивый он в день страшный, тогда оубо сотвори господин их с ними по деянию их, и возда комуждо благая же и злая, послушливым оубо честь, непокорливым же горкую муку.

Толкование. Глаголет оубо богатаго велику Христа; село же — веру, пиянство же — скорби и напасти, нужную же реку — прелесть и богатьство века сего. Прилежных же рабы сотворившия господина своего — праведники глаголет. А иже от пияньства возбнувша, добре делавшыя и познавшыя благодать Господню, и аки от сна от многих прегрешении возбнувшыя, покаянием к правде, и оуведевшыя волю Божию прочее. Ленивый же раб — человек отвергии благодать Божию, и не брегии о своем спасении. О всех сих помысли Павла, сей бо прием епистолию от архиереи, и иде в Дамаск связати верующыя во Христа, и исказити веру, обретеся и сам проповедатель вере, многи бо щедроты Господни на всех боящихся к нему и призывающих его истинною.

О Василии Великом и Ефреме Сирине

3 января. В той же день слово о святем Василии Велицем и о Ефреме Сирине повесть душеполезна

Дивна есть повесть сия всякому послушающему, и всякого оубо блага исполнена есть, и ведуща нас ко спасению. Сладость бо сахара и семидалнаго хлеба ничтоже есть; желание же боголюбивых книг и послушание, паче меда и сота, ведущи в Царство, иже Господь обеща боящимся его. Сия же повесть велми дивна и чюдна и преславна, ея же

не ленюся глаголати на пользу слышащим, яко же слышах в писаниих реченное: «Будите спящия, воздвигните дремлющыя, и понудите ленивыя». И со страхом вси послушайте и разумом внемлите глаголемая.

Брата два беста имеюща дети многи, и вся равно оучиста я, и страдати веляста без лености. И по вся дни нужаста я страдати, и ни единого же дня праздна не дадуща ходити, но рано оубужаста я на дело, и паки позде лещи. Токмо мало сна до куроглашения приимаху, и паки земной страде прилежаще. И тако исполнишася гумна их пшеницы и вина.

Един же брат ею созвав обою дети, рече им: «Брат мой зол есть, и не повесть вам день, вонь же токмо страдавше обогатитися, и николи же страдати. Ве бо страдавше по вся дни, и нечтоже оуспехове. Оуведавше же день той, страдавше вонь, и многа блага исполниховеся, и ныне прошайте отца своего, моего же брата, да вы повесть, аз бо забыл есмь». Они же от радости текоша скоро вопрошати отца своего, дабы не страдати николиже.

Рекоша же пришедша отцу: «Отче, что тако оутомилны еси не поведа нам дне, вонь же вы страдавша, и многа блага исполнена быста и нескудне приимают от ваю дому?» Рече же им отец: «То ни аз чада помню дне того. Но послушайте меня, и благая земли снесте, идите и стражите с прилежанием год до года. Егда же обрящете день той, приидите ко мне в год».

Они же страдаша с радостию лето все, и приидоша, якоже им отец повеле. И рече им отец: «Обретоста ли день той?» Они же реща: «Не обретохом». Дав же им противу труда мзду и отпусти я, рек: «Разложите лето на четыре времени: весну, осень, зиму, лето. И которого времени страду замыслите, да в нем же вы времени пребудете, в том вы день той».

Они же страдавше, приидоша в год и решя: «Отче, много настрадахом и дне не обретохом». Отец же рече им: «То благу оубо возмете противу труда мъзду. Но и еще послушайте мене. Есть в лете дванадесять месяц, и на кииждо месяц стражите, знаменавше и в нем же вы месяцы прибудет, в том вы день той».

Они же сотворишя, яко же повеле им, и с прилежанием страдашя, но дне не обретошя. Никто же бо не весть дня смерти. И приидоша ко отцу и решя: «Что оубо тако, отче, истомил ны еси, оуже не хощем страдати, зане оумножися житие наше гумна, и точила, и скоти, и кони, и сущим по нас досыти». Рече же им отец их: «Чада, мнесте ли

много настрадавше, единою пожар возмет, или вода, или тать. Прочее враг диявол в лености живущих. Но ищите того дне и часа, в кий бо день ни тать не подкопает, ни огнь пожжет, ни вода потопит, аще обрящет ны готовы со Христом. Но и еще единою реку вы. Есть в лете дний 300 и 60 и 5, а часов по 12 во дни, тако же и в нощи. Да идите страдати на кииждо день и час. Яко бо око мьгнет, тако душа выступит». Послужите же ми и послушайте мене, да скажу вам оучения сея притчи.

Толк. Брата два — Василий Великий и Ефрем Преподобный. И дети имеюща многи — Василий в миру насеяв оучением всю вселенную, Ефрем же в пустыни воспитав чада много слезами и постом. Оучаста же дети многи ов в миру, ов в пустыни. Оучаста же творити добрая дела, молитве, посту, воздержанию, кротости, смирению, милостыни, та бо нетрудно в Царство Небесное вводит, и не быти праздным, но страданием же кто ремество оумеет. На ленивыя бо диявол вооружается. Пребывати же в чистоте. И в год святаго воскресения прияти святое причастие, то есть богатьство неистощимое, то есть противу труда мзда прияти, то убо дарове нетленний. И всего мира честнее есть тело и кровь Сына Божия, еже приимающеи верою, спасаются.

Лето есть церкви, в ней же апостольская заповедь, и отеческая оучения, и пророческая речения, страстотерпческая мучения слаждьша сахара и семидала, к ней же приходяще по вся часы, поминающи смерть, и плакатися грехов своих. В месяцы же и дние и часове разныя смерти от Бога посылаеми человеком: или в воде оутонути — ту смерть, или с коня свалився, или идя повалився оумрет, или кусом подавится, или водою захлепется, или от пития велика — то все часове. Того ради и на лето, и на месяцы, и недели, и на дни, и на часове стрещися дне того смерти, и часа того, вонь же душа разлучится. Якоже глаголет: «В нем же застану, в том и сужу». Аще бо застанет смерть во благих делех, якоже рех, в покаянии и в слезах, то аки не оумрети, но преселитися от зла жития во благое. Того ради, послушавъше притчи сея, по вся чясы поминающе смерть, трудолюбно поживем. Зде оубо в мале веце потрудитися, а во веки радоватися.

О посте, чистоте и послушании

16 февраля. Притча от патерика душеполезна, юже сказа отцем

Прост муж некто людин зело говеин, егда приидоша мнози к Пимину, прииде и той с ними и вопрошаху словесе от старца. И рече Пимин к простому мужу: «Рцы слово к братии». Отвеща он: «Аз же ли реши имам окаянный,— и нудяше и много, и глагола,— аз убо не веде ничтоже, но слышах притчю от велика старца, яко некий человек умом старца знаема глаголя: «Понеже вожделеву ми видети царя, веди мя тамо». И той рече ему: «Идоу с тобою до полупути». И рече паки иному приятелю: «Веди ми к царю». И глагола ему: «Идоу с тобою до полаты». И тамо иному другу рече: «Веди мя до царя». Глагола емоу: «Аз тя веду со дерзновением к царю и глаголю о тебе».

И реша емоу: «Скажи нам притчю». И рече: «Первый — пощение, доводя до среды спасеннаго пути. Вторый — чистота, доводя до небес. Третий есть послушание, вводящее с дерзновением к Богу». И вси пользу приимше, похвалиша Бога. Ему же слава, ныне, и присно, и во веки веком.

О печали житейской

16 апреля. В тъ же день притча святого Варлама о печали житистей и о суетнемь богатстве и о милостыни

Человек некто имея 3 другы. Двою же любляше и чтяше, а на третьемь небреженье имяше велье. В един же от дний придоша к нему страшнеи воин от царя, хотяще вести к царю аки нечто зло створиша. Печалну и уныло же ему бывшю искаше помощника, дабы шед умолил царя. Тек же к первому другу, глагола ему: «Помниши ли, друже, како тя любях всегда и душю свою полагах за тя. Ныне же требую помощи, дабы ми еси помогл и от одержащая мя беды избавил». Он же рече ему: «Что ти есть беда?» И рече ему: «Царь по мя послал страшны воины и хоще мя мучити». И глагола ему: «Аще есть тако, несмь аз тобе друг, ни знаю тебе, кто еси. Ины бо имам и с теми веселюся. Но се ти даю две портищь, возми с собою, амо же идеши, а иноя не чай от мене помощи».

Се же слышав, яко помощи от перваго друга несть, тек к другому и рече: «Помниши ли, друже, колико прия от мене чести, яко аз по вся дни паче себе печаловах. И се аз впадох в неизбыточную печаль, да потрудися ити со мною и избавити мя». Отвеща ему другий: «И аз есмь в печали сам, и несть мощно ми ити. Обаче мало иду с тобою и скоро ворочюся опять, своими пекийся скорбьми. Да несть ти во мне помощи».

То же человек рыдаше, тако же тек и к третьему другу, его же не творяше обещника своему веселью, но токмо словом любляше и и со многым трудом глагола ему: «Веси ли, друже, ты, яко аз с тобою дружбу држю. Аще и не творях к тебе любве, ныне же зла напасть ят мя, и помощи не обретох от друг своих, с ними же имех суетную любовь, и се придох к тебе, моляся. Аще ти мощно, да поне мало помощь даси мне и не отрини мене, не поминая немилосердье мое». Он же тихомь и радостным лицемь рече: «Мало помню твоего добра ко мне, и се аз противу тому помогу ити, да не тужи, не печалуй. Аз бо преже тебе пойду к цареви и умолю царя, и не предасть тебе в руце враг твоих. Да не буди, друже, ты печален». Тогда нача глаголати с слезами: «Увы мне, о чемь первое въсплачюся, яко имях веры лживыма и неверным другома, к сему же истиньному другу ни малы показах любве».

Первый же есть друг — пагубное богатьство, его же ради впадаем в многи грехи. Пришедши же смерть ничто же от него помощи, токмо срачице и савана порота будеть, а богатство инем онем останется. Вторый же друг — жена и дети и прочий род, ими же пекущеся по вся дни, душу свою преобидите, а помощи от них никоея же пред Богом, токмо до гроба проводивше, възвратятся собою пекущеся, а о заднице тязатися начнуть. Третий же друг — милостыни, невременьнен, ни мимотекий, о ней же Господь рече: «Створите себе други и от мамоны неправеднаго» и паки «Милуя нища, взаим даеть Богови». Тем же молю вы: възлюбите творити милостыню. То бо есть добрый друг, избавляя вечныя муки о Христе.

Притча от болгарских книг

Человек некто хождаше на поле чисте. И не бе на поле том ни дебри, ни лесу. И се узревше идуща лва с велблюдом. И абие печален бысть и нача скорбети, и не имея, где скрытися от зверей тех. И скоро шествуя по полю, и абие наиде кладез глубок, яко и до дна ему несть видети. И ста над ним.

Зверем же приближающимся к нему, он же поверзся в кладезь. И бе бо в рове два древа растуща от боку кладезя: едино древо сребряное и лисвие имея, а другое златое. И летев, и паде на сребряном древе, и ухватися за ветвие, и сяде на нем. И возрев на гору, и видев лва и велблюда, стояща над ним.

Сидевша же ему тако, и прилетеша к нему горлица, приношаше к нему смокъвы во устех своих, а иногда рошки и ягоды винныя, и даяше ему. Он же приим, и яде, и плакашеся горко. Горлица же паки прилеташе к нему. А ворон приношаше к нему углие горящи во устех, и пометаше на него, а иногда же скверность всякую приношаше к нему.

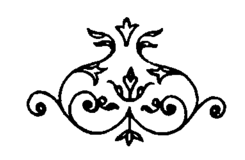
И возрев на коренье того древа долу, и видев две мыши, грызущи корение того древа: едино черно, а другое бело. И паки возрев долу, и видев златое древо стояше. И возрев во дно кладезя, и видев зми, аспидов, и ехидны, и всяк гад движущеся. От них он же творяше, яко несть ему живота исходяше из кладезя того. Но всего не бояшеся, но паче ста дерзати сребряное листвие и класти в недра своя. И скорбяше, да бы пал на златое древо, и возмыслив на серцы своем, и пустися на ня. И абие пад на древе том, и не ухватися, и паде во дно на оныя злыя скорпия.

Зане же бе зми превелик, живя ту во древяном, и оглуши его свистом своим. Да сего ради упаде и зле погибе.

Толкование. Поле бе рече мир света сего. А верблюд есть немощь, старость человека. А лев — смерть, яко Давыд рече: «Яко лев рыкая и восхищая и душу мою». Кладез есть суть дияволя, в ней же увязаю мнози чело-

вецы, и многи погибают, вмещущися во усечение диявола. А сребряное древо есть стязание, дом. [А горлица] есть приносяще смоквы и пла[ч]ущся — ево ангел, приносяще добрыя дела, плачющеся ево гресех. А ворон есть, приносяще углие горящее и всякую нечистоту, то есть диявол, разжизая сердца человеческа сребролюбия и на вся неприязненныя дела. А зми свистая посреде древа живяше — то есть скупость и немилость к нищим. Златое древо —

желание, сытость, сластолюбие. Скорпия есть и ехидны во дне кладезя — то есть мука вечная. Любяи сребро человек не насытится: егда много стяжают, ино восхощет; и егда то стоит и паки других желают — николи же престанут от суетнаго сего жития. Яко же бо и погибели не насыться, тако же и очи человечески не имеют спасти. Но се есть последня бездна в человецех, еже оставиша богатство детем, а сами в муку идут. Аминь.



Притчи Кирилла Туровского

О белоризце и о мнишестве

Повесть Кирила многогрешнаго мниха к Василию игумену Печерьскому о белоризце человеце, и о мнишьстве, и о души, и о покаянии

В некоем граде беаше царь зело кроток, благ же и милостив, добре смотряше о своих людех; сим же точию единем — не бе разумен, понеже не бояшеся бества, ни ратнаго держаще оружиа; не мневше иному нань въстати. Имеяше при собе царь тъй многы другы и светникы и едину дщерь мужеумну. В тех же съветницех един бе мудр и благоразумен, иже скорбяше присно о небоязньстве цареве, обаче искаше времене потребна, како бы ему глаголати к царю, да бы ся готовил на рать. В един же час нощи внезапу бысть молва по граду велика, и рече царь к своим светником: «Изидем и походим по граду, некли обретше имемь творящаго в нашем граде мятежь; зело бо в велице есмь ныне страсе». И шедше же и всюде походивше, ничто же обретоша, но точию движение граду. Всем же светником в унынии бывшимь и о семь недомыслящимся, он благоразумный светник, поемь царя и с дщерью его, к велицей приведе горе, имущи много различная оружиа, в ней же узреста светлую зарю, оконцемь от пещеры исходяща. И к тому приникнув оконцю, видеста внутрь вертьпа жилище, в нем же седяще мужь, в последний нищете жива, худыми облачен рубы, ему же приседяще искрь своя жена, слажьша брашна поющу песнь. Предстояшеть же ему некто красен и высок, на твердем камени, питая и вино черпля. И мужю чашю приемшю, тогда похвалами венчаху, многою радостию мужа. Сии же вся соглядав царь, призва своя другы и рече к нимь: «Оле чюдо, мои друзи, видите, како худое се и потаеное житие честнее нашея державы веселится и светлее внишних внутрьняя сияють!»

Сде бо слово поставлеше и на предреченаа възвратимся,

разрешающии притче съуз,— успеха ради простейших, а быстрии умом преже сказаниа си ведять. Последок же слова подробну речемь.

Град убо есть, братье, съставление человечьскаго телесе, ему же творец и зижитель Бог.

А иже в немь людие — чювьственыя уды нарицаем; слух, видение, обоняние, вкушение, осязание и нижняя теплоты сверепьство.

Царь же есть ум, обладаай всем телом. Зело же есть благ, и кроток, и милостив — о своем бо телеси паче всего печется, тому ища потребных и крася его одежами. Добре же смотрить своим людем — от слышаниа бо добра высится, а от зла мятется; очима же похоть створить, а обонянию желание исполнить; устом же объядение даеть, а рукама несытьство бранья богатьству створит; с теми и нижняго сверепьства свершаеть похоть.

Чим же единем не бе разумен? — Понеже не тако печашеся о души, яко же о телеси; ни помышляеть бо бесконечныя зле сде живущим мукы, ни готовится на будущаго века праведником уготованую жизнь. Того ради и Павел глаголеть: «Мир весь в зле лежить». Не слышить бо Соломона глаголюща: «Блажены, иже обрете мудрость, и смыслен, иже уведа разум житьа сего».

Светници же суть и друзи — житийскиа мысли, не дадуще ны о смерти помыслити.

Бегство бо книгы смерть нарицають, ибо и Христос жидомь глаголаше: «Да не будеть бегство ваше зиме, ни в суботу, сиречь, да не достигнеть тебе смерть в гресех, ни в праздник, без покаяниа».

Ратьная оружия — пост, молитва, въздержание и телесную чистоту апостол нарицаеть: «Възмете бо,— рече,— вся оружиа Божиа, да възможете противитися в день лют». Но сего мирьстии человеци не любят держати.

Нощь же есть света сего мятежь, в нем же акы в тме мятутся, друг чрес друга в погибель сами себе пореваемь, ли яко сном одержыми, не въздержимся от греха.

А еже в един час бысть велика по граду молва — то есть нечаемая на человека напасть: ли недуг, ли потоп, ли язва, ли к власти обида зла.

Тогда все житийскыя останут мысли и иступление бываеть уму,— еже есть царев страх, и шествие по граду, и необретение творящаго плищь. Никоторая же бо хитрость пременити възможет Божия попущениа, точию святых мужь молитва. Истина же се есть: Петра бо от церкве зань бывающая молитва от темници и вериг избави; слы-

шим же и Павла к римляном глаголюща: «Паче силы оскорбеша ны в Асии, яко не надеятися нам и живота, но Бог избави ны вашими молитвами». Аще ли не будут достойни живии о вещи Бога умолити, призываемь препочившая святыя. Сведетель же сему Исаиа, иже смерть Иезекии от Бога подав и пакы не токмо сдравие тому же Иезекыи принесе от Бога, нъ и граду избавление: «Но се ти,— рече,— дарова Бог Давыда ради отрока твоего». Тако же и трие отроци моляхуся глаголюще: «Авраама ради възлюбленаго, и Исака раба ти и Израиля святаго твоего»,— того ради и в пламени неизгоревше изыдоша.

Да се есть подобно время оного благоразумнаго светника, еже не искати чаров, ни волхвов, но верою глаголати: «Благо мне, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим». И пакы: «Яко годе бысть Господеви, тако и бысть». Господь живить и мертвит, богатить и убожить, смиряеть и высить, и от болезни устрабляеть немощна.

Гора же есть манастырь, в нем же духовнаа оружиа на противнаго дьявола си суть: пост, молитва, слезы, въздержание, чистота, любы, смеренье, покорение, люботрудие и несъние.

К той горе благоразумный съветник приводить царя,— сиречь печаль ума к монастырю: то бо есть гора Божиа, гора тучна, гора усырена, гора, юже благоволи Бог жити в ней. Придох же к горе — се есть обетное к Богу слово: «Обещайте бо ся,— рече,— и въздадите». И пакы: «Въздам тобе обеты моя, иже изрекосте устне мои и глаголаша уста моя в печали моей».

Приничение же к оконцю — еже слышати душеполезное учение: «Сказание бо,— рече,— словес твоих просвещаеть и разум даеть младенцем»; пишеть бо ся: «Възведох очи мои в горы твоя, отнюду же приде помощь мне»; яко ту рещи с Давыдом: «Господь съхранить вхожение мое и исхожение отселе и до века». Никого же бо Христос к покаянию нужею влечеть, но вещми разум дает, да от тех познавшим его, и в Небесное вводить Царство.

Пещера же глубокаа — церквы есть монастырска, пророкы дозрима, апостолы устроена, еуаггелисты украшена.

А иже от нея светлая сиящи заря — богохваленаа жертва, немолчьная алилугия псаломьстими гласи: «В нощех бо, рече, въздежете рукы ваша в святая и благословите Господа»; и пакы: «Полунощи въстах исповедатися

тебе»; «Тако, рече, да просветится свет вашь пред человекы, яко да узрять дела добрая ваша и прославять отца вашего, иже есть на небесех».

Внутреней же вертеп — устав, глаголю, апостольскаго предания, келейнаго житья, в нем же никто же своевольство имать, но всем вся обьща суть. Суть бо вси под игуменом, акы уди телеснии под единою главою, съдръжыми духовными жилами.

А иже в нем седяй мужь, в последний жива нищете,— се есть весь чернечьскый чин. Седение же безмолвие являеть; «Рех бо,— рече,— схраню пути моя, да не съгрешу языком моим; онемех и смирихся, и умолчах от благ»; и пакы: «Аз же глух и не слышах, и акы нем, не отверзох уст своих» — и прочаа подобна сим. А последняя нищеты житье — сиречь от белоризець осуженье, досады и укоризны, хулы и посмеси, опытаниа не бо тако мнять, яко Богу работающа мнихы, но акы прелестникы и свою погублеша душю. Того ради Павел глаголаше: «Бог ны апостолы последняя яви, акы насмертникы, яко позору быхом всему миру». И паки: «Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христе».

А иже худыми оболчен рубы — се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, и сукняныя одежа, и от козьих кожь оболченья. Всяка бо добра риза и плотьское украшенье чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья: «Иже бо, рече Христос, мякъкая носять, си в домех царскых суть. Но суть целомудрием оболчени и правдою поясани, смерением украшени».

Приседящиа же искрь своя ему жена — се есть неотлучающаася смертная памят, сию сладкую поющи песнь: «Глас радости и веселиа в селех праведник. Приведници в векы живут, и мзда им от Господа. Смерть праведнику покой. Богатьство, иже мимо течеть,— не прилагайте сердца. Не помилую бо всех творящих беззаконие. Того ради,— рече,— забых снести хлеб мой от гласа въздыханиа моего».

Предстояй же ему он красный — Христос есть: близ бо Господь всех боящихся его; хотение их исполнить и молитву их услышить. Се красен добротою паче сын человеческ; щедр бо есть и милостив Господь. Не придох бо, рече, да ми послужать, но да послужу и положу душу свою избавление за многы.

Зело же высок есть,— понеже Сын сый Божий, съшедый с небесе и воплотися нашего ради спасениа, и бысть человек, да человека обожить.

Стоить же на твердем нашея веры камени. О сем бо Амос, Иеремея послушьствуета; он глаголеть: «И се человек высок стояше на твердем камени, призывая страны и питаа своя»; Иеремия же рече: «Человек есть, и кто увесть и? Но да явится странам, яко Бог есть».

Питаяй же и черпляй вино — всем верным подаваяй честное свое тело в оставление грехов и святую свою кровь и живот вечный.

Възбраняющия же другы — своя комуждо свесть. Въпиеть бо Павел: «Иже кто ясть хлеб сь и пиеть чашю Господню, недостоин сый, грех собе ясть и пиеть, повинен есть телу и крови Господни».

А егда прииметь мужь чашю, похвалами венчають его — се разумей очистившихся покаяниемь и приимших животворную чашю в освящение души и в очищение телеси. Тогда бо Бог Отец хвалить пророческими гласы: «Блажени, им же отпущена суть безакониа, им же прикрышася греси, им же не вменить Господь греха». И пакы: «Веселитеся о Господе и радуйтеся, праведнии! Венчаеть же Святый Дух, яко почиваеть на честных причастньцех; уже бо я обрете достойны собе ссуды и вселися в ня; измыша бо храм его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродетелию, накадиша бо жертвьными въздыхании». Многою же радостию Христос с святыми аггелы веселится: «Радость бо,— рече,— бываеть на небеси о едином грешници кающимся; радуйте бо ся,— рече,— со мною, яко обретох погыбшюю драхму».

Се же вся согладав царь призва своя другы. Съгляданье — помышление есть благо, еже остатися от греховных обычай и научитися благоугодных, собрати же сего суетнаго житиа помыслы, и окаяти сего света лестнаго красная, и речи соломоньскы: «О суетие, суетою буди! Всяк бо человек, сих ради нудяй себе трудомь, изножай себе в погыбель, и чюдится аггельскому богонабдимому иночьскому житию, и вся оставляеть, и ту саму телесную печаль, и тщится всяк человек по искушении телесных вещий о души попещися».

Сим же сице сказаном, и прочее без разума да не останеть. Не бо мы сей повести творци есмы, но от богодухновеных вземлюще писаний, акы от постава уимице и сия презък плетем, акы детищь пред вашим отчьством немующе вашю веселием любовь.

О душе и теле

Кирила Мниха притча о человечьстеи души и о телеси, и о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телесе человеча, и о будущемь суде, и о муце

Господи, благослови, Отче!

Добро убо, братье, и зело полезно, еже разумевати нам божественных писаний учение: се и душу целомудрену створяеть, и к смирению прилагаеть ум, и сердце на реть добродетели извоостряеть, и всего благодарьствена человека створяеть, и на небеса ко владычним обещанием мысль приводить, и к духовным трудом тело укрепляеть, и приобедение сего настоящаго жития, и славы и богатьства творить, и всея житискыя света сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитеся прилежно почитати святыя книги, да ся Божиих насытивше словес и будущаго века неизреченных благ жадание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вечна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецемь языком пишемая глаголюще, но с расмотрениемь внемлюще, потщимся делом створити я.

Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрее книгий разум: сия убо суть скровища вечныя жизни. Аще бо сде кто обрел бы земное скровище, то не бы на се дерзнул, но един точью честный камень взял бы,— уже бес печали питаеться, яко до конца богатьство имый. Тако обретый божественных книг скровище, пророческых же и псаломьскых и апостольскых и самого Спаса Христа спасеных словес истиньный с расужениемь разум,— уже не собе единому бысть на спасение, но и инемь многим послушающим его. Сему случается еуаггельская притча глаголющи: «Всяк книжник, научися Царствию Небесному, подобен есть мужу домовиту, иже износить от скровищь своих ветхая и новая»; аще ли тщеславиемь сказаеть болшим угажая, а многи меншая презрить, буестью крыя Господню мнасу, недадый жизньным торжником, да удвоить царьское сребро, еже суть человеческыя душа, и видев Господь горды его ум, возметь свой от него талант; сам бо прозоривым противится, смиреным же даеть благодать.

Аще бо мира сего властели учитися в них и всем сердцем взискати их, свидения и в житискых тружающеися вещех человеци прилежно требують книжнаго поучения, колма паче нам подобаеть словес Божиих, о спасении душь наших писаных. Но тружается мой мутны ум, худ разум

имея, немогый порядних словес по чину глаголати, но яки слеп стрелець смеху бываеть, немоги намеренаго улучити, но не буди нам особь подвигнути ненаказан язык, но от божественых вземлюще писаний; со многою боязнью еуаггельскых касаемся беседовати словес, приводне Господню притчю сказающе, юже Матфей церкви предасть.

Зачало. Рече Господь: «Человек некто домовит беаше, иже насади виноград, и остени его оплотом, и ископа точило, и остави вход, и створи врата, но не затвори входа. И отходя в дом свои, «Кого,— рече,— оставлю стража моему винограду? Аще оставлю от служащих ми раб, то сведуще мою кротость, истеряють благая моя. Но сице створю: приставлю ко вратом хромца и с ним слепца. Да аще кто от враг моих въсхощет окрасти мой виноград, то хромец убо видить, слепець же чюеть. Аще ли от сею всхощеть внити кто в виноград, хромець убо не имать ногу доити внутрених; слепець же аще поидеть, то заблудив в пропастех убьеться». И посадив я у врат, дасть има власть на всех внешних; пищю же и одеянья нетрудну съготова. «Точью,— рече,— внутренних без моего не коснитеся повеленья». И тако отиде, поведев има свой по времени приход и тогда мьзду стражбы ради обещав има взяти, попрети же и мучениемь, аще его преступита заповедь». Си же до зде оставлеше, паки въсприимем еуаггельское слово, плод устен на умней тряпезе вашего ока предлагающе.

Ответ. Человек домовит — Бог всевидець и вседержитель, створивы вся словом, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть,— яко не един дом имать, по писанию. Глаголеть бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя земля; вселеная и конець ея ты основа». И паки: «Небо ми — престол, а земля — подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыд превыши небес воду поведуеть. Но смотри в писания, разумеи: везде сы домы Божиа, не токмо в твари, но и в человецех. «Вселю бо ся,— рече,— в ня». Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человечью и взнесе ю от земля на небеса,— да престол есть Божий человеча плоть; на вышнемь же небеси престол его стоить. А еже насади виноград — рай глаголеть: того бо то есть дело. Пишеть бо ся: «И насади Бог рай в едеме». А иже остени его, рече, оплотом — своимь страхом. «Страхом бо его,— рече пророк,— движется

земля, расседается камение, животная трепещють, горы куряться, светила раболепно служать, облаци и вся вздушная тварь повеленая творять». Стена бо — закон речется. Закон же всему заповедь Божия есть. «Предел бо,— рече,— положи и, его же не преидуть, ни обратяться». Остави же вход — сиречь свидения разум: вся бо тварь не преступаеть Божия повеления: «Вся бо,— рече,— от тебе чають: даси им пищю в время». Пища же не брашно речеться, но слово Божие, им же питается тварь. Глаголеть бо Моисей: «Не о хлебе едином жив будеть человек, но о всяком глаголе, исходящим из уст Божии». Незатвореная же врата — дивныя Божия твари устроение и над теми Божия сущьства познанье. «От твари бо,— рече,— творца разумей: не качьство, но величьство и силу, славу же и благодать, юже творить угажая всем вышним и нижним, видимым и невидимым». Аще бо и нарицаеться Христос человеком, то не образом, но притчею: ни единого бо подобья имееть человек Божья. Не сумнить бо ся писание и ангелы человекы нарицати,— но словом, а не подобием.

Аще бо блазняться етери, слышаще Моисея глаголюща: «Рече Бог: створим человека по образу нашему и подобию»,— и прилагають к бесплотному тело, не имущє стройна разума, и есть си ересь и доныне человекообразно глаголющим Бога, иже никако не описается, ни меры качьству имать. Но си оставль, о первемь възглаголю.

И отходя в свои дом, «Кого,— рече,— оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — Отца и Сына и Святаго Духа не о твари, но о владущеим тварью, сиречь о Владыце, ему же въсхоте предати землю и всяко дыхание поработити; не ангелом бо покори вселеную, и прокая. «Оставлю,— рече,— у врат хромца и с ним слепца». Что же есть хромець и слепець? Хромець есть тело человече, а слепець есть душа. Преже Бог создал тело Адамле безъдушно, потом же душю. По создании бо тела, глаголеть писание: «И дуну на лице его дух животен». Тем же тело без душа хромо есть и не нареченться человек, но труп. Смотри сде и разумей от бытийскых книг. Створи Бог тело вне рая и внесе е в едем, а не в рай. Едем же речеться — пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваеть обильну пищю, ти потом приведеть званаго — тако и Бог преже уготоваеть ему жилище едем, а не рай. Рай бо место есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо всем входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещением и питающи живущая в ней нетрудно, одевающи же и веселящи вся вселшаяся в ню. Глаголеть бо пророк: «Се работающии церкви ясти имуть и насытяться». И пакы: «О, чада церковная, съсущеи от сесцю ея тук и масть, помажете веселием главы своя». И Давыд: «Упиються,— рече,— от обилья дому твоего и потоком пищи твоея напоиши я». И пакы о одежи священьник и оболчении мних: «Иереи твои, Господи, облекуться в правду», и прочая. Мниху же: «Соодел мя еси нужныя и нелепыя одежа и оболк мя в спасение и препоясал мя еси веселиемь». Въспойте же, рече, Господеви песнь нову, хваления в церквах преподобными его. И се яве есть: от клиросник — епископа и от монастыря — мних. Вижь, яко епископия и манастырь — едем есть, сиречь нетрудная жизнь; олтарь же свят, сиречь едемьскы рай — неудобь въходим, аще и врата незаключена имать. Тако бе посажен хромець с слепцем у врат стрещи внутрених, яко же преставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремь стрещи святых тайн от враг Христов, сиречь от еретик и зловерных искусник, нечестивых грехолюбець, иноверных скверник. Послушайте же со вниманиемь,

да по ряду беседу скажемь, и вы со вниманием смотрите. Аще бо и мутен имею ум и язык груб, но ваших недеяйся молитвах прошю дара слову. Аще и недостоин есмь о сих глаголати, но ползы ради послушающих пишем. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на ползу обрести, но зазираеть, чимь же бы нас потязал и укарял.

Седящема же има етеро время, рече слепець к хромцю: «Что убо благоухание се изутрь врат пометаеть мя?» Отвеща хромець: «Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин,— посади тебе зде слепа, мене же хромого и не можеве никакоже тех насытитися благынь». Отвеща глагола слепець: «То почто сего давно неси ми поведал, да быхове не жадали, но к сим даным нам в область и она особь въсхытиве! Аще бо аз слеп есмь, но имамь нози и силен есмь, моги носити тебе и бремя». (Вижь, душевное бремя грех; того ради глаголеть пророк: «Яко бремя тяшко отягтеся на мне»). Рече же слепець: «Возми убо кошь и всяди на мя, и аз тя ношю, ты же покажай ми путь и вся благая господина наю обьемлеве; не мню бо, яко придеть семо наю господин».

Се помышления суть ищющих не о Бозе света сего санов и о телеси токмо пекущихся, не чающих ответа о делех въздати, но акы суетну пару свою душу в ветр полагающем. Того ради глаголеть Исайя: «Зависть приимуть люди ненаказаныя», завидим мы, грешнии, чести и славе праведных, а не преже творим делес их.

«Аще ли,— рече,— придеть наю господин семо укрыеться от него наю дело. Аще бо мене въспросить о тадбе, аз рку: «Ты веси, господине, яко слеп есмь». Аще ли тебе въспросить, ты рцы: «Хром есмь и не могу доити», и тако премудруеве наю господина и приимеве мьзду наю стражбы». Въсед же хромец на слепца и дошедша окрадоста вся внутрьняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелеп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птице нест мощно на аиерьскую възлетети высоту, тако и мне в телесных вязящю похотех, невозможно о духовных беседовати: не сольнуть бо ся грешнича словеса, не имуща благодати Святаго Духа. Обаче на предъреченая възвратимся, разрешающе притча соуз.

Т[олк]. Седящема же има, рече, долго время. Что есть

долго время? — бестрашие Божия заповеди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх Божий имея, в плотьскых прельститься; никто же правоверен, чрес закон священьскаго ищеть взяти сана; никто же смерти чая и по смерти пакы въскресения,— те в злых пребывають делех. Но пакы то же реку разума деля. Рече слепець к хромцю: «Что убо благоухание изутрь пометает мя?» — и прочая. Се надмение Адамова высокомыслья, яко всеми обладая земными животными, морем же и в нем сущею тварью, в едеме благых насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради Писание глаголеть: «Изгна бог Адама из рая и осуди его делати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелено ему бе жити, отнележе его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковник, недостоин ереиства и утаив грех свой, не брег же о Божии законе, но имене деля высока и славна житья на епископскыи взиде сан. Слогы подобны. Того ради смертью Адама осуди, понеже коснуся древа разумения добра и зла. Древо бо разумения добра и зла — есть разумны грех и волное богоугодья делатель. Пишеть бо ся: «Горе в разуме согрешающим!» Сего ради погубив дуновениемь духа животнаго, его же въдхну Бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишеть бо ся: «И дуну на лице его дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостолом: «Приимете,— рече,— Дух Святы» — несвершен дар, точью обет священия; ждати бо им повеле самого Святаго Духа: «Иже пришед,— рече,— до концȁ освятить вы». Сице и святители святять падьяки и четции и дьяконы — несвершен дар, но обет священия, да ся приготовають на свершеное святительство. Ничто же бо Богови тако любо, яко же не възноситися в санех, ничто же тако не мерзить ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о Бозе.

Смотри же оного слепца с хромцемь, како преобидеста господина своего заповедь и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутрених, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зело, и тако окрадоста, их же повелено има стрещи.

Привод. Того древа вкуси Каин; не сый священый на священьчьскый дерзну чин, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Кореови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и поидоша в скинию неосвящении суще,— и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже ведый своя сына безаконьствующа во иерействе, не отлучи ею священства.

Того древа вкусиша еретици, иже злохитрем аки ведуще душевный путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша. Но сия сократив, на первое взвратимся сказание.

Аще и отнемогл есть моего глагола уд, но пророк взущаеть мя, такоже глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».

Обличение грех. Слышав же господин, яко окраден есть виноград его, повеле изринути от врат хромца и изгнати от стражбы слепца.

Разумеите же ныне, безумнии в людех сановници, буии во иереех! Когда умудритеся? Навсажи ухо не слышит ли? И создавы око не смотрит ли? Наказая языкы не обличит ли? Учай человека разуму не уразумеет ли нашего грехопадения? Господь бо свесть злохытрых помышления, яко суть лестна, и тъ изъметаеть неправедныя из власти и изгонить нечестивыя от жертвеника. Никий же бо сан мира сего от муки избавить преступающих Божия заповеди. Но молю вашу любовь, со вниманиемь пишемых смотрите и яже слышите разумеите.

Повеле Бог изринути из рая Адама, понеже неповеленаго ему коснуся, сиречь преже веления вниде в место святое. И усели противу райстей пищи,— «Еда како,— рече,— простре руку и возметь от древа породнаго и жив будеть в веки»,— сиречь некли помянеться и смирився покаеться, о них же согреши. Оле многое Владычне человеколюбие! И казнить ны и милуеть, греха ради озлобляеть ны — и паки покаянья ради приемлеть; не хощеть бо смерти грешнича, но обратитися велить и живу ему быти.

Что есть древо животное? — Смиреномудрие, ему же корень исповеданье. «Исповемь бо,— рече,— на мя беззаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благоверье. «Вера бо твоя,— рече,— спасеть тя»; все бо верующему даеться. Того стебла многи и различны ветви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тех ветвий добродетелий плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбье — мнози бо суть путье спасения. Вижь яко не в раи бе животное древо, ни в едеме, но во оземьствии, рекше отлучении сана.

Изрину паки и Каина, въпросив его убийства братия, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сиречь покайся о злобе, о зависти, о льсти, о убийстве, о лжи, смирися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изыде от лица Божия — недальствомь земля, но неименьем страха

Божия при свои души. Благым делом не сущим в нас, ни покаянию о гресех, в коим си сану будем, далече Бога есмы. Близь бо Господь скрушеных сердцем; смиреныя духом спасеть, волю боящихся его створить. Лице же Господне на творящая злая: потребити от земля память их.

Сице и Павел изринул от святаго жертвеника Уменея и Филита и съблудившая в Коринфи священникы и оземьствова я противу святу олтарю, сиречь постави я с клирики, рек: «Имейте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають — и живи будуть!» Не всхоте сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о нем же рече Павел: «Да вздасть ему Господь в день судный по злобе его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае, быв от семи дьякон, иже отвергъся Христа и быв кумирожрець в Селуни, а он опредаяше мучителем крестьяны; о нею же пишеть Иоан, глаголя: «От нас изыдоша и быша на ны». Того породнаго не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумеша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благ Господь!» Нест бо греха, иже сдолеть Божии милости.

Точию не отчаим себе, яко Июда; ни неверуим телесному въскресению, аки садукеи,— но покаяньем толцемь в Божия двери, дондеже отверзеть нам райская врата. Не лож бо рекы Господь: «Толцете, отверзется вам; ищете и обрящете, просите и дасться вам». Но да не предложениемь словес умножю писанье и зело предложю беседу, но на пред реченая възвратимъся.

Видев же он человек свой украден виноград, въсхоте отлучити слепца от хромца,— повеле первое привести слепца, да его опытаеть, кто есть преслушал заповедь его и присягл к невходьным бес повеления его.

Ничто же бо възможет Божия таитися ока, и никто же нас тако свесть себе, яко же Бог всех нас свесть.

Т[*олк*]. Повеле разлучити Бог душю от тела. Словом бо Божиим исходить от тела душа: «И отимеши бо,— рече,— дух их и ищезнуть и в персть свою възвратяться». Да егда видиши тело погребено в земли, не мни ту суща и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святых видиши чюдотворныя мощи, не ту их твори душа, но Божию разумей благодать, тако прославляющю своя угодники: «Славящая бо мя,— рече,— прославлю». Повеле привести слепца: по ищезновении от тела душа

всякого человека пред Бог преходить с приставленым к ней ангелом, вернаго же и невернаго, сущаго в законе и всякого безаконника. «Господь бо,— рече,— испытаеть праведнаго и нечестиваго»; вси бо роди язык от единоя быша крове рожении и рассеяшася жити по лицю всея земли, им же Бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и времяна обильная. «Сияеть бо,— рече,— солнце свое на добрыя и злыя», и прокая. Но никто же о глаголех сих да не зазрить ми,— но испытайте Писания и обрящете мя от Божиих вземлюща книг. Пишить бо Моисий: «Постави пределы языком по числу ангел Божии». Иеремея же: «Един есть,— рече,— Господь всех, иже под небесем язык», аще бо остави я в своей когождо прельсти, но душа их пред ним явиться, и тъ судить по делом их. Павел же: «Что бо мне,— рече,— внешним судити, но утреним и вы судите, а внешним Бог судить». Утрьни глаголеть в законе, а внешныя — безаконии языкы. Слышати бо подобаеть Божие имя ныне разлучающимся от телес душам, да и в последни день въскресше с телесы неблазньно поклоняться Богови, а не им же ныня работаша прельщени бесом, по апостолу глаголюща: «И тогда увидить всяко око, и всяк язык поклониться, исповедая, яко Господь Исус Христос в славе Бога Отца един». Но си вси учившеися ведять,— аз же о слепце початую беседу противу силе по вмещению ума въкратце скажю, аще и поимы творящих ми дозрю; ведь бо яко не суть от премудрости, но от грубости сия сказания. Но обаче на основании пророчестве и апостольсте зижем, имуще уголника самого Христа.

Приведену же бывъшу слепцю, быст опытание. «Не добра ли тя,— рече,— стража створих моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвеща ему слепець: «Господи, ты веси, яко аз слеп есмь и не вижю без водящаго мя камо ити, и не веде ни единого места, аще и хотел бых. Ни чюх же ни кого же минующа мене враты, да бых крепко в след его въпил. Но мню, господи, яко хромец есть крал».

Вижь ложное ныне спирание души пред Богом и клеветание на тело.

Т[*олк*]. Сице же есть душевъны глагол: «Господи, аз дух есмь. Да ни ясти, ни пити хотел есмь, ни чьсти ни славы земныи искал есмь, ни телесное не разумех похоти, ни дьяволи створих воли,— но та вся тело есть створило!»

Тогда повеле господин блюсти слепца во укромне месте, идеже сам весть, дондеже придеть сам к винограду и призоветь хромца, и тогда судить обема.

Того ради до второго пришествия Христова нест суда ни мучения всякой души человечи, вернаго же и невернаго. Веруйте же в правду въскресению человеческых телес. «Послеши бо,— рече,— дух свой, и съзижються, и обновиши лице земли». В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть. «Прорци,— рек,— сыне человечьск на мертвыя сия кости, да будуть на них телеса и опнется на них кожа, да придеть дух от четырь ветр и внидеть в мертвыя си, да оживуть!» Се же все сам творець действуеть, не инако чина превращая, но инако исконьное дело свое понавляя. Преже бо созда тело Адамле, ти потом вдуну душю. Тако во утробе женьстей: перво от семени зижеть тело, по пяти месяць творить душу. Во крещении же первое поражаеть водою, потом же обнавляеть духом от тленья греховьнаго. Тако и в последни день: первое обновить землю и сбереть персть человечю и съзижеть всех нас телеса в мегновеньи ока, потом душа наша в свою когождо внидуть храмину,— по Павлю глаголющю, яко сам Господь в гласе архангелове, в трубе Божии сниде с небеси, и мертви о Христе воскреснуть преже, потом же и мы живии. Кто суть мертвии? Вси языци, не бывъше под Божиимь закономь, ни приимше крещенья. «Елико, бо,— рече,— безаконьно съгрешиша, безаконьно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Вижь всех человек телесем въскреснути и веруим Павлову послушеству, словесем Господним глаголющем: «Иже ли не створить искони Богом создана человека, то не разумееть и крещениемь в живот порожена; тем же и не чаеть последняго с телесы въскресения въстающим всем человеком в бесконечны живот — овем в честь и славу, овем в студ и в муку». Но да и прокое речем.

Егда приде господин взяти плод от винограда и видев его окрадена, и призва хромца и совъкупи с слепцемь, и начаста сама ся обличати. Хромець глаголаше слепцю: «Аще не бы ти мене носил, никако же аз могл бых тамо доити, понеже хром есмь». Слепець же глаголаше: «Аще не бы ты мне пути казал, не бых тамо аз доити могл». Тогда господин сед на судьнем столе и начать има судити. И рече: «Яко же еста крала, тако да сядьть хромець на слепца». Въседшю же хромцю, повеле пред всеми своими

рабы немилостивно казнити в кромешней мученья темнице.

Разумейте же, братья, сея притча сказание. Человек есть домовит — Бог Отец, всячьскых творець. Его же сын добра рода — Господь наш Исус Христос. А виноград — землю и мир нарицаеть. Оплот же — закон Божий и заповеди. Слугы же сущая с нимь — ангели глаголеть. Хромець же есть — тело человече. Слепца же душю его менить. А иже я посади у врат — человеку бо предаеть Бог в область всю землю, дав ему закон заповеди. Преступившю же человеку повеление Божие и того ради смертью осужену бывшю, первое душа к Богу приводится и спирается глаголющи: «Не аз, но тело есть створило». И того ради нест мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иже Бог весть. Егда же придеть обновити землю и въскресити вся умершая, яко же сам Бог преже глагола, тогда «вси сущи в гробех услышать глас Сына Божия и оживуть, изыдуть створше благая въскресение живота, а створши злая — въскрешение суда». Тогда бо души наши в телеса внидуть и приимуть възда-ние кождо по своим делом — праведници в вечную жизнь, а грешници в бесконечную смертную муку. Ими же согрешить кто, темь и мучен будеть.

Сице же и мне о сих сказавъшю не от умышленья, но от святых книг. Да нест се мое слово, но беседа; несмь бо учитель, яко же они церковни и священии мужи.

Притчи из Диоптры Филиппа Пустынника

О блуднице

Аще ли же и от притча познати хощеши, приведу ти и разумееши. Яко же некий царь страшный и велик имяше же град высок и тверд и велик и жителя в нем. Благородный и великии имяше же и сына единароднаго царь. Он восхоте жь его и жене сочетати и оставе всех онех граждан дщеря благолепнейшая и премудры зело имуще вено безчисленное благомудрены и благопокорныи вся. И рече царь ко своему сыну: «Иди, вселюбезне, в вес мир и поими себе жену, якову же сам похощеши, не хощу бо и не велю от сущих зде граждан дщерь ни едину сочетати тебе, сыну мои». Он же изыде далече во грады иноплеменныя и в языки варварския иноязычныя испутуя, и ища еже обрести невесту, изыскуя прилежно по всему миру. Тамо же сотвори лета многа, яко быти пять сот десяторицею и еще единою. Се тако избрати же и изволи блудницу неудержаную, нечисту же, и срамну, и оскверненну, нагу, неизмовену, нищаву, и краставу. Измы и помаза, и напита, и исчисти ю от всякия скверны, и в резу оде я, яковы же несть по всему миру. И сию прием приведе в полату, яко же убо веди ю царь. Он облыбыза ю и возлюбив прият радуяся, и венцем ту венчав, царицу показа еи, и одесную себе посадив абие, и наследницу устрояет ю своему царствию, обеща же ся еи не по мнозе и тоя все сродство в полату привести: «Идеже бо невеста моя, ту племя и всеродство ея будет, тако бо есть подобно». Сию же яко видеша граждане, они величаиша князи царя оного советники же вси и составления вся недоумеяшася, и удевишася, и почюдиша же ся о содеянием безместнем, яко тех дщеря лучшая и добреишая и краснейшая видом преобиде убо и невожделе сия, и не восхоте их, ниже возлюби отнюд, но блудницу убогую и скверную. До конца протчее, елижды хотят царю приности честь же и поклонение, и сынови его

споклоняются, и тои, яко соседницу сущу не хотяще и неволею с боязнею и страхом, и трепещут, и трясутся. В тои области невесты, глаголют, иногда убоги и квернавы.

Тот царь убо он страшный есть Бог зиждител всяческим, град же его есть превышний мир, граждане же, иже тамо — силы аггелския, дщеря же иже — естество тех разумеи, того же паки сын Христос мои есть, языцы же варвастии — род человеческий, невеста, юже обрете — человеческое естество, еже от девы прият пречистыя Богородица, невесте же сродницы — християнский род.

О лукавом рабе

Душа: Раздрешила еси неверное. К тому же сумнюсе, рци ми, о служительнице, и научи ме и се. Елма, яко же показала еси душю убо госпожду, пльт же рабыню и подручницу тое, бывшее грехопадание, прьвозданныхъ глаголю, еже некогда зле сьдеяше вь раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тело? Хотела бих навыкнути, кто есть прежде сьгрешивый [...].

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумьй, сьлучшаасе. Мучение, добреишая, яко же подобитсе, все не прикоснусе тьлу, нь той самой души, аще и васнь явлеется та ничто же зла пострадавши. И слыши притчю и от сее уверишисе.

Внегда бо некый царь некый искупить раба от жестока, и стрьптива, и лукава владыкы, убога же и нага и зловида зрениемь, сухотна же и истьнена, и охудевша зело, страстна же и окаянна, и непотребна отнудь, всего струпива, всего крастава и измьждала от рань, и гладе же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скврьны, облечет же его вь светлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имения, и стежания, и богатьство, и прьваго устроить и вь всей полате. Он же, злейший неблагодарствный рабь, вьскоре вьздвигнет ковь на цара, и на царство его вовьступити вьсхотевь. Царь же вьзмлеть от него имения и богатьство, сьвлечет же и одеяния, поясь же и вса цветная одеяния окаанного оного, и рубище преветхое и растрьзано все, худо и непотребно, и истлевъше всако облечеть наветника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты

вь пусто и невьселено и непроходно место, еже быти тому в нем дажь до конца жизни. И пребудет ему рубище оно ветхое или 7, или 8, или 10 лет, и тако распадъся погибнет до конца, оттоле убо ходит нагъ, яко же родися, дажь до конца жизни, и раздрушиться нужне.

Въпрашаю тя, превысокая, на коем есть мученье и кто казнь приять о оном согрешении убо: рабь ли лукавый — яко повиненъ сый — обнаженый и лишивыйся богатства же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесенъ сый, или именья та и богатство оного, яко безъдушьна и нечювствена и недвижима вещь?

Душа: Яко же обьявися, рабыне моя,— человекъ всяко, аще и того никако же царь тогдашни не ранит отнудь, ни же паки раны нанесе, но то есть пострадавы лютое мученье.

Плоть: Въпрашаю тя, отвещай же ми, госпоже моя, к сему: суд убо царевъ праведенъ ли бысть или не тако, яко абье изрину того от царскых дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведен зело. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кроток, очи убо ему от него изял бы, а не бы на именья токмо излиялъ гневъ, и казнь отпустилъ наветному рабу.

Плоть: Добре оглагола ми, о господыне моя, о сем. Сице ми разумей, любимая, и о души и о теле. Понеже не въсхоте пребывати яко же создана бысть, но забы абье благородие свое и вьнутрь пределъ своих не въсхоте пребывати и миро сь, его же зриши, имети в жребии собе, но наслаженье, радость и веселие, но обоженье самое всхоте похитити, равночестна, равна Богу по оному быти, вправду убо Богъ възнесе суд и тело богозданное, еже исперва ону оболче обрадованную, и чюдное, совлече яко согрешшю: да некако и паки согрешит.

Аще ли хощеши уведети естество и доброту тела оного якова и колика,— звездам точно являеться и луне, яко наго не требоваше одежа ни покрова, но яко же солнце само своею наготою украшаеться ныне, тако же и оно оставлено бысть естественным. От того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измени перстнаго существа, но премени ему естества, еже исперва, и от едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизньному, милуя его, не завидя же, да не будет, животу бесмертьному, но удержавая добрее устремленье греховное. Смерть бо, прочее, не мученье бывает, но врачеванье добрейше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удерживает бо

яко намнозе греха устремленье, умры бо, рече, оправдися от нея. Прочее, работаеть души елико силу имат: или 10, или 20, или 50 лет, или много убо дващи толико глаголю,— и тако разрушаеться, растлевает же и в четыри сия отходит ссnúmeroставы, от них же ссставленье от Бога прият: яко от земля — паки в землю, по глаголу его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячьскы, не имущи тела и еже тя зде сдержащаго яко съжителя имея,— паче же та сдержит то, и стяжет, и имат,— абье убо всходить в своя ея: аще схранила есть добро еже по образу ея неблазньно и чисто и настоящем житии, яко умна — ко умным, яко и невещественa — невещественым,— тоя, глаголю, сродником, ангелом святымь светозарным же светлым в горний миръ. Аще светла, къ светлым сочтаваеться абие, яко от вышних — горе, и радости исполняеться. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубьных и нечистых паки, к темным и мрачным ангеламъ сочтаваеться, яко темна — темным и мрачным лицем, яко тех сделавши хотения и дела. От деяньи своих душа въображаються и каяждо являеться, якова есть и колика убо: дела света светлы и светоносны, дела же тмы черны и мрачны творят. Дýша бо, господыни моя, с телом въспитана, къ видимым симъ и чювственым попущьшися, ничто же бестелесно когда видевши спроста, дондеже привязана есть сей земньй плоти; внегда же совлечеться, видит невъзбранно.

Се тебе притча конець сде въсприять. Аще ли не мнить ти ся подобне реченая рещися, яже рехом притча ныне въ слове, испытай, что ни что есть притча,— ни всячьскы имат, притча позънавай, госпоже, равное въсприемлет, зане и не бывала притча, яко же рехом, но тождьство паче.

Притча о дворе и змии

Поучение святаго Иоанна Златоустаго

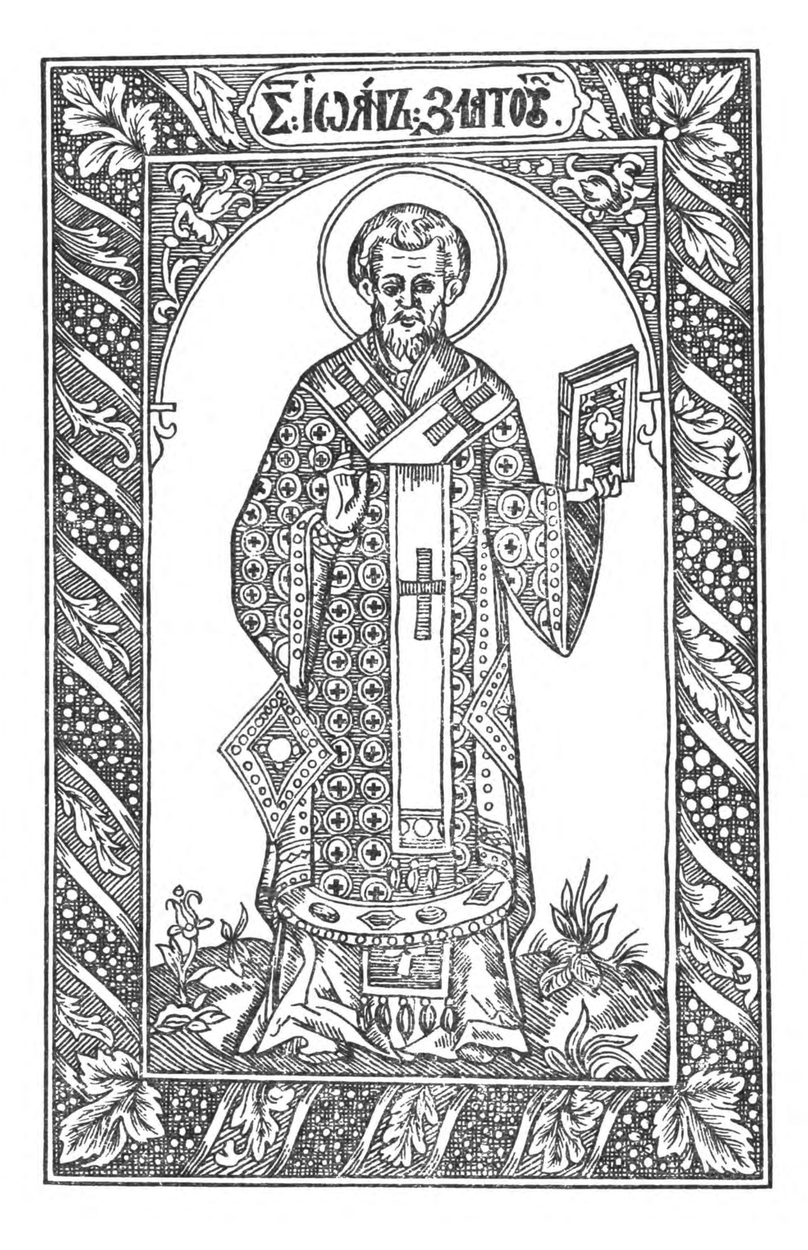
Повесть душеполезная. По чину сего настоящего времени притча о дворе и о змии

Внемлите со всем прилежанием, испытуяй притчи сей силу, юже хощу явити к вашей любве, возлюблении.

Оуподобися наш живот в житии сем человеку, всельщуся во двор с своею женою, и со единочадым сыном своим, и со единым рабом. В том же бяше дворе змия смертоносна. Тои же человек слышав от многих, яко змия она, входящая во двор, вся от начала оумерщвяет. И помыслив в себе, рече: «Ли от двора изыду, или змию оубию, еже есть демона, сребролюбие и похоть». Шед же оубо оуби змия и обрете пред нею златник аравитскии, и взем, рече: «Аще бы хотела змия си оумертвити нас, и не бы дала златник сей». Единою пришед и не оуби ея. И пришед оутре обрете ин златник и помысли в себе, глаголя: «Змия си несть смерти достоина, но чести велицеи». Пребысть же змия неколико время, дающе злато, и ни в чем же враждающи его, и возвеселися человек той радостию великою, и не оуби змия. Имяше же человек тои оу себе конь многоценен, и пришед змия и оугрызе конь его, и оумертви его.

Толк. Двор оубо есть возлюбление жития сего. Змия же — миродержитель, лукавый враг, и кого же до пяты стрежет, да оумертви его. Златник есть лукавая похоть, вся ведущи нас в погибель. Яд же змиин есть грех, вся прельщая и оумершвляя. Яко же рече апостол Павел, ибо похоть заченши ражает грех, грех же совершен ражает смерть. Грех ради наших Бог казнит, страшя нас и скоты отимая от нас, да правду творим и пребываем в законе его. Аще ли не брещи начнем, горши найдут на ны.

Видев же человек тои конь оумершь, рече в себе: «Лутчи было змия оубити, рекше зла остатися». И тако деяше неправду, и пребысть время бес печали живя.


Σ҃: Іѡа́нъ: Златоу̑.

И оуяде змия раба его, вопияше зле. Господин же его кленяшеся и проклинаше безумие свое. Тако и мы в добр день не поминаем смерти, а будет кая беда или болезнь, то мы изнемогаем, и кленем житие се, и обеты полагаем не деяти неправды. И яко минет беда или печаль, тако паки злая деем, и горши тех, во благоденствии и бес печали суда Божия не бояшеся.

Толк. Яко же видев человек раба своего боляща, и не можаше оуврачевати его, и оумре раб тои. Господин же не остася лихоимства, и тако ослепе похотию сребролюбства, не оустрашися безумныи суда Божия и казни. И нас бо вразумляет Бог и рабы нашя отемлет от нас.

Живыи же бес печали человек той, не скорбя о смерти. Змия же оуяде сына его. И начя отец рыдати о сыне своем, бия в перси своя руками, «Ох» зовя, проклиная ся.

Тако и мы, егда кого нас дети оумирати начнут, за неправды и за множство грехов наших, вмале ненавидим житие се, и кленем я, глаголя: «Лучше бы не познавше нам жития сего». О люте, братия, аще видим дети своя оумирающа, а не накажем ся, то что отселе чаем. Буди ведомо, яко ждут нас вечныя мукы, аще бедами ся не накажем ся и казньми. Егда бо разгневася Бог на Фару, отца Авраамля и умори сына его, дабы ся наказал, иже кто не накажется, той сам погибнет. И в первых мы бо тацы днесь неоутешно плачем о оумерщих, а оутре неправды деем, никакоже боимся смерти. Егда мертваго проводим, тогда плачемся велми, а отшед, оупиваемся и кощуны деем.

Видев человек сына своего изнемогающа, и призва врача, и моли его, дабы оуврачавал сына его. И много ся трудих и ничто ж оуспешя, и оумре детище. И клятся отец его в печяли велицеи, глаголя: «Доколе есмь оурод и несмыслен, никако же ся не накажю боятися Бога и правды деяти». Мало же мину время, тако не родствова, и не оубояся казни Божия, собрания ради пагубнаго, бес печали живяше во льсти жития сего. Прииде же внезапу змия и оуяде жену его, такоже бо и смерть, яко так приходит в день, в он же не вемы, и в час, в он же не чяем, восхитает нас. Возъпи жена. И прииде муж ея, плача и рыдая. Слышавше, род и друзи снидошася плачюще. Призвав же пакы человек той врача, и много врачевав, и ничто же оуспе, и оумре жена. И бысть человек той един, оуеди-

няяся в дому своем в велицей скорби. И потом паки по малу нача лихоимствовати, забы смерти жены и сына своего.

О безумне и несмыслене, льстит бо его диявол похотию имения и лестию жития, сего чюжа ны сотворит спасения, и предаст ны вечному огню. Яко оуда оу ловца лесть зовется, льстит рыбы, тако бо и мы льстимся имением и славою света сего. Поистинне бо мир сей во льсти живет, прильщенный же сребролюбием, всегда слеп и глух.

Забы находящих на нь зол и бед, и начя больши сих собирати. И внезапу змия оугрызну его в ногу. И возопи велегласно человек той, и стекошася к нему род и друзи, плачюще, оукоряху его. И призваша врачев, и не оуспеша врачюющe ничто же. Егда же человек отчаяся человеческия помощи, и к Богу прибеже, глаголя: «Се, Господи, сотвори мя жива, да ся покаю. И оуже не хощу блазнитися от жития сего. И расточю неправдою собранное, и буду пекиися о спасении своем, познах бо лесть света сего». И призвашя в помощь себе святыя, от века оугодившая Господу, и обещаваше много дати имения и милостыня. И послуша его Господь, и дарова ему живот, и бысть здрав человек той, и забы обет и клятву, иже к Богу.

Виждьте, братия, обет бес плода — тщета от прелести. Тацы есмя вси: егда кая на нас приидет скорбь или болезнь, то обещаваемся добро творити; а егда минет скорбь, в доброденьствии и бес печали злая творим, нимало обета исполняем, иже ся в печали обещаваем.

Таче бысть здрав человек той и обратися на перьвыи свои чин: по вся дни пекиися и на пагубу себе. Змия же оугрызну его в руку его. И собрашася к нему вся роды и друзи и понос и оукор мног изрекоша на нь. И се глаголаше: «На тебе ся исполни реченное: егда оубивашея, тогда горшая творяху». И нача боляи глаголати: «Господи Боже мой, виде, яко солгах ти, и обета не сохраних. Но еще помилуй, и исцели мя, Господи. Оуже не оуступлю обета моего». И паки послуша его милостивый Господь и дарова ему живот. Потом же, в доброденьствии во обилии, начя паки помалу не родствовати, даже обратився на первый свой обычаи и чин: льстя ся хотением на множество имения, скупостию руце оудержавая, обета не сотворь, токмо считаше злато и сребро, и веселяся обилно, и смер-

ти забышя, еще же и болши сих помышляя собрати, а не воспоминая, иже глаголал. Безумне, в сию нощъ аггели душу твою изымут от тебе. А еже си оуготовал, кому сия будут.

Внезапу ж змия оусякну его в сердце. Возопившу же ему, и приидоша к нему соседи и род, и много поносишя ему и оукоряше безумие его, иже многожды казним, и не наказавшеся. Он же поведа им, яже собра, они же рекоша ему: «Прельстилъся еси, и сия ины наследят. Ты же Бога прогневав, и душу погубил». Начат паки Бога молити человек той, глаголя: «Господи, помилуи мя и от болезни востави, оуже бо не солжю ти». Собра же много врачи, и не оуспеша врачюющеи. Кто бо может человеку помощи, не помогающу Богу? Всяка бо врачба вотще, аще не Богу оуврачующу. Тако и оумре безумныи. Много оставль собранное неправдою, род же и друзи каяшеся о злои его смерти.

О братия, все мы тацы есмя. Кто бо в прелести жития сего не отчаяся, егда оубо в болезни, или от властей насилуем, или от разбойник, или от потопа, или в беде какой, тогда Богови обет полагаем. А егда Бог избавит от всех злых, то забываем и паки на горшая возвращаемся. Суть бо нецы многаго ради имения души свои губят. О братие, аще быхом никогда видели мертвеца, но слышали, яко изыде от Бога обет, что всем оумирати. Аще бы хотя по единому в роду оумирали, и тут бы нам достояло комуждо нас боятися смерти. Или в пустыни идущи, слышали бы, яко в нощи приходят змии единаго их пожирает, егда не вси ли хранилися быхом. А мы како несмы во лсти, ведуще известно, яко смертни есмы, а не боимся смерти. Но доколе время имамы, попецемся о спасении душъ наших. Богу нашему слава.

Притчи Максима Грека

О свирепом коне

Жестоковый конь, дерзостию избыв узды, оттряс от своих хребеть всадника. Он же прочее свободен бесится семо и овамо, легая, ржа и дерзко скача, дондеже бедный усрет сыроядца звери, утробы их наполнил есть своих мяс.

Такожде и душа, разгордевшися имений множеством, помало мало отринеть Божий страх от сердца своего, сего же обнажена, не блюдется уже ни лжи, ни ротьбы, ни татьбы всякия, завидует, ярится и люте превозносится, и радуется зело губительным раздором.

О младом отрочище

Инока Максима Грека сказание притчею сада о младом отрочищи, якоже глаголют: родивый сына не умре

Четырьми некими потребными силами всяко плодовито древо на лучьшее преспевает всегда и плод красен дает тружающемуся около его садовнику, сия же суть: мастита земля предобра, и сходящий свыше благовременно дождь, и благорастворена теплота солнечна, и хитроделец садовник — от сих аще едино не получит, на совершение не доходит, ни плод дает.

Садом же разумеем младо отрочище; маститою землею — благопослушливое его изволение и еже ко учением презельное желание; дождем же сходящую свыше росу, о ней же глаголется: роса бо, яже от тебе, исцеление им будет, сия есть споспешество святаго Параклита; солнечною же теплотою угадаем осенение солнца правды совершаемо деланием спасительных заповедей его. Иже убо сподобится таковаго сада получити, блажен во истину сицевый во трудех своих, о сицевом праве речется: родивый сына не умре.

О струфокамиле

Слово о хранении ума

Струфокамил животно есть, обретаемо во странах ливийских. Велик с собаку, крыле о нем кожаные, тело голо, перья несть, ходит, не летает. Яицо его велико, бело зело и гладко, его же обычай есть церковником вешати его в церкви под паникадилом поучениа ради, а не красоты.

Учат бо нас тем, да всегда мысленныя очи наши, еже есть ум наш, имеим простерта с прилежным вниманием к самому сотворшему нас преблагому Богу, аще воистинну желаем плодовиты сотворити душа наша, а не безплодных. Якоже птица сиа, положивши яицо свое противу себе, неуклонно утвержает к нему око свое и зрением своим непрестанным плодовито творит е, аще же по случаю которому отведет око свое от него, гниет и цыпляти в нем не зачинается.

О неясыти

Сказание о птици неясыти

Неясыть птица подобна есть жеравлю. Питаеть же ся змиями, гнездо же свое складывает на высочайших каменах, или столпех и древесех, дети своя брегущи от змии, змия бо естеством враждующи на ня. Егда родители птенцем отлетают с гнезда кормли для, тогда ядовитая змия, вошедши на гнездо их, убивает. Аще ли нельзе ей будет на гнездо ползати, смотрит ино место ли древо высоко, стояще близ гнезда их, и дыхает ядовитым и горчайшим своим дыханием на ветре противу их и тако убивает их ветром ядовитым. Родитель же их или рождьшая, прилетевши и узревши их умерших, стоит над ними, крили свои распростерши и носом своим биет в перси своя до крови и истекшею оттуда кровию своею каплющею на них оживляются.

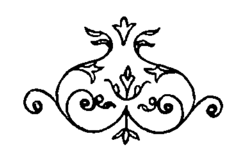
Толкование. Птица убо сия образ есть Христу Богу нашему, птенцы же ея умерщвлены образ суть нам языком уязвенным бывшим злоначальным смысленым змием; а змия образ есть диаволу, уязвившему нас; биение же в перси и кровь истекшая образ суть страсти Спасове к животворней крови его, им же мы веровавшеи исцелехом и ожихом, по рекшему пророческому слову: «Язвою его мы вси исцелехом».

О голубе

О птице голуби и о беззлобивеи души.

В голуби вошь. Голубь птица проста, беззлобива и чиста есть от вшеи и любовна. Простая и беззлобивая душа и любовная прикладается к голуби. Увидит коего лице, по простоте и беззлобию своему любити начнет, а не по лукавству. А по действу диаволю в той любви бывает грех и словет то: в голуби вошь. Блудный соуз лестныи ненависть расторжь; о чюдо! бес бесом целящ.

4—2134



Притчи из Великого Зерцала

О душе раскаявшейся

Поучение Иоанна Климака притчею о души, како злых дел лишитися

Глаголет Иоанн Климак о души, иже хощет покаятися. Бысть некая блудница в славном некоем месте зело прекрасна, иже многи любовники лепотою своею привлече. И некий славный князь прииде к ней и глагола: «Обещай ми чистоту хранити, и аз за жену поиму тя». И блудница обещася, взя же ю князь, введе в дом свой. Ея же любовницы искаху. Уведавше же, яко честный великий князь поят ю в жену, рекоша в себе: «Аще ея ради нагло ко вратом князя приидем, и увесть нас, чесо ищем, то зле сотворит нам, но сзади дому его приидем и начнем свистати, и она, услышав, на свистание наше приидет, мы же без вины явимся». И тако им сотворившим, услышавши же свистание, блудница ушеса своя затче и вниде во внутреннюю храмину и двери замче.

Толкование. Блудница есть душа, любовницы суть греси, а князь — Христос, дом его — церковь, а свистающии суть бесове, душа же верная всегда пребывает.

О молитве Господней

Колико молитва господьская приятна бысть за живыя и мертвыя

Епископ некий благочестив виде во сне юношу некоего, рыбы ловяще из студенца оудою златою и оудилище же при оуде сребряное. И оттуду тою оудою изъвлече жену некую зело благоличну.

Сим ведением возбудися епископ и возре во оконце, видит иже тои же юноша во ограждении церковном над

некием гробом стоя зело прилежно припадая моляся. Призва же его епископ и вопроси, чесо ради сие творит. Он же отвещав: «За душу матери моея глаголах молитву «Отче наш» и псалом 50».

Тогда оуразумев тои святый епископ, яко душа тая жены молитвою сына от муки избавлена бысть златою оудою, еже есть господьскою молитвою «Отче наш», оудилище же сребреньное — псалом 50 «Помилуй мя Боже», от еже оумершии от сродник помощи желают.

О суде Божием

Како подобает боятися суда Божия милосердый некий царь научи

Писано есть, яко един некий царь никогда же в животе своем весел бысть, ниже когда осклабися. Князи же его молиша царя того брата, да известится от брата, о чем смущается и скорбит и в непрестанной печали. И слыша царь рече, яко во оный день известит ему.

Повеле же сотворити ров великий и повеле углия горящаго до половины насыпати и над тем рвом поставити престол ветхий и струхлявый. Над престолом повеле повесить на тончайшей нити мечь острый голый, перед ним же повеле поставити стол со множеством различных брашен и драгаго вина. Призвав же брата и посади его на оном ветхом и струхлявом месте престольнем над оным углием и четырех мужей з голыми мечи окрест его постави: единаго позади, другаго против сердца и дву от обоих стран, и всем повеле мечи ко брату каждому от себе приложити. По сем повеле мусику привести и играти.

И рече брату: «Яждь, пий, веселися и радуйся». И рече брат ко царю: «Како имам веселитися, яко отвсюду обстоим лютыми: аще воззрю на дол, тамо огнь, аще горе — оттуду мечь хощет главу мою отсещи, ниже на престоле сем обратитися, зане разрушится, и аз впаду во огнь. Со стран отовсюду мечьми хотят мя пронзити. И ни о чем же лишь ныне, точию яко вижю всеконечную мою погибель».

Тогда рече царь брату своему: «Яко же ты, зря сия вся пристроенная не к погибели твоей, но к наказанию, пити и ясти не хощеши, ниже веселитися можеши, тако и аз имам всегда пред очима моима: аще позрю умом моим

горе, вижу тамо судию моего, иже мя судити хощет, сведый все мое число дел и словес и мыслей, и вижу вся грехи моя, их же пред Богом сотворих и за тыи лютый и ярый ответ прияти. Аще ли поздрю долу, помышляю огнь адский и муку лютую вечную и всих осужденных, с ними же и аз буду осужден, аще во гресе едином смертном отиду. Аще позрю пред ся, помышляю смерть мою, к ней же на всяк час приближаюся. И не вем же ни часа, ниже места, како и где ми будет конец. Аще позрю на шуе, присмотряю, иже во дни и в нощи демони-врази ищут душу мою и запинают избавлению моему; аще позрю на десно, вижю ангелы Божия, иже ми благия мысли и благую волю подают, их же аз не приемлю и не творю. И егда сия вся яже о мне помышляю, никако в мире сем прелестнем и над подкладающем престоле моем весел могу быти».

О богатстве

Страшное сказание тому же подобно

Инок добродетельный и святый виде видение сицево: посреди великого пламени на самом дне огня лежаше некий человек, из чрева же его израсте великое древо; на ветвех же того древа различнии человецы обоея плоти привешени горе ногами и вси зелным пламенем, из среды огня исходящим, люте мучими суть. Лежай же на дне наипаче томим бяше.

Инок от показующаго испытуя, и той извести ему: «Иже во пламени самом дна отец есть и начало всех сих, иже лихвоприятием зело обогате. На ветвех же древа висящии произъшедшии от него, в них же той веселится, тех ради таковое богатьство собра. Терпят же сии, зане наследницы злобе отца своего. Отец же их сугубо терпит от зелнаго огня и видя сих себе ради на муки тыя пришедших».

О двух путях

Хотяше един изыти из монастыря явственное видение о двух путех виде

Игумен Филипп глаголаше игумену нашему о искушении зело тяжчайшем единого послушника своего, яже самем явлением Божиим побеждено бысть оно. Егда в сицевом искушении бяше, яко ни един человек утешити

имяше и уже утверди, яко на утрие изыти имяше.

И тоя нощи виде сон сицевый: мня себе видети стояща пред некими враты, от них же по обеих странах исхождаху два пути,— един вправый, а другой влевый, обаче оба лежат в лес, иже бысть пред ними. Стояще же той послушник на востоце, усумневашежеся, коим путем итъти, и узре единаго старца, близ себе стояща, и рече к нему: «Благий мужю, аще веси, покажи ми, кой от сих дву путей путь лутши и ко провождению удобнейши?»

На еже той отвеща: «Аз тя благо и совершенно наставлю на путь: сий, иже лежит одесную, в лесу мало будет тернистый и неравный, блатный и острый, по сем же по нем поле пространное и зело прекрасное и равное, различными цветы украшенное. Вторый же путь, иже лежит ошую, в лесе вправду есть и равен, сух, пространен и к шествию удобен, но недалече, ибо абие поле великое каменистое, блатное и неудобное ко прохождению. Се все тебе исповедах и наставих тя; еже хощеши избери от сих единый».

По сем монах возбудися от сна, ничто же усумневающе, позна бо, яко его ради сие видение бысть, яко некое врачевание на его помыслы.

Притча о милостыне

Некий царь любляше юношу своего, и давь ему имения много, и приказа ему град. И нача слуга царевь имение царское держати. И ни един человек не прослезился от него во граде том. И нача милостину творити из царьския казны, нагия одевати, и гладныя и жадныя насыщати. И пребысть во граде том много лет, и милостину творяше много.

И нача ближние царевы царю доносити: «Казна твоя изтощена из твоего града, на коем граде юноша твой любимы и верны». И повеле царь к себе поставити юношу своего, и нача глаголати: «Юноша, почему казна моя истощена?» И возложи на него опалу. И глагола юноша царю: «Казна твоя полна суть в веки будет». И повеле его в темницу заключити.

И тое нощи царь виде сон, устрашися велми, и возва к себе ближняя своя, и нача им сказывати сон свой: «Юже есмь видел сон же велми страшен. Как бы ко мне придох муж старейшина, и вся мя, и поведе мя, и возведе мя в Царство Небесное, и поведе мя по полатам преукрашеным. И приведе мя к полате велми украшена. И повеле мне подпись смотрити на полате. Подписана полата мне, царю. Возле моея полаты приделана полатка преукрашена. И повеле мне и у тое полатки подпись смотрити. И подписана полатка юноши верному моему. И глаголаша мне муж стареишина: «То юноша твои верныи уготовил тебе, царю, место во Царствии Небесном — сотворил из касны твоея: нагих одевал, и убогих кормил и поил, и милостину творил, и купил себе место во Царствии Небесном именем твоим».

И возва к себе юношу своего из темницы, и плакася пред ним, и дав ему честь паче первыя — имение все во граде.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Притча об узком пути и о широком

Слово о оусцем пути, ведущем в жизнь вечную, и о широком пути, ведущем в муку вечную. Писано с толком

Некий царь, славен зело, имеет град верху горы високи зело, несть бо к нему ни приступа, ни прохода, разве богопарных птиц. А небогопарные птицы оувязают в сетех ловящих.

Ответ. Царь есть Бог Отец Вседержитель, и Сын — Слово Божие, и Святый Дух, его горнии Иерусалим верху небес его. А иже несть к нему приступа, разве богоптиц — не оудобь врата небесная внити, развее богоизбранных муж. А иже небогопарные птицы оувязают в сетех ловящих — оставляеми бывают в руце врагом.

Никто же зазрения ни противления, ни браннаго, ни помышления на нь, но от слышания царя того противяшеся церкви во изчезновении биваху.

Ответ. Никто же может от противных сил помыслити о брани, сам бо сатана трепещет силы Божия и во изчезновении бывает со отступными его силами.

Ниже не противяще со страхом и трепетом и з говением славят царя.

Тои есть не противящеися аггели и архаггели. Весь род християнский со страхом и трепетом служат и поклоняются Христу Богу Вседержителю.

Множество имяше царь воевод силнеишими и тысящами.

Силнии суть видимая и невидимая силы Божия, безплотных чиновеныи дуси, служебныя посылаеми на службу вышняго Бога.

Помысли царь создати полату тричастную в удолне граде: от персти, и от камени, и от Чермнаго моря. И вся три смесив своими дланми, и трость, и веръными крепко привязано нерасторжимо.

Помысли Бог создати человека по образу своему и по подобию, яко же рече искони Писание: «Рече Бог: «Сотворим человека по образу нашему, да обладает сущи-

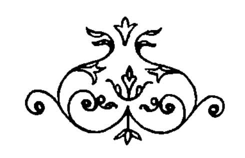
ми на земли». И всем зиждитель перст своими пречистыми руками, и от камени кости, а от моря кровь. И вся смесив и связав жилами безвредно двизатися оудом по нем».

Последи же полату сунклитом приглади, яко лепо ея зрети внешняго зрака того очима и подобства тоя полаты тричастныя.

Последи же тело кожею попят, яко лепо ея видети; зрака полаты тоя, рекше зрак лица; иже суть тричастная полата, рекше плоть наша, и кости, и кровь — три суть во едине.

Притча о душе праведной

Разумей, человече, душа чистая, яко нескверная девица, оболчена в царьскую багряницу и венец царский на главе ея. Преукрашена же всякими добродетелми. Имея в руце своей сосуд злат, а в нем различныя цвети. Стоит превыше небес. Солнце и луна под ногами ея. Молитва же ея изо оуст исхождаше к Богу, аки фимиян благооуханен. И слезами своими погаси пламень греховнаго терния. Постом лва связа и смирением змия оукроти, терпением своим бесовския полки победи; а диявол сатана аки кот падеся.



Притчи из Повести временных лет

О мытье в банях

И приде в словени, идеже ныне Новъгород, и виде ту люде сущая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются, и удивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережьгуть е рамяно, и совлокуться, и будуть нази, и облеются квасом уснияным, и возмуть на ся прутье младое, и бьют ся сами, и того ся добьють, едва слезуть ле живи, и облеются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими ником же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье».

Об обрах

Обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебьским: аще поехати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повестѝ обърена, и тако мучаху дулебы. Быша бо объре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един обърин. И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка.

О хазарах

По сих же летех, по смерти братье сея быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаре, седящая на горах сих в лесех, и реша козари: «Платите нам дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и

несоша козари ко князю своему и к старейшиным своим, и реша им: «Се, налезохом дань нову». Они же реша им: «Откуду?» Они же реша: «В лесе на горах над рекою Днепрьскою». Они же реша: «Что суть въдали?» Они же показаша мечь. И реша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьем одиною стороною, рекше саблями, а сих оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах». Се же сбысться все: не от своея воля рекоша, но от Божья повеленья. Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстем, егда приведоша Моисея пред Фаравона, и реша старейшина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, яко же и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си владеша, а послеже самеми владеють; яко же и бысть: володеють бо козары русьскии князи и до днешнего дне.

О волхвовании

И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волъхвов и кудесник: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ездиши на нем, от того ти умрети». Олег же приим в уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижу его боле того». И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мъй, его же бех поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но все то льжа есть: конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, и посмеяся рече: «От сего ли лба смърть было взяти мне?» И въступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всех лет княжениа его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чаро-

действо, яко же бысть во царство Доментианово. Некий волхв, именем Аполоний Тиянин, знаем беаше, шествуа и творя всюду и в градех и в селех бесовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед в Византию, умолен быв тут живущих ту, сотворити сиа: отгнав множество змий и скоропий из града, яко не врежатися человеком от них; ярость коньскую обуздав, егда ссхожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен быв от них, томимом бо антиахияном от скоропий и от комар, сотворив медян скоропий и погребе его в земли, и мал столп мраморен постави над ним, и повеле трость держати человеком, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же пакы о належащим на граде трусе, въздохну, списа на дщице сеа: «Увы тобе, оканьный граде, яко потрясешися много, и огнем одержим будеши, оплачеть же тя и при березе сый Оронтий». О нем же и великий Настасий Божьа града рече: «Аполонию же даже и доныне на нецех местех собываються створенаа, стоащаа ова на отвращение животен четверног, птица, могущи вредити человекы, другыя же на воздержание струам речным, невоздержанно текущим, но ина некаа на тленье и вред человеком сущаа на побежение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бесове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканным человеком, больма крадомым на таковаа от дьавола». Кто убо что речеть о творящих ся волшевеным прелщением делех? Яко таковый горазд бысть волшеством, яко выину зазряще ведый Аполоний, яко неистов на ся философскую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, яко же аз словом точью творити, их же хотяше, а не свершением творити повелеваемаа от него. Та же и вся ослабленьем Божьим и творением бесовьским бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа веры, аще тверда есть и крепка, пребывающи Господеви и не влекома врагом мечетных ради чюдес и сотонин дел, творимых от враг и слуг злобы. Еще же но именем Господним и пророчествоваша неции, яко Валам, и Саул, и Каиафа, и беси паки изгнаша, яко Июда и сынове Скевави. Убо и не на достойных благодать действует многажды, да етеры свидетельствуеть, ибо Валам обоих бе щюжь, житьа изящна и веры, но обаче съдетельствова в нем благодать инех ради смотрениа. И Фараон таковый бе, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоновсор законопреступный, но и сему пакы по мнозех сущих последиже

род откры, тем являа, яко мнози, прекостни имуще ум, пред образом Христовым знаменають иною козньо на прелесть человеком не разумевающим добраго, яко же бысть Симон волхв, и Менандр и ини таковы, их ради, поистене, рече: не чюдесы прелщати.

О жадности

Рекоша дружина Игореви: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше к первой дани, и насиляше им и мужи его. Возьемав дань, поиде в град свой. Идущу же ему въспять, размыслив рече дружине своей: «Идете с данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, с малом же дружины возъвратися, желая больша именья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьем его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изъкоръстеня деревлене убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстеня града в Деревех и до сего дне.

О крещении

Иде Ольга в Греки, и приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтин, сын Леонов; и приде к нему Ольга, и видев ю добру сущю зело лицем и смыслену, удививъся царь разуму ея, беседова к ней, и рек ей: «Подобна еси царствовати в граде с нами». Она же разумевши, рече ко царю: «Аз погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя сам; аще ли, то не крещуся»; и крести ю царь с патреархом.

Просвещена же бывши, радовашеся душею и телом; и поучи ю патреарх о вере, и рече ей: «Благословена ты в женах руских, яко возлюби свет, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии и в последний род внук твоих». И заповеда ей в церковном уставе, о молитве и о посте, о милостыни и о въздержании тела чиста. Она же поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья, и поклонившися патреарху, глаголющи: «Молит-

вами твоими, владыко, да схранена буду от сети неприязньны». Бе же речено имя ей во крещеньи Олена, яко же и древняя царица, мати Великаго Костянтина. И благослови ю патреарх, и отпусти ю.

И по крещеньи возва ю царь и рече ей: «Хощю тя пояти собе жене». Она же рече: «Како хочеши мя пояти, крестив мя сам и нарек мя дщерею? А в хрестеянех того несть закона, а ты сам веси». И рече царь: «Переклюкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарек ю дъщерью собе. Она же хотящи домови, приде к патреарху, благословенья просящи на дом, и рече ему: «Людье мои пагани и сын мой, дабы мя Бог съблюл от всякого зла».

И рече патреарх: «Чадо верное! Во Христа крестилася еси, и во Христа облечеся, Христос имать схранити тя: яко же схрани Еноха в первыя роды, и потом Ноя в ковчезе, Аврама от Авимилеха, Лота от содомлян, Моисея от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от зверий, тако и тя избавить от неприязни и от сетий его»; и благослови ю патреарх, и иде с миром в свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, яко же при Соломане приде царица Ефиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость виде и знаменья: тако же и си блаженая Ольга искаше доброе мудрости Божья, но она человечески, а си Божья. «Ищющи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходящих поется, на путех же деръзновенье водить, на краих же забральных проповедаеть, во вратех же градных дерзающи глаголеть: елико бо лет незлобивии держатся по правду...» Си бо от взраста блаженая Ольга искаше мудростью, что есть луче всего в свете сем, налезе бисер многоценен, еже есть Христос. Рече бо Соломан: «Желанье благоверных наслажает душю»; и: «Приложиши сердце твое в разум»; «Аз любящая мя люблю, и ищющии мене обрящуть мя». Господь рече: «Приходящаго ко мне не изжену вон».

О защите родной земли

Придоша печенези на Руску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером, в граде Киеве. И отступиша печенези град в силе велице, бещислено множьство около града, и не бе льзе из града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье гладом и

водою. Собрашеся людье оноя страны Днепра в лодьях, об ону страну стояху, и не бе льзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем. И въстужиша людье в граде и реша: «Несть ли кого, иже бы могл на ону страну дойти и рещи им: аще не подступите заутра, предатися имам печенегом?» И рече един отрок: «Аз преиду». И реша: «Иди». Он же изиде из града с уздою, и ристаше сквозе печенеги, глаголя: «Не видели коня никтоже?» Бе бо умея печенежьски, и мняхуть и своего. И яко приближися к реце, сверг порты сунуся в Днепр, и побреде. Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видевше с оноя страны, и приехаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и к дружине. И рече им: «Аще не подступите заутра к городу, предатися хотять людье печенегом». Рече же воевода их, имянем Претичь: «Подъступим заутра в лодьях, и попадаше княгиню и княжиче умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святослав». Яко бысть заутра, вседъше в лодьи противу свету и въструбиша вельми, и людье в граде кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьям. Видев же се князь печенежьский, възратися един к воеводе Претичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оноя страны». И рече князь печенежьский: «А ты князь ли еси?» Он же рече: «Аз есмь мужь его, и пришел есмь в сторожех, и по мне идеть полк со князем, бе — щисла множьство». Се же рече, грозя им. Рече же князь печенежьский к Претичю: «Буди ми друг». Он же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенежьский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит, мечь. И отступиша печенези от града, и не бяше льзе коня напоити: на Лыбеди печенези. И послаша кияне к Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив, малы бо нас не взяша печенези, и матерь твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и детий своих». То слышав Святослав, вборзе вседе на коне с дружиною своею и приде Киеву, целова матерь свою и дети своя, и съжалися о бывшем от печенег. И собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть мир.

Об испытании богатством и оружием

И поиде Святослав ко граду, воюя грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече им: «Што створим, яко не можем противу ему стати?» И реша ему боляре: «Посли к нему дары, искусим и, любьзнив ли есть злату, ли паволокам?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, реша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Он же, взем дары, приде к Святославу. И поведаша Святославу, яко придоша грьци с поклоном. И рече: «Въведете я семо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред ним злато и паволоки. И рече Святослав, кроме зря, отроком своим: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Реша же послании, яко «Придохом к нему, и вдахом дары, и не возре на ня, и повеле схоронити». И рече един: «Искуси и еще, посли ему оружье». Они же послуша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Он же, приим, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша боляре: «Лют се мужь хочеть быти, яко именья не бережеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи к граду, возми дань, еже хощеши»; за малом бо бе не дошел Царяграда. И даша ему дань; имашет же и за убьеныя, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с похвалою великою.

О коварстве

И поиде на Ярополка. И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киеве с людми своими и с Блудом; и стояше Володимер обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимер же посла к Блуду, воеводе Ярополчю, с лестью глаголя: «Пбприяй ми! Аще убью брата своего, имети тя хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене: не яз бо почал братью бити, но он. Аз же того убоявъся придох на нь». И рече Блуд к послом Володимеримь: «Аз буду тобе в сердце и в приязньство». О злая лесть человеческа! Яко же Давыд глаголеть: «Ядый хлеб мой възвеличил есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди им, Боже, да отпадуть от мыслий своих;

по множьству нечестья их изрини, а яко прогневаша тя, Господи». И паки той же рече Давыд: «Мужь в крови льстив не припловить дней своих». Се есть совет зол, иже свищеваюпть на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на погубленье, горьше суть бесов таковии. Яко же Блуд преда князя своего, и прийм от него чьти многи, се бо бысть повинен крови той. Се бо Блуд затворися с Ярополком, льстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду бранью, а сам мысля убити Ярополка; гражаны же не бе льзе убити его. Блуд же не възмог, како бы погубити и, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань из града. Рече же Блуд Ярополку: «Кияне слются к Володимеру; глаголюще: «Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка». Побегни за град». И послуша его Ярополк, и избег пред ним затворися в граде Родьни на усть Рси реки, а Володимер вниде в Киев, и оседе Ярополка в Родне. И бе глад велик в немь, и есть притча и до сего дне: беда аки в Родне. И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама их не перебороти. Твори мир с братом своим»; льстя под ним се рече. И рече Ярополк: «Так буди». И посла Блуд к Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобе Ярополка, и пристрой убити и». Володимер же, то слышав, вышед во двор теремный отень, о нем же преже сказахом, седе ту с вои и с дружиною своею. И рече Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то яз приимy». Поиде же Ярополк, и рече ему Варяжко: «Не ходи, княже, убьют тя; побегни в Печенеги и приведеши вои»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста и два варяга мечьми под пазусе. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк.

О радимичах

Иде Володимер на радимичи. Бе у него воевода Волъчий Хвост, и посла и Володимер перед собою, Волъчья Хвоста; сърете радимичи на реце Пищане, и победи радимиче Волъчий Хвост. Темь и Русь корятся радимичем, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бегають».

О выборе веры

Созва Володимер боляры своя и старци градьские и рече им: «Се приходиша ко мне болгаре, рькуще: прииме закон нашь. Посемь же приходиша немци, и ти хваляху закон свой. По сих придоша жидове. Се же послеже придоша грьци, хулящe вси законы, свой же хвалящe, и много глаголаша, сказающe от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающe, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свет поведають быти: да аще кто, деeть в нашю веру ступить, то паки умер, въстанеть, и не умерти ему в веки; аще ли в ын закон ступить, то на оном свете в огне горети. Да что ума придасте? что отвещаете?».

И реша бояре и старци: «Веси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: послав испытай когождо их службу, и кто како служить Богу». И бысть люба речь князю и всем людем; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и реша им: «Идите первое в болгары и испытайте веру их».

Они же идоша, и пришедше видеша скверньная дела и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече им Володимер: «Идете паки в немци, съглядайте такоже, и оттуде идете в греки». Они же придоша в немци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же споведаша ему вся бывшая. Се слышав царь, рад бывь, и честь велику створи им в той же день. На утрия посла к патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе веры нашея, да пристрой церковь и крилос, и сам причинися в святительския ризы, да видять славу Бога нашего». Си слышав патриарх, повеле созвати крилос, по обычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пенья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространьне месте, показающе красоту церковную, пенья и службы архиерейски, престоянье дьякон, сказающе им служенье Бога своего. Они же во изуменьи бывше, удивившеся, похвалиша службу их. И призваша я царя Василий и Костянтин, реста им: «Идете в землю вашю», и отпустиша я с дары велики и с честью.

Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимер: «Се придоша посланий нами мужи, да слышим от них бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же реша яко: «Ходихом в болгары,

смотрихом, како ся покланяють в храме в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть добр закон их. И придохом в немци, и видехом в храмех многи службы творяща, а красоты не видехом никоеяже. И придохом же в греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумеем бо сказати; токмо то вемы, яко онъде Бог с человеки пребываеть, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человек, аще вкусить сладка, последи горести не приимаеть, тако и мы не имам сде быти». Отвещавше же боляре, рекоша: «Аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек».

О возмездии

Приде Святополк с печенегы в силе тяжьце, и Ярослав собра множьство вой, и изыде противу ему на Льто. Ярослав ста на месте, идеже убиша Бориса, въздев руце на небо, рече: «Кровь брата моего вопьеть к тобе, Владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, яко же мьстил еси крове Авелевы, положив на Каине стенанье и трясенье; — так положи и на семь». Помоливъся, и рек: «Брата моя! Аще еста и телом отошла отсюда, но молитвою помозета ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшю,

поидоша противу собе, и покрыша поле Летьское обои от множьства вой. Бе же пяток тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сеча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удольем крови тещи. К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему, нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестью, бегающе с ним. Он же глаголаше: «Побегнете со мною, женуть по нас». Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по нас?» И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же в немощи лежа, и въсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, о женуть, побегнете». Не можаше терпети на едином месте, и пробежа Лядьскую землю, гоним Божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте. Его же по правде, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего света прияща мукы, оканьнаго. Показоваше яве <...> посланая пагубная рана, в смерть немилостивно въгна, и по смерти вечно мучим есть связан. Есть же могыла его в пустыне и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол.

Се же Бог показа на наказанье князем русьскым, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь приимуть; но и больши сее, понеже, ведая се, сътворять такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каин, убив Авеля, а Ламех 70; понеже бе Каин не ведый мъщенья прияти от Бога, а Ламех, ведый казнь, бывшюю на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламех к своима женама: мужа убих в вред мне и уношю в язву мне, темь же, рече, 70 мьстий на мне, понеже, рече, ведая створих се». Ламех уби два брата Енохова, и поя собе жене ею; сей же Святополк, новый Авимелех, иже ся бе родил от прелюбоденья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

О просвещении

Заложи Ярослав город великый, у него же града суть златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и по семь церковь на золотых воротех святыя Богородица благовещенье, посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины. И при сем нача вера хрестьяньска плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черно-

ризьце, и книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писце многы и прекладаше от грек на словеньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вернии людье наслажаются ученья божественаго. Яко же бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну,— тако и сь. Отець бо сего Володимер землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветив. Сь же насея книжными словесы сердца верных людий; а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных. Се бо суть рекы, напаяюще вселеную, се суть исходищя мудрости; книгам бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломон похваляа глаголаше: «Аз, премудрость, вселих свет и разум и смысл аз призвах. Страх Господень <...> Мои свети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость. Мною цесареве царствують, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Аз любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать». Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с Богомь, или святыми мужи. Почитая пророческыя беседы, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святых отець, въсприемлеть души велику ползу.

О бесах

В си бо времена, в лета си, приключися некоему новогородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него. Он же по обычаю своему нача призывати бесы в храмину свою. Новогородцю же седящю на порозе тоя же храмины, кудесник же лежаше оцепев, и шибе им бес. Кудесник же встав рече новогородцю: «Бози не смеють прити, нечто имаши на собе, его же боятся». Он же помянув на собе крест, и отшед постави кроме храмины тое. Он же нача опять призывати бесы. Беси же метавше имь, поведаша, что ради пришел есть. Посем же поча прашати его: «Что ради боятся его, его же се носим на собе креста?» Он же рече: «То есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся». Он же рече: «То каци суть бози ваши, где

живуть?» Он же рече: «В безднах. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходять же и под небо, слушаще ваших Богов. Ваши бо Бози на небеси суть. Аще кто умреть от ваших людий, то възносим есть на небо; аще ли от наших умираеть, то носим к нашим богом в бездну».

Яко же и есть: грешници бо в аде суть, ждуще мукы вечныя, а праведници в небеснемь жилище водваряются со ангелы.

Об ангеле

Ко всим тварем ангели приставлени; тако же ангел приставлен к котории убо земли, да соблюдають куюжьто землю, аще суть и погани. Аще Божий гнев будеть на кую убо землю, повелевая ангелу тому на тую убо землю бранью ити, то оной земле ангел не воспротивится повеленью Божью.

Яко и се бяше, и на ны навел Бог, грех ради наших, иноплеменники поганыя, и побежахуть ны повеленьем Божьим: они бо бяху водими аньелом, по повеленью Божью.

Аще ли кто речеть, яко аньела несть у поганых, да слышить, яко Олександру Макидоньскому, ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и побидившю землю всю от въсток и до запад, и поби землю Египетьскую, и поби Арама, и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти в Ерусалим, побидити жиды, зане же бяху мирни со Дарьемь. И поиди со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспе ночь, и лежа на ложе своем посреде шатра, отверз очи свои, види мужа, стояща над ним и мечь наг в руце его, и обличенье меча его, яко молнии. И запряже мечем своим на главу цесареву. И ужасеся цесарь велми, и рече: «Не бий мене». И рече ему ангел: «Посла мя Бог уимати цесаре великии пред тобою и люди многи, аз же хожю пред тобою, помагая ти. А ныне ведай, яко умерьши понеже помыслил еси взити в Ерусалим, зло створити ереем Божьим и к людем его». И рече цесарь: «Молю тя, о Господи, отпусти ныне грех раба твоего. Аче не любо ти, а ворочюся дому моему». И рече ангел: «Не бойся, иди путем твоим к Иерусалиму, и узриши ту в Ерусалими мужа в обличении моем, и борзо пади на лици своемь, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобе, створи. Не преступи речи ему. Вонь же день приступиши речь его, и умерши». И встав цесарь, иде в Ерусалим, и пришед

въспроси ереев: «Иду ли на Дарья?» И показаша ему книги Данила пророка, и рекоша ему: «Ты еси козел, а он овен, и потолчеши, и возмеши царство его». Се убо не ангел ли вожаше Олексаньдра, не поган ли побежаше и вси елини кумирослужебници?

Тако и си погании попущени грех ради наших. Се же ведомо буди, яко в хрестьянех не един ангел, но елико крестишася, паче же к благоверным князем нашим; но противу Божью повеленью не могуть противитися, но молять Бога прилежно за хрестьяньскыя люди. Яко же и бысть: молитвами святыя Богородице и святых ангел умилосердися Бог, и посла ангелы в помощь руським князем на поганыя. Яко же рече к Моисееви: «Се ангел мой предыпоидеть пред лицем твоим».

Притча из Галицко-Волынской летописи

О емшане

По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолевша всим поганьским языком, ума мудростью ходяша по заповедем Божиим: устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур. Ревноваше бо деду своему Морамаху, погубившему поганыя измалтяны, рекомыя половцы, изгнавшю Отрока во Обезы за Железная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю; тогда Володимерь Мономах пил золотом шоломом Дон, и приемшю землю их всю, и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимер, оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимер умерл есть, а воротися, брате, пойди в землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему песни половецкия; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемь евшан». Оному же не восхотевшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «Да луче есть на своеи земле костью лечи, нели на чюже славну быти». И приде во свою землю.

Притча из Повести о двух посольствах

О подручнике царевом

И король цысарской сказал: «Про государя де вашего мудрые философы пишут, да которые его знают и детей его, что он подобен храбростию и ратью Александру царю Макидонскому и прославился во всех нас царех, и подобен возрасту и досужеству царю Костянтину. Да еще в вашеи земли будет трясение великое, потому что многие власти, а несогласны. А смятение в вашей земли лет з десять, мало болши или менши десяти, а земля ваша распространитца велми и царь многими царьствы обладает».

И едучи из винограда, молвил: «Да попаметуи де Максимъяна короля цысаря царя крестьянского, что я говорил, то все в вашей земле збудетца».

Да едучи, сказал притчю про своего подручника, про Михаила, что он мертвой матери сын: «Было де в моей земле Божие разгневание, в 59 году град погиб Мелхил именем, тому 26 лет. И пришла на него туча каменная, и огнь, и гром. Пожгло град каменье и полаты, не токмо полаты, но и подошву каменную за беззаконие. И став буря великая, и пришли волны морские, да и место града того помыло и песок разнесло. А тот град стоял на острову, и на том же острову город, а от того города тридцать веръст, именем Тордор. И в ту ночь было в том граде трясение великое от Божия разгневания. И пришли ис того града Тордора гости на телегах к Мелхиграду иже погиб, и место равно; развее нашли жену мертву в погребе, а у ней чрево терзаетца. И оне разрезали утробу и выняли из нее подручника моего младенца и привезли его ко мне. И аз

его дал воспитати, и ныне стоит предо мною и пред вами, да некогда в великой области будет царь. Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончаетца в век».

II

Притчи из Повести об Акире Премудром

О змее и игле

Яз тя посадих на столе честне, а ты мя еси свергл с стола моего ниц. И потом мя исправи правда моя от твоего зла помышления. Был ми еси, сыну, яко змыя, усретши иглу, клюну ея, и рече ей игла: «Уклюнула мя еси остреиши собе».

О козе и зелье

Был ми еси, сыне, яко коза нача ясти черленое зелие, и рече ей зелие: «Почто мя яси? Оже ты умреши, чим хотять кожю твою червити?» Рече ему коза: «Понеже тя ем за живота своего, да оже я умру, да твое корение копаа, и начнут кожю мою червити».

О человеке и стреле

Был ми еси, сыну, акы человек стреливый ко небеси, и стрела та к небеси не долетела, и от Бога собе грех взял.

О коварном друге

Был ми еси, сыну, аки он, иже друга своего виде озябша, и, принес, възлея на нь кнею воды студены. Тако вежь; аже будет свиный хвост 7 локоть водлее, не может с коневим хвостом на ладу быти. Аще будет свинаа шерсть мягче бумаги, николиже не могут в ней бояре собе порт

створити. Сыну, тако бях мыслил, яко тобе было прияти мое место, и дом <...> мой пристроити, и скот мой, имение мое соблюсти, но Бог не хотел твоего зломышления, и не послуша твоего злоумышления.

О лютом звере и осле

Подобен еси, сыну, оному лютому звери, иже устрел осла и рече ему тако: «По здорову ли еси пришел?» И рече ему осел: «Тому буди мое здравие, иже мою ногу не твердо связал, да бых яз тебе не узрел».

О зайце и сети

Сыну, яко ина сеть лежала и на песце, и прииде заець к ней и рече: «Что дееши зде?» И рече ему сеть: «Кланяюся Богу». И рече к ней заяць: «Что дръжиши в устех?» И рече ему сеть: «Укрух хлеба держю». И потом приступив заяць, хоте взяти укрух и углуби си ногу в сети свою. И рече <...> заяць: «Оже укрухо сь сице клюкав, то твоего кланяния не приемлет Бог николиже».

О олене

Сыну, подобен еси <...> олени, иже противляяся горе, рога своя сломи.

О котле

Сыну, был ми еси, яко же котлу прикованe золоте колце, а дну его не избыти черности.

О пахаре

Сыну, был ми еси, яко ратай, оравый ниву, и въсея на ней 12 кадий. И рече ратай к ниве своей: «Аже есмь болша не добыл на тебе, а еже всеял, то и добыл».

О псе

Был ми еси, сыну, яко игрець в тепл храм влез согрется и яко согревся, начнет на государь свой лаяти.

О свинье

Был ми еси, сыну, яко же свиния пошла с боляры мытся в баню, и яко доиде калу, и леже в нем, и рече боярем: «Вы идите в баню мытся, а я хочу зде мытися».

О дереве

Был ми еси, сыну, яко оно древо, емуже рекли: «Хочю тя посеци». Оно же рече: «Оже не бых в твоею руку; то не приити бь на мя николиже».

О птенце и хорьке

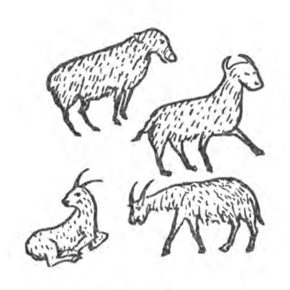
Сыну, был ми еси, яко птенець, спад из гнезда на землю, и нашедши дхорь и рече ему: «Оже бых не аз, да зло бы было тобе». И рече ему птенець: «Даже бых не яз, что было тобе ясти?»

О воре

Был ми еси, сыну, ако тать и рекли ему: «Останися татбы своея». И рече им: «Оже быста ми златы очи, а руци сребрене, не хочю остатися николиже».

Об овце

Сыну, аз видих, оже приведут овча от стада зарезат и аще не будет года зарезати, да пустит опят, да видит агнятка своего. Сыну, аз не видих жребя, погубляюще



матерь свою. Сыну, иже на сем свете сладкаго, тем тя вскормих, а ты мя достроил, яко хлеб свой в земли ядях; и аз тя поих ветхим вином, а ты мне воды в меру не напояше; и аз тя помазах маслом честным, а ты мое тело в земли исказил еси, аз тя въсклопотил есмь яко и сосну, а ты достроил мя еси гроба и кости моя.

О дворе

Сыну, устроил тя есмь аки двор, да рекл есмь: «Оже ратници приидят, то вниду во нь и разсилнею в нем». И ты узрел ратныя, въвръже мя пред ня.

О кроте

Был ми еси, сыну, аки крот, иже противу солнца легл, и прилетев орел взя и.

О дереве над рекой

Был ми еси, сыну, яко яворово древо, росло бо есть над рекою, да оже ражалося на нем ягода, то впадала в реку. И пришед к нему господин и рече: «Хочю тя посечи». И рече древо: «На другое лето на мне вишни взрастут». И рече ему тако господин его: «Своее ягоды не возрастив, можеши ли чюжа ягоды возрастити на ѣобе?»

О волке

Сыну, ркли суть волку: «Почто ходиши по овчах, а прах ти летит в очи?» Он же рече им тако: «Порох овчин здравие есть очима моима».

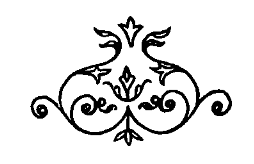
О волчонке

Сыну, волчье детя дали учити книгам, и рекли ему тако: «Рчи — аз, буки». Он же рече: «Ягнятка, козлятка». Сыну, из негоже тя есмь учил, се еси умыслил на мя. Да противу тому Бог есть, еже добро творить, тому добро

будеть, правды моея дело, а тя по твоему зломышленью хочет погубить.

Об ослиной голове

Ослу голову возложили на злато блюдо и свалися доволь в попел. И рекли ей тако: «Своей голове не смыслиши добра, оже из чести валишися в попел».



Физиолог

О льве

Три естества имат лев. Егда бо раждает лвица мьртво и слепо раждает, седит же и блюдет до третьего дьни. По трех же днех приидет лев и дунет в ноздри ему и оживет. Тако и о верных языцех. Прежде бо крещениа мьртви суть, по крещении же просвещаються от Святаго Духа.

Второе естество лвово. Егда спит, а очи его бдита. Тако и Господь наш рече ко июдеом, яко же: «Аз сплю, а очи мои божествены и сердце бдита».

А третье естество лвово: егда отбегает лвица, хвостом своим покрывает стопы своя. Да не может ловец осочити следа его.

Тако и ты, человече. Егда твориши милостыню, да не чюет леваа рука, что творит десница твоя. Да не возбранит дьявол дело помысла твоего.

О утропе

Утроп имать два рога. Живет же близ рекы-акиана на крайны земли. Да егда ся вожедает, пьет от нея и упиваеться и бореться со землею и чешет роги своими. И есть же тамо древо нарицаемо танис, подобно зело винней лозе добрами ветми и густо прутием, и чеша прутием соплетаеться в них и обретаеть его ловець и удолееть ему.

Тако и человек. В рог место дал ему есть Бог оба завета, Ветхаго и Новаго. Рогы противныа силы, якоже рече пророк Давид: «О тобе врагы наша избодаем рогы». Река акианьска есть богатъство. Танис же — сласть житейскаа. Да въплетаяся человек не брежет о вере, но обрет и дьявол и удолеет ему.

О слоне

Слон живет на горах. Слоница обрящет былие, нарицаемое мандрагураи и взимает от нея. Тако же и слон и гиниться с нею. И егда раждаеть, взаиит в реку до вымене и раждаеть в воде. Спить же при древе. Да егда падется от него, вопиеть и приидет слон велик и не может возвести его и пакы друзии 12. Да ни ти. Да тогда же возопиете оба на десяте. И приидет ин мал и подложит рот свой и возметь и.

Сиречь первый слон Евга, вторый Адам. Былие древо преслушаниа. А еже вкуси, яко преступи. А еже увы мне, яко съгреши. И что озеро? Рожеству рай. И что приклоннаа древеса? Оплота райскаа. И кто сикырою... дьявол. И кто сикира? Язык змиев. И еже паде, яко изгнан бысть. И кто великий слон? Моиси. И кто 12 слона не могше извести его и кто изведе его? Христос. То бо возведе того Адама от ада.

О елени

Елень живет 50 лет. И по сем ходит по странах и во дрязгах горьских пухает змии, да идеже налезет ю, облинавшюю трижды, обухает ю и пометает ю. И шед пьеть воду. Аще ли не пьеть, то умирает. Аще испьеть, да живет другую 50 лет. Да сего деля рече пророк, яко же желает елень на источьники водныя.

Тако и ты, человече, три обновлениа имаши в собе: крещение, покоание и неистление. Да егда согрешиши, теци ко церкви и ко источнику живу книжну и на сказание пророческое и пий воды живы, сиречь святое комкание.

О орле

Орел живет лет сто. И ростеть конець носа его. И ослепнете очи его. Да не видит и не может ловити. Да возлетит на высоту, свержет себе на камень и уломиться конец носа его и куплеться во злате озере. И сядет прямо солнцю. Да егда ся согреет, спадут чешюи с него и пакы птенець будет.

Тако и ты, человече, егда много согрешиши, взыди на высоту, сиречь в веру и плачися предложение греха и измыйся слезами своими. Согрейся в церкви и сверзе с себе грехи.

О финиксе

Финикс красна птаха есть паче всех и павы красней. Пава бо ни златом, ни сребром образ имета, а финикс уакинфов и камениа многоценна. Венець носит на главе и сапогы на ногу, якоже царь. Есть же близ Индея, близ Солнечна града. Лежить же лет 500 на кедрех ливаньских без брашна. Питаеть же ся от Святаго Духа. И по пяти сот лет исполняеть крыле свои от добрых вонь. И клепает ереи Солнечнаго града и идет птаха та ко иерееви и входит в церковь. И сядет на степени олтарном иерей со птахою. И будет все попел. И заутра прииде ерей и обрящет птицю птенець млад бывшь. И по двою дньма обрящеть ю совершену, яко же и преже была. И целует ю иерей и пакы отиде на свое место.

Да како неразумнии жидове не яша веры тридневному воскресению Господа нашего Иисус Христа. Яко сию птицу сам оживляеть, да как сам себе не востави. Сего деля пророк Давид глаголеть: «Праведник яко финикс процвететь, яко кедр ливаньский умножится насаждение в дому Господни».

О иряби

Ирябь много яець пологает на гнезде своем. Любива же и чадом своим. Да идет на чюжда гнезда и крадет яйца их. Да ся умножать чада ея.

Тако и ты, человече, елико богатьство сбираеши не имаши сыти, но если на все не сыт.

О горлици

Горлица мужелюбица птах есть. Да аще бо погибнет един ею, отходит другаа в пустыню и сядет на усохле древе, плачющись подруга своего. И к тому не спряжеться сь им николиже.

Тако и ты, человече, отлучился еси жены своея к тому не прилепися к ней.

О неясыти

Неясыть чадолюбива птах есть. Проклеваеть бо жена ребра птенцем своим. А он приходит от кормли своей. Проклюет ребра своя, да исходящи кровь оживляет птенца.

Тако и Господь наш, от жидов копием ребра его прободоша. Изыиде кровь и вода. И оживи вселеную, сиречь умершаа. Сего деля и рече пророк, яко уподобихся неясыти пустынней.

О ластовици

Ластовица в пустыни гнездо имат на распутии. Егда же ослепнет едино от птенець ея, идет в пустыню и принесет былие и положит на очию его. И прозрит.

Тако и ты, человече, егда съгрешиши, иди к молитве и приими покоание и единосущныя ради Троица избавишися греха того.

[О] *овдоде*

Овдод творит гнездо свое и воспитает птенца своя. И посем облинают сами и будут нази. Да исходит един от птенець их и приносит пищу родителем своим, дондеже опернатеють и возлетита оба.

Тако и ты, человече. Егда ся состарееши, не отчай себе, но шед к церкви помолися и обрящеши милость.

О дятле

Дятел пестра птица есть, живет же в горах и ходит на кедры и клюет носом своим. Да где налезеть мякко древо, ту творит гнездо свое.

Тако и дьявол бореться со человекы. Да в нем же налезет слабость и небрежение молитвы, внидет в онь и вогнездяться. В нем же ли обрящет бодрость, бежит от него.

О лисици

Лисица егда будет голодна, идеть на место солнечно и ляжет на присолньи и держит душю свою надметься. Видевше же ее птици, мняще мьртву, приидут да едят. Да егда ся приближат к ней воскочивши и имет от них и есть. И тако ся кормит.

О жене и о мужи

Есть жена на западе, а мужь на востоце. Да совокупляетася оба. И изьес мужа своего жена главу и зачнет и родит двое. Да яко же родит, ту изьедят своя чада. И абие умрет. И отидет мужь на восток, а жена на запад.

Тако и ты, человече, егда ти найдет житейскаа напасть, теци в церковь и прослезися и возопи. И отступить от тебе неприазнь.

О горгони

Въргони обличие имат жены красны и блудница. Владь же главы своеа суть змиа. А видение ея смерть. Играет же и смееться во время свое. Живет же в горах западных. Да егда приидут днье ея, да ся гонит. Станеть и начнет звать. Начнеши от лва и прочаа звери, от человека до скотины и птиць и змиа, глаголющи: «Идете ко мне». Да елико их услышат глас ее, идут к ней. И видевше ю, измирают.

Тако бо разумеет всяк язык всем зверем, которым же образом уловляеть ю волхв, разумеет хитростию своею от звезд день, в ня же ся гонит. И поидет на место ея, волхвуя отдалеча. Она же начнет звати, начениши от лва и прочая звери.

Егда же доидет языка волхва, отзовется ей, глаголя: «Ископай яму на месте и вложи в ню главу свою, да ее не вижу и умру. И прииду и лягу с тобою». И сотворит тако.

Тогда шедше волхв посечеть ю за ся зря и не видить главы ея, да не умреть. И вложит ю во сосудину. Да егда узрит змиа или человек или зверь, кажеть им главу горгонину и абие оцепенеють и Александр бо имяше ю и одоляше языком всем. И ты, человече, имей смысл ко Господу и удобь одолееши противным силам.

О змии

Змиа егда поидет пити води, яд свой в гнезде своем оставляет. Да не последи пьющиа уморит.

И ты, человече, егда идеши во церков святую, всяку злобу остави дома си.

И пакы, егда состареет змиа и не видит, шедши влезеть в камену расселину узку и поститься днии 40 и смирит себе и излинет и пакы млада будет.

И ты, человече, постился еси 40 день, да совлачися от льсти дьяволя и облечися в новый, обновляющийся во Христа.

И пакы, егда узрит человека змиа, бежить от него. Аще ли не узрит его совлечена, пришедши бореться с ним. Аще ли есть оболочен верою, бежит от него.

Сего ради Господь рече: «Бывайте умни, яко змиа и цели яко голуби».

О голуби

Голубь славно есть во птицах. Разумей же о белей и о черней голубици, како ходят белый и пестрыа и черныа и чермьныя и кормят птенци свои бо <...> голубичи. Да не могут о собе возлетати, дондеже обыйдет чермнаа голубица и подаст им пищу не возлетять.

Тако и Спасово пришествие реша пророци, Моиси и Арон, Самуил, Данил, Малахиа, Исайя, Иеремиа и прочии пророци о Иисусе. И не могоша уреснити своего слова, дондеже прииде черьмнаа голубица, Иоан Креститель, то бо крести Иисуса, глаголя: «Се агнець Божий, воземляй грехы всего мира». И ты, человече, не вдаляй себе от церкви; да не вуслышиши: «Не веде вас».

О ехидне

Ехидна есть, от полу и выше имать образ человечь. А пол ея и ниже имат образ коркодил. Ходита же и мужь и жена оба накупь. Да егда ся разгорит жена и хощется гонити, идеть к мужеви, изьесть лоно его. И зачнет и абие умрет муж ея. Да егда приближать родит жена, изьедят чрева ея чада своя. И умрет и та. И потом изыидут отцюубийци и материубийци, якоже и жидове отцуубийци и материубийци.

Убиша отца, сиречь Христа, убиша матерь, сиречь церковь. Сего ради Иоан поноси ими, глаголя: «Чада ехиднова, кто показа вам бежати от грядущаго гнева?»

О стерце

Стерк чадолюбива птица есть. Да егда мужь принесет кормлю, блюдет жена его птенца. И изменяета каждо их корьмлю. И блюдета гнездо свое.

Тако и ты, человече, ни вечер, ни за утра ушибайся молитвы, ни церкви. Николи же ти удолеет дьявол.

О утропе

Утроп имать от пулу и до выше образ конев, а пол его и до ниже образ рыбий китов. Ходит же в мори и есть воевода всем рыбам. На стране же крайней земли стоить рыба злата и не приходит от места своего, да погрешится ловцем, ходя ко утропу. Да то акы воевода сый рыбам, идет на крайную землю ко златой той рыбе. Оближеть ю и того пакы облизают вси мужи рыбии. И отходят на своа места мужи прежде, а жены последи. И пометают семя мужи, а жены идучи последи, беруть и будут чреваты. И за седми деньми раждають. Егда же ходят на крайны земли, ставят рыбари мрежа своя на пропутии рыбам. Понеже будут чреваты, потоле не влавляют их.

Утроп же сказаемо есть Моисий начал пророчества. Море же весь мир, а рыбы человеци. Злата рыба сказаеться вход правоверию. Ходят бо прежде пророци и облизаються Святаго Духа. Лижуще бо человеци от учениа пророчества, последующе берут духовную благодать. Рыбари же суть беси. Мрежа же есть пагуба и льстиваа вождеваа, иже не

идоша во след утропа, сиречь Моисеова закона, но отдалишась и впадоша во мрежа рыбарь тех и погыбоша. А шедших во след пророк ни сеть, ни мрежа не постиже их.

О стерце и о прочих птахах

Стерк добра птица есть. Егда бо настанет весна, сберуться вси накупь со иными прочими птицами, со гусми и утвами и всяк птиць род, от Египта и Лувиа и срацин. И возлетят вси и приидут во Лукию на реку, нарицаемую Ксанфон, и составят тамо брань со вранми и вронами и галицами и <...> елико плотоядець есть.

Достоить и тем ведущим время обрестися тамо всем. Да неясыче воинъство и жеравино и прочих водных птиць и житоядець на единой стране реки той исполчится по берегу.

А враново и прочих всех плотоядець птиць на друзем березе реки.

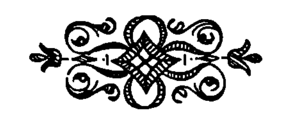
Строять же ся, бо шесть месяць соберуться на брань. Ведят бо и дьни, и ня же ся хотят бити. Да есть слышати до небеси голву и кровь текущу во брани бьющимся птицам и отпадению перию бес числа.

Тем же и лукиане вси перины имеют на постелях своих от них. По расходу же брани той видят враны уязвлены и прочих плотоядець птиць множество такоже и стерково. И неясытиць немало и прочих птиць. Многы же от них во брани той падають мертвы.

Брань же их межи собою творять, знамение являет от обоих победа всем человеком. Аще бо стерково воинъство победит, да будет гобина пшеница и прочих всъх семен.

Аще ли враново победит, да будет множество овець и говяд и инех четвероног.

Стеркови же имеють и другое естество изрядно. Егда бо ся состареють родители их и не могут летати, чада их оба полы держаще и под пазухами преносят от места на место. Тако ся кормят. Аще ли не видети начнут, да влагають им кормлю во уста чада своя. Да глаголеться от них мъзда и воздание.



Притчи из Повести о Стефаните и Ихнилате

О пифике

Всяк <...> влагаяй себе в неподобнаа словеса и дела, постражет пификово.

Глаголеть бо ся, яко пифик некый, видев древоделя древо цепяша двема клинома, яко потребы ради некыа древоделю отшедшю, уподобися пифик древоделю и на древо вседе и цепити е начинаше. Мудом же его в древняа цепины вшедшим и клин невидением извлекшу, съключися древо, и мудом его ятым бывшим. Малодушьствовавше же пифик, и древоделю дошедшу, и мучен бысть велми.

О лисице и тимпане

Излихиа гласы праздны бо суть, аще и велми слышятся.

Глаголеть бо ся, яко лисица некаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь некаа обрести — тимпан, зовомый бубен, на древе висящь и ветром колеблем, глас испущати. Си же видевши лисица и убоавшися приближитися, тимпанову видению дивяшися, ово же и гласнаго величия боашися. <...> обаче гладом и желанием побежена бывши, всу силу свою подвигши, и растръза его и, празно видевши, рече: «Оле, како худейшаа телеса величайша и гласна являються!»

О вране и змии

Мнози бо от силных немощными победишяся.

Глаголеть бо ся, яко вран некый въгнеждашеся в некоем древе в горе и от некоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снедаше. Яко убо множицею таковаа

змию творяща. И шед вран к некоему другу своему зверю и рече: «Хощу тебе советника сътворити: веси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мне приближитися ему спящу и очи его извертети». Зверь же рече: «Не добре советовал еси. Но промысли хитрость ину, ею же оного погубиши, ты же невредим пребудеши: <...> и смотри долу женьскыа красоты честнейшиа и похоти ю, и отнес в гнезде змиеве положи ю. Его же ради по ней последствуют неции, и обретше змиа, и убьют его». Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змиа.

О журавле и еже

Жерав некый, при блате пребывая, исполнену рыб, и от них питаяся, състаревся и на лов не може подвизатися. <...> И гладом одръжим, до стужи си. И поиде в некую гору, и въсходя обрете ежа в своей скръби. И еж же рече: «Почто печален еси и скорбен?» Он же, въсприем, рече: «И како не скорбя? Пръвое пребывах при блате некоем и от рыб его питахся, многим и обильным сущим. Днесь же узрех два рыбаря приходяща на место то <...> и друг другу беседующе, како вся ту сущаа рыбы изловят». И еж же, се слышав от жерава, приде к рыбам и поведа им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, реша: «Ныне хощем советника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбари неции хотяху изловити нас». Жерав же рече: «Ни едино предлежит художство, точию еже преити от сего места во ино место пресенно и водно». Рыбы убо рекоша: «Пренеси убь ты нас на таковое место, идеже доволну пищу обретше, избавитися предлежащеа беды». <...> Он же рече: «Боюся, да не преже преложения вашего доидут рыбаре. Обаче елико им есть мощно, се сотворю». И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в некой горный брег и тамо ядяше их, другим рыбам мнящим, яко в порученное место преносить их. В един убо от дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Приим его жерав и отнесе его на гору, идеже и рыбы снедаше, и советоваше и того снести. <...> Видев же еж кости рыбныа, тамо лежащаа, и разуме лесть и в себе помысляше, яко: «Нужно смертен буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Ныне смыслих, да не бесчестную смерть постражу: но или добре жити ми, или добре умрети, тако благоумному подобаеть». И напрасно обзинув устнами жерававу шиу и нужно его удави.

О льве и зайце

Лев некый обиташе травоносно поле и водоносно, в нем же родове зверем различии пребываху и обилно от оного поля насыщахуся и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совет съвещавше, приидоша ко лву, ркуще ему: «Совещахом вси вкупе, о царю, яко да тебе трудов избавим и болезней, себе же самем безпечалие сотворим. Ты убо со многым трудом и потом единого ловиши от нас на коиждо день, мы же пакы, боящеся твоего лова, трепетни пребываем. Достоит убо нам, яко на всяк день украшаем твоа трапезы кроме трудов». Еже угодно явися лвови. И проводишя дни многи, жребиа творяще друг к другу: и на каждо их жребий бяше, посылаху его к лву. И яко же жребий доиде до заица, и рече к ловцем: «Аще послушаете мене, о ловци, избавлю вас от тяготы сеа, яже стражем». Они же реша: «Еже хощеши, сотворим».— «Рцете к ведущему мя нескоро вести мя к нему; егда близ будет, да скрыються, аз же да отвещевау». Они же тако сотворишя. И шед заець медлено ходом, якоже лву разъяритися гладом, и яко явися заець един, и глагола к нему: «Почто доселе укоснел еси, а не яко и прочии скоро пришел еси?» Он же рече: «Заеца друга своего влечах к тебе, и некый лев стрете мя и похоти его. Много же ему пригласих и засвидетельствовах, яко лвов есть, и не послушав мя. <...> Аще убо хощеши, веду тя к нему». Лев же разъярився, рече заецу: «Последую ти, где есть». И поведе его заець в некый кладенец глубок зело, и створи его приникнути, яко да лва оного видит. И приниче с ним и заец, и рече: «Видиши ли лва, иже похыти твоего заеца? И сей заець у него есть». И показа ему свою сень в воде и лвову. Иже видев лев и мнев, яко тако есть, въверже себе в кладець и удавися.

О трех рыбах

Доволнии бо мудростию человеци всяким образом тщаться не впаднути в злаа падения, а меншии разумом и страшливии впадуть убо когда, промышляут же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростиу, аще и впаднут, никогдаже избавления обрящут. И се подобно есть трем рыбам.

Глаголеть бо ся, яко в некоем блате близ рекы три пребываху рыбы. От них же единa бо бяше мудрейши, другая

же маломудра, третьая же никакоже. <...> И приключи же ся некая вещь в некый день мимо ити два рыбаря при таковем блатци, совещаста друг к другу, яко егда възвратяться, уловят рыбы оны. Мудрейшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избеже из блата и поиде к реце, а прочии две рыбы, нерадивьше о своем спасении, осташа в блате. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рекы со утвержением. Еже видевши, средоумнаа рыба раскаяся, како преже не избеже, и рече к себе: «Такова есть нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всуе потщася, обаче елико мощно ми есть, да хитроствуу о своем спасении полезнаа». Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по воде носима бяше. Ей же веровавше, рыбаре, своима рукама явше у, и положиша посреде блата и рекы. Абие скочивше рыба она в реку, спасена бысть. Безумнаа же рыба, бегавши много семо и овамо, нужно уловлена бысть.

О вше и блохе

Аще кто тя учредит, не въвери ему своа таины, дондеже видиши веру его и друголюбие, да не подобно постражеши, еже и вошка.

Вошка некаа у некоего велможи в теле в мало время крыяшеся, питающися крови его и тихо ползаущи, неведома бяше. В едину же от нощи приде гостиа ея блоха, яже напрасно и без разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскоре въстав с постеля своея и взискав, обрете вошку и уби ю. Блоха же, отскочив, спасеся.

О льве и верблюде

Лев некый пребываше в некоем месте, идеже бяше путь некый близ. Бяхо же тамо три животнаа, любяще друг друга: волк и лисица и гавран. Купци же неции, мимошедше путем мимо пути оного, оставиша велблуда на пути и отъидоша. Велблюд же пришед ко лву, сказа ему, яже о себе. Лев же рече к нему: «Аще любиши со мною жити, отпущаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего».

И пребысть тамо не мало дни велблуд. И единою от дни изыде лев на лов, и стретеся с елефандом. И сразившеся, побежен бысть лев, и едва взратися ранен и оструп-

лен и окровавлен. И леже болезнию отяготен, ниже ловити уже могий, ни на лов поити. Оскудеша бо пища, и не имяху околни его, что ясти. И разуме о сем лев, и рече им, яко: «Мнит ми ся, бежати хощете ѿт мене».— «Мы о себе попещися имамы и сыти быти, но о тебе скръбим. И аще быхом могли тебе пльзу обрести некую, со усеръдием содеяли быхом». Он же рече: «Не утаи ми ся ваше усеръдие. Но разыдетеся отсуду, яко да обрящете пищу себе же и мне».

Они же шедше близ негде, совещаста друг к другу, глаголюще: «Что нам обещно с вельблюдом сим, травоядцем инородным? Но аще годе, да сотворим лва снести его».

Лисица же рече: «Се не мощно нам изрещи к лву о сем яве, зане обещанье имат любезна к нему лев». Гавран же рече: «Будите зде на месте и оставите мене единаго поити к лву».

И тако бо поиде. Яко виде его лев и рече к нему: «Что пришел еси? Егда нечто приключися?» Он же рече: «Како нам хощет добро быти со иноплеменным сим велблюдом? Но аще хощеши, слушай нас». Лев же прогневався и рече: «Оле, дръзости и сверепьства! Не веси ли, яко обещаниа любезна и согласиа к нему сотворих? Не подобаше ти ко мне таковыа беседы глаголати, не подобаше мне се сотворити». <...> Гавран же рече: «Добре судил еси, о царю. Но едина душа за всего дома предаеться, и дом о граде, и град о всей стране, а страна вся о цари. И мы ныне о тебе стражем и скръбим о лишении брашен, и не обращем ти плъзы, да избудеши поношения». И сия рек, възратися к своему и дружине, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему беседова.

Они же смыслиша вещ таковую, яко вси вкупе приступят ко лву и коиждо себе дати лвови в снедение. И егда един о себе речет, тогда другий да отвещает: «Неси по-

требен», дондеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще с собою и велблюда.

Пръвее убо гавран рече: «Зрю тя, о царю, зело немощию отяготена и несытием посрамлена. И много быша благодеаниа твоа на мне, но не имам что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снежь мя». Они же реша: «Престани блядити, мал бо еси телом и худ». Лисица же рече: «Да аз убо, о царю, доволнаа пища будеть ти днесь». Волк же рече: «Пристани и ты, смрадно бо есть твое тело и на пищу непотребно. Паче аз на пищу угоден есть и готов и усръден». Гавран же и лисица вкупе отвещеваху: «Иже несть вкусил песья мяса твоа, да вкусит, и в недуг впасти имать чревный». Мняшеся бо и велблюд, яко и о нем имут отложити, и рече: «Аще и вси непотребни суть, но и аз плоти многи имам и на пищу сладок есмь». Они же вкупе велми рекоша: «Истинну рекл еси, о велблуде!» И нападше на нь растръгоша и напрасно.

О норцах и желве

Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголеть бо ся, яко в некоем источнице пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Некогда же по днех мнозех оскуде вода от источника. И достуживше си норци, восхотеша бежати от места оного. И рече им желва: «Вам убо несть печали о оскудении воды. Вем бо, яко летающе крилы своими обрести имате воду. <...> Но мне, оканней, горе! Камо заползети или где? Молю вы ся убо, возмите и мене с собою и принесите аможе хощете». Норци же рекоша: «Аще не преже обещаешися нам, яко да не проглаголеши, дондеже отнесем тя, не имаши поити с нами». Она же с клятвою обещася им не проглаголати на пути. И вземше норци древо право, повелеша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу вземше, въздвигоша на въздух с собою и желву. Случаи же ся некоим человеком путем онем мимо ити, <...> възреша горе и видеша желву межу норець висящу, удивишася, глаголюще: «Видети чюдо и знаменье, желва бо посредь двою норець на въздусе летит». Желва же, слышавши се, отврьзе уста своа проглаголати противу беседе им. И тако отвръзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако сбудется, иже не съвръшает обещание.

О пификах и сокровище

Неции пифици в некоей горе пребываху в зимно время престуденно и обретоша ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совещаша совет: «Елико есть требе, возмем от злата, а прочее в земли да скрыем. И егда требуем, да вземлем по малу, дондеже все изнурим». И сим образом дружба их на длъго время пребысть, верова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно под древом некоим, велием дубом, и съкрывше възвратишася в своя. По некыих же днех изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени некоем рече препростый лукавому: «Поидем, аще ти есть годе, и возмем некую часть от злата, еже имамы в земли». И шедше и землю раскопавше, ничтоже обретоша. Начат убо лукавый власы своа трьзати и прьси своа бити и въпити на препростаго, яко: «Съкровище украл еси». Препростый же тмами клятвами того утвержаше, яко: «Ничтоже тако сотворих», конечнее же к некоему судье приведе его. Судья же рече: «Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие». Он же рече: «Дуб сам свидетельствует истинну, аще и безгласен есть».

И шед ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себе, и умоли его, да внидет в дуб, бяше бо дуб он дуплен, и да проглаголеть из дуба, яко препростый взял есть съкровище. Отець же его сие рече: «Аз убо сие створю, но блюди, да не в своих сетех ят будеши». И шед отець его вниде в дуб. <...> И судьи пришедшу и въпросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препростый взял есть сокровище. <...> Се убо слыша судья и разуме лукавьство, и повеле дуб запалити огнем. И яко разгореся огнь, и взыде дым на скрытаго оного, и напрасно възпи, и извлечен бысть. И лесть исповеда, и зело мучен бысть и с сыном своим. И отъяша им злато, тако бо повеле судьа быти, и възратиша все препростому. Таковая бо есть лукаваго человека и льстиваго кончина.

О купце

Купець некый, хотя поити на купину, положи полог у некоего железо за 100 сребреник. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бяше полог, и рече ему: «Дай же ми железо, еже положих у тебе». Он же рече: «В некоем куте дома моего погребох твое железо и изъедо-

ша е мышкы. И не жали си о том, понеже к нам здрав пришел еси. Но приди к нам днесь, да обедуем и порадуемся о твоем пребытце и доходе». Он же, послушав его, обедова у него. И по обеде, изыде поити в дом свой, и стрете сына человека того, ему же бяше предал железо, и ят его, отведе в дом свой и скрыв его в кущи. И възратися, обрете человека оного въпрашающа всех о сыне своем, и рече к нему: «Аще сына своего ищеши, видех его на въздусе носима от орла». Он же възгласив и рече: «Видесте ли орла человекы носяща по высоте?» Он же рече: «Ей! Идеже мышеве железо ядят, ту и орли человекы въсхыщають на высоту». Он же позна уме не бывшее, взврати железо, елико бяше приял, а сына своего взят.

О слепом враче

Аще никто не весть ничтоже и глаголеть лжу, подобно постражет неуметелна врача.

Глаголеть бо ся, яко врач некый приде в некый град. Приключи же ся дщери властелина того в недуг впасти. И повеле некый врач премудр, но слеп, яко да былием уврачует ону. Призван бо бысть и странный он врач, яко да разсудит о былии оном, еже рече слепый он врач. Он же, невидением ино былие подобно разстворив, дасть ей пити. Она же испивши таковое, в чревеболезненый недуг впадши и умрет. И принудиша родители ея у врача оного испити от оного зелиа и была. И пив, смертнаа страждаше.

Тако убо стражет, иже беседует и творит, яже не весть.

О сокольничем

Глаголеть бо ся, яко некый крагуарь вжеле жену господина своего, яко лещи с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогневав же ся о сем крагуарь, улови в некый день две сои и научи едину беседовати перьским языком, яко: «Видех госпожу свою со вратарем»; другую учи глаголати, яко: «Не глаголи ничтоже». В един убо от дни приключися господину с персы обедовати, и слыша соя перьсскым языком глаголюща и беседующа, и полюбиша их. Та же и слов, еже беседоваху соя, исповедаша персяне они. Крагуяр же вне стоа и рече: «И аз сведетельствую, яко таковое дело видех». Господин же его разьярився, хотяше свою

жену убити. Она же яже о крагуари сказа мужу своему, яже: «Лесть на мя сшил есть, зане не послушах его на скверно дело. И ину беседа не знает соя перьсскыи, кроме слова, иже их научи крагуарь». Въпроша же соа персяне о некых речех, и обретоша их, яко ино ничтоже не ведят, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: «Не боиши ли ся Бога, яко таковая на мя свидетельствуеши? Тако ли есть было дело?» Он же рече: «Тако есть было». И сия рекши ему, напрасно въскочи крагуй и изверте ему очи.

Тако и ты постражеши с дружиною своею, аще лжесвидетелствуеши на мя.

О вороне, мышонке, черепахе и серне

Друга верна несть измененииа сущих ничтоже. Да скажу се яве. Глаголеть бо ся, яко не в коем граде место бяше на лов угодно. На нем же месте бяше дуб высок и дупен, в нем же вгнездашеся гавран. В един убо от дни виде ловца оба люта, на раме убо мрежу носящю, в руку же жезл дръжаща. И того видев устрашися и смысли в себе пребыти на том дубе, идеже гнездо его бяше, яко да узрит, что хощет сотворити. Ловець же мрежу простер и поврьже в ня зерна пшенична. Голубь же некый болший от иных видев зерна пшенична, мрежи же не узре, впаде в ня с прочими голубы. Ловець же, видев се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Пръвый же над ними голубь рече: «Не боитеся, но вкупе друг другу помозем, яко да возможем крилы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздух мрежу. Се видев, ловець удивися убо, но не остави их, последовав же по них, мня, яко не много имуть летати. Гавран же все соблюдаше, яже о них. Болший же голубь, виде ловца по них идуща, рече к прочиим голубем: «Ловец сый последует нам. Да аще по полню месту летание сотворим, не оставит же гонити нас. Аще ли же по горних и непроходных местех летание сотворим, скоре убо оставит нас. Еще имам на том пути мыша гостя, и аще до него доидем, скорее узы наша разстръгнеть и нас свободит». Виде убо ловец в недоумении начинание их и возвратися.

Гавран же последоваше по них, яко да узрит дело спасения их, вкупе же и любимаго им мыша узрети. Яко идоша до гнезда его и снидоша землю. Мышь же изшед виде голубя, с радостию прият его и рече: «Кто тя таковым узам,

о любимиче, приплете?» Он же рече: «Часть мя таковым лютым приплете, яко ослепел бех и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ят бых. Несть убо дивно о сем, зане впадох аз в таковое падение, болшии бо от мене и в горшаа впадають. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сению земною покрывается, и рыба морьская из глубины извлачится, и птица небесныа от въздух сводятся, егда будет им повелено». Сия рек, нача мышь глодати узы мрежныа. Голуб же рече: «Начни преже ослобожати сущая под мною, потом же разреши и мене». Мышь же не послушаше я разрешити всех, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубь, и не послушаше его мышь. И рече ему голубь: «Не порочи мио мышу, о них же ти беседую, понеже ми есть дал Бог область над теми голубы всеми, достоит ми, яко да промышляю о них. Верно бо и приятелно поработаша ми, и за пособьствие их и поспешенье Бог освободи нас от сетей сих ловчих. Молю же ся, да не мене преже разрезав, о сих обленишися. Болши бо ми, еже аз буду во узах, еже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сущаа под тобою, яко люби тебя и прияти тебе». Сия же рек, разреши всех от юз, и разрешении быша и отъидоша.

Видев же гавран бывшее, сниде к мышьему гнезду и пригласив его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Аз есми гавран, и видев твое усеръдие, еже има к другом си, въсхотех дружбу имети с тобою, и о сем придох к тебе». Мышь же рече: «Коя есть община и тебе и мне? Подобает убо мудрому силная искати, а немощных небрещи. Иже бо таковая начинаай, уподобился есть мужу, иже по воде возит кола, а по суху корабль. Како буду тебе друг, пища тебе сый?» Гавран же рече: «Разсуди своим помыслом полезная себе. Несть бо никаа полза, аще зем тебе, паче же полезно ми есть, аще ты в живых будеши и поспешьствуеши ми во всем. Не подобает ти тща пустити мя от чаания моего, известие бо имам о любви твоей, еже имаши к другом сим, аще ты сам показал еси мне. Мудраго бо мужа добродетели телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческым языком мосхос, иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече: «Велиа есть обычная вражда. Лев бо со елефандом присно враждують-ся, яко же и мышь с коткою. И не подобает врагу веровати. Вода бо аще и огнем согревается, но свои обычаи не отлагает: възливаема на огнь погашает его, аще укроп есть». Гавран же рече: «Разумех, яже глаголеши. Но моа любовь не тако будет, яже имяхом створити с тобою, но тверда и

известна. Яко же бо златый съсуд с трудом ковется и съвръшается, и к тому не съкрушается, скуделничи ниже удобне творятся и удобне разсыпаеться. Тако истинная сущая любовь едва съвершается, но нерушима пребываеть, нечистая же и неистовнаа любовь скорее и удобнее составляется и скорее разсыпается». И мышь, отвещав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми ся тща отпустих. Аще бо и веру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем верую. Вем бо, яко и похвалишься когда и induseчеши, яко: «Обретох мыша безумна и прельстив его снедох»,— бесчестие ти будет». И сия рек, мышь изыде из гнезда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходиши?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающеи двоими вещьми любяться: овии бо заповеди ради любовь творят, друзии же телесныа ради потребы. Подобни суть ловцу, иже пометает пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себе. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию молениа твоего ради, и ничтоже ино возбраняет ми изыти к тебе, точию зане боюся единомысленыя ти гавраны: видением бо подобни суть тебе, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сих ради. Истиннаго бо любления уверение си есть, еже и любити любовныа и враждовати враги. И аз зане тя люблю и моя дружина любити тя имят». Сия рекши гаврану, изыде мышь из гнезда своего весь. И любовь посреди их съвръшися.

В един убо от дни рече гавран к мышу: «Зрю дом твой, яко близ пути есть, и боюся, да не мене ради познан будеши и погибнеши. Но вем место негде отлучено от человек, на нем же суть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том месте желву гостию и хощу, яко да и ты поидеши тамо питатися и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою! Аз возненавидех бо здешнее пребывание вины ради, о ней же скажу ти, егда до места оного доидем».

Взем же гавран мыша за опашь и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видевше гавран мыша носяща, мняше, яко туждь есть, и убоявшися скрыся в воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуду приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече к мышу: «Обещал ми ся еси, яже о себе, яко да егда доидем до сего места, скажеши ми некаа». Он же рече: «Аз пребывание имех правие у некоего мниха и ядях, яже имяше угоднаа снедения. И егда насыщахся

и приемлях прочаа останкы моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних келию, яко да обрящет мя, и не возможе обрести мя. Иногда же повешаше пищу свою, яко да убежит врежениа моего, и не возможе убежати. В един убо от дни странник некый мних приде к нему, и начаша друг с другом беседовати мниси и рукама плещаху, нас страшаще. Въпроси же и странный он мних вину; о ней же плещаху. Сказа ему яко: «Мышев ради плещем. Есть бо мышь безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит нам. Молю тя, поищем входа гнезда его и раскопаим пребывание его». Случих же ся аз тогда в гнезде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избегох оттуду и во ину дуплину внидох. Имех же в моем гнезде златникы тысяща, яже подстилах под собою и великомудрех о них. И раскопавше убо мниси землю, и обретоша гнездо мое и златникы, и вземше злато с радостью, и рекоша: «Сие злато разпалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смирен и срамен и некрепок будет». От того часа, якоже и мниси рекоша, съложи ми ся крепость и низложи ми ся высокоумие, и преобиден бых от мышев. И в утрешний день въсхотех въскочити в хранилницу мнишьскаго ястиа и не възмогох. И се видевше, прочии мышеве въсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляются, ибо благаа свесть и мудрость злата ради пребывают. Не имый же богатства скорбен есть всегда и мерзок всем является, и безумен, и непотребен. Аще бо нищий и убогий муж храбер обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смирен будет, немощен нарицается, аще ли беседует, блудник именуется, аще ли млъчалив кто, безумен нарицается. И болше есть преже от сего житиа отъити, нежели солнце имети сраму свидетеля. <...> Сия убо помышляю видех страннаго оного мниха, яко раздели злато и свою часть в некое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотех таи отвлещи злато, мнях бо, яко сном одръжим есть. Он же пробуден сый, взят рукою своею, яже обрете рукою своею близ себе вейку и удари мя по главе, и поболев зело возвратихся. Таже пакы на влагалище злата дръзнух и видев мя, пакы мних он и удари мя сей вейкою зело по главе, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекый себе, доидох до дуплины оноа, и безгласен лежах часы доволны. Возненавидех толико злато, яко ни в памяти ми имети его, ниже слышети о злате, и разумех, яко всем злым винам лакомаа съвесть есть и начало. Иже лакомьство имать

не может от злата убежати ни на земли, ни на мори. Веровах же, яко несть ничтоже болшее, кроме доволнаго имания. Сего ради убо премених житье свое и пустынное въсприях житье. И имех же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо несть никоя красота в мире, кроме беседования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию довольнаго имания. Доволно же ино ничтоже несть, разве хлеб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но не тъи равен есть от единому менших, иже беспечално живот свой провожает. И си помыслив аз в себе, последовах тебе, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретох, о желво».

Желва же, въсприемши, рече: «Разумех, елика изрекл еси добре же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себе, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видети, яко словеса украшают дело. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разум, зане не может себе легчину сътворити. Не пецися убо о богатстве, великоумный бо муж и без богатства почитается. И лев аще сном спит, но страшен есть. Такоже и безумный богат бесчестен есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрых странен есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бех иногда славен и ныне же не славен. Елика бо суть в житьи сем, в тлении и в мимохожении суть. Глаголеть бо ся, яко сия суть от иных не ставная: облачнаа сень, и безумных людии любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрий мужие ни о обилии богатства радуються, ни о умоленьи скръбят».

Яко гавран услыша беседы желвины, возвеселися о них и рече: «Во истину есть ино ничтоже в житьи болшее, точию дружнее пособьствие и срадование. Никтоже мудрому пособьствует, точию пакы мудр, якоже и елефанта падшася не въздвижет ин никтоже, точию пакы елефант».

Такова и сим подобна беседующи гаврану, серна некаа напрасно приде. Яко же виде, гавран на древо възлете, и желва в воду скрыся, и мышь вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, семо и овамо очи обращающи. Гавран же на высоту възлете и сматряше, егда некый зверь гонит серну. И всюду смотрив, и сниде на землю, и призва желва и мыша, и сказа им, яже о серне. Серну же видевши желва, яко не смеет пити воды, и рече: «Пии любимаа, яко никтоже бо семо не приходит. Скажи ми, откуду идеши?» Серна же рече: «Гонима бех от ловець до ныне от места в место бегающи, и зде доидох». Желва

же рече: «Дръзай, любимаа, никогда бо ловець семо приходит и вкупе с нами живи. Се бо предлежат ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху беседы своа у некоего дуба всяк день.

В един убо от дни събрахуся по обычаю на беседу гавран и желва и мышь, и серну ожидавше. И не дождавшеся, уразумевше, яко в сетех ловчих ята бысть. Възлете гавран высоко и видев сплетену в сетех ловчих; възвратися, сказа дружине своей, еже виде. Желва же се мышу рече: «На тебе лежит нашея серны спасение, о мышу!» Он же, елико мощно ему бяше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа сущи и, любимаа, таковым лютым себе соплела еси?» Она же рече: «И кто может умудрити, егда реченное хощет исполнитися?» Сия беседующим им, доиде гавран вкупе и желва. Серна же к желве рече: «Почто пришла еси семо? Аз бо, егда разрешена буду от мыша, побегну и убежу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышь обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снедение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия беседующим им, и разреши мышь серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбеже, гавран же отлете, мышь же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видев едину желву, и взем ю связа.

Гавран же, и серна, и мышь, видевше бывшее, зело печалнии бывше. Гавран же рече: «О како в скорби всегда непрестанно впадау! Не довляше бо ми еже от отчьства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпаднути, но лишихся ныне любимыя моеа желвы, яко же добре храняше любовныа уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тело, многыми бедами ссставлено!» Серна же, въсприемши, рече: «Наша ныне печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желве не ползуют никакоже. Но остави сия беседы, изообрящи хитрость о ней спасения. Глаголеть бо ся, яко храбрый во время скреби искушаеться, вернии же друзи — в бедах».

Мышь же, въсприемши, рече: «Судя убо ныне быти полезно,— яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебе гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вменит, яко мертва еси по истине. И отложит тул свои и лук к тебе поидет. И егда узриши приближающася его, въставше побегни мудном ходом, да надеется ловец, яко постигнути тя имать. И егда достигнет тя, и

абие отскочи быстростию своих ног. Дондеже ты бегаеши гонима, а аз разрешу от юз желву». Серна же повеленное сотвори, и сим образом разрешися от мыша желва. Исцелевше, вси в домы своя возвратишяся.

Тако убо иже право любящеся своим другом пособьствуют.

О совах и воронах

Иже врагу верует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголеть бо ся, яко в некоей горе бяше древо превелие и высоко некое, в нем же гавране пребываху тысяща, им же бе старей гавран един. Бяху же близ того места выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старейшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же ранища, а инем перия истръгоша. Достужив же ся гавраном царь, и збор сотвориша, и рече: «Видесте ли, елика род выплеве нам содеяша, и како нашу силу победиша, колики убиша и колики уязвишя, и колицем перия истръгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дрързнути на ны, преобидети нас. Разсмотрите убо последняа».

Бяху же у того царя пръвосоветници 5, от них же един рече: «Ничтоже ино спасеть нас от таковаго нахожения, точию еже остави здешнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победе смиритеся и отечество свое оставити и в туждей земли быти и жити. Но в мужество облецемся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще победим их, Богу благодать, аще ли же пакы победят нас, без срама пръвый совет да съвръшим». Третий же рече: «Не добре, о царю, сии глаголють. Но подобает нам добре уведати, аще хощут врази наши любитися с нами, и сотворим мирныя почести, и дары послем к ним. И сего ради безпечално житье поживем. Присно бо царие о своей земли пекуться и златом съблюдают сущаа под ними». Четвертый же рече: «Недобре совет даеши, но болши есть в тесноте и в беде жити, нежели колико врагом не противитися и подложитися, от них же болши есми мы и честнейши. Но аще и дары принесем им, недоволнии будут о сих, но и выше силы нашея взыщуть. Глаголеть бо ся, яко преже рати подобает укрощати враги дарми, аще ли оплъчатся на тя, не укланятися. Подобает убо смирение и трьпение имети, и на любовь, и

на брань». Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнейши бо суть от нас. Иже бо на болшая своа противляеться, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своа немощны наричют; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобает мудрому мужу врага своего не боятися, аще и далече пребываеть. Всякой бо вещи ястье и питье и богатство ищется, а в брани ни о чем же, точию о душе своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобает ти, о царю, от своих советник имети разумныа, добрый совет лучши есть тмы воин, ибо воспоминает смотрения полезнаа, о царю. Познавает бо муж вражию силу и немощь, и мудрым советом и начинанием ниизлагаи.

Начало вражды, яже имамы к выплем, сии есть яко некогда собрася весь род птицам и избраху себе выпля царя, и поставиша его царствовати над ними. Гавран же тамо приключися некый, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасти смрадныя сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гневлива, и несоставна, и льстива, и еще же горше есть всех». Сия слышавше, птичий весь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вем, о гавране, аще сотворих тебе некогда зло некое, яко да таковое воздание на мя покажеши. Но познай, яко древо, аще посечено будет секырою, пакы срастается, и язва стрелнаа исцелеваеть и заглажается. Но язычнаа стрела неисцелена есть, яко косаеться посреди самого сердца. Ибо вода погашает огнь, и яд врачевным былием отгониться. Но злобный огнь присно животен есть. Иже ся есть всеял посреде вас и нас, о гаврани, дуб велий будет никогда же искореневаем». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зело. И оттоле и до ныне вражда пребываеть посреде нас».

Царь же рече: «Разумех о сих. Прочее убо рци о предлежаших, что подобает ныне творити». Он же рече: «Хощу убо на едине беседовати ти». И повеле ему абие наедине глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, не повелеваю быти. Но никако можем успети хитрости некыа, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да прогневается на мя величество твое всем зрящим. И повели бити мя пред всеми немилостивно, яко окровавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да повержен буду близ древа сего. И егда сие будет на мне, тогда ты отъиди отсуду со всеми своими вкупе,

мене же оставите лежати зде». Еже сотворив, царь с своими отъиде.

Нощию же выплеве к древу дошедше, не обретоша никогоже, точию бьенаго гаврана лежаща, и сказаша о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуду еси?» Гавран же рече: «Аз есми онсица».— «Где же суть гаврани?» — «Не свем. Како бо могу в таковых бедах разумети онех тайны?» Царь же рече: «Воистину сей пръвосоветник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злосоветие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совет составиша, и коиждо, елико их разуме, советоваше. Аз же дръзнух о вас и рекох, яко силнейши суть от гавран выплеве и благородни, и того ради не подобает противитися им, но мир искати и дани даяти им. И аще приимуть, о таковых миряться с нами, Богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнеша, яко о вашей ползе беседую, такова ярости наполнишяся, таковым осуждением мене осудишя».

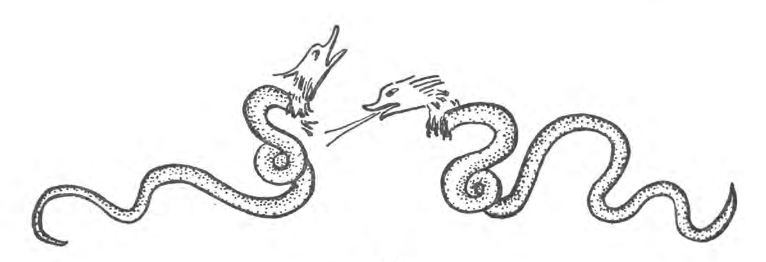
Сия слышав, царь рече к некоему от пръвосоветник своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорее да убьен будеть. Избавимся от лукавьства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Пособие бо нам будет велие убьение его. Глаголеть бо ся, яко иже не радить о своей ползе, егда время получить, иногда бо не возможет получити».

Другий же от пръвосъветник царевех рече: «Не подобает того убити. Писано бо есть, трость сокрушен да не ниизложиши. Паче же праведен есть миловати и щедрити его, зане таковыа пострада беды и заушениа. Подобает убо того хранити, еже бо питати враги велиа есть похвала». Повеле убо царь с честию и говением пребывати гаврану. Пръвосоветник он, иже убити его повелевый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будет в сохранении и да пребывает у нас, яко враг назираем. Аз бо вем, яко лют есть гавран сей и льстив, и мнит ми ся, яко прилщениа ради пришел есть зде». Начат убо гавран беседовати с выпли наедине и любитися с ними. Во един убо от дни рече к ним гавран: «Услышах от древних муж, глаголющих, яко аще хто себе во огнь въврьжет, скорее, еже просит у Бога, прииметь. Хощу убо и аз таковое сотворити и умолити Бога, яко да преложит естество мое на выплевьско видение, яко да с вами на гавраны брань сотворю и въздам им о нихже, они мене соделавше». Бяше же ту, иже на убиение его советовавый, и рече: «Подобна суть сия твоа

словеса питию, исплънену яду. Аще бо не сожжем тобе, не можем естьство твое преложити».

Пребысть убо гавран тамо, сматряа начинаниа выплем вся. И толсте и утучне, и возрастоша ему перия, и некогда время обрете и отбеже. И ко гавраном пришед, рече к царю их: «Радуйся, о царю, се бо желание съвръших. Уже бо вси выплеве в древе некоем скрышися. Въстанем убо вси, поидем убо вземше коиждо нас сучиа, елико можем понести, и положим на устех язвины и огнь вложим, и крилы и раздуим, яко быти пламыку въздушну. И сим образом овии внутрь дымом удавлени будут, овии же исходяще опалении будут». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа победиша, и возвратися гавраном царь в своа си обители победоносец. И рече ко гаврану оному: «Како тръпел еси выплем беседования неподобнаа?» Гавран же рече: «Мудроумен муж, аще и в беды некыа впаднет, покоряеться и худым, дондеже съвръшит желание свое». Царь же рече: «Скажи ми, разум выплем каков есть?» Гавран же рече: «Не видех им единаго выпля разумна, точию рекша совет на мое убьение. Прочии же далече бяху от мудрости. Подобает бо царем своа съблюдати тайны и не оставляти тужда некоего к писанием приникнути, или к воде, с неюже хощет мытися, или к постели, или ко одежи, или оружью, или к ястию и питью. Несть мощно с гордостию своя враги победити. Малу бо победу съставляет гордьливый, иже советникы творит безумныа, не удобне от погибели спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да получю таково исправление, якоже змий, подложивыйся жабе.

Глаголеть бо ся, яко змий некый, заматерев, състаревся, и не возможе ловити и о пищи недсумеашися. И ползав, доиде блата некоего, исплънена жаб, идеже пръвие ловяше, уныл и скръбен себе тамо близь простре. Жаба же некаа рече к нему: «Почто се, о змию, скръбиши?» Он же рече: «И како да не скръбя? Присно бо от сего блата пищу



себе взимах, ныне же прокля мя некто от постник и не могу ловити. Уже бо хощу, да буду яко и конь яздялный царю вашему». Се слышав жабам царь и прият его, яздяше на нем, и даваше ему на всяк день на пищу две жабе. Тако и аз таковыя работы ради и съвръшения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрих и видех, яко хитрость и разумом болши есть побежати, нежели противлением. Огнь бо горящь есть и сух, но точию яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и вънутрь под землею входит, искореневает, яже на ней. Глаголеть бо ся, яко не подобает не радити о четырех сих вещех, сиречь о огне, болезни, врага, длъга». Гавран же рече: «Велика ныне исправлениа быша нароком твоим, царю, Богу благодать о том».

Царь же рече: «Обретох тя словом и делом приятеля своего. Прочии же словесы безумными хваляться. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкый и пища тобою дасться нам. Глаголеть бо ся, яко отраду велику имат, иже от огница избавится, и еже бремя тяжко отложивый, иже от враг своих избегни. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видел еси?» Он же рече: «Скотцко есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развее единаго, на мое убьение советовавшаго. Той бо от всех, мнит ми ся, мудрейши».

Об обезьяне

Глаголеться, яко пифици неции царя имуще состаревшася и заматеревша леты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же всякым недоуменьем одеръжим быв, к некоей смоковнице при брезе морьстем приде, и пребываше у нея, и ядяше от плода ея. В един же от дни, ядущу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемше, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмеявся, не пристаяше желва питающися смоквами; она же, сладку пищу обретши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушьствоваше велми, искаше притчю, како бы пифика погубил и подруга своего възмет. Единою убо отшедши желва в дом свой, и скръбна видевши своего подруга и рече к нему: «Почто вижу тя дряхла и болна?» Он же рече: «В болезнь лютую впал есмь и несть ми исцелениа обрести, аще не получю сердце пификово». Она же недоумевшися о сем и помышляше в себе, яко: «Ино сердце

не имам обрести, точию гостя своего, еже преступление быти». Разумевше, дивляшеся помышлѐнми и пришедши к пифику, и пригласив его; он же въпроси его о коснении. И желва же отвеща: «Ни о часем же укоснех, точию зане срамлются тебе и не имам достойно воздание о благодеянии воздати тебе». Пифик же рече: «Не помышляй таковаа, несмь аз такый, еже от своих любовных искати воздание. Паче же ты мне благодетелница была еси, таковыми бедами обьдръжима и изгнана, сущи утешающи мя». Желва же отвещав, рече: «Хощу еже утвердити любовь посреде нас сущих. Утверьжают бо ся треми вещми, сиречь еже в дом дружний вхожение и сродник зрение и посещение, и еже вкупе пребывание». Пифик же рече: «Тако составляет, на нетверъдем основании зиждеть. Яко не подобаеть от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и другом совръшенную любовь истинную имети от своих другов, а иже за некых ради житейскых потреб любо составляет, на нетверъдем основании зиждеть. Яко не подобаеть от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и чиста, и веры правы, и истинны. Телець же а и без млека матерь своу ссет, прогневается, яко прогнану быти от неа. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой. Живу же аз в острове травоноснем, тмами исплънену плодов. Аз бо на раме отнесу тя».

И веровав, пифик взыде на желву и ношашеся по пучине от неа. Егда быша посредь пучины, ста помышляущи, како бы погубити пифика. Видев пифик коснение желвино, уразумел есть лесть, и в себе глаголаше: «Егда на мя нечто зло помыслит желва?» И рече тако: «Вижу тя в попечении и в размышлении велице и боуся тебя о том, что убо есть попечение твое?» Она же рече: «Печаль ми есть велика, да неддошедше в дом мой и не обрящеши вся достойная, яко же хощу аз. На одре бо лежит подруг мой». Пифик же рече: «Не пецися о сем, ничтоже бо пльзует печаль. Но попецися паче о врачевных былиях». Желва же рече: «Глаголють врачевьстии отроци, яко пификово сердце может исцелити болезнь ону». И се слышав пифик и в себе свою погибель рыдаше, глаголя: «Оле моего безумия! Како несмь узнал тамо? Паче и стару ми сущу, в таковых злых мене вложи. Иже в малых пребывают, беспечално житье живут». Такоже се желве рече: «Въскую, любимаа, не сказа мне таковое слово, преже даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое с собою возму? Закон бо имам, да егда к любовному идем, сердце свое дома оставливаем, да нечто о друзе помыслити лукавое». И сиа слышавши,

желва въспять радующися плуяше и пифика на берег донесе. Он же на сушу наступив, тощно на смоковницю взыде. Желва же доле въпияше: «Сниди скоро, друже, яко да поидем». Пифик же, отвещав, рече: «Аще сниду к тебе, до конца сердце свое не приобрящу». Тако иже время обретше благо, не испъленивше свое хотение, и времени мимотекшу, и не получают.

О некоем муже

Глаголеться, яко мужь некый вкупе с своею женою наедине живяше и в некой день рече к ней: «Благонадежен есми, о жено, яко мужскый пол отроч родится нам, иже со усрьдием поработает нам. Смотри, како имя наречем ему». Она же рече: «Престани, мужь, блядити. Подобен еси оному мужу, пролиявшему мед и масло».

Глаголеть бо ся, яко мужь некый от убогых мед и масло в некоем сосуде имяше, идеже бе ложище его. И во едину убо нощь в себе помышляше, глаголя: «Хощу масло сие и мед продати за пенязя и купить коз 10, еже родят толико козлищь за 5 месяць, и пятыми леты составлю 400, от них же куплу волов 100, и с ними посею нивы, от плода жита того и от прочих плодов напрасно пребогат буду, и домы въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны искуплу, и жене припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сиречь Вседобре, накажу его, якоже подобаеть. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице». И взем прилежащу ему жезле, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по браде его».

Таже роди отрока жена его, и по некых днех рече жена к мужу своему: «Поди, седи зде у отрока». И той отшедши, призван бысть от властелина муж еа, и оста детищь единь. И приключися абие присмакатися змии на детища. И видевши его невестка, въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видев невестка окровавлена змииною кровию, и мняше, яко отроча его снела есть. И не потрьпев, дондеже видит отрока, по главе сию немилостиво ударив, уби. Вшедше же, отрока цела обрете и змиа здробленна зело и раскаявся, плакася горко. И тако убо тщашеся на многиа вещи без разсуждениа согрешают.

Притчи, или баснословие, Езопа Фриги

Вирши на Езопа

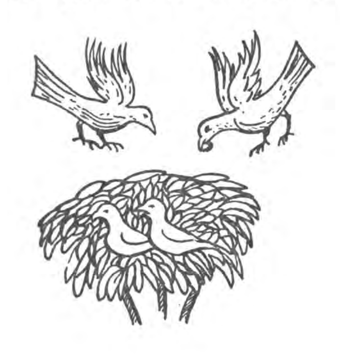
Баснослагатель Езоп не украшен образом,
Прочитаи же сего, обрящешися с разумом:
Плоть-сосудец его аще не зело честна,
Но душа в нем живущия зело изящна.
Пиша притчами сими зверския нравы
И в них изоображает человеческия справы:
Птицами и рыбами поставль основание
И надбаснами творит нам истолкование.
Притча к притчам — сказание и глагол притчи,
И в притчах притчослагатель глаголет вещи.
Глумление сея притчи не в глумех,
Но утешительное прочитание в разумех;
Нравоучительная нам сей беседует
И в притчах полезная житию дарует,
Яже от еллинского преведена суть мною,
Прочитая, любимиче, утешайся [со] мною.

1. О орле и о лисице

Орел с лисицею содрузившеся, близ себе начаша жити и оутвержение нърава любве и дружбы сотворивше. Орел оубо на высоце месте гнесдо изъви, лисица же в ближних кустех чада породи. На паству некогда лисица изшедше. И орел же пищи и брашна не имея, и слете в кусты, и лисицыны чада возсхитив, вкупе со своими младыми птенъцы вкупе пожре. Лисица же пришедши и содеянное увидивши не толико о смерти своих чад скорбяше, елико [отмстити] орлу не можаше. Земная бо сице птицу летающую гонити не возможе тем же. И издалеча став, еже и немощным есть оудобно, сопротивника своего и врага безчествуя прокли-

наше. Не по множех же днех последи нецую человецы козу на жертвеник принесше богом жроша. Слетев же орел, и часть некую сея жертвы со углием горящим восхити, и ко птенцем своим в гнездо принесе. Ветру же люту дышущу сицеву, яко и пламени разгоревшуся, орличища же еще суще безкрилни, улетети не могуще, спекушеся, на землю низпадоша. Лисица же видевше, радуяся притече, пред лицем орлим всех снеде.

Толк. Притча сия являет, яко иже дружбу разоривше, аще и от обидемых убегнут, отмщения неможения ради, но Божия отмщения праведного не убегнут.



2. О соловье и о ястребе

Соловеи на древе седя, по своему обычаю пояше. Ястреб же видев и брашна инаго не имея, налетев и изымав, хотяше его снести. Моли же соловеи ястреба, дабы его не снел. «Ибо,— глаголаше,— мною, малою птицею, не наполнишь своего ястребова чрева, но на[б]олшия птицы устремися». Ястреб же не внимаше его словес, рече: «Но аз безумен аще был бых сия сотворил: в руках готовую пищу имея оставль, не сущи же где высковати».

Толк. Притча знаменует, яко и от человек сии суть безумни, иже надежда ради многих безнадежных, аще о сих, яже в руках имеюще поне радеют.

3. О лисице и о козле

Лисица и козел жаждуще влезоша в кладез. И егда напившися, козел смотряше и неизходное место видев,

усумъневся оттуду изы. Лисица же рече: «Дерзаи, козле, потребное аз нечто убо имать себе и тебе к свобождению умыслих. Стани убо прост, предние ноги к стене приложщи и роги такожде наперед наклонивши. Аз же нотеку, скочив через твои плечи и роги, и из кладезя тамо изскочив, по сем и тебя отселя извлеку». Козел же увери словесем ея, сие дело готово сотвори. Она же, тако от кладезя по его плечам искочивши, скакаше окрест устия кладезнаго, веселяшися. Козел ю обличаше, яко преступила есть обеты и не сотвори по своему завету. Лисица же к нему рече: «Но аще бысть толику разуму имел, о козле, елико в своей браде имееши власов, не первие вшел бы еси в кладез, прежде даже н[е]размотрив низходное от него».

Толк. Притча являет, яко тако и разумному мужу подобает преже конец зрети вещеи, по сем же тако к вещем приступати.

4. О лисице и о льве

Лисица ж некогда не видевши лва и по некоему случаю стретеся со лвом. И оубо первее изначала тако убояся убо [яко вмале не умре. По сем же второе видевши убояся убо, но не], яко же первее. В третие же сего видевши, тако с ним дерзну, яко и пришед беседоваше.

Толк. Притча знаменует, яко нрав и присвоение и страшия вещи удобная творить.

5. О коте и алекторе

Кот поима алектора, со благословную сего виною хотяше снести. И обличает его, глаголя, яко тяжел человеком, нощию вопия, возбраняя им сна не даяше насытися. Алектор же отвещавшу яко: «К человеческой пользе сия творю, еже бо на обычная их дела возбужаю». И паки кот иную вину наносит яко: «Нечестив еси и нечист естеством, матери и сестрам присовокупляешися». Алектор рече ему: «Иже и сие на пользу своим господинам и владыкам творити,— глаголаше,— и ради сего многия яица родятся». Кот отвещав, рече: «Но аще ты многия благообразныя собираешь ответы, аз же убо гладен сый не жду». И сего снеде.

Толк. Притча являет, яко лукаво естество, согрешити хотящи, аще со благословным невозможет образом, и яве лукавнует.

6. О лисице

Лисица в сеть впадши, и отсекшися у нея ошиби, по[б]еже, срамное и безчесное мняше себе быти житие. Помысли убо научити и иных лисиц да сотворят сие, яко да общею страстию прикрыет свои студ. Инако всех собрав, похваляет им отшиби отсецати, глаголя, яко неточию непотребны и непригожи есть се, неугодного еще и лишняя тягота. Уразумевши же некая от них, отвещав, рече к ней: «О ты, но аще тебе сие не случилося, не бы ты нам сие сотворити советовала».

Толк. Притча являет, яко лукавии человецы не ради благоразумия и благого изволения творят совет, ради же своего полезнаго.

7. О лисице и о кусте

Лисица на тын возшедши, поколзнувши же ся и упасти хотяше, призываше на помощь имети куста. И тако падши, и нозе свои на кустовых терниях острых прободши, и болезнующе, кусту рече: «Ох мне, прибегнушей убо к тебе, яко на помощника, ты же в помощи место злеишее мне сотвори». Рече же куст: «Согрешила еси, о ты, мною хотящая восприяти, иже всех восприявати сице обыкох».

Толк. Притча знаменуетця, яко тако и от человек суетны сии суть, елицы к сицевым помощьником притекает, им же обидети есть паче свойствелное.

8. О лисице и коркодиле

Лисица и коркодил-змеи о благородствии беседоваша. Многая же коркодил горделивно о светлости прародителей своих глаголаше, яко же и от богатырских подвизех. Лисица же отвеща, рече: «О друже, аще и не глаголати о своем благородствии будеши, от кожи убо явствел еси: понеже се древних времен еси, сего ради и обнажен».

Толк. Притча знаменует, яко лжущих мужеи обличением бывают вещи.

9. О алекторе и о пелепелице

Алектор некто име в дому, купи и пелепелицу и со алектором вместе пусти пасти. Им же биющимся и отго-

няющим, пелепелица же скорбяще зело, мня, яко иного сыи племене, сие от алекторов стражет. И убо по немнозех днех и от иных увидев пелепелица между собою бо[рю]щихся, бьющих, скорбь остави, рече: «Но аз убо отныне не скорблю, зря их и между собою биющихся самех».

Толк. Притча знаменует, яко премудрии человецы удобнее претерпевают от чюжих брани, егда увидят и их самех со своими ся бранящихся.

10. О лисице и о харе

Лисица в дом пришедши некоего скомороха, и вся его сосуд призревши, об[р]ете и главу харину, художествелне содеяную. Юже и руками приимъши, рече: «О сицевая глава, точию мозгу и разуму не имат».

Толк. Притча к мужем, великоименитым убо плотию, душою же безсловесных.

11. О уголнике и сапожнике

Уголник в некоем живяше в дому, моляше и сапожника да пришед с ним вместе živе[т]. Сапожник же отвещав, рече: «Аз сего сотворити не могу, боюся да некогда аз убеле, ты же паки сам прахом уголным исполнив учернишь».

Толк. Притча знаменует, яко всякое неподобное себе непричастное.

12. О рыболове и о камени

Рыболовы влекуще невод, тяжку же сущу, радовахуся и плясаху, многую ловитву мняще быть. Егда же невод на[б]рег извлекоша, тогда рыб убо обре[т]оша мало, камень же в сети великий обретоша, скорбети начаша не толико о малости рыб, елико о сем. Един же некто от средня стареишины рече: «Не скорбите, друзи, по радости всегда, яко же обычай бывати, сестрам скорбь. И вам такожде подобает, прежде радующимся всяческих, и поскорбети».

Толк. Притча знаменует, яко не подобает скорбети, аще что и не получим.

13. О самомнители

Муж некто отшелец, по сем же паки во свою пришед землю, между иными многими и различными беседовании сказуя в различных градех мужествовати, скакати и храбровати, и яко в Родийском граде место велико прискакаше, яко никто же выше его можаше прескочити. На сие же и свидетелеи имети, тамо бывших, глаголаше. От праведностоящих же некто отвещав, рече: «О ты, аще истилну се быти глаголеши, ничто же требе есть сведетелеи: се тебе град Родийский, се и прескание. Скочи и увидим».

Толк. Притча являет, яко всяко надорожное дело, аще вещию и делом не будет указано, всякое слово сицевое, кроме дела, ложьно и суетьно.

14. О болезнуемом

Мужь нищий болезнуя и зле слежа, понеже от врачей и повержен бысть, богом моляшеся, яко аще попрежнему паки здрава его сотворят, сто волов обеща им принести на жертву. Жена же его вопроси, глаголя: «И где тебе сия будут, егда издравишися?» Он же рече: «Остави убо, и даждь ми токмо востати от болезни, боги же сего на мне не воспросят».

Толк. Притча знаменует, яко мнози суть иже удоб многая обещавают, яже совершити делом не надеются.

15. О злочестивом

Муже злокозненый в Дельфы прииде ко Аполону, искусити его хотя. И взем воробья в руку и всего ризою прикры, стоя близ олтаря, и вопроси бога, глаголя: «Аполоне, еже руками тебе приношу, рцы, каково есть живое или бездушное?» — хотя сице сотворити: аще бог induced «бездушное» — жива воробья показати, аще же «жива» речет, абие удавив, мертва воробья принести. Но убо бог разумев его злохудожное умышление, рече о сем: «Еже преже хощеши сотворити — сотвори. У тебя бо се лежит на происволение: или жива еже имееши или мертва покажеши».

Толк. Притча знаменует, яко божественному оку вся несокровенна и неутаенна.

16. О рыболовех

Рыболовы на ловитву изшедше. И понеже многое время трудивше не уловиша ничто же, зело [с]кор[б]яху и разытися готовяху. Абие же рыбица сельдь, от великих рыб гоним, в корабль их вскочи. Они же и сего вземъше, с радостию разыдошася.

Толк. Притча являет, яко множицею, яже художество не подаст, сие случай дарует.

17. О жабах

Жабы две во озере пасяху. Весне же пришедши, изсохшу езеру, они же оставлышеся, искаху инаго. Обретше глубокий кладяз, узрев едина другой глаголеть: «О друже, снидем в сеи кладезь». Другая отвещав, рече: «Аще убо тая же в нем вода изсохнет, то како от него изыдем?»

Толк. Притча являет, яко не подобает неразмыслено и неразсудительно приступати к вещем.

18. О старом муже и о смерти

Старец некто дрова секий в горе и на раму несый. И понеже многи путь и[д]ый, утрудися, сложи с себе на землю дрова, смерти приити призываше. Смерти же абие представши и вину допроси, чего ради ю призывает. Старец же убоявся, рече: «Дабы всяла еси бремя дров и на раму возложила».

Толк. Притча являет, яко всяк человек любоживотен сыи, аще имат в беды впадый, мнится смерть призывати, но обаче жити множае, нежели смерти желает.

19. О бабе и о враче

Баба некая, болезнущи очима, призва некоего волхва и на мзде с ним согласившися тако: аще убо исцелит ю, хотя мзду дать, аще ли не исцелит, ничто же дати. Восхоте убо и врачь тако врачевати. И на всяк день прихо[д]я к старейшеи, и очи ея мазаше мастию, еже и никако же возрет в то время ей от помазования не могущи. Он же, егда она не смотряше, едино нечто из дому ея от [со]судов ея украдый и отхождаше. Баба же, увиде свое имение и сосуды

по всяк день умоляющая, яко напоследи донележе увврачюется и нечесому не бе остати в дому. Врачь же по согласию мзды от нея просяше и глаголя, яко же чисто зрит, и свидетелей приведе. Она же паче рече: «Ныне ничесо же зрю, ибо егда очима болех, много сосудов своих в своей храмине видех; ныне же, егда ты видети ми глаголеши, ничто же от сих вижу в дому своем».

Толк. Притча являет, яко лукави человецы яже творят, случаетца им на самех же себе обличения наносить.

20. О господине и о собаках

Муже некто от зимы пришед в приграде жити. И первие убо овца снеде, по сем же козы. Зиме же обдержаше, и работныя волы саклав, ядяше. Пси же сие видевше, беседоваша между собою: «Побежим убо мы отсюду, аще бо и работающих волов господин нашь не пощаде, нас же како пощадит?»

Толк. Притча являет, яко от сицевых наипаче бегати и блюстися подобает, иже своих не щадят.

21. Оугрызенной от пса

Оугрызенный некто от пса врачевания иский хо[д]яше. Стретѐ же его некогда и разуме, чесо ищет, речет ему: «О ты́, аще исцелитися хощеши, прием хлеба, и сеи в кровь вреда омочив, оугрызъшему псу снести подай». Он же возсмеявся, рече к нему: «Аще аз сице сотворю, подобает мне от всех псов, иже во граде, оугрызену быти».

Толк. Притча знаменует, яко лукави человецы благодетельствуему наипаче обидети благодетельствующих поощряютъся.

22. О двою младенцах и о поваре

Два младенца при поваре седяху. И повару во своих делех замедлевшу, един от них часть некую мяза украде, другому в недра положи. Возвращу же ся повару и мяса ищущу, и не обретше, украдый кляся, глаголя «не имети», имея иже в недрех глаголаше «не оукраде». Повар же, уразумев их лукавство, рече: «Но аще мне оутаисте клянущему же ся, Богу не оутаите».

Толк. Притча являет, яко аще человеком утаим кленущимъся, Бога же не утаити.

23. *О недрузех*

Два некие, между собою враждующе на едином же корабли пловяху. Един убо при кормчем седяше, дрегни же на носу. Зиме же и ветру бывшу, кораблю же уже хотящу погруситися, и сии, иже на кормчии седяше, правителя вопроси, глаголя: «Како убо преже часть и строна корабля потопится?» Правитель же рекше, яко нос преже первие погрузится. И убо на кормъчии седя рече: «Мне убо неприскорбна есть смерть, аще узре преже недруга моего умирающаго».

Толк. Притча являет, яко мнози от человек ничесо же о своих врежденииях не скорбят, аще токмо увидят прежде себе своих недругов злостражущих.

24. *О жене и о курице*

Некая жена вдовица име курицу, на всяк дни яицо родящую. Помысли себе, яко аще болши курицы ячмени предъ[ла]гати, будет дважды днем родит. И сице сотвори. Курица же, отолстевши и тучна, ниже единаго яица днем родити возможе.

Толк. Притча являет, яко любостяжания ради болши желающия и настоящая погубляют.

25. *О коте и о мышах*

В дому некоем многим сущим мышам, кот же сие уразумев живя зде и всякую от них иже поима. Егда же мыши же на всяк день себе разтлеваемих зряш, се рекоша к себе: «Не к тому снидем низу, да мы всячески погибнем, ибо коту не могущу к нам зде приити, мы от него спасемся». Кот же увиде неисходящих низу к нему мышеи, разсудив помышлением над ними умудряяся. И дирою некою к ним возшед и отключися от них, претвори себе мертва быти. От мышеи же приникнувше некая и узрев кота, яко мертва лежаща, рече: «О ты, аще и прахове будеши, я есть не приближуся к тебе».

Толк. Притча знаменует, яко премудрыи человецы, егда некиих мучительства искусят, не к тому прельстятся от них лицемерствы.

26. О лисице и о обезьяне

В собрании некогда безсловесных звереи посреде их пляса обезьяна. И благаизволившим зверем царем ю поставиша. Лисица же позавидевши, и в некоей в пасти мясо оувидевши, обезьяну взем, тамо приведе, сказующе ей, яко обрете сокровище. «И сего мне, лисице, не подобает взимати,— лисица глаголаше,— сего ради, поне се царю токмо единого закон дает». И похваляше обезьяне, да пришед увидят, яко царю подобает сокровище собирати. Обезьяна же, не расмотривше, пришед сокровище ведети, поимана бысть пастию и о прелщени обличаша лисицу. Лисица же рече: «Обезьяна, сицево ты буйством безумне имея, безсловесными звери царствовати возхоте».

Толк. Притча являет, яко же к делом неразсмотрително приходяще во злые случаи впадает.

27. О сельди и о дельфине рыбах

Селдь гоним от дельфина, велиею волною несом. И егда изымать хотяще, случитися земным течением ниспаде на некии остров. Подобным и тацем же течением и дельфин к нему испаде. И сельди убо обрашся и скорбна душею, дельфина видевши, рече: «Не к тому ли смерть прискорбна зрящу ми виновнаго, сеи вкупе со мною умирающаго».

Толк. Притча являет, яко неудобна случая человецы претерпевают, аще к сему повинных злоденствующих самех узрят.

28. О враче и о болящем

Врач болнаго врачеваше. Болному же умершу, рече врач ко относящим его на погребение: «Сеи человек аще б был вина оудержался пити и требовал бы клистиров, не бы умерл б». Предстоящих же некто отвещав, рече: «Изрядне не подобает ти сих име воспоминати глаголати, егда чему уже несть польза, но тогда советовати, егда сами требоватися возмогл бы».

Толк. Притча знаменует, яко подобает другом во время скорби и нужды помощь подаяти.

29. О бобре

Бобр животное есть четвероножное, множецею во езерах живет. Его же срамныя уды, глаголют, врачем потребны быти. Сеи убо егда от человек гоним бывает, чесо ради его гонят, отгрызыи своя срамныя уды, поверже пред гонящими и тако сво[б]ождение получает.

Толк. Притча знаменует, яко сице и человецы рузумня ради своего спасения имении не щадят.

30. О псе и о поваре

Пес вскочивый в поварню, повару же замедлевшу, сердце возхитив, побеже. Повар же обращься, яко виде его бегающаго: «О ты, разумей, яко идеже аще будеши, хранити от тебе буду, не бе у мене сердце взял еси, но мне сердце дал еси».

Толк. Притча знаменует, яко многажды страсти человеком наказания бывают.

31. О псе и волке

Пес пред дворищем неким спяше. Волку же пришедшу и хотящу его снести, моляше волка, дабы его ныне не снедал. «Ныне бо,— рече,— худ и [т]онок есмь и сух. Аще же мало пождеши, хощет мои господин творити брак, и яз [тогда] многая ядь тучнеиши и тебе сладчайшее брашно буду». И волк верова его словесем, отиде. По днех же паки пришед, обрете пса, верху дома спяща. И стоя низу, пса призываше, дабы помнил своя обеты. И пес рече: «Но, о волче, аще по се время пред дворищем узриши мя спящу, уже к тому брашнов не жди».

Толк. Притча являет, яко премудрии человецы, егда в чем бедствующе спасутся, во вся дни живота своего сего хранятся.

32. О псе и алекторе

Пес со алектором дружбу творивше. Вечеру же сущу, и алектор убо на древе спяще возлетев, пес же при корени древа берлог и леговищо себе сотвори. И алектор по обычаю нощию возгласи. Лисица же, услышав, к нему притече и, стоя низу, алектору снити с древа повелевает, желаше бо глас сице благости гласа имеющаго животнаго целова. Ему же рекшу, дабы преже лежаща под корением пса возбудила. «И егда ми сеи путь отвержет, тогда и сниду». Лисица же ищуще пса возгласити. Пес же абие воскочив расторгну ю.

Толк. Притча являет, яко премудрии человецы врагов нашедших к силнеишем посылати обыкоша.

33. О льве и о жабе

Лев некогда услыша жабу, во озере зело вопиющу, возвратися ко гласу, разумея велико некое животно быти бяше. Пождав же мало, яко видев ю, исходящу от езера вопияше, пришед лев, наступив и удавив.

Толк. Притча являет, яко не подобает прежде видения слухом самем смущатися.

34. О льве и осле и о лисице

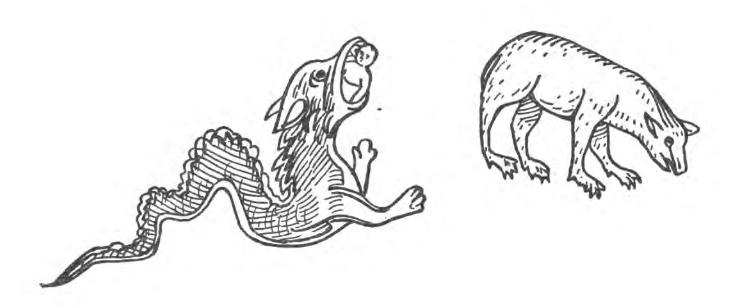
Лев и осел и лисица сообщения дружбы сотворише, изыдоша на ловитву, и многая ловитву собравше. Но повеле лев ослу разделити им. Он же три части сотвори, разделив ровняя, и любити им повелевает. И лев, разгневася о разделении, осла снеде. По сем лисицы разделити повеле. Она же на едину часть страну вся извлече, себе же мало нечто остави. И лев радосно к лисицы рече: «Кто тя, озрядная, сице разделяти научи?» Она же рече: «От ослов случающих и злострастию».

Толк. Притча являет, яко целомудрия и наказани бывают человеком иных [з]лоденствия.

35. О льве и о медведе

Лев и медведь вкупе еленка малаго обретше, о нем боряхуся и не могуще победити. И от великия брани помра-

чевахуся, разшедше же ся, издалеча лежаше зряше. Лисица же окрест их обшед, обретши еленка же, посреде их лежаща мала, посреди обоих притекши возхити и бегающе



отиде. Они же видевши убо ю, не могуще же востати, рекоша: «Бедные мы, яко лисица ради труждахомся».

Толк. Притча являет, яко инем трудившимся, инии же приобредают корыстют.

36. О ворожее, сиречь о волхве

Ворожбит на торзе седяи беседоваша. Пришет же абие некто к нему, изъвещеваше ему, яко в его храмине двери сокрушенны все и окна, и вся, яже внутри быша, изнесена. Услышав же, ворожбит вскочи, скоро потече ко своей храмине. Текуща же его некто увиде, рече: «О сеи, иже чужая вещи предъведети глаголаше, своя же не предведе».

Толк. Притча знаменует, кои же свои убо живот злестроящее иже ему ни в чего же потребному увещевати покушается.

37. О муравле и о голубице

Муравль возжада, сошед на источник, и зъвлечен быв течением строя, и утопаше. Голубицы же сие видевше, сучец древа, илие стебло, в[з]ем, чрез источник поверже. На нь же возлезе, муравль спасеся. Ловец же некто сеть ис тростия сложи, голубицу хотя уловити. Сие муравль увиде, ловца в но[гу] угрысе. Ему же болезновашу тросты убо незти, ю поверже и голубицу изжене.

Толк. Притча являет, яко подобает добро творящим благодать за благодать даяти.

38. О кожане и о репье и о чайке

Кожан, репей и чайка дружбу сотворише, помысливше купетцкое житие изволиша. И убо кожан, или нетопырь, сребра взаимы взем, положи в общину. Ряпей же ризу с собою взем. Чайка же третия медь. И отплыша торговати в страны далече. Ветру же и зиме люте сущи, и кораблю бедъствующу, потопитися, разбившуся, вся погубиша, сами точию ко брегу спасошася. И сего ради от сего времяни ибо чайка всегда при мори по брегу и при езерах притекает, егда где медь море извержет. Кожан, или нетопырь, дулжников бояшися во дни не является, нощию же токмо на пастве исходит. Ряпей же преходящих стоя и ризу познал дабы, где познал, прилипая ищет.

Толк. Притча знаменует, яже о чем тщимся, о сем последу приходяще и поучаемся.

39. О болящих и о враче

Болящий некто от врача вопрошен есть, како пребысть. Болящии же рече, яко зело надподобающие потех. Врач же рече: «Добро се быти». Паки второе вопроси, како бысть. Болящии же рече: «Дражанием мнозем содержим и дряхлостию мучим». Врач же: «И се добро быти»,— рече. В третие же вопроси болящаго, како пребысть. Рече: «Внутреную огневую впад». Он же: «И сие паки добро,— рече,— быти». По сем же от своих домашних некто сего вопроси: «Како ся имаши?» Болящии же рече: «От благих своих погибаю».

Толк. Притча являет, яко наипаче сих человек нам ненавидети подобает, иже всегда яко благодати хотят на глаголати.

40. О секущем дрова и о Ермисе

Секии некто дрова при реце. И спаде ем секира с топорища в реку, и ниже и не обрете, седе при брезе плакал. Ермис же бог испыта вину плача и милосердова о человеце том, сошед в реку и золотую изнес секиру и вопроси, аще сия секира его есть, яже погуби. Ему же отвещавшу и рекошу, яко не[т]. Абие паки сошед и сребряную изнес секиру ему же. Ему же «ниже сию бити» рекшу. Третицею сниде Ермис в реку и его секиру железную изнесе. Ему

же глаголющу: «Яко сия истинная погибшая моя есть». Ермис же восприем любовне его правду и все три секиры дарова ему. И пришед, соседом своим всем бывшее проповеда. От них же паки един тако же сотвори умысли и, пришед на реку свою секиру вверже в реку, плача седяше. Явижешся ему Ермис, вину плача вопроси. Сошед, тако же златую секиру изънесе и вопроси, сию ли погуби. Он же с радостию вскочи и истинно глаголему, сию секиру быти. Возненавиде убо бог его безстудство и не[п]равду, не токмо сию даде, но ниже истинную свою восприят.

Толк. Притча являет, яко елико праведным Бог пособствует, толико неправедным противится.

41. О осле и огороднике

Осел делая у огородника, понеже убо мало едяше, много же труждашеся; молися Зевсу, дабы от огородника отшед иному б продал бысть господину. Зевс же его послуша молитву и повеле его горшечнику продати. Паки труждяшеся болши перваго и беднее живяше, брение и горшки и плинфы нося. Паки пременити господина моляшеся. И продан бысть усмару, или кожевнику, злеишему убо от первых господину въпаде. И зря, яже от него творимая, со воздыханием и стенанием горким: «Ох мне, бедному, лутче мне бысть у прежних государеи пребывая жити, нежели у сего немилостива. Сеи убо, яко же вижду и кожу мою на последи изработает».

Толк. Притча являет, яко тогда наипаче первых государеи слуги и рабы поминающе желают, егда у последних государеи восприимут искусство.

42. О ловце и о птице дудок

Ловец птицам составляше сети. Дудок же издалеча видев, воспрошаше его, что убо сие созидает. Ему же «град созидати» сказавшу. По сем же ловцу далече отшедшу и скрывшуся, дудок же словесем мужа уверив, пришед, влезе в создание и изымася. Ловцу же абие притекшу, дудок же рече: «О ты, человече добрыи, аще сицевыи грады созидати будеши, не многих обрящеши в них живущих».

Толк. Притча являет, яко тогда и паче грады и домы опустевают, егда началницы и владыки и царие свирепеюще мучителствуют.

43. О путьшественнице

Путьшественник многии прошед путь, моляшеся Ермису бедствуяще, убо обрящет что снед, но половину сего Ермису на жертву возложити обеща. И перешед мало, обрете пиру, исполнену фиников и миндалов. И сию с радостию взем, мигдалы и финики снеде, финиковы ж кости и мигдалные чешуя на некоем возложи жертвеник, глаголя: «Имаши, Ермисе боже, по моеи молитве и обещанию, ибо обретенаго и внешняя и внутреняя тебе приношу».

Толк. Притча мужу-сребролюбцу, иже Бога любостяжания ради обманывающу.

44. О детище и о матери

Детище во училище ученика своего книжицу у учителя украде, принесе к своей матери. Еи же не биюще его, но и паче же похвали и восприиме от него любовь. Не проминувшим же летом нача и болшая красти на торгу нощчию. Некогда же поиман и веден бысть на смерть. Матери же последующи и плачющися. Оныи губители и судию моляше, дабы мало постояли, хотя нечто побеседовати матери своеи в ухо. Она же скоро ко устам чадовым приложи свое ухо, он же вместо беседования матери своеи зубами ухо угрызе. Мати же и иные последующии ему начаша его обличати, яко не токмо украде, но уже и на матерь безаконствова. Он же отвещав, рече: «Сия бо моеи погибели бысть виною, ибо егда книжицу украдох и побила б мя, не бы на се устремился дело, ныне ведом есмь на смерть безчесно».

Толк. Притча являет, яко же и в начале малых не мучими, на [б]олшая злая возрастают.

45. О пастыре и море

Пастырь по брегу моря стаю посяше, узрив тишину морскую и пожелав похотев плыти на куплю. Спродав овца, фиников купи, и поиде. Зиме же зелнее сущеи, и кораблю бедствующу погрузитися, вся своя бремена и мехи и ти верже в море, едва токмо самем кораблем праздным избавися. По днех же немногих прошедшу некоему и морю и тишине ея чудящеся, отвещав же пастырь и рече: «Фи-

ников еще желает и сего ради является тишиною».

Толк. Притча знаменует, яко страсти человеком бывает учением.

46. О груше и о яблоне

Груша и яблонь о красоте пряхуся. Многим же бранем посреди их бывшим. Куст кропивныи близ плода сущи: «Престанем,— рече,— о друзи, некогда бранящеся».

Толк. Притча являет, яко честным мужем бранящимся, иные же пришедшие, иже ничесому же достоиные, ничто же суще, мнятся быти нечто.

47. О кроте

Крот животное есть слепое. Рече убо некогда к матери своеи, рече: «Смоковицу вижу». По сем абие рече: «Ливанова благоухания исполнихся». Тречицею рече: «Меди и железнаго оружия шум слышу». Матери же к нему отвещавшу, рече: «О чадо, уже познах, яко не токмо видения и зрения не имаши, но уже и слышания и обоняния лишился еси».

Толк. Притча знаменует, яко некие любопрителне немощная вещи сказующе и в меньших вещех обличаются.

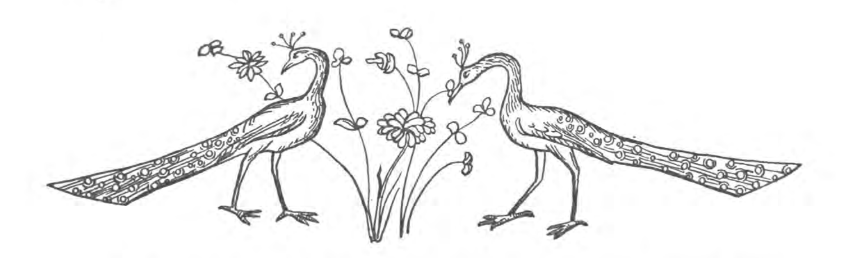
48. О шершнях и перепелицах

Шершни и пелепелицы, жаждою содержими, [к] делателю земному приидоша, у него пити просиша, обещевающеся вместо воды сию благодать благодатию воздати: и убо перепелицы копаши винограды обещевахуся, шершни же окрест обышедше жалами угрызая отгоняти от винограда татей. Делатель же земной рече: «Но убо суть у мене два вола, иже ничто же обещеваемся, все творят, еже хощу. Лучше убо есмь онъма дати, нежели вама».

Толк. Притча к мужем вредливым, ползовати убо обещевающихся, вместо же ползования предящих многая.

49. О паве и о галке

Птицам хотящим сотворити себе царя, паву себе похваляше и достоина быти глаголаше, ради красоты восхотевшим же сего взем. Галка обрящься, рече: «Но убо тебе царствующу, орел же нас прогоняти начнет, како нас от него отимеши?»



Толк. Притча являет, яко началником не ради токмо красоты, но крепости ради, премудрости ради, силных и премудрых избирати подобает.

50. О куколке, сиречь о зекзюле, и о лисице

Единственная птица зуколка, или зокзулка дивая, на некоем стоя древе, зубы и нос поощряше. Лисица же вопроси: «Коея ради вины, ничтоже видевши и ни единоя сущи нужди, чесо ради зубы поощряешь?» Зокзулка отвеща, рече: «Не без ума сие творю, ибо егда беда и нужда обдержевать мене начнет, уже не к тому мне удобное время во еже поощряти зубов, [но и] паче готовыи сущи боронитися».

Толк. Притча знаменует, яко подобает ко всякой беде и нужи приготовлятися.

51. О птице дудоке

Дудок в пасти поиман, слезя глаголаше: «Ох мне, бедной и нещасной птице, и убо ниже злато у кого взях, ниже сребро, ни ино что бесчесных, зерно же пшеничное малое смерть мне приуготова».

Толк. Притча являет, кои же ради корысти малыя великими впадают бедами.

52. *О еленьце малом*

Еленец некогда ко еленю рече. «Отчего, старый, болши и скореишии от псов еси и роги паче сего преизрядныи носиши на оборонку, чесо же ради убо сице сих боишися?» Елень же возсмеявъся, рече: «Истинну убо сия глаголаше, чадо, едино же свем, егда лаяния песия услышу и абие вижу бегство, не вем, камо устремлюся».

Толк. Притча знаменует, яко естества боязливаго и страшливаго никоими же похвалами не укрепити.

53. *О заицах*

Заицы, некогда сошедшеся, между собою свое оплакиваху житие, яко много страха житие их исполнено, ибо [от] человек, и от ястребов, и от совы, и от псов, и от орлов, и от ных многих потребляются. «Лутче убо,— рекоша,— умрети единицею, нежели через все свое житие смущая дрожати». И сие проповедающе и утвердивше повсюду слово, устремишася в езеро, яко да въскочивше и потопятся. Сидящим же окърест езера жабам, и егда услышаша жабы течения заицем и шум, абие воскочиша в езеро жабы. От заицев же мудреишии некто милостия быти рече: «Стоиче, друси, ничто же злаго себе сотворите, сея кои же зрите, и от нас иная суть животная боязнившая».

Толк. Притча являет, злодействующии человецы и инем злеишая терпящими утешаются.

54. *О осле и коне*

Осе[л] коня блажаще поне щадно и прилежно бысть кормлен. Осел же иногда ниже славы доволно имея и сего ради многажды себе отчаявся. Егда наста время брани и ра[т]и и воин овооруженъ вседе на конь, всячески скаче, по сем же и посреде супостат вътече, и коня уязвленаго на брани осел увиде лежаща, последи коня окаявъше.

Толк. Притча являет, яко не подобает князем и богатым ревнуя завидети, к сеи их зависти нужду и беду поминаущу, нищету и убожество любити.

55. *О сребролюбце*

Сребролюбец некто все свое имение в сребре собра, сотвори златую плиту и на некоем месте земли погреб, спотребыи тамо душу свою и ум. И всяк день приходя, смотряше ю. Некто же от его раб, увидев, помыслив ископа, украде. По сих же сие пришед и истраченное место обретыи, нача плакатися и терзати власы. Его же некто от знаемых сетуема увиде и вину сетования вопроси. «Сице сетуи скорбя,— рече,— о сем: ниже бо, имея злато, имел еси. Камень убо вместо злата взем положи, разумеи себе слато быти сицевое. Яко же и преже сего исполнит; яко же бо видех ниже тогда, егда злато бе в тебовании бысть стяжавъшаго».

Толк. Притча являет, яко ничто же богатства стяжания, аще не будет сего требования.

56. *О гусех и о жаравлех*

Гуси и жеравли на едином пасяхуся поли. Ловцем же показавшемся, и убо жеравль легкии сущи, скоро отлеташе, гуси же, тяжести ради плотския, оставльшеся поимани быста.

Толк. Притча знаменует, яко и в пленении градов нестяжательныя и нищие удобнее убегают пленения, богатии же богатства ради работают.

57. *О черепахе и о орле*

Черепаха орла моляше, дабы ю летати научил. И орлу же сказующу, далече сему быти от естества ея. Она же наипаче с молением прилежаше. Взем убо орел ногтями и на высоту вознес, по сем пусти ю летети. Она же на камение падши, сокрушися.

Толк. Притча являет, яко мнози любопрения ради мудреиших преслушаше, себе самех вредиша.

58. *О блохе*

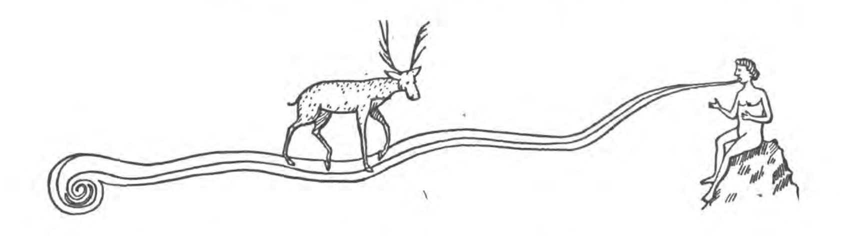
Блоха некогда вскочивши на ногу мужа. Себе от ню же Ираклия-богатыря на помощь призываше. Еи же угрызшеи и абие отбегши. Со стенанием муж рече: «О Ираклию,

аще на блоху не способил еси, како на болших сопротивников пособиши?»

Толк. Притча являет, яко не подобает о малых вещех Бога призывати, но токмо в нужных.

59. О еленице

Еленица, единем оком ослепленна, при брегу морском пасяше. И бо здравым оком зле зряше, ловцов блюдяшеся. Ослепленое ж око к морю имея, откуду же ничесо же не начася. Приплывшим же неким, и сие смотряющим и уразумевшим, застрелиша ю. Она же умирающи, воспла-



чеся, рече: «Отнележе бояхъся — оттуду ничто же пострадах; откуду же не начаяхъяся зла получити — оттуду предана есмь на смерть».

Толк. Притча являет, яко многажды нам вредная мнящая быти бывают [полезная], полезная же — вредна.

60. О елене и о лве

Олень ловцов бегающи, в пещеру въбеже. Лву же тамо попаде и от него поимася. Умирающии же глаголаше: «Ох мне, человеков бегающи, зверю лютеишему впадох в руце!»

Толк. Притча знаменует, яко мнози человецы, от малых бегающи, в великие беды впадоша.

61. О елене и винограде

Олень, бегающи от ловцов, под виноградом скрыся. Поминувши же ловцы мало. Елень, совершено уже проминути их мнящи, начат виноградное листвие ясти. И же

от трясения шумящем. Услышавше, ловцы возвратишася к шуму, мняще и познавше, яко нечто от зверей есть крыющеся, стрелами стреляюще, убиша еленя. Он же, умирая, сицева глаголаше: «Праведно убо аз пострадах, не бы подобаеши ми спасающую и покрывающую мя от смерти сию погубляти».

Толк. Притча являет, яко обидящим благодетелев своих от Бога мучими бывают.

62. О осле и о льве

Осел некто со алектором вместе пасяхуся. Лву же нашедшу на осла, алектор возгласи. Лва же, глаголют, алекторова гласа боятися. И убоявся лев и побеже. Осел же, мняше, яко его боится, текии скоро и лва гоняше. И егда далече сего отогна, иде же не к тому бысть алекторов глас слышан, возвращься лев, осла снеде. Осел же, умирая, вопияше: «Бедный убо аз и безумныи, не сын воинских родителей, почто на брань устремихся!»

Толк. Притча знаменует, яко мнози человецы, несохранително и небрежно на смиряющихся врагов льстивно и неразсужделно приступающе, от смирения сих погибают.

63. О огороднике и о псе

Огородников пес впаде в кладез. Огородник же хотящу его оттуду извлещи, сниде сам в студенец. Разуме же пес, яко глубочае сего хощет сошед погрусити, и обрящся огородника угрызаше. Он же с жалостию возвращься, рече: «Праведная убо пострадах, что мне извлещи подтщахся».

Толк. Притча к неправедникам и к неблагодатным.

64. О свинье и о суке

Свинья и сука между собою браняхуся. И убо свинья кленяся на Афродиту зубама расторгнути суку. И сука к неи отвещав, рече: «Добре нам на Афродими кленешися, являшеся убо яко вящше от нея любима еси, иже твоих нечистых плотеи, ниже всяческих во святилище приносити тя велит». И свинья рече: «Сего ради наипаче являет восприимуще и любящия мя, ибо от бивающаго мя всегда

сопротивляяся отвращается; ты же убо зле воняеши и жива и умерши».

Толк. Притча знаменует, яко премудреи от ритореи, яже от врагов уничижения благообразно в похвалу преображают.

65. О свинье и о суке

Свинья и сука о благородствии пряхуся. Рече же сука: «Благородна быти от всех пеших живо[т]ных». Свинья же, обращася к сим, рече: «Но егда сия глаголати будешь, разумеи, яко и сего ради слепых своих щенят родиши».

Толк. Притча являет, яко не в скорости вещи, но в словершении разсужающа.

66. О змии и о раке

Змии с раком живяше и дружбу с собою сотворише. И убо рак прост сыи нъравом, пременити моляся змею лукавстом. Змия же никако же приимаше его словес и упоминания. Седе же рак стрегии, и уразуме ю спящу, и своею силою, елико име, стиснув змию, удави и уби ю. Уже по смерти протягну ко змии, рече: «Тако подобаше

прежде сего праву и спросту быти, не бы сицевое усужение восприял еси».

Толк. Притча знаменует, яко же иже ко другом с лестию приходяще, сами наипаче вредятся.

67. *О пастыре и о волке*

Пастырь малаго волченъка обрете и взем, с собаками вкупе питаше. И егда возрасте, и волк прихождаше овцу возхити, с собаками гоняше. И псом иногда не имущим поимати волка и возвращающимъся, и онии с ними последоваше, донеле же собрящится своистиих ловитве. По сем возвращяшеся. Аще же волк внешнии не восхищаше овъчате; сеи тако поимав, вкупе со пъсы снедаше. Пастырь же, познаше и сразумев творимое, на дъреве сего повесив, уби волка.

Толк. Притча являет, яко лукавое естество благого нрава не пытает.

68. *О леве и о волке*

Лев состарився и болезнуя слежаше в пещере. Приидоша убо все иные звери посещающе царя, кроме лисицы. Лисица же сама не прииде. И убо волк, восприем благовремянние, обличаше предо лвом лисицу, и ни во что же полагает всех их царя владеющаго и сего ради ниже на посещение прииде. В то же время прииде лисица и последних волчьих послушаше слов. И убо лев на ню возярися, она же времяни ответу моляше. «То,— рече лисица,— от пришедших толико тебе ползова, елико аз повсюду обходящу и врачевания о тебе от врача ищущи и нашедши?» Лев же абие врачевство изрещи повеле. «Аще с волка живаго кожу снем и сего кожею горячею обвиешися, тогда здрав будеши». Волку же лежащу предо лвом, лисица же смеющися, рече тако: «Не подобает царя и владыку ко гневу и ярости подвизати, но ко благоутробию».

Толк. Притча являет, яко иже кто на кого лесть сшивает, сам себе пагубу устаявает, ров изрыв, сам впадает, сам в яму, ю же сотворит.

69. О жене и о муже пьянице

Жена некая мужа пьяницу име. Его же сию злую страсть отменити хотящи, сицевое некое дело умудряяся смысли: похъмелна иво от пьянства узревши, яко же мертва и нечювствена, на рамо вземъши, на окопище погребалное принесши, с мертвецы положи и отиде. И егда мняше его уже проспатися, пришедъчи, во врата окопищные потолче. Он же рече: «Кто еси, иже во врата толкии?» Жена же отвещав, рече: «Иже мертвым брашна приносящая аз есмь пришедшая». Он же рече: «Ни ни, не ясти мне, но пити поизрядне наипаче принеси; не прискорбно ми есть брашно, но питием мя воспоминай». Она же в перси ударившися: «Купих. Ты убо, о муже, не токмо наказался еси, не имея пременения страсть».

Толк. Притча знаменует, яко не подобает во злых вещех временовав медлети, и убо иногда не хотящу человеку от пребывания во злобе нрав налагается.

70. О лебеде и гусе

Муж некто богатыи гуся вкупе и лебедя корьмяше, не у(?) к подобающему своему, но сего убо пения, сего же трапезы ради. Егда же [п]одобаше гусю пострадати, на неи же кормяшеся нощь убо бысть, и познавати время не попущаше другаго. Лебеть же вместо гуся поиман бысть, вос[п]ет некую песнь в смерти предисловие, и пением убо увещевает естестви и скончание смерти убегает пением.

Толк. Притча являет, множицею пения и мусика смерти скончания пременения соделовает.

71. О ефиоплянине

Ефиоплянина некто купит, сицевыи его образ мняше быти преженяго ради нерадения. И пришед с ним в дом, всячески глаголаше ему и всякими банями и умывалницами покушащеся его убелити. Ибо образа его преминити не можаше, болезновати люте приуготовя.

Толк. Притча являет, яко пребывают естества сице, яко же из начала приидоша.

72. *О ластовице*

Ластовица с вороною о красоте пряхуся. Отвещавши же ворона к ластовице, рече: «Но убо твоя красота в весененое время процветает, мое же тело зиму удоб претерпеваем».

Толк. Притча знаменует, яко крепость плоти лутъчи есть благолепия.

73. *О птице подкропивнице*

Подкропивница с некоего окна висяще. Нетопырь же пришед, вопрошаше вины, чесо ради во дне убо в молчании пребывает, нощию поет. Подкропивница же, не всуе се творити, глаголаше, да некогда во дни поющи поимана будет и сего ради сице уцеломудряетца. Нетопырь же отвещав, рече: «Но убо не ныне тебе блюстися подобает, егда сему никакова же есть полза, но подобаети блюстися преже поимания».

Толк. Притча являет, яко во злых случаех смысленное покаяние <...> мудрость ненадобная.

74. *О отрочателе*

Земледелателев отрочище печаше слимаком на углию. Услышав же их лускающу на огни и рече: «О злеишая животная, домом вашим жгущимся, сами же поете».

Толк. Притча знаменует, яко всякое дело, не во свое время творимое, бывает со уничижением ненавистно.

75. *О жене и о рабынях*

Жена вдовица люботрудливая сущи и рабыня имеющи. И сих обычаи нощию на дело возбужати, преже даже не возглася алектор. Они же, повсягда делы и труды непрестанными мучими суще, помыслиша убити сущаго во дворе алектора, мняше, яко сего ради гласа госпожа их нощию востает и их возбужает. Егда же сие соделаша и алектора убиша, случися има лютеишим внасти бедам: и тамо госпожа их, не ведуще и не слышаще алекторова гласа, глубочаишею нощию и радее сих начат возбуждати.

Толк. Притча знаменует, яко многим человеком советования ко злым виною бывают.

76. О жене волхвующей

Жена волхвующи гневы и ярости божия пременити обещавающую. И много лет проживе, сие творящи и корысть оттуду имеющи. Написавшим же неким несчастие ея. И поимаше ю, и осудивша, ведоша на смерть. [Видевше ю некто, ведому на смерть], рече: «О сия, иже божия гневы отвращати обещавающая, како же человеческаго совета пременити не возможе?»

Толк. Притча являет, яко мнози человецы, великая обещавающе, ниже малая сотворити могуще.

77. О кошке и пиле

Кошка вшедши в делателицу или в кузинцу котельника. И тамо лежащу пили железную лиса же языком. От нея же предирашеся язык ея, и крови мнозеи от языка ея истекающе. Она же услаждающеся, мнящи, нечто же железу вредити, донележе и весь свой язык погуби.

Толк. Притча, кои же в любопрениях самем себе вредящим.

78. О земледелателе

Земледелатель некто, копая землю, злато обрете и везде от нея благодетельствен сый землю венчаше. Случай же, или счастие, представши к нему, рече: «О ты, что земле моя дары возлагаеши, яже аз тебе даровах, обогатити тя хотящи. Ибо егда время преложешеся проминет и ко иным рукам сие твое злато придет, ведай, убо яко не к тому, на мене, случая, плачися».

Толк. Притча являет, яко подобает благодетеля познавати и еми благодарение воздавати.

79. О двою путешественицех

Два некие по единому пути шествующе. И единому от них секиру обретшу, другий же не обретый повелевает обредшему не глаголати «обретох», но «обретохом». Вмале же пришедшим им и секиру погубившим, имеяй ю к необретшему спутешественику глаголаше: «Погубихом». Он же рече: «Погубих, глаголи, а не погубихом, ибо егда

секиру обрете, обретох глаголал еси, а не обретохом».

Толк. Притча являет, яко непричаствуеми во благоденствиях, ниже во злых случаех, сицевы известные бывают врузи.

80. О двою жабах

Две убо жабы со собою суседствующе пояхуся же: едина убо в глубоцем и далечайшем от пути [езере, другая же близ пути] мало имеющи воды. Сия же и в далечайшем езере другую призываше к себе прийти, яко да и крепчайшем местожитие восприимет. Он же не послушаше, глаголя, яко крепчаише имать места присвоение. И тако живяше, донележе случаи вос прейде и сокроши ю.

Толк. Притча знаменует, яко и человецы, злым делом врачающеся, лутче обыкоша погибати, нижели на лутчее дело нрав пременити.

81. О пасичнику, сиречь пчелнику

В пасеку, или во пчелник, тать прииде. Стяжатель же сея пчелнице негда отшедшу и сущу, мед с воском украде. Стяжавший же пришед и ульи праздны увидев, стоня, с печа[л]ию помышляя в себе. Пчелы от паствы с поля возвращашеся, нашедше на своего господина, жалом угрызяху его и зле ужалиша. Он же к ним рече: «О злейшая животная, ибо крадущаго ваши воски цела отпустите, мене же, промышляющаго и радеющаго вами, уязвисте».

Толк. Притча знаменует, яко тако и некие от человек, ради иразумия, от врагов не сохраняющеся, другов якоже врагов отстоят вредяще.

82. О пифике, сиречь о обезьяне, и о дельфине

Нрав бяше неких плавателей морских мелетийских щенят и пификов в корабли имети утешения ради корабельного обыкоша. Пловый некто имея с собою пифика. Сущии же им урочища у Суния Аптическаго, зиме и ветру зелне случися быти, и корабль разбившуся, и всем пловущим вогрузившимся. Погрузитися утопая и пифик. Дельфин же рыба узревши его и человека сего мняше быти, пришед, восприят его и понесе на остров. Негле бысть

с ним близу Пирейскаго места и Афинейскаго пристанища, просиво дельфин-рыба пифика, аще родом есть финеянин. Пифику же, сказавшу, яко и родителей оттуду пресветлых есть. Вопрошаше паки пифика, Перея знает ли. Мнев же пифик, яко о человеце Пирее совопрошает, рече, яко наипаче и друг ему есть и сожитель. И дельфин убо сицевой его лжи негодовав, пифика погружая в мори потопи и уби его.

Толк. Притча к мужем, иже истинна о вещах не ведуще, мнятуя иных прельщати.

83. О мухах

В некоем сокровище соту медвеному пролившуся, налетевше мухи, ядяху. Волнувше же их ногам бяше лететп не можаху и утопающе глаголаху: «Бедныи мы, яко малыя ради пища погибаем».

Толк. Притча знаменует, яко мнозем человецем многих злых вина сластолюбие бывает.

84. О Ермисе-боге и о делотворце

Ермис разумети хотя, в какой есть чести у человеков, прииде ко идолотворцу, преовражся в человеческий образ. И узрев идола Зевсова, вопрошаше продающаго, наколико сеи продатися может. Идолотворец же рече: «На грош». Возмеявся Ермис. «И наколико идол богини Иры?» — вопрошаше. Рече же идолотворец: «Поболе гроща». Узрей и свои Ермисов идол, и понеже есть посланником пользователь человеком мняшеся, яко в велице чести и дражайший есть в человецех, вопроси о своей идоле. Идолотворец же к нему отвещав, рече: «Аще сих двою купиши, сего же в придачу тебе дам».

Толк. Притча к мужу [т]щеславному, мнящемуся у себя нечто быти, у иных же ни в какой же чести сущему.

85. О Ермисе-идоле и о Терисе-волхве

Ермис хотя Тересиево волшество искусити, аще праведно есть, украде сам из нивы своя волы, пришед к Терсию во град увещевати, человеку уподобися. И пришед, сказаше Тересии о погибели волов. Он же взем с собою

Ермиса, изыдоша оба на некое место, татя усмотрити. И повелевает Ермису сказати, какову аще от птиц увидит. Ермис узрев первее орла от левая страна на десную страну прелетевшаго. И се сказати рекий, Тиреси яже рече: «Не к сему сия быти». Вторицею рече: «Ворону видех на некоем древе сидящую, но иногда верху взирающаго, иногда же и земли наклоняющаяся». И волхву сказаше. И волхв отвещав, рече: «Но убо сия ворона кленетца небом и землею, яко аще ты сам восхощешь, свои восприимеши волы».

Толк. Сим словесем глаголет некто к мужу-татю.

86. О двою псах

Имея некто два пса. Единого убо ловити научи, другаго же хранити двора. И егда убо ловчий пес уловив нечто, и домашний соприобщашеся его ядению. Вознегодовав же ловчий пес и оного домашнего возненавидяше, яко сему на всяк день тружается, оных жи ничтоже тружаяся, его труды питается. Отвещав же домашний пес, рече: «Не мене, но владыку уничижая обличаи, ижь мене не труждатися научи, но чуждыя труды поядати».

Толк. Притча являет, яко и младые жи ничесому же блюсти навыкше, не они хулими бывают, егда родители их тако без наказания оставиша.

87. О козле и о волке

Козел оставшися от стада гоним есть волком, возврашся к волку, рече: «О волче, понеже познах, яко твое брашно буду, молю тя, яко да не кроме покаяния имения твоего умру, возтруби убо ми, яко да воспляшу ти». Волку же вострубившу и завывшу и козлу пляшущу, пси же услышавше, глагола: «Волчи»,— волка гоняху. Волк же обрашся к козлу, глаголет: «Праведно мне сия быша, подобаше бо мне повару трубнича трубления не воспоминати».

Толк. Притча знаменует, яко иже убо к чему обыкоша, последи же о сем поне радеет, нашим делом ни во что же им потребным умети; себе искушающе, злым случаем впадают.

88. О раке и о лисице

Рак из моря изшед, на некоем пасяся месте. Лисица же голодна сущи, яко увиде его, пришедша взем. Он же, егда снесть его хотяше, рече: «Но аз убо праведно пострадах, иже морский сый, земный быти восхотех».

Толк. Притча являет, яко и человецы, иже своя оставляюще страния, иже ничтоже им подобаеющих врачюются самовластно, злодействуют.

89. О татях и алекторе

Татие вшедше в дом некий, ничто же не обретоша, точию алектора, и сего вземше отидоша. И егда хотяше от них убиен быти, молися, дабы его отпустили, глаголя: «Потребен быти человеком, нощию возбужая их на дела». Тати же рекоша: «Но сего деля наипаче убием тя: онех возбушая, нам же красти не попущаеши».

Толк. Притча являет, яко сия вещи наипаче лукавным суть супротивныя, яже благим суть благопотребная.

90. О вороне [и о вране]

Ворона позавидевши врану, начат человеком волховати и о сем свидетелей поставляше, еже предглаголаше будущая. Узревши неких пришедших путшествеников, взыде на некое древо и ставши, зело возгласи. Им же по гласу возвращающимся от пути, видети хотяще, отвещав же некто, рече: «Отидем, о друзи, ворона се есть возгласи, волхования же не имать».

Толк. Притча знаменует, яко тако и человецы, иже лутчим сопротивляющимся, к ревности не приходят, но смеху и поношения исполняются.

91. О вороне и о псе

Ворона Афине-богине жертву приношающе и пса на обедования призывающи. Пес же к ней рече: «Что всуе жертвы расточаеши, и богиня тя сице ненавидит, яко и всегдашних твоих волхований верность испроверже». Ворона же ко псу рече: «Сего ради аз наипаче жертвы проносити буду, яко да ярость свою пременит ко мне».

Толк. Притча знаменует, яко мнози своея корысти недругом своим добро творите не ленятся.

92. *О вране и о змие*

Вран брашна не имея, узре на некоем солнечном месте змию спящу. Сего, налетев, восхити. Змия же возвращься и врана угрызе. Умирающи вран глаголющи: «Бедный аз, иже сицевое обретох брашно, от него же умираю».

Толк. Притча являет мужа, иже сокровищнаго ради обретения к ползе, и от сего последи бедствующаго.

93. *О галке и о голубех*

Галка в некоем голубнику голуби видевши добре питаемыя; убилившися, прииде, яко да и сия, их же пищи сопричаститься. Голуби же, донележе молчаше галка, мняхуся голубя быти и не возбраняху еи пища. И понеже некогда позабывшися, галка своим естественным гласом посреде их возгласи, и сицевое ея естество познавше, изгнаша от детей их, биюще, и лишена бысть тамошняя их пища. Возвратися паки к галкам. Сии галки, ради убеления ея не познавши и з собою жити не попустиша. Яко иже двоих желающая, ниже едино получи.

Толк. Притча являет, яко подобает и нам своими довлетися помышляюще, яко любостяжания ни к чесому же ползователна, но и паче настоящаго погубляет.

94. *О галке*

Галку некто поимав и связав ю мутовузом за ногу, своему даде отрочати. Она же не могущи терпети еже со человеком жития, по малех днех вольное время обретши бегая, летяше к своему гнезду. И обвязавшуся союзу ея к ветвям древесовым, стлетети не могуще. И егда умираше, сама в себе рече: «Бедна аз, и уже человек не претерпевши работы впадох, сама себе живота лишающи».

Толк. Притча являет, яко суть некие, иже от мерных бед хотящи себе свободити, и болшая беды впадают.

95. О Ермисе-идоле и о лжи

Зевс Ермису повеле всем художником зелие лжи сотворив [влити. И Ермис сотворив] и меру сего постави, поелико комуждо вливати. Име оставльшуся последи, сапожнику много оста зелия лжи. И прием Ермис, и все сапожнику влия. И от сего времени случися художником всем лгати, паче же всех множае лжет сапожник.

Толк. Притча ко лжесловным художником.

96. О Зевсе и о сраму

Зевс, создавый человеки и убо вся состави, обычая и нравы им же вложи, единого же точию срама вложити в них позабысть. Ради сего, поне имея, откуду срам ввести, повеле сраму сквозе народ проити. И убо срам супротив глаголаше, недостоино от них претерпети. И понеже Зевс зело ему повелеваше, рече [срам]: «Но аз убо на сицевых исповеданиях и уговорех вниду, яко аще похо[ть] блуда не внидет, аще похоть блуда внидет, но аз абие оттуду изыду». И от сего случися всем блудником безстытным быти.

Толк. Притча являет, яко блужащая по[хо]тем блуда, [без]стыдные бывают.

97. О Зевсе-идоле

Зевс, браки творя, всех животных призвав, учрежаше трапезу. Едина точию черепаха лишена бысть пирнаго учрежения. Чуждашеся Зевс и вины лишения вопрошаше ю, чесо ради на пир брашна не прииде. Она же отвещав, рече: «Дом любим и мил и изряден». Вознегодовав Зевс о глаголе сем, проклят ю и дом на себе держащи носити повеле ей.

Толк. Притча являет, яко мнози от человецы желает лутше во убожестве у себе самех жити, нежели у иных многодейных.

98. О волке и о овце

Волк от псов угрызен и зле стража лежащи, пищи же не имея. И узре овча издалеча, моли его, дабы его от теку-

щая реки пити принесла. «Аще бо ты,— рече,— мне даси питие, аз брашно себе обрящу». Разумев же сие овча отвещав, рече: «Аз убо вем, аще питие тебе подам, и брашно себе мене сотворишь».

Толк. Притча к мужу злодею, лицемерством и лукавством прельщающу.

99. О зайцах и о орлах

Зайцы некогда воюще со орлы, призываху и лисицы на помощь. Они же отвещав, рекоша: «Помогохом бы вам, аще бы не видехом, кто естя вы и паки воюще боретеся».

Толк. Притча являет, яко иже случия и любопрящения своего спасения пренебрегают.

100. О птице алкион, при мори живущей

Алкион птица есть пустыная, при мори живущая. И сию, глаголют, человеческаго уловления блюдущуся, при морских каменях гнезда своя сотворяет. И егда раждати хотящи, гнездо сотворит. Отлетевшу ей на паству, случися морю от великаго ветренаго дыхания волноватися и потопи ее гнездо, и птенцов ея разтли. Она же прилетевши и сотворенное познавши, рече: «Бедная убо аз, иже земли прелесницы блюдохся, на море убежавши, иже болши соделався мне невернейшая».

Толк. Притча являет, яко некии человецы врагов хранящеся, случается им многажды лютейша врагов другом впадати.

101. О рыболове

Рыболов на некой реце ловяше распростер сети, течение реки поверже, на обоих концах сети камение привязав, в воду бияще, яко да рыбы, бегающе несохранно, в сеть впадут. При сем же месте некто живый, и сице творящаго виде, злословяше его, яко возмущая реку, чистые воды не даст напитися. И рыболов отвещав: «Но аще не сице мною сия река возмутится, тогда мне случится умрети от гладу».

Толк. Притча знаменует, яко судии градов тогда наипаче бе обогащается, егда отчину во бранех видят.

102. О ловце птичном и о ехидне

Ловец птичей, леп взем и тростия, на ловитву изыде. Узревши дрозда на высоце древе сидяща, и трости вместо покунь в долготу сложив, вверх к ней смотряше, хотя ю поимати. И случися ногою на спящую ехидну наступити. Она же, разгневашися, сего угрызе. Он же скорбя, глаголаше: «Бедный убо аз, инаго уловити хотя, сам уловихся от инаго до смерти».

Толк. Притча являет, якоже иных польщающие, случается им множицею от них сицевое стражущим.

103.. О муравле

Муравль иже ныне, преже сего человецы бысть, земледелательству присно прилежай, не довлявшеся своими труды и суседния труды и семена украдаше. Бог же разгневався и негодовав о его любостяжателстве, преврати его в сицевое животное, иже ныне муравль нарицается. И сей свой убо образ пременити, но обычая не премени, ибо и до ныне нивы обходя, чюжая труды собирает, себе сокровищует.

Толк. Притча знаменует, яко иже естеством лукавии и аще и образ пременят, но нрава никако же не пременят.

104. О комаре и о лве

Комар пришед ко лву, рече: «Ниже боюся тя, ниже силнейши еси мене, аще и укусишь мя, кая ти есть сила

и крепость, яко дрожаши ногами и грызеши зубами. Сие же на службах бранящиеся творят. Аз же зело есть тебе силнейши, аще же хощеши, изыдем на брань». И вострубив, комар полете, угрызая окрест носа его, безвласное лвово лице грызый. Лев же своими ногтями драше самого себе, донележе изнемог, лежаше. Комар же, победив льва, воструби и [по]бедную песнь воспев, полете. Паук же сеть извязав паучиную. В ню же летя комар впаде, и паук его снеде. Снедаемый же комар плакаше: «Яко с великим воюяися, от малаго животнаго паука погибох».

Толк. Притча к победившим великих, от малых же низложенных.

105. О нетопыре и о кошке

Нетопырь на землю падши, котом поиман бысть, и хотящи погубитися, прошения моляся. Кот же рече, яко не может нетопыря отпустити, поне естеством всем птицам воюет и сопротивляется. Нетопырь же глаголаше, яко не птица, но мышь есть. И тако отпустися. Последи же паки упавши, и от кота поимася паки, и молися, да не снесты. Кошка же отвещав, рече, яко всем враждует мышам. Нетопырь же рече, яко не мышь, но нетопырь, глаголаше, быти. И паки отпустися. И тако случися ему, дважды пременяющи имя, свобождение получити.

Толк. Притча знаменует, яко подобает и нам не во едином имени всегда пребывати, помышляюще, яко временем сообрасующиися многажды бед убегают.

106. О путешественницех

Путешественицы при некоем брегу морском идуще, приидоша на некое место видети. И дамо увидевше волны, издалеча [пловущая корабль быти мняху велик. И яко же] пождаху, и хотящи волнам приустремитися. И егда ветром несоми быша и волны приближишася, не токмо корабль, но судно малое разумеша видети, принесенныя же волны близ ко брегу видевши, друг ко другу рекоша: «Яко всуе мы еже ничесому же сущи ж[д]ахом».

Толк. Притча знаменует, яко некие человецы ради недоумения мняще страшна быти, егда же во искуство приидут, ничему же обрящутся достойны.

107. *О ослех дивием и домашнем*

Осел дивий осла виде домашнего в некоем хлеву, пришед блажаше его о благоимении плоти и пищном восприятии. Последи же виде его бреме люте отягчена и возаря созади его седяща и киями его биюща, рече: «Но аз не к туму тебе блажю зре бо, яко не кроме великих злых благоденствие имаши».

Толк. Притча являет, яко не ревнива суть и нежелателная кротость, бывающая з бедами и тяготами.

108. *О осле и о Зевсе*

Ослы некогда, во еже частми и тяжкими бремены бедствуемы, послаша послы к Зевсу, разрешения трудов моляше. Он же и указать хотя, яко сие есть невозможно, рече: «Тогда вы свободитеся от злострастия своего и трудов, егда мочащеся сотворите реку». Ослы же истинну мняще сия быти, от оного времене даже и доныне, иде же мочение иных ослов увидят, ту и сами ставше мочатся.

Толк. Притча знаменует, яко всякому сотворенное неисцельно есть.

109. *О осле и о лисице*

Осел, одеявся львовою кожею, прихождаше, иная животная устрашивая. И узрев лисица, покусися и сию устрашить. Лисице же случися прежде сего слышать его ржуща и ко ослу рече: «Но аз убо добре свем, яко и аз убояхшся тя, аще не бы тя прежде не слышала ржюща».

Толк. Притча являет, яко некие от ненаказанных и буих извне мнящеся некто быть, от своего блядословия обличаются.

110. *О осле и жабе*

Осел дрова несый и преходя некое езеро, пополэся, впад в езеро. И не могий востати, воздыхая стеня. Сущий иже во езере жабы стенание его услышавше, рекоша: «О ты, и что сотворил бы еси, аще бы сицевое время зде пребывал, елико мы, поне на малое время впадый, тако воздыхая стенеши?»

Толк. Сицевы слово требует, аще некто к мужу нерадивому и ленивому, в малых трудех себе отчаявающаса, многия удобныя претерпевая.

111. О осле и о лисице

Осел и лисица сообщение сотворше дружбу, изыдоша на ловитву. Стрете же иже лев. Лисица же видевши неминующую беду, пришедши ко лву, предать осла лву обещася, аще точию ей безбедное обещевати будет. Лву же изрекшу отпущение ей, она же пришедши, осла в некое пагубное место впасти уготова. И лев, видя его, бегати не могуща, первее лисицу поима, по сем також и на осла возвратився устремися.

Толк. Притча являет, яко иже сообщников прельщающе и изменяюще, случается и многижда и самем сбогибати.

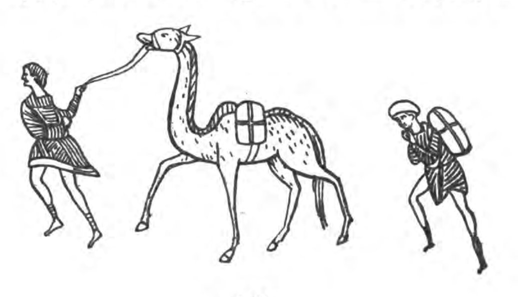
112. О курице и о ластовице

Курица обретши яица змеины, прилежны согревающи их низсиде. Ластовица же, сие видевши, рече: «О суетная, что ся питаеши, иже возрастивши тебе первие обидети начнут».

Толк. Притча являет, яко неподобающее и неползовательное есть лукавство, аще и множайшими благодеяньми убогатевше.

113. О верблюде

Егда первие верблюд явися, человецы убоящася и от величества его бегаша, удалающеся. Егда же времени преминувшу, увидеша его кротка быти, дерзнуша во еже



к нему прийти Вмале же познавше, яко сие животное ярости и желчи не имат, в сицевое пренебрежение прииде, яко и узды ему не наложше, детища гоняти предаша.

Толк. Притча являет, яко страшная вещи и обычаи и нрав благопренебрегательная творят.

114. О орле

На камени орел седяше, заица уловити иский. Его же некто убил, стрелою пострелил. И убо стрела внутрь его вниде, ушию же с перием пред очима его стояше. Видев же орел, рече: «Се мне иная скорбь: от своего перия сам умираю».

Толк. Притча являет, яко бедно есть, егда кто от своих бедствует.

115. О змии

Змий, многими мужми попираем, молився Зевсу. Зевс же к нему рече: «Но аще бы перваго наступившаго угрыз, не бы вторый сие сотворити попытался».

Толк. Притча являет, яко же перваго находящи супротивляющися, ины страшна бывают.

116. О голубице

Голубица жаждою содержима сущи, узре на некоем месте чашу воды написанную, мня истинну быти. Тем же и великим желанием содержима бе. Случися на ню упасти досце, и криле ея преломше, ниспад на землю и от некоего приключившагося поимася.

Толк. Притча знаменует, яко нецыи человецы, ради земнаго пожелания неразсмотрително вещем вручающеся, влагают самех себе в пагубу.

117. О голубице и вороне

Голубица в некоей голубнику питаемая о многочадии похваляшеся. Ворона же, услыша ю, рече: «Но, о сия, престани о сем чествующися, елико бо аще многих родиши, толико многия печали собираеши».

Толк. Притча являет, и от рабов еси нещастливи суть, елицы, в рабстве суще, многая чада раждают.

118. О богатом и о дщерех

Богатый две дщери имяше. И единой умерши, сетованниц нанят. Второй же дщери глаголюще, яко «Бедные мы, им же есть печальствовати не умеем, сим же, не сущи, сице зело бьются». Мати же рече: «Не чудися, чадо, иже сии сице сетуют, на сребре сие творят».

Толк. Притча являет, яко некие человецы ради сребролюбия не ленятся чужая случая носити.

119. О пастыре

Пастырь гоняше в некий лес овцы, распростре под дубом ризу свою и возшед на дуб, плоды желудиная пасяше. Овцы же желуди ядуще. Случися им и ризы снести и сожевати. Пастырь же сошед, яко увидев бывшее: «О злейшая,— рече,— животная, вы иным волну на ризу даруете, мне же, кормящу вас и радеющему вами, ризу растлисте».

Толк. Притча являет, яко некие человецы неразумия ради ни в чесом же ползующих благодателствуют, свои злая содевают.

120. О рыболове и о рыбице смарис

Рыболов сеть вверже в море и извлече смариду-рыбицу. Мала же сущи, молися у рыболова, дабы ея ныне не имал, но дабы отпустил ю, понеже мала есть. «Но егда,— рече,— возрастею и велика буду, поимати мя возможеши и на болшую ползу тебе буду». Рыболов же рече: «Но аз безумен, аще был бых, еже в руках сущую корысть, аще и мала есть, оставити, ожидаемаго, аще и велика будет, надеятися».

Толк. Притча знаменует, безсловесен сей будет, иже будет ради надежда болшая, сия, яже в руках малая суще, оставляют.

121. О осле и о коне

Человек некто имея осла. Идущи же и в путь, рече осел к коню: «Возми от моего бремени, аще хощеши имети мя цела». Конь же не послушаше. Осел же пад на пути, скончайся. Господин же сего взем бремя все на коня возложив и самого осла кожу. Слезя конь вопияше: «Ох мне, безчастному, и что мне случись бедному, не хотях бо малые тяготы прияти, се ныне все бремя несу и кожу».

Толк. Притча являет, яко иже в малых трудех друг другу пособствует, обоя спасутся в житии.

122. О человеце и о дивием мужи сатыри

Человек некто и сатыр, сиречь дивий муж, дружбу сотворив и любов. И бысть яздый с ним. [З]име же и мразу сущи, человек же руце свои согреваше, принес ко устом, дыша. Сатир же вопроси, коея ради вины сие творит. Рече человек: «Руце мои согреваю от зимы». По немнозе же времени брашно горящее принесоша, человек пренес ко устом, дыша прохлаждаше брашно. Паки же вопросив его сатир, коея ради вины сие творит. «Се брашно прохлаждаю». Отвещав же сатир, рече: «Но аз убо отныне отказую тебе любовь и дружбу, посему, яко от единых сих уст горячее и студеное износиши».

Толк. Притча являет, яко и нам подобает сицевых любви и дружбы отбегати, иже суть сугубаго естества.

123. О лисице и о древосечце

Лисица от ловцов бегающи и в пустыни многии путь прешедши, обрете в ней мужа древосечца. Его же моли, дабы ю скрыл. Он же показав ей свой шалаш, и шедши скрыся в углу. Ловцем же пришедшим и вопросившим мужа, сей гласом убо кляшеся ничто же видети, рукою же своею место указоваше, идеже бысть лисица. Они же не разумевше отидоша абие. И яко узре лисица ловцов проминувших, изыде лисица тай от шалаша не возгласивши. Обличаше мужа, яко спасеся его ради, благодарение же его не исповедает. Лисица же обращшися, рече: «О тый, но аз убо ведах, какова твоя благодать проповеда, аще бы словесем твоим подобная дела руки и нрава имел еси».

Толк. Притча, кои же благая обещевающа словесы, сопротивная же творяще делы.

124. О человеце, разбившем своего идола

Человек некто имея древянаго бога, сиречь идола, и молись ему, дабы ему благодателствовал, ибо сие творяще и ничто же вящьше, но во убожестве пребываше. Разгневався и все идола за ногу поверже на землю, и разбившися идоловой главе, и раслепившись, злато потече много от него. И убо собирая злато, человек вопияше: «Кривой еси, яко же мню и безумен: почитающи убо мне тебе, не пользовал еси мне ничто же; биющу же ми тебе, многими благими исполни еси».

Толк: Притча являет, яко не ползует человек чтый лукаваго человека, биющи же его наипаче ползуется.

125. О человеке и о псе

Человек некто готовляше, вечерю учреждати хотя. Некоего домашних пес же его инаго пса призываше, глаголя: «О друже, прииди со вечеря со мною вместе». И пришед пес званый, радуяся стояше, зря готовления великаго пира и вечери, вопияше в сердцы своем: «Ох, какова мне радость ныне внезапу явися: накормлюся убо и до сыта навечеряюсь, яко и заутра никако же не взалчу». Сия в себе псу помышляющу и глаголющу, и вкупе покивая ошибию посему, поне яко на друга надеясь. Повар же, яко узрев, его тако хвостом трясущаго, взем его за выю, изверже абие вон из окна. Он же упад, отиде, зело вопия. Некто же на пути сего срете, вопросив: «Како вечерял еси, о друже?» Он же отвещав, рече: «От великаго пития на пиру упихся досыта, ниже пути сего видех, откуду изыдох».

Толк. Притча знаменует, яко не подобает надеятись, иже от чужих благотворити обещевающи.

126. О рыболове и о свирелех

Рыболов сый неискусен рыболовства, взем свирели и уды и сети, изыде на море. И став на некоем камени, вначале убо заиграв в свирел, мня яко сладкогласию его

рыбы прийдут и внидут в сети. И тако многое время пребывасть играя, не уловив ничтоже. Посем отложив свирель и взем сети, вложи в воду, многие рыбы поимав, низложися от сети. Яко узрев их скачущих на земли, рече: «О злейшая животная, егда играх вас в свирели, не плясасте, егда же престах играти, сие творите скачуще».

Толк. Притча, коиже при словесех и времени настоящее и подобающее творяще.

127. О волопасе

Волопас стадо быков пася, погуби телца, и обшед всю пустыню искаше. И егда ничто же обрести возможе, помолися Зевсу, аще телца веемшаго тай ему покажет, козла на жертву обещася принести. И пришед в пустыню, обрете телца, снедаема от льва. Пристрашен убо пастырь быв и зело убояся, вознося руце свои: «Обещах ти козла на жертву дати, аще татя обрящу, ныне же быков тебе на жертву обещеваю, аще от рук сего отбегну».

Толк. Притча к мужем бедствующим, погубивше убо нечто, молятся обрести, обретши же имут и молятся отбежати.

128. О вране болящем

Вран болезнуя рече к матери: «Мати, помолися к богу и не слези». Она же отвещавши, рече: «И кто тебе, чадо, от богов помилует, у коего убо мяса не украл еси?»

Толк. Притча являет, яко иже многих кто врагов в жити имеет, ни единаго же друга в нужи обрящет.

129. О козле и о волке

Козел на некое храмине стоя и волка пришедша увиде, ляше волка и бесчествоваше. Возревше на него волк, рече: «О сей, не тый ме[не] лаешь и бесчествуеши, но место, на нем же стоишь».

Толк. Притча являет, яко множицею место и время подает на сопротивных дерзновения.

130. О конике, сиречь о кузнечике, и о муравле

Во время осени и зимы пшеница поспеющим муравли зимою от трудов своих питахуся. Коники же умирающе просиша у муравлей пища. Муравли же рекоша к ним: «Чесо ради весною не собирали есте пищи?» Они же рекоша: «Недосуг было, ибо в мусики играюще пехом». Муравли же восмеяшась, глаголюще: «Но аще в весненное время пелесте играюще, ныне, зимою, согревающе пляшете».

Толк. Притча являет, яко не подобает никому же с небрежением всяко вещи жити, да некогда со скорбию бедствовати будете.

131. О черви и о лисице

Во гной скрыющись червь на землю пришед. «Всем,— глаголаше,— животным врач есмь. И зелия врачевския составляти всем. Подобен есмь врачевством Пеону врачу». Лисица же отвеща, рече: «Како ты иных врачествуя, сам хром и без ног сый, себе не уврачуешь и не исцелиши?»

Толк. Притча являет: всяко слово праздное суетно есть; к сему подобно слово: врач, исцелися сам.

132. О курице златородной

Курицу некто имея, яица златыя родящую. И разумев, яко внутрь ея узол злата обрящет, заклав, и обрете подобная внутренная, якоже и в протчих курицах. Иже многое богатство надеявся обрести и малого оного лишен бысть.

Толк. Притча знаменует, яко подобает настоящими довлитись, несытства же бегати.

133. О льве и о лисице

Лев состаревся и не моги исходити на ловитву собирати себе пища. Помыслив, вразуме сице сотворити и пришед в некую пещеру сотвори болен ляже. И приходящая животная на посещение поимая снедаше, и многим животным сице погибшим. Лисица, коварственную львову хитрость познавши, прииде к нему на посещение и ста извне, от пещеры далече, вопроси лва о здравии, како пребывает. Лев же рече: «Зле». И вины лев у лисицы вопроси, чесо ради лисица к нему в пещеру не идет. Лисица же отвещав, рече: «Яко зрю убо следы многих к тебе в пещеру приходящих, немногих же исходящих из пещеры».

Толк. Притча являет, яко премудри человецы от вредных и невидимых бед бегают.

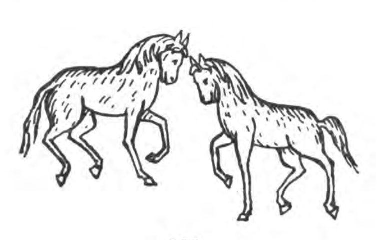
134. О бабе и о волке

Волк гладен сый, обхождаше иский пища. И пришед на некое место, услыша детище плачуще и бабу к нему глаголющу: «Отроча, престани плакати, аще не престанеши, то часа сего отдам тя волку». Мнев же волк, яко истинствует баба, стояше многое время ждый. Его же и вечер постиже, слышит паки бабу утешающую, играющую со отрочатем и глаголющую к нему: «Аще придет семо волк, убием его, чадо». Сия услышав, волк побеже, глаголя: «На сем подвори иная убо глаголют, иная же творят».

Толк. Притча к сим человеком, иже не имеют дел словеси подобных.

135. О муле, сиречь осличне сыне

Мул ячмени насыщся отолсте, скакаше вопия, глаголя: «Отец мой есть конь скоротекущий, и аз уподобихся ему



в сем». Егда же прииде нужда бегати, течения престав, абие осла воспомянув.

Толк. Притча являет, яко аще время в славу кого приведен, своего прежняго случая да не забывает.

136. О трубнике

Трубник, полки собирая, пойман бысть от супротивников, вопияше: «Не убейте мя, о мужие, всуе безвинного, крови ни единого бо от ваших убих. Кроме сия меди ничто ж иного имам». Они же к нему рекоша: «Сего ради наипаче убием, поне ты сам не моги воевать, всех ко брани воз буждаеши».

Толк. Притча знаменует, яко вящще си суть виновни, иже злых и тяжких насилников возбуждают на злотворение.

137. О трости и о масличине, о терпении и о крепости

Трость и масличина беседоваху. Трость же уничижаема бысть от масличины, яко несильна есть и удобне колеблется всякими ветры. Трость же молча, ничто же глаголаше. И мало пождав, и ветер воздыше велий. И трость убо колеблющись, наклоняема ветром удобне, спасеся. Масличина же, сопротивляющися, ветром сломися нужею.

Толк. Притча являет, яко иже вовремя лутчим себе не сопротивляющеся, лутчи сих бывают, а иже любопрятся сопротив болших, такови сами от них погибают.

138. О волке и о жаравле

Волку в шее кость увязне, жаравлю мзду дати обещав, аще главу свою вложи, кость из шеи волчьи извлечет. И жаравль, на мзде долгою своею шеею извлекши кость от злестраждущаго волка, мзды прошаше. Волк же возсмеявся и зубами стиская, рече: «Довлеет ти ся мзда едина, яко от волчих уст и зубов всеядных изнесл еси главу свою целу, ничто же не пострадавши».

Толк. Притча к мужам, иже от бед спасшеся, когда благодетелем же сицевая воздают злобою благодать.

139. О алекторех

Два алектора о курицах браняхуся. И один другаго бив отгна, и на месте осененом отшед скрыся. Победивый же наверх возлете и на высокой стене седе велегласно возгласив. Орел же налетев и абие сего восхитив, а иже на месте темном скрывыся невозбранно от сего часа курицы топташе.

Толк. Притча знаменует, яко Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

140. О агньце и волке

Агнец на высоком месте стоя и смотряше низу на волка, и зверем худым нарицаше и сыроядным. Волк же обращся, рече к нему: «Не ты мене безчестеши, но столп, на нем же стоиши».

Толк. Притча являет, ко претерпевающим лаяния от недостойных человек, ради страха высочайших.

Притчи из Жития Езопа-баснослова

О волках и овцах

Некоторого времени зверие между собою глаголаху. Волки злобу овцам нанесоша. Купно убо со овцами пси волков ратующе и волков отгоняюще. Волки послаше послы, глаголаху овцам: «Аще хощете жити в смирении, какове и надеетеся быти, да псов им выдадут». Овцы убо некогда ради безумия увещании бяху и псов выдаша. Волки псов погубиша и овцы ни единым упражнением потребиша.

О муже и конике

Муж некоторый прузи имал и убивал, некогда и коника поимал и хоте его убити. И рече коник: «Человече, да не всуе мя убиеши. Аз бо ниже класы, ниже в каковой вещи обижаю тя, движением убо возношу составы, сладце пою, утешая путьшествующих; кроме убо гласа, во мне ничто же обрящеши». И он услышав отпусти отити.

О жене и муже

Жена некая ново своего мужа погребла, тогда на всяк день приходя ко гробу плакоше. Орющий бо некто недалече от гроба любовию подвижен; и, оставив волы, иде ко гробу, и сяде купно со женою плакашеся. «Понеже и аз благообразную, плачю, жену погребох ея, и потом егда плачю, от печали облегчеваюся».— Она же: «И мне тако же приключися».— Он же: «Аже в тожде едино впадохом в злое, чесо ради не сопряжемася: аз убо люблю тя, яко оную, и ты паки, аки твоего мужа». Сия совеща жене, снидошася в том, убо глаголани, тать пришед и волы отреши отиде. Он же возвратися, не обрете волов, битися и

плакати зело начат. Прииде и жена, рыдающаго обрет, и рече: «Паки ли плачеши?» Он же глагола: «Ныне воистинну плачю».

О мыше и жабе

Когда беседоваша зверие, мышь жабу зазва, глагола: «Сотворен бысть обед у богатаго, поидема». И поидоша. Отведена же бысть жаба мышию в брашнохранилище богатого, иде же многая ястия бяху: «Яждь,— рече,— друже, жабо». По пировании жаба возва мыша на свою вечерю, на свой же призва обед мирный. «Да не утрудишася,— глаголет,— от плавающих листов тонким твоих ног перстом, твои нозе прицепи клещам». Сие сотворив, скочи на езеро и пустися во глубину. Мышь же потоплявшеся рече, умирающи: «Аз убо от тебе умираю, отмщу же от болшаго». Плавающи мыши по езеру мертвой, возлетая орел похити ю, с нею привязанную купно же жабу. И тако обоих снеде.

Об орле и кровке

Заяц орлу последоваше, в верьтеп червей убеже, моляша, да от него сохранится. Кровка и бы ему пища убо моли орла, да не убиет. Жук моли того же орла, да не

убиет, моля и заклиная величайшим днем, да не презрит милости его. Он з гневом крилом ударив, совосхити жука в снедь, но жук орлу совозлете, да гнездо его увесть и пришед убо яица его обваляв разби. Оному же люто испытавшу, кто сие дерзнул есть. И на высочайшем второе возгнездися. Тамо убо кровка то же сотвори. Но орел тощь совета всячески ко Овишу в его убо соблюдении и на его колена третие плодоносие яиц положи. Богу вручая и моли да соблюдет. Но кровка мотылы плоду сотвори, на лону

ко Овишу пусти. Юпитер васта, да гной взвержет, и мотылу и обваленныя от нея яица изверг, не ведая, что их изверже. Но егда узна Овиш, яко скверна ему на лоно от орла сотворися, что кровку обидел есть и его самого нечествова, егда орлу возвратившуся, рече, кто сотворил печаль и поистинне право сотвори. Не хотя убо роду престати, советовав кровке Овиш, да со орлом примирится. Егда же она не послушав и орлову рождению и до ныне не являтися кровке сотвори.

О старом земледельце

Земледелец некто на поле состаревся. И егда николи не вхождаше во град, просил домашних, яко да град видит. Они же впрягше волы и на возило его посадивше, точию повеле правити. Едущу убо ему, бурею и вихром воздух одержим, и тме содеявшися. Ослы от пути заблудиша, на некую гору завезоша стараго. Он же устремьляяся, рече: «О Боже! Каковою вещию оскорбих тя, понеже тако беззаконне убиваюся, наипаче же ниже от коней, ниже от меск, но от ослов безчестнейших».

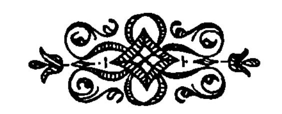
Об отце и дочери

Муж некий зело любя дщерь, на село посла жену. Едину удержанную бо дщерь насилова. Она же рече: «Отче, слабая твориши. Волила бы от многих мужей безчестием сим обезчещена быти, нежели от тебе, яже мя народил еси».

Притча о куре и о лисице

Потеце лиса по лесу, не ядавше с неделю. Оуже оувиде коура на древе. Она же нача емоу глаголати: «О коуре доброгласне, красота твоя неизреченная, восвышился еси старостию своею на древо се, но велми еси бешен; слези ко мне покайся. Аз, благая, греси твои прииму с радостию, а тебе прощу». И потом рече коур: «О мати предобрая, тяшко соуть словеса твоя, не могу их сохранити. Очима мя хощеши съести, а языком мя хощеши и с перием прохлотити. Пусти аз в своих гресех оумру, а к тебе не лечю».

Толкование. Лиса есть лживыя люди, проповедая от себя мир; а коур есть человек истинен, а древо — заповедь Господня.



Притча из Слова иеромонаха Евфимия

О волке и осле

Повем вам, возлюбленнии, притчю о волце и осле — на смиреннолукавых, изряднее же на тех, котории людем зло деяти умышляют, по мале некогда и сами в нь впадают, по пророку глаголющему: ископаша яму и впадоша в ню!

О волце, яко уже есте слышали, о его хитрости и коварстве.

Прииде некогда волк ко ослу на поли пасущемуся и глаголет: «Дружек, здрав ли еси? Что зде делаеши?»

Отвещает осел: «Челом бью на твоем добром вопрошении. Но не вельми здоров, волочу ногу за ногу, не могу же и травы вкусити».

А волку то и на руку. Приближается волк и мяхкими словесы глаголет к нему: «Дружек, како ти имя?»

Осел же яко дурень, обаче и в дурне некогда обретается свой разум,— рече волку: «Братец волк! того тебе, прости мя, не умею сказати, забых, бо уже давно от отца и матери своей отидох. Толко единаче памятую, что имя мое они написаху на копыте задние ноги. Аще хощеши знати, прочти: подыму яз копыто тебе горе».

Волк же любомудрствующи, хотя знати имя ослово, присмотруется, близ став, на копыте писания. Осел же его, яко пырнем, в чело ударив,— тогда ему весь мозг из головы выпал.

Лисица же от стороны стоящи, яко хитрая,— все знает, и вся гадания-отгадания их и без толку разуме,— и пришедши к волку глаголет: «Здравствуй, откушав, а остатки осла побереги к завтрею».

Сия притча смешная, обаче тым не вельми потешная, которые коварствы своими людем сети претинают, некогда же сами себе ими уловляют, по пророку: в сети своей увязе грешник...

Притчи из Повести о португальском посольстве

О быке

Рече слуга: «У господина нашего, у его отца, бывал таков бык трех лет и того быка на единой лопатке селитвы было сорок пять дворов жилцов».

Вопроси португалской мудрец слуги, рече: «Како толико превыше меры сказуеши скотину быти — аще на единой лопатке толико селитвы, на всех же костех быка того колико может быти селитвы?»

Отвеща слуга: «Веру ми ими, доброчестный господине, а я буду правду сказывати: той бык всегда сам о себе, един пасящеся, и на 7 верстах около себе по вся лета траву подъял. Того быка вышелетний орел убил. И чрез годишное время зверие сходящеся ядяху его. Лопатка же быка того случися пасти на угодне месте и нарочисте, и поселишася на ней по совету господина нашего, его отца, сорок пять дворов со всем строением. По неколице же времяни лисица зело малую некую той лопатки части мяса обрете, и той под некою храминою. И сего ради часто прихождаше, гложушее лопатку, и абие некако потрясе ею, и все дворовое строение падеся т[ь] до основания».

Слышав же сия, португалской мудрец рече: «Всяк человек от своих словес осудится и оправдится. Се ты неправедными своими словесы и ложными сам ся осуди!»

Рече ему слуга: «Честнейший господине, весть твоя честность, яко Писание орлом называет самого Бога? Веси же, кто может ему противитися? Той бо порази быка того страхом своим. Человека лукава и лстива называет лисицею: от лукаваго бо и лстиваго человека то селение разорися. Оба диво брандебурскому королю. Яко в том селении некий человек имеет в дому своем великия скарбы от давных лет сохранено и сего ради разорися селение то и ничто же сему дивно».

О глухом и слепом

Португалской: «Повеждь ми, отчего в мире брани, и свары, и гнев бывает?»

Брандебурской: «Два пустынника негде жили — е̃дин глух, но зрячь, другий слеп, но слышит. Принесе же некто им хлеб недопечен, дая глухому рече: «Приими, отче, хлеб да сыр». Он же прият неразсудно. Другий же, аще и слеп, но обаче слышит, яко дали им хлеб да с сыр. По времени они начаша ясти, рече ему слепый: «Сей хлеб есть, где убо сыр?» Рече ему брат: «Един подали хлеб, сыра же не было». Слепый же разгневася, рече: «Не сам ли аз слышах, яко давый рек: «Приими, отче, хлеб да сыр». И оттого меж ими нача быти велий гнев за потаение сыра. Слеп — кто будет не разсуждая, таковый всякому слову верит и неправедному деянию внемлет и оттого скоро на гнев подъвизается, и гневается, и сварится. Глух же — кто без оговору что приимает и смутному слову не внимает. Смутитель есть той, иже с при глагола и сем лишняго слова; оттого бо вся́ка смута и гнев бывает».

О бесе

Португалской: «Виновен ли бес всякому согрешению нашему или ни?»

Брандебурской: «Нанесенными мысльми винове̃н есть, а не делом».

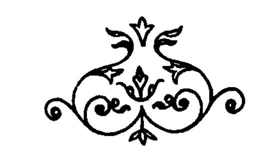
Португалской: «По чему разумети, яко делом не виновен, но точию мысльми?»

Бран́дебурской: «У некоего пустынника молитвою связан бес, стрежаше репы его. И некогда прииде человек, нача рвати репы, яко да возмет ю себе. И бес его окликал, дабы не рвал репы, и хотел сказати пустыннику. Он же мнев, яко привидение чюдится, а не истинное глаголание. И егда хотяше отити, не можаше подняти носила от множества репы. Исчезе шед бес, сказа пустыннику о нем. И изъшед пустынник, потяза его о крадение репы. Он же, кланяяся ему, прося прощения и рече: «Прости мя, святьче Божий — бес научи се творити». Абие воскрича бес: «О неправеден! Не трижды ли оглашу тя: «Не рви репы, скажу старцу!» По̃что ты напрасно мя злословишъ и клевещеши на неповиннаго крадению твоему?» И паки человек той рече: «Простите мя, старче, Бога ради. От своея мысли смущен бе о сем». И абие простив, отпусти его с репою. Посем мнит ми ся, яко невинен нам бес делом, но мыслию точию».

Притча о составлении человеческого сущего естества

Человек бо некий рече притчю сию сице. Некогда прилучися совокупистася утроба со всеми уды телесными. И досажаху чреву и глаголаша очима: «Сотворим руце и нозе ходити и делати». Язык же и устне рекошя: «Елико мыслит сердце мы провещеваем сия». Уши же решя: «Елико беседуют нами человецы вси, услышав же ум и внимает вся». Руце же решя: «Нами делает человек пищу свою». Нозе же рекоша: «Мы трудимся, носим на себе все тело и всем удовом гиблющимся. Ты же чрево ничто же делаеши, и несть нам ползы от тебе никоея же ни во единой вещи, но работаем вси тебе, яко же госпожи своей царицы». Отвещаше же чрево ко всем удовом своим и рече: «Елико глаголите истину рекосте; и аще годе вам есть, то не служите ми и не питаите мене». Оудове же уставишя чрево оставити и не питати е. И сице не дающим удовом чреву ясти. И изнемогошя руце и нозе, и вси удове ослабешя весма, и бышя безделны и недвижимы. И тогда уведавше удове, яко же снедает чрево, то всем им есть на ползу и крепость.

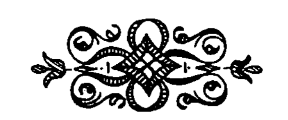
Толкование. И от сея повести притча, уведавше вси людие, яко имение богатых на ползу суть нищим: аще бо множится имение богатых, не озлобляются нищии гладом; и аще бо богатии не имеют ничто же у себе, то во время нужды не могут нищим помощи сотворити, и хотят вси погибнути гладом и жаждею. К тому бо есть притча сия.



III

Притча о врачестве греховном

Поведаша отцы, яко проходя некто мних сквозе скит, дойде ко врачеству и виде тамо многих приходящая различныя имущих недуги. Единомоу ж комуждо врач даяше яже на целбу. Вшед оубо некто мних приближися ко врачю. И вопроси его врач, глаголя: «Коея ради потребы прииди, отче?» И мних отвеща: «Есть ли былие во множестве грехов оуспевающее?» Врач рече: «Еи, поиди и возми корен духовнаго оубожества, и терпению листвие, и смирения цвет, и молитвы ветвие, и стрыв, смеси в котле послоушания, и ссыпли в решето благих помышлений, потом всыпли в горнец благия совести, и прилей воду от слез и покропи с любовию, и от издола возжи пламень божественнаго желания, и егда доволно оуврит, иссыпли в сосуд расоуждения, и причастися еже от умиления лжицею, и умыйся исповеданием — и тако отложиши множество грехов».



Притча и зерцало жития человеческого

Кто памятствует суд Божий страшны, таковий уготовляется надобно разсуждать и на всяк час размышлять, как ответ дати можем Богу и творцу своему, когда приидет судити живых и мертвых.

Книги разгибаются, престолы поставляются, и тайная дела наша являются, понеже убо суд Божий убивает, ко благочестию на псалмопение и молитвы наставляет, от объядения и пиянства сохраняет. А пиянства, яко яда, бегай, многие от него недузи раждаются, в человецех печаль, сердцу тягота, уму слепота, телу омрачение, душе омерзение, а Богу на молитву тяжчайшая леность, и иная злая дела похотей блудных. И от тех раждается грех, а грехом входит в бесконечную муку и в преисподний тартар. Но точию и ныне мнози от объядения и пиянства погибают и всуе дни и лета изнуряют. Надобно знать всякому человеку, что лутче жить благочестием, а нежели вдати себя объядению и пиянству. Такое неискуство и неблагообразие мука есть, а не утешение.

О! смерте страшная и грозная, к чему я тебя могу применить, и к чему тебя могу уподобить? А уподоблю тебя страшному зверю лву, но и лев тебя милосердие: по градам не ходит, в царских полатах не смотрит; а ты же, смерть наглая и безстыдная, никогда никого не обходишь, но и в царских полатах находишь, мечем посекаешь и на серп зрелыя классы пожинаешь. Слышите, человецы, человек, яко трава, а век наш, яко цвет травный, от мраза исчезает. О! греголюпцы, ныне пойтеся, и горко восплачите, понеже есть образ Божий грехами своими осквернили. Надобно иметь Божий страх. И восплачите о сем, доколе пока мы не возваны на суд Божий, на испытание грехов наших. Слышите сия, греголюпцы, во гресех живете, во гресех и умираете, и горкою злою смертию погибаете, купно с телом вметаете сами себя в ров геенски. Таковыя

смерти зело убоитеся и скоро бежите от нея ко отцу своему духовному. И надобно принесть Богу усердную молитву и чистое и истинное покаяние, и приступить к честному и пресвятому телу и крови Христовы. И оживем вечным животом, и обрящемся в Царствии Небеснем, и будем сынове церкви Божий, и друзи Христовы.

Слушатели благочестивии, разсуждайте, каковий суть геенския муки, яко в них грешницы безконечно мучатся. Убо ныне человецы в памяти своей, ежели бы часто размышляли о грехах, и о смерти, и о страшном суде, и о муках геенских, но не много бы грешников обреталось, но убо диавол, яко мудрый ловец, ис памяти человеческия приводит в забытие, а лукавый сатана токмо во очесех и в помыслех показует прелесть свою и наслаждения света сего: пиршества, скоки, танцы, шум и музыков играние, и веселое воспевание, блужение, несытное богатство, сребролюбие и всякое грехотворение; сего ради от таковых человеков врата четверообразная так далеко отстоят, яко небо от земли. Человецы, почто всуе мятемся, днесь вси скоро ко гробу сберемся, житие человеческое яко дым вмале себя являет, и яко цвет травы внезапу увядает.

О! смерте, ты все красное и любимое от мене отъимаешь, и от другов знаемых меня скоро разлучаешь, и ко гробу праздна мя ныне посылаешь, и душу мою во аде затворяешь. Где мои пресветлыя златотканыя одежды, нет мне в них ни единыя надежды. О! смерте, все твоим приходом от меня забрано и навеки от очей моих во тме заключено. Где мои зеленыя сады и красныя винограды? О! смерте, твоими ногами потоптаны. Имения моя вся расхищены и неприятелми моими зле расточены. О! смерте, почто мне не поведа своего приходу, дабы я стерегся к своему исходу. Вчера в дому моем слышано было веселие и сладострастия, и музыков играния, а вспеваков веселыя воспевания, и на трубах медных выкрикания; скоки, танцы, веселое плясание; столы мои сладкими кушаньями заставлены; гости мои и приятели знаменитые. О! смерте злостливая, токмо на жалость мою скваплива. Друзи мои далече от мене сташа и ноздри свои от смрада моего заткнуша. Ныне убо все доброе веселие и слава минула, богатство и честь навеки [уплынула]. Смерть мя, аки тать, похищает, уже всю мою доброту и богатство погубляет, и от всех любимых другов моих разлучает, и немилостивно мечем мя посекает, а злии беси на воздухе сети мне закидают и зле меня в пути сем достигают, и начаша на мне яко

скимни в ярости рыкают, и нещадно ныне хотят душу мою растерзать.

Увы мне, яко полки мнози на мя восташа, а в руках своих имяху мечи и стрелы обнаженны. Ко ангелом очи мои возвожу и немало от них ползы нахожу; к человеком руце простирающа и не единаго не вижу себе помогающа. Приидите, друзи мои, и зрите мою красоту тленную, и познайте плоть мою очерненную, преминула уже вся жития моего слава, а плоть моя уже червям пища стала. Страшно убо будет в последний день, труба вострубит и всех нас от сна возбудит. Приидите, друзи мои, и припадите Христу любезно и восплачите о мне ко Господу слезно. Где ныне славнокрасящиеся, златотканныя и многоценыя ризы носящияся и благовонными маслами лица мажущияся? Таковии вси ныне нази, в темном гробе смердят.

О! человече, суетны, где проклятая гордыня, и где пресветлыя полаты драгия, и где ныне златыми поясы спoясаны, и златыми ризами цари одеяны, и на престолех седящии, и воинством обтягчении? Но ничто же вижу от сих, токмо кости, и черви, и пепел, и паутина. Того ради суетны ты, человече, во всех делех твоих поминай последняя твоя и вовеки не согреши.

Кто нас умудрит, аще не тихость; кто нас смирит, аще не нищета; кто нас устрашит, аще не смерть; и кто нас убиет, аще не суд Божий? Есть смерт бо страшит, а грехи во веки мучат, смерть ни на какая лица не смотря, уме[р]щвляет и нища и царя. Аминь.

Притча о пяти чувствах

Елма оубо садовная прозябения оутреневааху, толма же добролиственная лоза светлозрачный цвет приношаху, последи же абие исплоди сладопищный зрением препровождахуся в снедь приношаеми бываху. Такожде же и сею тростию от твоего остроумия плоду прозябения видети хощу, поне множицею пятичювственная чютия предсловием и образы, паче же беседами нравы и обычая их писмены изяви. Оужели плод разумения сии вообразих, или еще ти качество их не внят, яко да погружаются во многозрителная суетьствия. И се же абие простершись на прежнее слово, о нем же еще да возвестится и ведати о сем потребно. Егда убо вседетель и Господь Бог пречистыма дланьма своима нача здати человека, первие сердце его, аки некое зерно пшеничное перстно слепих и оттого вся оуды проплескав и пятерочювственныя слухи премудростию своею произведе; яко же некогда и градныи наздатель, егда оубо граду основание полагает, тогда по его величеству и столпи входныя града того оустрояет, семи бо брегом и тверд да бывает. Наша же чювства не тако, но коеждо чювство сугубо творец и владыка оустроив, да аще едино от сих вредимо будет, ино другое наканчает. Две бо очи созда, и два оуха сотвори, и два брода носу оустроив, и два языка, еже есть язык и лалока. А осезании по всей плоти разве кости и жил, ногот же и влас, иное же подобно же к тому, иже безчювственна суть в нас тако бо содела Господь плотьскую храмину нашу.

Требе же ти о чювствах и се ведати, яко не вся наша чювства равноприимно чютия имут, но коеждо своим превосхождением творца своего содетелством и изволением по числу строения своего совершается. Яко же и вид по правым чертам видит, еже есть прямо прейдущия вещи зрит, а не окрест всюду. А обоняние и слух не впрямь точию чютие приемлют, но и всюду. А осязание и вкус ни впрямину, ни всюду познание чюет, но тогда точию, егда к ним приближится своими чютии. Сицевы есть

чювства нашея плоти. Тако творец сотвори, тако зижитель созижде, тако премудрый и хитрый содетель содела по своему благоволению и поспешению и совершению, по безначалному его смотрению, и по превечному хотению, вся от небытных в бытия осуществовася словом его.

И ныне кто ми не воскликнет о величестве хвалы ему, яко дивна сотвори. И всяко движущиеся животно человеку чювствену покори. Всяко бо животно, движущееся по земли, к земли пригбение естеств своих имеют и к земли да зрят присно. Человек же не тако, но просто стояща и непреклонна к земли сотвори его, яко да всегда к горе взирая небеснаго отечества желает. Над земными же яко царя сего постави, да обладает ими. Аще и по воздуху парящее и по земли всяко животно ходящее, им же первый человек Адам имена проразсуди коеждо по естеством приличная им, приводяще бо ся к нему Божиим повелением. Лев зияющий юнцем губител, и медведи грозноочии, и пардуси препестрии, елени пестрокожии, и частоопахия лисица, елефан твердочелый, июнерогобивый, еще же и другия животочныя струя творяще Божиим словом многоплодие от них же скоро произыдоша простокрылнии и аеропарнии птица. Ови же оубо великокрылнии и клювы имуще, паче ножев. Иже птицами владеющий орел, и ястребисуровоядцы, пав златокрылний сияше пестротами многими и цветяше злато посреди, яко око сияюще. Еще же и малии перием, и худы телесы различно возглашаху и краснопесниво восклицаху гроздовеславие, и скворцы черноперии, и всяка птица и всяко ползящееся, и елико в водах живет, и в дубравах, и в горах, толикими животными обступаху вся Адама, яко раби владыку, и окружаху, и охапаваху родоначалника. Он же осязаше рукама неукротимыя, яко новородныя и младыя агньца, млеко ядущия, иже от сих мало небоящися напасти.

Лютая бо и лукавая и злотворивая злоба единаче не вселилася бяше в сердце его, яко же и Даниилу, ввержену бывшу в ров левск, сему же, яко и Адаму, лютии покаряющеся, облизаху ноги его, плоти же никако вредиша. Прост бо по всему и нелукав бе Даниил всякие злобы и ненависти, сего ради и невредим, яко чувством чистителен бе и сей муж желанию наречеся. И сице ничесо же на безстрастную душу похвалитися может, ни зверь, ни огнь, ни реки великомутные дерзость; аще же воцаришися над страстьми, и аще грехом обладаеши, и на василиски лютыя и скорпии наступиши, и смириши льва, и тигра оукротиши. Аще же оубо страсть да царствует над тобою и грехми да

будеши ли обладаем, ведай, яко душу имаши сетованну и чювства имаши праздныя сосуды, а масла к приходу оуневещественнаго жениха; и будеши отсылаем прещением от дверей и чертога брачнаго, глаголещею притчею пяти дев буих. И сицевыя оубо миролюбивыя сладости не точию изядения зверя боишися, но и гласарыкновения его оужасаешися, и бегу ся касаеши емлишися, а може и не веси. И тогда не орла крепкокрылна и остроклевна растерзание мщает ти ся, но и от малых птиц синица противит ти ся, яко плоть тяжести греховнаго сластолюбия наполняему имаши, и сего ради покорным покорен быти имаши.

И о сем разумевая да разумеши, яко хранение чювств наших чистоты, то есть пяти дев мудрых оукрашение и оучрежение и чертожное готовление. Мы есмы по благодати данней нам от Бога Господа нашего Иисуса Христа, и сего ради, возлюблении, потщимся на стретение всемудраго и велелепнаго жениха Христа и оукрасим девьством чювства телес наших и честь да представим Господеви Богу нащему во всяцем благочинии в вере и любви и целомудрии и прочих добродетелех, поминающе девы

мудрыя и буяя, их же оубо возлюби и прият, а им же отвеща: «Не веде вас, откуду есте. Отидете,— рече,— отсюду». Еще же и раба оного лениваго не сотвориша прикупа. Сия вся притча писана на осуждение невоздержании наших и небрегомаго житии нашего, еже воздастся от нелицемернаго судии Христа, Бога нашего, в день втораго и страшнаго его пришествия.

Притча о хмеле

Бе некий человек: живяше бо в дебрии и сотвори себе хижину, и живяше в ней много лет и в некое время не ста у него пищи, и иде муж той искати себе на потребу снеди, и ходяще по лесу много, и абие обрете стоящу яблонь велии добру, и взя от того древа едино яблоко, и вкуси, и бысть сыт вельми. И нача яблоки собирати с яблони той, и узре на яблони траву: обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти от тое травы глас сицев: «Человече! знаеши ли ты меня? и слыхал ли еси про меня?» И человек той ста изумелся, нападе на него ужас великий и нача вопрошати той человек: «Кто есть ты глас испущаешь? Аз бо тя не знаю. Повежь ми». И глас бысть от тое травы: «Глаголю тебе, человече, аз бо есмь хмель». И рече человек той: «Кто ты, хмель, и какую силу знаеши в себе?»

И глас бысть от травы тоя: «Глаголю тебе, человече: аз бо есмь хмель, и начну ти всю тайну свою. Слыши мои глаголы и внимай: аз бо есмь силен, боле всех плодов земных, от корени есми силного, и многоплодного, и племени великого, а мати моя сотворена Богом, а имею у себя ноги комки, а утробу не ожерчиву, а главу есми высоку, а язык многоглаголив, а ум розной, а очи обе имею мрачнии, завидлив, а сам яз спесив велми, и богат, а руце мои держат землю всю. А таков нрав имею: аще который человек станет меня держатца, царь или князь, или боярин, или кто святительский чин имеет, или чернец, или черница, или купец, или муж, или жена — всякова чину человек учнет толко меня держатца, первое доспею его блудником и к Богу немолебника, на молитву нестанлива и ум его отиму: начнет без ума ходити, и, встав он с похмеля, не может, на постели своей стонет, и глава болит, и очи его света не видят, и руки его дрожат, и на душе его мутитца, и делать ничего не хочет, и ничто ему доброе на ум не идет, толко душа его жадает, кабы напитися.

Аще у которого человека лучится гостем званым быт, на обеде друзям и сердоболям, а буде меня не станет, тут бо несть ни радости и ни веселия, той бо и обед не честен и не похвален. Аще у коего обеда пребываю, тут бо много радости и веселия, той бо и обед честен и славен, всех людей пребывающих в дому его. Аще кто напеться и с похмеля испьет чашу, а потом жадает другую, и потом иные многие испивают, и как напиваютца по вся дни, а аз в ту пору отрыну от него доброе, и воздвигну на него помысл бесовский, и потом введу его в болшую погибель, и учиню его горда и ленива, и напущу на него тягость болшую, и пойдет из него, во пьянстве всякая неподобная речь, и станет с всяким бранитца и задиратца, покажетца ему, что он силен добре и богат, и лутче всех.

Аз бо тебе глаголю, человече: аще которыи князь или барин учнет меня держатца, то аз доспею его у Бога немилости, а у царя не в жалованье, и сотворю его хуже нищаго и убогаго. Аще ли от питя умрет, и та душа его будет в огни негасимом, а тело у церкви не положат, а покамест он жив, и напився станет сидеть и пити до полуночи, а спать до полудня, и на людей учнет восхвалятися; тогда вси людие ево сироты и вдовицы восплачются, и разбежатца от его пьянства.

Еще глаголю тебе, человече: аще которой мастерой человек учнет меня держатца, аз бо сотворю его ленива, и руки его станут дрожать, и делать ничего не восхощет, и створю его злым пьяницею хуже всех людей, и учнет пить и пропьется весь, а жена и дети пойдут в мир, и дом его весь раззорю, и не будет жилища его ничего, и род и племя от него отступятца.

Еще глаголю тебе, человече: аще учнет меня держатца которой гость или купец, всяк торговый человек, и аз сотворю его безумна и живот свой весь растерзает и пропет, и будет ходить во вечаной ризе и во издраных сабозех, и станет себе заимывать у которого господина, и ему никто не даст и [не] поверит, и не дадут, видя его пьянство, и род и племя от него отступятца.

Еще глаголю тебе, человече: аще учнет меня держатца который боярин, доспею его у государя в ненависти, и будет он ни дворянин, ни селянин, и ум его отниму: начнет без ума ходити и без призору умрет.

Еще глаголю тебе, человече: аще которая жена учнет меня держатца, сотворю ея злу пьяницу, имет она пити, таясь мужа своего, и наведу на нее похоть телесную, и потом введу в болную погибель и в большой позор, и будет

она от Бога отлучена и от людей в посмех. Еще глаголю тебе, человече, ко всем людям всякому чину, мужам и женам, кто станет держатца, аз таков нрав имею: добро все от него отставлю и наведу на него все худое, и учнет по дворам ходить и пить.

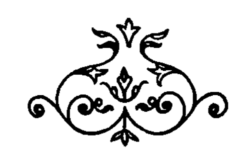
Слыхал ли еси ты, человече, о пьянице? Пьяница есть применена ко свине, свинья бо где не видит, ино рылом потыкает, тако и пьяница, аще в котором дворе пьют, и тут стоит и слушает, пьют ли в том дворе, и спрашивает: «В котором дворе пьют?» И стоит у ворот и забнет, и просит пить, а сорама нет и стыда не имеет, толко во уме своем имеет, как бы напится. А в котором дворе пьют и ему не дадут, и отойдет от двора того и зломыслит на господина дому того, бранит неподобною лаею и никого не боитца, и он никого не почитает, сам себя величит и велика сотворяет, и со всяким бранитца, и со всяким задираетца, покажетца ему, что он силен добре и богат и лутче всех.

Человек от пьянства царь царства отстанет, а сильный человек силы отстанет, а храбрый мечю предан бывает, а здравы немощен бывает, а многолетны скоро умирает без суда Божия; аще кто пьян умрет, и тело его у церкви не положат, и пения Божия не будет, а душе мука зла. Пьянство ум отнимает, рукоделия портит, прибыли теряет, пьянство князя сотворяет во убожество; и землю его пусту творит, и долг наводит; пьянство мастером ум отнимает: не может смыслить дела своего, и сотворяет его во убежество, пьянство же от жен мужей отлучает, а жен от мужей; пьянство ноги отнимает, пьянство в бездонную беду человека вводит; пьянство зрения очей отнимает; пьянство к церкви Божии не пустит, честь княз не дает, Богу молитися не даст.

Ведай себе, человече: на ком худое пьлате, то пьяница; или наг ходит, то пьяница же; кричит кто или вопит, то пьяница; кто убился или сам ногу или руку переломил, или голову сломил, то пьяница; кто в душегубителство сотворит, то пьяница; кто в грязи увалялся, или убился до смерти, кто сам зарезался, то пьяница. Негоден Богу и человеком пьяница, толко единому дьяволу, и людем всем постыл пьяница; язык долог у пьяницы. Что есть недоброе, то все пьяница. Как его в животе не станет, и ево во огнь кинут пьяницу, в муку волокут пьяницу, черви едят пьяницу, мраз велик пьяницу, розными учнут муками мучить пьяницу, с сотонею во огни царствует пьяница. О, человече! якоже аз глаголю тебе, сия вся заповедаю, словеса моя, вонми во уши своя, отложи прочь

от себя смоковицу сию, якоже еси сорвал, да не увидиши зла над собою».

Он же, той муж, слыша от тое травы глас глаголющ сицевы словеса, и. пристрашен бысть велми, и дивяся, что от травы тоя исходит глас человеческой, и верзет он смокьвицу на землю, и пойде той человек в хижину свою, и несе яблока в хижицу свою на пищу себе и размышляя: «Великое чюдо показася мне: слышах бо аз от плода, яко угодное есть, то есть временное, а ни мало вкушати от вина: много убивает, много человек; пите бо есть никоторого человека в добро не вводит, но толко во зло глагол возводит. А Господь от того человека отходит, видя безмерное его пьянство. А дьявол о такове человеке радуетца, о неверном и о поганом человеке так не радуетца, как о пьяном человеке православные веры; неверному и поганому ничто сотворити, а над пьяным человеком что хощет, то и створит и на вся злая наводит, а Господа Бога нашего прогневает пьяны человек. Аще ли кии человек от пьянства бывает лишен, и тем Господа Бога своего возвеселит, а ангел, хранитель души его и телу, ходит с ним, радуетца, а беси от таковаго человека отходят и гнев болшей на него имеют, а Господь Бог такова человека своею милостю и благодатию хранит его ото всякого дьявольского нахождения, и станет Божие сполнять воздержание доброе и благоприятно Богу, и получит душе своей спасение, и и обрящет от Господа Бога милость в сем веце и в будущем, ныне, и присно, и во веки веком. Аминь».



Притча о витязе и о смерти

Некий человек воин оудалой, ежа по полю по чистому и по раздолью широкому. Прииде к нему смерть, и бе видение ея яко лев, ревнуя всячески, страшна от человеческаго оустроения, носящи оу себе оружия всякое: мечи, и ножи, и рожни, и серьпы, и сечива, и оскорды, и иная многая незнаемая козндейства различная образы.

Сия же велми смиреная душа и оустрашися вельми изревнова же ей: «Кто ты еси, лютая и зверь, образ твой страшен велми, хожение твое о тебе звериное, а подобие человеческое?» И рече ему смерть: «Пришла есмь, хощу взяти!» И рече человек той: «Аз не хощу, а тебя не боюся». Рече ему смерть: «Человече, чим мя не боишися? Цари, и князи, и воеводы боятся, и святители. Аз есмь славна на земли, а ты мене не хощеши боятися». Рече же человек той: «Аз есмь оудалец, в ратних делех многи полки побивал, а от единых человек никтоже может братися, и напротиву стати; а ты ко мне едина пришла еси, а оружия и запасы носиши. Видится мне, что есть не удала, толко есть страшна, образ твой страшит мя, и оуды во мне трепещут, на тебя смотря, и отъиди прочее, доколе тя не ссеку мечем моим».

И рече ему смерть: «Аз есмь не сильна, и не хороша, и не красна, да сильных и красных, от Адама и до сего дни, сколько было царей, и князей, и владык, и жен, и девице, то всех аз собрала. Самсон сильный, не богатырь ли был, тако говорил: «Аще было кольцо в земли зделано, и аз бы всим светом поворотил», да и того взяла! Александр Македонский и оудалой и храбр и всей подсолнечной царь и государь был, да и того аз взяла! О человече! не мудрее ли тя царскии Соломона? Царь Соломон хитр и мудр, да и тот со мною не смел говорить. Акир Премудрыи, во ельлинском царствии не было такова мудреца, ни под солнцем, да и тот со мною не смел говорить, да и того аз взяла! Господь наш Иисус Христос, и той мя изволи вкусити, горькие

АПОКА: Г: Ѕ.
Разрѣшеніе четвертыѧ печати.
Мечь.
Єдинѣмъ члкомъ и грѣхомъ вміръ и въвса члки, вніде смрть
Съмрть мати
Гладъ.
Конь блѣдый.
Ѕвѣріе.
Адъ
АХКЅ

смерти! Да ведомо, человече, тебе: аз есмь смерть не посулница, ни богатьства не собираю, ни красна, ни хороша не ношу, аз земныя славы не хощу. Занеже есмь не милостива и с детска неповадилася миловати, аз не милую, ни наровлю ни в чем ни часа. Как пришед, так возму».

И рече человек той: «Госпоже моя смерть, яви на мне любовь свою». Рече же ему смерть: «Никако же, человече, занеже до миру моя любовь равна есть, какова до царя, такова и до князя, и до нища, и до святителя. Аще бы богатства собрала, столко было бы оу мене богатества бесчисленно всего много, несказанно, царств и земель, занеже, человече, аз яко тать живот возму».

Рече: «Госпоже моя смерть, пожди мало, да покаюся». И рече ему смерть: «Понеже, человече, Бог глагола вам святыми книгами: «Бдите и молитеся, на всяк день и час, вам смерть ни грамоты не посылает, ни вести не подаст, но приидет аки тать». И слышал еси, человече, во Святом Евангелии Господь рече: «Братие, бдитеся, будите готови». И аще бы человек ведал, в кий день или в кий час тать будет, и он бы в ту нощь бдел и стрегл, боояся крепка, не дал бы подкапывати храмины своея. Тако мене, горкия смерти, кто ведал пришествие мене, и он бы крепко того часа ждал, и боялся, и готовился».

Живот рече: «Оувы мне, в великих есми нуждах! О смерть! пощади мя до утра, да дела своя исправлю, исполняюся». И рече смерть: «Безумныи вы, человецы, тем вы, человецы, себе прельщаетеся, и ко иным я такоже преступаю, иные се такоже молятся, и покаяния просят; Бог повелит ми ослабити, и егда оздравиет, и забудет мене, и оучнет жити, яко безсмертен, и добрых дел не творит. А ныне ты глаголеши, яко оутру покаюся; да тех же оу заоутриев много есть, а бес покаяния, но и паче согрешаете. Но и ныне аз приидох, не пожду, ни пощажу ни единаго часа, но было вам время каятися, но вы пребываете в лености, и в жестосердии, нищих не милуете, но мняще на сем свете бес конца жити, но гордостию распаляся на мя, и хощете со мною братися».

Живот рече: «Се оуже види, душе моя, и оустрашися зело». И рече же ей человек той: «Госпоже моя смерть, отпусти мя во град, и аз шед куплю себе срачицу и саван, и милостыню сотворю к нищим, и раздам живот свой по себе по церквам, да священники творят службы над ним, богатство свое оставлю». Рече ему смерть: «Никако не отступлю от тебе, человече, коли еси ты был здоров, и ты о души своей не пекася, и милостыни не творил от своего

богатества своими руками. А нынеча своим животом не волен, останется немилому другу; а труждалъся еси даром напрасно весь, а дети твои и жена твоя осиротают и от них пользи несть; добро человеку своими руками давати милостыня и сороковустия по души своей». И рече человек той: «Ох, ох!» И начат плакатися, и рыдати горко, и вопети горше: «Ох, злодею смерть! Пришел еси по меня посол немилостивый, и никому от тебе не избыть!» И приступи к нему смерть и захвати за шею серпом, и претре ему пилою сердце на пол, и потом малым оскордецем, и посече ему ноги его, потом руце, таже теслою главу ему отсече, и разрушив вся составы его.

Тем же и разумейте, человецы, вы, и егда человек болит и не оучнет владети собою, и оуды раздробит, а как оувидит больный человек смерть, и от страха забудет, и язык его оумолкнет, и очи остеклеют; тогда видит смерть, ангела Божия видит и грехи своя, что на сем свете согрешил, то все беси ему покажут, и родню свою видит, и сыновы, и дочеры, и жену свою. Круг его стоят, над ним плачются. Говорит к ним не может от страха, видя грехи своя. Тогда смерть наливает чашу горкую и вольет человеку в рот, и в той горести душа из человека изыдет пред всеми, душу праведную ангелы Божии несут в рай, а грешную душу несут беси в муку, понеже сама оуготова. Добро человеку всякому каятяся трижды на год, и милостыня творити и [в] церкви ходити. Братие, блюдетеся смерти сии: язык наш кроток, а тамо бес конца, а смерть никогожо минет, всей поведает безмилостива. Богу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Притчи о разуме человеческом

Об Алтыне Золотое Слово и его брате

Бысть в древняя лета, в татарской арде был некий царь, именем Слам-гирей, жесток и немилостив и сребролюбец паче меры, а лжи не любя. И бысть у него некий вельможа, ближний человек, а у него два сына: большой был сын дороден и богатырь, да глуп; а меньшой сын был рождением худ и ростом мал, да разумен, а у царя был ближний человек, а имянем его звали Алтын Золотое Слово. А таков был разумен — от всякого слова царь ему давал по триста алтын.

Лучилося ему поехати к себе в улус, а большой его брат поехал на лов зверь гонять да приехав с поля, почал царю сказывать: «Государь-царь, вольной человек! Ездил яз на лов и убил еленя в правое ухо, и вон — в левое ухо да в заднюю в левую ногу в копыто». И царь удивися и почал ему говорити: «Как, де, ты так говоришь, что не станется! Как тебе так убити?» И почал царь на него кручинитца, и собор почал у царя о том быти, о той лжи. И приговорили его все ближние люди, что казнить смертью, что царю он солгал. А у них в обычае так: кого уличат ложью, того казнити смертию. Послал царь, велел его казнити, а за ним послал пристава.

И встречю ему из улуса едет брат его Алтын Золотое Слово. И он того ужаснулся, что брата его ведут казнити, и учал роспрашивати пристава да и брата, за что его царь велел казнити. И пристав ему сказал: «Велел, де, царь его казнити за то, что он уличен ложью». И дело ему сказал. И Алтын Золотое Слово почал говорити приставу: «Пожалуй не пролей напрасной крови до тех мест, доколе яз царевы очи вижю, а брат мой не солгал, з глупости не умел росказать царю».

Пошел Алтын Золотое Слово к царю, учал ему бити челом: «Государь-царь, вольной человек! Пощади холопа своево — брата моего, не вели напрасно крови пролить.

А брат мой тебе, государю, не солгал, полно, з глупости не умел росказать. Тебе, государю, весно, что он дороден и богатырь, да глуп. А то он тебе, государю, не солгал. Деялось то тем обычаем: лучилося ему приехати к оленю, а олень, стоячи в болоте, отбивает левою ногою от левого уха мухи и мошки; и он, приехав, ево застрелил в правое ухо, а левым ухом и копытом — вон». И царь учал говорить: «Станетца, де, так! Прямой, де, еси человек. Он, де, мне не умел росказати, а мне то стало за кручину». И царь его пощадил, не велел казнить.

О птичьем языке

Лучилося тому же царю ехати зверь гоняти, а с ним многия князи и уланы, и Алтын Золотое Слово туто же. И приежжает царь к кладбищу к татарскому, и тут стоит мизгить, по-русски церьковь. Увидел тут человека, и он его велел изымати, да к себе велел привести, да учал роспрашивать: «Какой еси человек, и по что тут пришел? Тут входу нет никому». И он ему сказал: «Человек, де, есми гулящей; а увидел, де, вас и яз, де, тут хотел поукрытца». И царь ему учал говорити: «Нет, то, де, ты так крадешь сокровища мертвых», понеже у них в обычьи, мертвых погребают с великим богатеством. И он учал царю бити челом: «Государь-царь, вольной человек! Никако за мною такова воровства нет, а человек есми надобной. Будет холопа пощадишь, и яз тебе, государю, скажю». И царь ему молвил: «Скажи, де, не бойся; а яз, де, тебя пощажю».— «Умею, де, есми, государь, птичью языку и зверину: что говорит птица со птицею, а зверь з зверем». И царь тому удивися и на то прельстися, хотячи, чтобы царю то самому знати. И царь ему молвил: «Мне такие люди в государьстве годны». Да кликнул Алтына Золотово Слова, да велел ему тово мужика взяти, а молвил ему то: «Алтын, научися, де, тому языку; яз, де, тебя пожалую; а яз у тебя научюся». Да гулявши, царь поехал опять к себе.

И привел Алтын Золотое Слово таво мужика и учал ему говорити: «Сказывал еси царю за собою ремесло, и царь мне тому велел учитца, и ты мне скажи». И он ему отказал: «Яз, де, теперьво человек бедной, голодной, и мне то на ум не идет. Дай, де, мне поотдохнуть, тогда, де, у меня и речи будут». И он — спустя — учал его опять спрашивать, и он ему почал говорити: «Дивлюся, де,

я твоему разуму, называют, де, тебя Золотым Словом. Яз, де, человек простой. Кому, де, Бог то дал знать, кроме себя! А мне бы то знать!» И он ему молыл: «Чего для, де, ты то царю солгал, что тому горазд? Царь, де, велит казнити».— «А тогда есми царю того для сказал, что было мне от царя быти въскоре казнену».— «Да ведь тебя и нынеча царь велит за то казнити?» — «В том ведает Бог да царь. А нынеча яз не чаю от царя казни».

И царь про тово человека пропамятовал, Алтын Золотое Слово вскоре царю не сказал. И умысля Алтын, хотя

царя привести от немилости в милость, и от сердца в кротость.

И лучилося царю опять ехать тою же дорогою мимо тою же мизгити. И сидят на той мизгити две совы, друшка к друшке носами, кабы что говорят. И царь, на них глядя, вспамятовал да учал спрашивать: «Кто, де, бе же у меня языку птичью горазд?» И царь то спамятовал: «Мужика тут видал, а отдал его Алтыну Золотому Слову, а велел ему тому языку научитись». И он кликнул Алтына Золотова Слова: «Учился, де, ты у того мужика языку птичью?» И он царю сказал: «Научился, де, государь. Токо, де, тебе, государю, не явил, не к слову сказати».— «Поеди, де, да послушай, что, де, две те совы межи собою говорят».

И он к ним поехал, да приехал опять от них, да учал царю сказывать: «Великое, де, дело, государь, говорят, да не смею тебе, государю, сказывати». Да приник к царю на ухо и учал сказывать: «Государь, де, царь, вольной человек! Слышел, де, есми, что оне говорят, да не смею тебе, государю, сказывать: блюдусь от тебя, государя, опалы». И царь ему молвил: «Скажи, де, не блюдися. Мне, де, про чюжие речи, тобя про что казнити?» — «Говорят, де, государь, оне, сидячи, о сватание. А женит, де, сова у совы сына; дает, де, сова сове в приданые триста селищ пустых. А та, де, у ней просит тысящю селищ пустых, а трехсот не возьмет. А им то и кормление, что ищет себе по пустым селищам мышей да и всякого гаду, тем и кормятца. И она молвила той сове: «Будет, де, не возьмешь трехсот селищь, а больши, де, четырех сот селищ дати нельзя, потому — будет царь наш еще побудет на государьстве, а повыпустошит и больши тово, и яз тебе дам и две тысящи. А будет государьство пременитца, или тово Бог скротит, а станет лготу давать и дани поубавит, и государьство опять полно наполнитца, селища опять жили будут, и мне тебе болши четырех сот селищ дать нельзя».

И царь услышел то слово, удивися и учал себе размышлять: «Гораздо, де, есми немилостив, что про меня птицы розсужают, увидев, де, мое немилосердие ко всей земле моей».

И от тех мест стал царь милостив и пр[а]восуден, и лготу стал давать, и дани поубавил, и опять стало все жило, и Алтына Золотого Слова учал царь жаловать больши старово.

Видишь, разум каков человеческой. Разумной человек не одну душу свою спасет, но и людцкия многия.

Притча о старом муже и молодой девице

Бысть старый муж, велми стар, и сватался ко прекрасной девице, брадою сед, а телом млад, костью храбр, плотию встанлив, умом свершен. И рече старый муж ко девице: «Поиди за меня, девица. Носить тебе у меня есть что, слуг и рабынь много, и коней и портищ дорогоценных много, есть тебе у меня в чемь ходити, пити, и ясти, и веселитися». И рече девица ко старому своему мужу: «О безумный и несмысленный старый старик, матерой материк! Коли меня, прекрасную девицу, поимешъ за себя, храбрость твоя укротитца, и образ твой померкнет, и седины твои пожелтеют, тело твое почернеет, и кости твои изсохнут, и уды твои ослабеют, и плоть твоя обленитца, и неугоден будеши младости моей и всему моему животу не утеха будеши; ум твой от тебя отидет, и учнешъ ходити, аки лихая понурая свиня, на добро и на любовь не помыслишъ, и уды твои ослабеют, и плотскому моему естеству не утеха будеши; тогда аз, девица, от распаления, впаду в преступление со младым отроком, с молодцом хорошим, а не с тобою, старым мужем, с вонючею душею, с понурою свинею».

И рече старый муж ко девице: «На что, девица, словеса сия сложила, аки древа листвием украсила, аки цвет по земли расцветила? А в дому моем рабы, государынею будеши; и станешъ, моя миленкая, на многоценних коврах сидеть, пити, и ясти, и веселитися со мною неизреченна многоразличные яствы; не дам тебе, миленкая, у печи от огня рукам твоим упечися и ногам твоим о камень разбитися. Сядешь, моя миленкая, в каменной полате; и начну тебя, миленькая, согревати в теплой бане, по вся дни, украшу тебя, миленкая, аки цвет в чистом поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу реку при дубраве, и упокою тя во всем наряде; и сотворю тебе пир великий; и на пиру велю всякую потеху играти гуселником и трубником и пляску; и начнут тебя тешить; и начнешъ, моя

миленкая, всем моем имением владети; не дам тебе, миленкая, оскорбети, твоему по вся дни и животу твоему». И рече девица ко старому своему мужу: «О безумны и несмысленны стары старик, матерой материк! Хощешъ со мною любовь сотворити, а так не спешишь о будущем веце и о смерти, как душа своя спасти; хощешъ угодити жене, а не Богу. Пора тебе раздать имение свое нищим; а сам постригися в почестныи монастырь, раб и рабынь отпусти на волю, и оне за тебя Богу молить».

И рече старый муж ко девице: «Как ты, девица, поидешь за меня, и аз твоего отца и матерь одарю многоценными дары и честь воздам великую». И рече девица ко старому мужю: «О безумныи и несмысленныи старой старик, матерой материк! Аще ли одолеиши отца моего и матерь мою многоценными дарами, и отец мой и мати моя выдадут меня за тебя по неволи, и яз стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю, и повеления твоего не сотворю; аще велиши зделать кисло, аз зделаю пресно; а мякова тебе у меня хлеба не видать, всегда тебе сухая крома глодать, зазкалом зубам твоим пагуба, скорыням твоим погубит; пагуба ж и кончина, а телу сухота, а самому тебе, старому смерду, изчезновение; а младому отроку моему, молодцу хорошему, советнику, мяхкия крупичетые колачики и здобныя пироги, и различныя овощи, да сахар на блюде, да вино в кубце, в золотом венце, да сверх тово ему мяхкая хорошая лебединая перина, да чижовое зголовье, да соболиное одеяло, а тебе у меня, старому смерду, спать на полу или на кутнике на голых досках с собаками, а в головы тебе из под жернов дресваной камень; да пожалую тебя, велю тебе дать соломеную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлеб, да квашеные поскрепки, а в место тебе место, старому смерду, мостолыга старые коровы, и та недоварена; а младу отроку молодцу, хорошему моему советнику, калачи крупичетые, да сахар на блюде, да вино в купце, в золотом венце, и яз пред миленким стою с трепетом и з боязнию, чтобы меня миленкой любил, и жаловал, и дрочил почесту. А нянки и мамки учнут милова на руках носити, а тебе, старому смерду, по берещеной роже, неколотой потылице, жаравной шее, лещевым скорыням, сомове губе, щучим зубам, понырой свине, раковым глазам [...] опухлым пятам, синему брюху, рогозинным руковицам, посконная борода, желтая седина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пастух, сидел бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда,

в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сопело; жил бы ты, что желна в дупле, что червь за корою, что сверчек за опечью, костям бы твоим ломота, зубам щепота». И рече старой муж ко девице: «Коли ты, девица, за мною будеши, и ти не такова будешь».

И стал старый муж сватацца ко девице и все имение свое на сватовство отдал, а прекрасной девицы за себя не сасватал: и как девица старому мужу говорила, так над ним и сотворила.

И вы, старые мужи, сами себе разсудите, младых жен не понимайте: младая жена лишная сухота; от людей стар бегает, в пиру не сидит, к людем не пристанет, а от ворот не отстанет, в ызбу не лезет, а хотя и влезет, и он не сядет, вверх глядит, голову закинул, язык закусил, кропчетца, что лихая собака из под лавки, а укусить не смеет, чтоб самое не зашибли; не говорит, дметца.

Сам себе досадил старой муж, три годы бегал и удавился. А красная девица вышла замуж за молотца хорошева, с молодым прощаючись, а старова проклинаючи. И как девица старому говорила, так над ним и сотворила. Младому девица честь и слава, а старому мужу коровай сала. А хто слушал, тому сто рублев, а хто не слушал, тому ожег, четцу калачик мягкой. Сей сказке конец.

О старце, просившем царскую дочь себе в жены

От Евангелиа, главы от Матфеа. Слово о старце просил у царя дщери за собя, ялся царь дать

Некый старець, живый в пустыни, томляху его три строкы от Евангелиа: «Толцете — отврьзется вам, просите — дастъся вам, ищете — обрящете». И взят посох свой, поиде в град.

И прииде ко цареве полате, и толъкнувшу ему во двери полаты, идеже царь седит. Таже царь повеле пустити его к себе в палату. Царь же рад ему бысть.

И вопроси его царь: «Что ради, старче, прииде к нашей дръжаве?» Старец же рече: «Седех, царю, в пустыни многыа лета и молих Бога. И прииде мне помысл таков. Господь рече во Евангелие: «Толцете — отврьзется вам». Ино ми, царю, первое слово его, Господарево, збылося: пришел есми к твоей полате, и ты ми велел, царю, двери отврьсти; то ми в прьвое збылося». Таже глаголеть старець ко царю: «Царю господине! Есть у тебе дщи, дай ми ее!» Царь же помыслил совет благ, рече старцу: «Наутрие ответ дам ти, старче».

Наутрие прииде старець ко царю в полату; царь же помысли нечто Божию промыслу быти не просто, рече старцу: «Калугере! Мочно ли добыти мне камень драгый самоцветной?» Рече старець: «Господине царю! Добуду ти камень драгый самоцветный». Рече царь: «Аз ти, старче, дарую свою дщерь, аще ты мне камень такый добудешь».

Старцу же второе прошение слово збылося Христово: «Просите — и дасться вам».

Абие старец, благословя царя, поиде ко морю; и обрете в лукомории печеру, помысли старца в ней живуща, рад бысть зело; прииде в печеру, и влезе, и обрете старца уже преставльшася, и благодари Бога, Господа Вседръжителя, и старца, живущаго в Бозе и скончавшася. Абие и слышит

во едином угле печеры нечто борчит, акы муха, и зрит сосуд сцлян, а в нем акы муха, а покрыто крестом спроста. И глаголеть к нему старець: «Что ты зде живешь, и кто тя покрыл знамением сим крестным?» В сосуде же отрече старцу: «Сей старец, лежаи в печере сей, запечатал в сей сосуд». Абие молит старца: «Испусти мя ис сосуда». Старец рече: «Дай же ми слово таково, что ты мне добыти камень драгый самоцьветной». Бес же дал ему слово таково, воскоро добыти камень драгый светлый. Старець же сложи с сосуда крест, бес же искочи ис печеры и ста пред печерою, акы великый дуб, рече старцу: «Пожди мене на семь месте, старче». Абие бес искочи в море и возмути ветры великыми и волнами силными, и изнесе бес камень драгый самоцветный, и дасть старцу. Старець же подивися Божию милосердию, рече Христос: «Ищете — и обрящете».

Рече старець бесу, что: «Яко дивлюся вашему величесьтву: овогда велики есте, овогда мали есте?» Бес рече: «Наше существо таково, яко хотим: и мал, и велик, и светел, и мрачен, и скор, якоже молниа». Рече старець: «Аще можеши таков быти, яко же и в сосуде видех тя?» Он же воскочи к нему на длань, яко же и в сосуде был. Старец же словом Божиим запечатле, тем же крестом, Бог весть, в той же сосуд, и двери печере загради, и отъиде во град ко царю, и дасть ему камень драгый.

Царь почюдися, и взял, и преставль ему свою дщерь. Старець рече царю: «Господине! Дивлюся Божию милосердию, исполнил есми свой помысл уже: «Толцете — отверьзется вам, просите — и дасться вам, ищете — и обрящете»; ино, господине царю, те словеса все збылися». Рече старец царю: «Дщи твоа тебе, и камень драгый тебе».

Абие старец благослови царя и возвратися во свою пустыню, иде прьвое был.

Богу нашему слава ныне, и присно, и в векы веком. Аминь.

Повесть о царе Газии

О осаде Еросалимъской и о пророке Агее

Царь еросалимской Газия, пришла на него рать удольна и облегла около града, и стояла 4 годы. И бысть таковая дороготня во граде во Еросалиме, по тринатцати рублев коневая глава мяса.

Во единой же храмине живуще две вдовицы, а имеша у себя по детищу. Уже сидят алчны вельми, и помысли промеж себя побити детей своих на снедение собе. Едина же из них рече: «Убей ты преже свое дитя, да снедим вместе, и потом я да убию свое дитя».— И едина же вдовица свое дита убиша и снедоша вместе со суседою. И рече вдовица: «Да убием твое отроча в снедь собе, тако же, како и я свое чадо».— И рече ей вдовица: «Да не змия есми яз, не ям чрева своего».— И тако соблюдше отроча свое невреженно.

В то же время вышед, иде царь Хазия рано на град узрити урядие ратных людей, еже есть на граде, и сетуя о гладе града Ерусалима, о людех своих: «Уже бы лутше нам предатися от глада, нежели гладною смертию умрети».

И в то же время прииде ко царю вдовица она и рече царю Газию: «Дай ми, царю, суд праведен».— И рече: «Жило нас во единой храмине две вдовицы, и бысть у нас по единому отрочати. И притужа нас великий голод. И ркли мы, царю, промеж собою дети своя побити себе на снедение. И аз же, господине, свое отроча разтерзала и вкупе снедоша со своею соседою. И та вдовица речение свое преступила и отроча от смерти укрыла».

И в то же время царь Хазия сошед со града и велми печален о том, и рече ближним своим: «О горе нам! Како то есть — матери поедают своя дети».

И умысли царь со вельможами своими, и послаша ко пророку Агею. И рече пророк Агей посланнику цареву: «Не дивуйся ты, мол, царю, что матери дети своя поедают,

занеже бо алчны добре, то несть у них ума от алъчбы их. А нонеча у тобя, царю, во граде глад, а завтра у тебя, царю, по четыре пула твоя кадь пшеницы, ино некому ея будет купити».

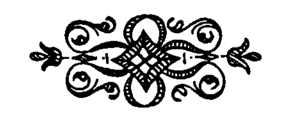
И поведа же то царю вельможа, что ему сказах пророк Агей. И рече царь вельможам своим: «Соблазнился есть пророк ваш Агей! Како сему быти? Об одну нощь отколе ся ему взяти, а около града рать стояще? Аще отверзает Бог хляби ны небесныя вся, но и тута тако об одну нощь где ся ему взя[ти]».

И сумняся царь Газия, посла ко пророку того же вельможу. И пророк Агей рече вельможе, присланному от царя, рки: «Царю тот хлеб видети и ясти, а тобе, вельможа, видети тот хлеб и не ясти».

Заутро же царь Газия и с вельможами своими выде на градную стену рано, и не няв веры пророку Агею, хотя предатися от глада того иноязычницам в руце. И возрев на поле, и не узрив около града стоящих по полю иноязычниц. Царь же удивишася и посла дозрить, да ведомо будет ему, како тако сотворилося. Посланники же царевы приедоша во станы иноязычных и не обрете никого, токмо много множества пшеницы и ячмени, и поведа то царю.

Царь же возвеселися о том радостию велию и отпусти люди своя, да ся наемлют хлеба и насытятся. И тогда начаша продаяти, всякой надеяся взяти дорого от глада. Кто ни поторгует, тот дает по четыре пула, а у царевы меры покупаше. Едиными враты купцы входяще и даяще за меру по четыре пула, а вторыми враты выходяще.

И людие града Еросалима видев такое Божие милосердие, дешевизну пшенице, и бежа во врата те, идеже купят пшеницу в цареву меру. И того вельможу, кой ходатай был ко пророку Агею, удавиша от множества людей теснения во вратех. И той вельможа хлеб видел, а не ял, то, иже ему и пророк рече. И радостен бысть царь вельми о забытие слова пророка Агея. Аминь.



О искушении Бога

Повесть о искушении Бога, о царе некоем

Бяше бо некто царь богат зело, живый в пространстве царства своего, многажды же слыша слово псаломское, глаголющее: «Богатии обнищаша и взолкаша, взыскающии же Господа не лишатся от всякого блага».— Царь же той превознесеся мыслию своею в сердцы своем, глаголаше· «Како сему мочно быти, богатому обнищати? Воистинну слово то ложно есть»,— похулив благодать Божию. Господь же не могий терпети поношения царева, сим бо образом хоте его наставити ко своему познанию.

Во утрии же день изыде на поле с людьми своими на лов зверей ловити, а в его место устрои Бог ангела своего царство держати. Сему ж тако бывающу: тако же царь един отлучися людей своих, погна за зверем и вниде в непроходимая места, и с коня свалися, и разбися, и бысть яко мертв, лежа на земли. Конь отбежа от лица его. Се же збысться псаломское слово: богатии обнищаша.

Слугам же поискавшим его по лесу 3 дни и не обретоша, возвратишася во крад свой и видеша царя седяща на престоле своем, и удивишася. Ничто ж им ведуще, что Бог над царем деет.

Царь же той аки от сна востав и вельми восхоте хлеба ясти, и ничто же обрете в пусте месте, что вкусити, и зело печален бысть. И оттуду изшед блудяй, пришед в некую весь хлеба ради. И ту его не познаша, яко царь есть, и мняста его яко храбителя быти. И ту его бивши до мертва. Он же шед путем, востав, зело плакася греха своего и ко Господу моляся, глаголаше: «Сердцевидче, Господи, человеколюбче, помилуй мя, грешнаго, не имам тако глаголати впредь. Воистинну есть твое учение, Владыко!»

И тако пришед к некоему человеку в весь, и ту обита, и вся человеку тому поведа о себе, яко царь бысть, и обещася его пожаловати. Человек же той с радостию и трепетом привед царя во град втай в простых одеждах. И вшед в полату свою, и виде ничто же изменися обычая его.

Прослави Бога о праведном его наказании и глаголаше своим вельможам: «Никто же дерзая слово Божие глаголати яко неистинно есть, да не погибнет во веки душею и телом! Аз бо есмь за то пострадал ныне».— Таже глаголаше ему вельможи: «Государю царю, когда ты сия страсти терпел, мы же тя на всяк день видехом на престоле своем седяща?» — Он же поведа всем вся о собе бывшее. И тако вси слышаще Божия величия, прославиша Бога и удивишася, яко ангел в его место царьствоваше.

Повесть о царе Агее

Повесть душеполезна о царе Агее, како пострада гордости ради

Бысть во граде Фелумении царь Агей, славен зело И стоящу ему в церкви во время божественныя литургии, и чтущу иерею святое Евангелие. Егда же дойде строки, в ней же написано: «Богатии обнищают, а нищи обогатеют».— Слышав же царь сия и рек сь яростию: «Ложь есть сие писано во Евангелии, понеже аз есми царь славен на земли и богат зело, како мне обнищати, а нищему обогатети противо мене?» — Егда же отслужил иерей литургию, и повеле царь всадити иерея того в темницу, а лист же той повеле выдрать. И отиде в дом свой, и нача ясти и пити и веселитися.

Видев же неки юноша еленя в концы поля и пришед возвести царю. Царь же поят с собою юношев и погна вси еленя, хотя его уловити. Бе же елень той видением прекрасен зело и томен. Царь же рече отрокъм своим юношам: «Стойте зде, аз уловлю единь еленя».— И погна вслед его. Елень же побеже за реку. Царь же привяза коня своего и поплы за реку. Царь же преплы реку, и абие елень невидим бысть.

Ангел же Господень вседе на коня его и явися во образ царя Агея, и сказа юношам, что уйде елень. И поеде с ними во град. Царицы же тако же сказа, что елень утече.

Царь же обратився вспять и преплы реку, и абие не виде ни коня, ни платья своего. И ста наг, задумався, и поиде ко граду Фелумению. И виде пастуха, волы пасяща, и вопроси его: «Пастуше, брате милыи, где видал еси коня моего и платья?» — Пастух же вопроси его: «Ты кто еси?» — Он же рече: «Аз есми царь вашь Агей».— Пастух же рече: «Окоянне, како ты смееши царем нашим нарещися, понеже аз видех царя Агея, ныне проехал во град сь юношами».— И начаша его бити кнутом и трубою. Царь же нача плакати и пойде во град наг.

И сретоша его торговые люди града того, и вопросиша

его: «Человече, что наг еси и где твоя одежда?» — Он же рече, не смея царем нарещися, и сказа им: «Одежду мою разбойницы похитиша».— Они же даша ему худую одежду. Онь же взем и пойде ко граду.

И вопросися к некоей вдовице начевать и нача ее вопрошать: «Кто есть у вас царь?» — Она же рече: «Али еси не нашее земли человек?» — И сказа ему: «Царь есть у нас Агей».— Он же вопроси: «Колико лет царствует?» — Она же поведа ему: «35 лет».

Он же написа писанейце своею рукою к царице своей, что у него была с нею тайная мысль, и повеле некоей жене поднести. Царица же взят грамотку и повеле чести пред собою. Он же написася мужем ея царем Агеем. И нападе на нея страх велик, и по страсе том нача глаголати: «Како меня сей убогии человек нарицает себе женою? Аще ли сие уведает царь, то велит меня казнить».— И повеле его бити кнутом нещадно без царьского ведома.

Биша же его без милости и пустиша его еле жива суща. Он же пойде из града, плача и рыдая, и воспоминая евангелское слово, что богатии обнищают, а нищии обогатеют, и каяся о том, како похули слово святое Евангелие и како

всади в темницу иерея. И пойде незнаемым путем.

Царица же рече царю, явлшемуся во образ царя Агея: «Что ты со мною не пребываеш другой год?» — Царь же рече: «Обещание ми есть на три года с тобою не сходитися».— И отиде от нея в ц[а]рские полаты.

Агей же царь приидe в незнаемы град и нанятся у христьянина работати на лето, но ничего не умеет. Христьянин же ему отказал. Он же нача плакати и пойде от града того.

И сретоша его на пути том нищие. Он же рече им: «Поимите, братие, мене с собою, понеже человек убог есть, работати не умею, а просить стыжюся. Что мне велите, и я учну тружатися».— Они же поимша его с собою и даша ему суму носити. Егда же приидаша к наслегу начевати, и повелеша ему баню топити, и воду носити, и постелю под себя слати.

Он же восплакася горко и жалостно зело: «Увы мне, окоянному, что се сотворих! Бога прогневах, сам же царства лишихся и царицы отстах, погибель себе сотворих. А все пострадах за слово Божие. Истинное то, а не ложное есть божественное писание».

Заутра же восташа нищие и поидоша ко граду Фелумению. Егда же града достигоша и пришед на царской двор нищие, и начаша милостыни просити. Бе же в то время у царя пир велик, и повеле нищих взяти в гостинницу и кормить доволи, мехоноша же взяти к себе в царские полаты. И учив его много и наказав, еже не хулити слово Божие, иерейский чин чтити и кротку быти до всякаго человека, и милостиву быти, и тиху. И даде ему скипетр в руце царский и царствие дарова по-прежнему. Царице же не повеле поведати. Мир дав ему, абие невидим бысть.

Он же приим скипетр от руки ангеловы, царство, порученное ему, и нача царствовати по-прежнему, и зело милостив бысть ко всякому человеку. И благоугодно поживе, хваля и славя Бога Вседержителя всегда и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О Димитрии князе римском

Повесть о Димитрии князе римском, како повеле слова из Евангелия вырезати, идеже написано: единым днем царь богат, и нищь, и убог

Приспевшу празднику великомученика Христова и страстотерпца Димитрия, стоящим у церкви Димитрия страстотерпца великому князю Димитрию и велможам, слушавшим божественнаго пения со вниманием. И тако услыша чтуща святое Евангелие, и прииде речь в нем: «Единым днем царь богат, и нищь, и убог».— Великий же князь Димитрии усумнеся и тако глаголя: «Ложно есть се, а не истенно»,— Божия судьбы не ведуще. И повеле те Божия слова из Евангелия вырезати вскоре, и повеле велможам своим итти с собою в дом свой, начаша веселитися в радости велицем.

Во един же от дни [и] поехаша за зверем в поле гулять с велможами своими. И как будет от града пять поприщь близ великого лесу, ангел же Господень явися ему кротким зверем вепрем и побеже пред князем кротко велми, единому видим, а людем невидим. И загнася за зверем тем тропою в лес, и не видим бысть ангел Господень. А благоверный князь Димитрии не узна пути и и заблудися на лесу. И прииде на некую поляну, тут бо есть татие и разбоиницы участие свое полагаху. И увидеша князя, и ограбиша его нага.

Князь же Димитрии заплакав велми, нача молитися Богу, глагола: «Господи, согреших пред тобою, направи мя на стезю мою».— И не вкусив хлеба 3 дни и 3 нощи, и тако гладен бысть велми.

И прииде в некую деревню, и узре на гумне християнина, ворох веюща, и рече ему: «Призри на мя, господине, убогаго и накорми мя алчнаго».— И рече ему християнин: «Иди в дом мой и смели меру хлеба, аз тебе дам укрух хлеба».— Князь Димитрии прием со благодарением, смолов и отнесе християнину. Християнин же даст ему укрух хлеба. Благоверный же князь Димитрии, вкусив и не сыт бысть, и еще ко християнину рече: «Дай ми, отче,

на потребу еще хлеба».— Христианин же рече: «Аще смелеши еще меру, аз ти дам еще укрух хлеба».— Князь же Димитрии прием и со благодарением смолов, отнесе ко христианину. Христианин же дав ему укрух еще хлеба. Князь же вкусив и не сыт бысть, и еще просяще у христианина хлеба. Христианин же рече: «Аще смелиши две мере, аз тебе до сытости накормлю».— И рече: «Иди скоро».— Благоверныи же князь Димитрии со благодарением смолов и отнесе христианину.

Христианин же видит его искренно работающа и накорми его до сытости, и рече ему: «Труждаися у мене год, до того ж дни, как приидет день страстотерпца Димитрия, аз тебя по силе наделю».— Князь же великии Димитрии рад бысть и нача работати всякую домашнюю работу. Поехаша на поле землю пахать, единою шкапою аки десятью. «Аще бы еси, Димитрии, творил заповеди Божия, то не бы тако страдал»,— сам себе размышляя, плакаше. Ангели Божии помогающе ему делати, и тако посеяще хлеб. Уроди же ся хлеб на земли в седмь седмицею, лутчи иных земель, никто такова хлеба не помнит. Христианин же убра хлеб и не весть, где ево спрятать, и рад бысть велми.

Соседи же крестьянина того рекоша благоверному князю Димитрию: «Труждаися у нас год, мзду велию восприимеши от нас».— Князь же Димитрии отвеща им: «Не хощу вам работати, пребуду зде».

Крестьянин же рече наймиту своему: «Пойдем во град к обедне, ныне же у нас во граде радость велия, ангел благовернаго князя Димитрия».— Князь же Димитрии рече ко крестьянину: «Дай ми, отче, за работу все, еже рекл еси наделити мя».— Крестьянин же удари его по ланите и рече: «Идем во град и, отслушав пения, повеселимся, аз тебя наделю».

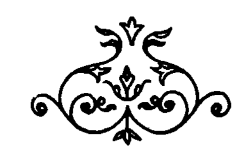
Князь же Димитрии заплакав велми и рече: «Сей день бываше радость велия, ныне же побои обрящу и слезами умываюсь, прогневах бо Бога, сотворшаго мя, поругався словеси его спасенному и вырезах их из святаго Евангелия, Бог мои поругався мною. Но, о Владыко человеколюбче, виждь труд мои и отпусти вся грехи моя».

И тако поиде во град и ста во церкви святаго мученика Христова и страстотерпца Димитрия, и узре велмож многих, и мнит себе: «Сии велможи мне суть служили».— А на престоле его великии князь, подобен лику его. И тако великии князь, который стоит на престоле, отслушав пения, повеле двери церковныя затворити и князя Ди-

митрия повеле поставить пред себя. И тако поставиша его, великии же князь рече: «О безумныи князь Димитрии, како смел еси Божия слова вырезати, что бо есть написание: единым днем царь богат, и нищ, и убог. Се сотворил, да за то еси пострадал. Ведомо буди тебе: небо и земля мимо идут, а словеса Божия не имут прейти».

И рече велможам: «Се ваш князь Димитрии, ему кланяйтеся и покаряйтеся. Аз есмь ангел Божии, послан бысть от Бога смирити его и паки на первый сан и честь возвести».— И даша ему порфиру царскую; и жезл, и венец. И сие рек ангел, невидим бысть.

Велможи же поклонишася благоверному князю Ди митрию. Он же пойде в дом свои и нача веселитися, славя Христа Бога нашего.



Притчи из Повести о семи мудрецах

О древе и огороднике

Бысть некий человек в Риме, имея у себя виноград, бысть же в том винограде древо велми прекрасно, плод же его исцеление творя, аще от него ясть кто: немии глаголют, глусии слышат и всякими недуги одержимии исцелевают. Человек же от того древа вельми обогате. Случи же ся ему некогда приити во виноград смотрити древа оного, и к тому древу растяше малое древце. И призва человек той приставника винограда и повеле младое древце поливати, дабы расло скоро: «Мню убо: младое древце будет лутчи стараго древа». И по повелению господина своего приставник винограда того нача поливати младое древо.

И по неколицех днех прииде господин древа того смотрете и увиде его не борзо растуща, и призва к себе приставника винограда и рече ему: «Не рех ли ти сего древа поливати? Се же мало растет вашим небрежением».

Приставник же винограда того рече ему: «Се зриши, старое древо велико и высоко и многолетно и до малаго древа не даст солнцу восходити, и потому младое древо не борзо растет».

И рече же господин винограднику: «Обсеки у стараго древа отрасти, дабы солнце восходило до младаго древа». Виноградник же у стараго древа отрасти обсече.

И паки по некоем времяни прииде господин во виноград, увиде древо, рече же винограднику: «Что младое древо не красно растет?» Рече же виноградник: «Старое убо древо было высоко, солнцу и дождю и ветру до того древа доходити не дало, сего ради не красно растет се древо». Рече же господин: «Подсеки древо старое да не творит пакости младому древу, имею убо на него надежду, да подаст плод лутчи стараго древа».

Приставник же винограда повеление господина своего сотвори — подсече старое древо. Слышавше же граждане погубление стараго древа плакавше горце о нем велми. Младое же древо не даде плода.

Разумеши ли сие, цесарю, еже ти сказах повести разсуждение убо тому есть: старое древо — то твоя суть великая честь, великия и богатыя от твоея власти думы навыкают, а немочныя и убогия от тебе милость приемлют; а младое древо — у тебе сын твой проклятый; а еже хотело младое древо ветра и дождя — то есть хощет сын твой царствия твоего; а еже подсекоша старое древо — се умышляет сын твой, хощет тя убити.

О псе и о птице соколе

Бе некий рыцарь, велми храбр, имея у себе единаго сына младенца суща и любляше его велми, и пристави к нему три мамки: первая кормит, вторая обмывает, третиа да качает.

Имяше же той рыцарь пса и сокола и любяше их велми. Псу же ни с каким зверем роспуску не было, соколу же ни с какою птицею розлету не было. Обычай же у пса оного таков: егда рыцарю лучится ехати на бой и аще будет ему на деле Божия помощь, сей же пес, аки волхв, через его и через коня трижды перескочит. Егда же ему не час будет ехати на бой, пес же великим гласом воя и коня его за узду грызяше.

Случися же некогда звану быти рыцарю и з женою на пир, и поехав поим с собою вся люди, а в доме своем остави три мамки и сего пса и сокола.

И мамки отроча усыпиша в колыбели и абие усну отроча, а сами изыдоша на двор да играют, отроча же оставиша во храмине спяща, и с ним пса и сокола. Пес же убо спаше, а сокол седяше, и се ис-под лавки внезапу изыде уж велий и нача обращатися и зрети семо и овамо, и не виде во храмине людей и нача приближатися к колыбели, хоте отроча заядати.

И нача сокол трепетатися, дабы пес обудился. Виде же его спяща крепко, и доста носом своим за губу его и ушкну пса, бе бо спя близь его. Пес же воскочив и узре ужа ползуща борзостию, и начаша между собою грыстися, уж бо изъяде пса во многих местех, пес же одоле и загрызе ужа до смерти. Кровию же его истече храмина вся. И егда удави ужа, и лежащи на нем близ

колыбели, егда же убо брашася между собою, и тогда оторвася колыбель, и покры отроча. И приидоша во храмину нянки и видеша помост кровию всплывшъ и пса лежаща кровава близ колыбели, отрочати же не узреша и мнеша, яко пес изъяде отроча. И едина нянка прибеже к рыцареве, плача и вопия великим гласом: «Не веси ли сего госпоже, яко пес сына вашего изъяде до смерти и ныне лежит у колыбели его!» Рыцарева же сказа все по ряду рыцару своему, яко пес изъяде отроча. Той же рыцерь напрасно скочи в дом свой и уби надежнаго того пса, для слова жены своея. И убозревся рыцарь семо и овамо и виде отроча свое живо суще и раскаявся, последи нача терзати главу свою, плача и рыдая о таковом псе разумном, яко же уби его неповинна.

И сия рек, мудрец возгласи: «Государь цесару, иногда и ты раскаешися, убив сына своего единароднаго неповинна суща для слова жены своея, и начнешь по сыне своем неутешимо плакати».

О цесаре, пастухе и вепре

Бысть некий король, имея в государьстве своем лес, в том же лесе живяше дивый вепрь по всяким местам хождаше и поядаше людей. Приидоша же ко кралю вси людие государьства его молящеся с великим воплем, да избавит их от насилиа вепрева. Король же посла многих рыцарей на того вепра и повеле его убить. Вепрь же рыцарей всех поби.

По сем король в недоумение впаде. Имеяше же король той дщерь велми прекрасну едину, и повеле кличь кликати по всем градам государства своего: «Иже кто убиет вепря того, и дам за него едину дщерь».

Слышав же то пастух, иже скоты пасяше, за поясом нося у себе секиру. И узре его вепрь той и напусти на него, пастух же утече на великое древо виноградное. Вепрь же нача подъядати древо, иде же бе пастух. Пастырь же нача ягоды рвати и ветви с ягодами ломати и вепру метати на землю, вепрь же на ягоды нападе и начат их ясти, пастырь же болши ему нача придавати. И наядеся вепрь ягод до великия сытости и ляже под тем древом спати. Пастырь же, узре спяща вепра, и нача клонитися над его, единою рукою за древо держася, а другою рукою нача его чесати, и узна его крепко спяща. И, взем топор, уби его до смерьти.

Король же даде за него дщерь свою, последи же ста на кралевстве.

Слыши убо цесарю, еже ти глаголю: великие люди не возмогоша стояти противо вепря, а пастух уби его — то знамение твоего злодея, еже над тобою мудростию умышляет, а смокви, их же металие к вепрю — проклятых его мудрецев, еже умолвят тя прелестными словесы и чесание вепря пастуха того прилежно сотворят, еже сын твой с мудрецы лживыми словесы уловят и хощет убити тя, а сам хощет на твоем престоле седети и государьствовати.

О старом муже и молодой жене

Бысть в некоем граде рыцарь, и на старость свою поять себе жену младу велми и прекрасну. Обычай же имяше таков: егда внидет к нему спати, и тогда ложницу замыкаше, ключи же в подглавие себе полагаше. Жены же своея утешати не можаше — стар бо бе. Егда усыпаше, жена же его украдываше ключи и изхождаше к некоему младому юноше и совещавшися с ним хотения своего, и утеху от него приимаше, тело свое блудом услаждаше, и, приходя от юноши, ложню замыкаше, ключи же в подглавие кладяше, а сама за ним ложашеся.

Случи же ся некогда от нощей, рыцарь вниде к ней и спа, и замкну ложу свою, яко же обычай имяше, и положи ключи в подглавие себе; и егда нача спати, жена же его взем ключи ис подглавия, иде к любодею си юноше, потешения ради тела своего. Рыцарь же убудися от сна своего, и се жены его несть, и подле себе жены начат смотрети и не обрете ея; и востав от постели, пришед ко дверем ложницы и вышним оконцем зря на улицу, откуды пойдет жена его и како будет. И кликнувшим троим куром, и прииде жена его и обрете врата заперты и нача во врата велми толкатися. Рыцарь же рече ей: «О проклятая чюжеложница, уж тя испытно видех аз, яко всегда с постели моея ходиши к рачителю своему, и узнана да поимана будеши стражи и поставлена на пруде и казнена будеши градскою казнию по обычаю градскому!» Обычай бо града того: егда кто изыман будет после вечерни и вечерняго звону на улицах, муж или жена, безделно ходяще, то поставлют его на пруде и казнят градцкою казнию. Слышав же сия речения жена от мужа своего, и нача к нему прелестными словесы глаголати: «О прелюбезный свет

мой милый, что таково твориши?» И глагола ему сице: «Прииде убо ко мне весть от матери моея, яко вельми в болезнь впаде, аз же разбудити тя не смех, и взях ис подглавия ключи и ходих навещати матери своея, не видети ся не мощи; и ныне же молю ти ся — отверзи двери и пусти мя в дом свой, и нигде буду изымана стражи градцкими, и не наведи мне и роду моему бесчестия, а себе на старость срамоты вечныя, Бога ради, пусти мя!» Он же рече: «Не плоди словес, яко не увещаеши мя лестию, понеже чюжеложствуешь и за то буди стражи поймана и поставлена на пруде и осуждена смертию». Она же паки моли его, глаголя: «Помилуй мя, помилуй мя, пусти мя жити в дом свой, да не умру!» Рыцарь же рече: «Окаянная, не лукавнуй, скоро умреши!»

Бе же близ дому рыцарева кладязь глубок. Она же, слышав от мужа своего ответ яростен и гнева наполнен, и рече ему: «О предрагий мой и прелюбезный, свете очию моею, се видиши кладезь сей? Аще мя не пустиши в дом свой, и щед потоплюся». Он же рече: «Уне есть ты утонешь, нежели чюжеложствовати тебе, окаянная!» Она же рече ему: «И се улучю, но по твоей воли — вниду и потоплюся, но молю и прошу у тебе, вели мя погрести, Бога ради, у Пречистыя Богородицы и у всех святых, за мои же грехи великия раздай все имение мое, еже принесох ти с собою».

Сама же подъем камень великий, иже лежа близ кладезя того, и ринув его в кладезь, и отступи от кладезя, и утаився близ дому своего мужа.

Слышав же рыцарь из кладезя зык велик и, мнев жену свою кинувшуся в кладезь, и раскаяся велми и возжалися по жене своей и начат мыслити: «Подам ей ужище и изведу ея из кладезя, и от смерти избавлю, впредь убо она сего не сотворит». И тако взем ужище и отвори дому своего врата, и иде ко кладезю, и спусти ужище во кладезь, и начат ея кликати из кладезя, дабы за ужище ухватилася, гласу же не бе ему из кладезя. И нача тужити и рыдати и стонанием воздыхати, глаголя: «Ох мне и увы, странному, погубих убо жену свою, уне было ея наказывати и учити дома, нежели таковой злой смерти предати».

Жена же, услышав мужа своего сетование и плачь, обрете подобно время, утече в дом его и затвори врата и двери крепко, дабы мужь ея не мог внити, и сама сяде в том же месте при окне, идеже сидел рыцарь, и разсмеяся велми и рече громко мужу своему: «О ненавистниче, всесмердящий псе блядиве, проклятый старче, чюжелож-

ниче нечистый, что волочишся, по блядем бродя?»

Рыцарь же, услышав глас жены своея, велми возрадовася и рече: «Слава Богу, яко жена моя здрава, утеха души моей и подпор старости моей, видиши ли, како аз о тебе промышляю и скорблю, дабы еси не умерла».

Она же рече ему: «Слышу беззаконьниче, иже ты на мя клевета, зрит Бог, аз ти неповинна ни в чем, нечто на мя збысться древних человек: сам человек, кий зло содея, и он, человек, мнит, что всякий человек таков же; ты убо сам чюжеложьствуеши по блядем да и мене такову же мнишь и чюжеложницею зовешь мя. За неправду же твою буди ты пойман стражи и поставлен на пруде, занеже аз ти много терпела».

Рыцарь же рече: «О милая и любезная ми жено, аз тебе не учиних никакова зла, ныне же молю ти ся: не учини мне на старость срамоты, понеже от юности и до ныне в чистоте бех и в чести велицей, а ныне на старость хощеши навести на мя безчестие и чюжеложством оклеветати мя, неповинна суща, и на смерть готовиши мя. Молю тя, Бога ради, пусти мя! Потом никакова слова не услышиши от мене». Она же рече: «Не пусторечи, блядиве, уне есть да муку зде приимеши, неже на оном свете мучитися!»

Рыцарь же, не имея надежды, и се нача горко рыдати: «О горко мне, зле погибаю от жены, увы мне!» И нача жалостно глаголати: «О пресветлая госпоже моя жена, молю ти ся, не предай мене на смерть позорную, для распенашагося на кресте Христа, Бога нашего, пусти мя в дом свой!» И она же рече ему: «Примолкни, о окаянне, кто тя пустит, таковаго злодея!»

И тогда зазвониша в колокола ко утрени, и поймаша стражие рыцаря, и рекоша ему: «Что твориши, нощию ходя по улицам, а не веси ли градския заповеди и устава?»

Жена же рыцарева на мужа своего стражем нача жалобы творити и лукавая на него словеса износити, аки пращею метати: «О господия моя, Бог сведый тайная человеком, яко идох за него девою сущи непорочна, и он же старец, девство мое растли и не спит со мною, ходит всегда по блядем и по улицам. Поймайте его и ведите к судиям, да исполнят над ним!»

Стражие же поведоша к судьям, судии же осудиша неповиннаго на смерть, и по уставу градскому повелеша его казнити, а дом его и имение жене его отдати. И со всем домом поиде за своего рачителя, с ним же чюжеложество имела.

И сия возгласи мудрец: «О великий государь цесарю,

разумееши ли, яже ти изрекох, да не горши того постраждеши, егда убиеши сына своего».

О цесаре, любившем злато

Бысть древле в старом Риме некий цесарь, ему же имя Октовиан, любяше злато велми, и собирашеся на него и на его землю многое множество противнаго воинства и прииде ему плен велий. Околныя же его недруги, цари и крали, наступивши на державу его ратованием велиим зело и повоеваша многия пределы и страны его. Римляне же быша в великом страховании и недоумении мнозем, и яко во злоключение впадоша, понеже не возмогоша противо бранных стати своим во ополчение и утесняеми бывше от всех стран.

В то же время бе у них мудрец, ему же имя Варнаус. Приидоша же к нему римляне и молиша его, дабы им учинил премудростию своею оборонь от ратных. Той же мудрец сотвори им башню велию зело и на ней учини множество окон великих, и во всяком окне сотвори по человеку во образ древних царей и королей, и подписал им имена, и даде им, всякому человеку, по колокольчику в руки и по златому яблоку. И егда которой царь или король с которую страну помыслит итьтить войною на Рим град, и с тоя башни человек позвонит во свой колоколец ради вести. Римляне же с той страны войском своим обступят град свой и тако сопротивных своих и побеждаху всегда, и не можаху околныя цари и короли противо их стояти, и вси их к ним области приложишася, и аще которая их земля помыслит или восхощет от Рима прочь отложитися, то и образ той начнет на оной земли и стране на башне в колокольчик свой звонить, и та земля их и страна и паки повинится и приложится к Риму. Той же любопремудрый мудрец на некоем месте, в Риме же граде, учинил огнь горящий без угашения, и у того огня сотворил воду самотекщую от некоторого древа, убогих ради человеков, дабы они ея пили и в той воде омывалися. И постави у того огня в одном образе тварь и подписал его сице: «Кто мя ударит, той, объемши, свое да восприимет».

По некоем же времяни прииде ко образу тому злый человек, сииречь прокудливый завистник и наругатель лютый, и прочте на образе писание оно и рече в себе умышлением: «Аз тя, образе, егда ударю, что от тебе объиму и свое восприиму?» А надеяся он под тем образом

некое сокровище положено быти великое, и того ради ударил и разбил образ той и копал под тем образом много, и не обрете тамо ничтоже. И тогда тако огнь той и вода убогих людей погибе, и прокляша вси злаго того злодея человека, потому что он учиних: упоение и веселие великое погубил и искоренил.

Таже потом воскоре помыслиша отложитися от Рима великаго три крали и начаша помышляти злое на Рим, но не смеяху дерзнути, башни оноя ради. Начаша же думати, каковым бы образом сотворити брань с римляны?

Паны же их не соизволяху им на се и глаголаху: «Не весте ли, яко в Риме башня есть, весть она вся умышления ваша; прежде убо над башнею промысл учините и тако на римлян войною устремляйтеся».

И се приидоша к ним три рыцари и глаголаху кралем: «Аще вы нас учините большими ратники, и мы вам послужим и шедше разрушим башню ту Римскую». Крали же им обещавшеся тако сотворити. Рыцари же просивше срока у них на три годы и просиша у них пяти бочек злата и пяти бочек сребра. Они же им злато и сребро даша. И вземше рыцари злато и сребро, и поехаша в Рим торговным обычаем, и закопавше то злато и сребро по многим различным местам, и отидоша во свою землю.

И егда приспе третий год, рыцари же нарядишися в платие далных стран и приехаша в Рим к цесарю. Рече же им цесарь: «Что вы за человецы есте?» Они же к нему рекоша: «Мы есмы златонаходницы». Цесарь же их пожаловал, с великим чествованием принял и повеле им искати злата. Принесоша же они из дву мест много злата и сребра к цесарю, якобы нашедше. Цесарь же за сие их велми возлюбил и паки пожаловал паче перваго, и начат с ними пиршествовати на трапезе и веселитися светло, и подаде им дары великия и богатьства много от злата и сребра. Они же реша цесарю: «Милостивый государю наш цесарю великий, есть некое место на горах, во оном же месте закопан сосуд полный злата». Цесарь же дав им людей, они же поидоша с ними и злато обретоша и принесоша его к цесарю. Цесарь же даде им половину от злата того и рече им: «И еще ищите ми злата».

На утрий же день приидоша рыцари к цесарю и рекоша ему: «Милостивый государю цесарю, видемох мы во сне, якобы со зади двора твоего в земли сокровенно есть сосуд целый злата и два — полны сребра». И идоша, яко же и прежде, и злато то и сребро ископаша и принесоша его к цесарю. Цесарь же велми их возлюби, и начат жаловати, и даде им половину и от того злата и сребра. И рече им: «Благословен день той, в он же вы приидосте ко мне». Они же рекоша цесарю: «Милосердый государь, благополучный и добросчастный и великий цесарю, по многие нощи мы видехом во сне многое премножество злата, но не можем о нем по скору разсудити и познати, в котором месте то злато положено стоит, даждь же нам малое время о сем поуразумети».

Во утрий же день приидоша к цесарю и сказаша ему: «О государю великий цесарю, видехом мы под полатою

твоею и под башнею славною, на ней же стоят образы древних царей и королей, тамо, государю великий, неисчетное и премногое премножество злата и сребра». Цесарь же рече им: «Не буди ми того, во еже бы ми испортили любопремудрая и всепреславная всегосветная башня, которая у нас во велицем и всепреславном древнем Риме стоит для оберегателства великовсепреславнаго и всепрегрознаго на всей вселенней царьства и государьства Римского от наших премногих и всегда нам противных недругов». Они же ему отрекоша: «Пресветлый и премилосердый государь наш, всевеличайший цесарю, всепреславнейший на свете и всеа вселенныя преобладателю всепредгрознейший, аще повелит великопреславнейшая твоя всепресилная держава, и мы возмем ис-под тоя башни то все превеличайшее богатьство злата и сребра любодомыслителною хитростию нашею, а башни твоея ничим же не повредим». Он же повеле им нощию выняти великое оно сокровище златное и сребряное, дабы и вси прочия люди не видели, ниже слышали.

Цесарь же рече им: «Добре, промышляйте, елико весте». Они же поидоша и начаша оную славную и всепремудрую башню подкопывати, и промышляти, и тако получиша уже хотение свое; и подкопашася премудро под башню ту, и подкатиша многия бочки зелия, и карабль приуготовиша скорый с парусы. И тако взорваша башню ту и побежаша скоро во свою землю. Егда же зажгоша те бочки з зелием, и тогда башню ту всю изорва, и много тогда в велицем Риме людей погибе, и учинися у них во граде великий мятеж и междоусобство убийственное о жалении тоя всепремудрыя башни их.

И приидоша людие к цесарю и рекоша ему: «Милостивый государю, чего ради башня наша погибе и образы древних государей наших сокрушишася?» Он же рече им: «Приидоша ко мне три мужи некоторою лестию и сказашася златонаходницы, и наидеша злата много. Аз же повеле им копати и искати по многим местам, они же ищуще злата, испортиша башню, а сами побегоша». Римляне же реша ему: «Хотению твоему уже исполнившуся». И поимавше его и растопиша злата и залияша цесарю своему горло и живе его погребоша.

И сия изглагола цесарева, рече: «Аз поведах ти сию притчю, точию к твоему делу приличну быти сущу: еже златонаходницы в Риме лестию учиниша, тако есть и сын твой хощет подкопати с мудрецы своими башню, сиречь тело твое болезнию разлучити и ум твой, аки образ погубят;

егда узрят тя болна и неразумна и тако прочее, и смерти придадят тя, разумеши ли, о цесарю?»

О короле и морщалке

Бысть некий король одержим бе недугом — пухотою смердя, и никакова жена не можаше с ним спати, и гнушахуся им вси, понеже смрад велик от него изхождаше. Той же король помысли из Рима взяти мощи святых апостол Петра и Павла. И егда бе на дороге на некоем месте и призва к себе любимаго мудреца морщалку и рече ему: «Милый брате мой, взыщи ми жену, дабы со мною возмогла нощь спати». Морщалок же рече: «О государю мой, болезнь твоя сведома всем есть, но гнушаются велми тебе и не могут приити к тебе жены». Краль же рече: «Обещаюся дати златых денег тысящу». Морщалок же слышав, что краль хощет дати много злата, и прииде убо в дом к жене своей и рече ей [бе убо она лепа зело]: «О жено прекрасная и любезная моя, хощеши ли богата бытии навек?»

Она же отвеща ему: «Каковым обычаем, пане, имам аз быти богата навеки?»

Он же отвеща к ней: «Государь мой краль хощет жены на сию нощь, да спит она с ним, и хощет дати ей тысящу златых денег. Ты же, любимая моя, иди к постели его, возлязи с ним и поспи, да возмеши сие злато от него».

И рече ему жена: «Хотя бы краль и чист был, не буди ми се, еже с ним спати».

Морщалок же рече ей: «Аз на том тебе крест целую, что ничем неврежду тя, токмо сотвори волю мою, аще сего не сотвориши ми, то аз не начну любити тя».

Она же рече: «Уже, пане, по нужде иду, тебе ради, к нему». И поим ю он приведе ко кралю и рече: «Повели дати злато еже обещался еси скоро и отпусти». Король же повеле ему дати злато и ляже с нею спати. И егда мимо иде нощь, и приспе день утра, прииде морщалок и рече ко кралю: «Отпусти жену сию, понеже близ свет есть, да не узрят людие». Король же рече: «Еще убо рано отъити ей от мене». Морщалок же рече: «Отпусти ю, понеже моя есть она жена и помощника ми есть».

Краль же, слышав сие, приим свещу и начат ея смотрети, и позна яко его есть жена, занеже и прежде того видел ю бе, и рече к морщалку: «О проклятый человече, что сотворил еси ты тысящи ради златых денег, осрамотил еси жену свою, ныне же скоро от государьства моего

отпусти ю, да не зле умреши». Морщалка же побеже от кралевства его.

Той же краль, пришед, обступи Рим град и приступати начат вельми, и уже восхотеша римляне отдати ему мощи святых апостол Петра и Павла. Беяху же во граде Риме в то время семь мудрецев, яко же и ты днесь имееши у себе, и приидоша к мудрецам тем римляне и молиша их, дабы они учинили премудростию своею, дали оборонь граду Риму. Мудрецы же рекоша к ним: «Мы есмы можем свободити великий и славный сей град Рим от насилования ратных, и киижждо бо нас да выходит из града по единому на всякий день».

Первый мудрец глагола королю мудростию своею, доньдеже король не може противится ему и ответ подати словесем его. Потом же вси исхождаху един по единому на всякий день, глаголюще ему от премудрости своея, дабы он отступил от града их. Седмый же мудрец учини мудростию своею, и одеяся в платие пернатых всяких птиц, сотвори ж и крыле, и взя в руки себе два меча и начат восходити на высокую стрельницу, махая крилы своими. И егда краль той узре его идуща, и ужасься велми и рече войску своему: «Видите, се уже дивный человек прилетел на стрельницу!» Они же рекоша ему: «О великий государю, Бог их, христиан, услышал молитву и послал к ним ангела своего, хранителя их, да поможет им, и аще начнешь ты у града сего мотчати и не побежишъ прочь, то он всех погубит нас, и не имат ни един из нас остатися».

Король же, слышав то, побеже от града Рима прочь, римляне же за ним гнашася и побиша много воинства его.

Цесарева же сия изглагола: «Разумееши ли цесарю, еже ти рекох? Морщалка жену свою потеря и выслан вон из государьства, а сын твой хощет убити тя и сам хощет кралем быти; а еже король к Риму приступал и мудрецы его устрашили, и побеждено бысть воиньство его — тако и ты от своих мудрецев постраждеши и убиен будеши; и аще хощеши впред кое время жити, и ты вышли вон сына своего из земли своея за мою велию срамоту, да не вижду, ниже слышу его».

О трех рыцарех

Быша в Риме у некоего краля три рыцари. В том же граде Риме бе некто рыцерь стар, велми престарелся, имея у себя жену зело красну и горазду, и дивну песнь петь,

красотою же своею многих людей града того и от иных стран к дому своему на слышание приведе. И вси людие дивишася лепоте лица ея.

И прилучи же ся некогда седящи ей в полате своей у окна, и воспеваше она песни своя, зря на улицу лицем. В то же время цесарева двора шед рыцарь, и узрев ю, нача смотрети прилежно, и возгореся хотением, и нача глаголати к ней о любви, дабы она пребыла с ним плотьским рачением. Она же прошаше у него тысящи златых денег, он же обещася дати ей, аще она исполнит желание его, и повеле ему она приити к себе в полунощи. Он же поцеловався с нею и отиде от нея.

И посем прииде к ней вторый рыцерь, того же хотения любитель, и той обещася ей дати тысящу златых же денег, аще ляжет она с ним. И целовав, отступи от нея. Она же повели ему быти в куроглашение. Потом же прииде к ней и третий рыцарь, о том же желании рече ей, и обещася и той дати ей тысящу златых денег. Она же повеле и тому быти к себе, егда позвонят к заутреням.

Рыцари же сии между собою сего дела и согласия друг у друга не ведают, како кому и в которое время приити к ней по единому для исполнения с нею тайнаго дела любодейнаго.

Она же, отшед к мужу своему, и рече: «Хощу тебе всю тайную свою волю поведати, токмо учини по моему совету и много множество восприимеши богатства навеки». Он же отвеща ей: «Аз убо рад есмь, да что имам сотворити, повеждь ми?» Она же рече к нему сице: «Приходиша ко мне цесарева двора три рыцари един по единому и глаголаху о любви ко мне, и обещаша ми дати по тысящи златых денег». Он же рече ей: «Сотвори мудрость, еже бы тебе любезно и мне было бы угодно». Она же рече ему: «Аз убо повелех им к себе быти со златом в различные времена и часы, и ты убо послушай совета моего и стани за дверми со обнаженным мечем, и который рыцарь прежде пойдет ко мне и ты убий его мечем тем. Начнут бо они трие приходити ко мне един по единому по временем своем». Рыцарь же рече жене своей: «О жено любезная моя, боюся убо аз се сотворити, еже убити их, и егда увидят люди, и нам с тобою злою же смертию будет умерети».

Она же рече ему с поношением: «О страшливе и немужествене и престарелый старче, не убойся сего, но токмо сотвори повеление тебе мною». И сама посла по рыцарей тех. Первый же рыцерь, егда прииде к ней и злато с собою принесе, и хотя с нею уже пребыти, муж же ея прим меч

и уби его и злато взят себе; и тако и тех двух рыцарей скончал.

И рече муж жене своей: «О любезная жено, уже мы то дело сотворихом, и егда притчею которою у нас их вынут, и тогда нам с тобою погибнуть будет». Жена же его рече ему: «Не бойся, есть у мене брат, аз же умолю его, и он их весть где сокрыти».

И повеле скоро брату своему к себе быти. Брат же ея приеха к ней. Она же сказа ему, яко муж ея убил рыцеря, а сам спит пиян, и нача молити брата своего, дабы сохранил рыцаря того в темное время, вечеру же убо приспевшу, он же взем рыцаря и отнесе его в море. И паки прииде к сестре своей и начат просити у нея добраго вина пити. Она же поиде по вино и положи другаго рыцеря в мех и, облия его водою, и приим сткляницу в руце свои и иде к брату си; и егда бысть на пути и абие незапно воскрича громогласно, якобы запялась и вино пролила. Брат же ея прииде к ней, хотя подняти ея, она же рече ему: «О беда ми, еще мертвый обретеся». Брат же и того взем рыцеря и отнесе и верже его в море. И паки прииде к сестре и попроси у нея пити вина. Сестра же его в то время приготови и третиаго рыцеря и положи его такожде в мех, и иде взяти вино и паки запятся, и паде и абие воскрича великим гласом. Брат же ея притече, она же рече ему: «О беда моя, братец милый мой, еще есть мертвец и се лежит в мешку, о горе мое великое, да како аз избыти могу сего?» Брат же взем и того рыцеря и отнесе его за град и верже на огнь. А сам отиде от места того и ста издалече зряше. И се в то время прииде на стан той, путешествуя из далечайшия страны, рыцарь же некий и начат гретися у огня оного. Он же над него незапно пришед и уби абие и того рыцера и кину его на огнь той. И пришед к сестре своей и сказа ей о всем. Сестра же его рече ему: «Убил еси, брате, неповиннаго рыцаря сего напрасно». И начат его поити вином доволно.

Той же старый рыцарь, муж ея, во свое время, последи сотвори пир себе веселый и зва вся сродники своя и знаемыя гости любезныя. На пиру же том зашибе жену свою по уху за некую вину ея, она же о сем разгневася на него велми и рече пред всеми людми: «О злый старче и лютый, и егда и мене такожде хощеши убити, яко же убил еси трех рыцарей королевских!»

Людие же, слышавше сия, шедше ко кралю и поведаша о сем. Краль же повеле их привести пред себе и вопроси жены его. Она же сказа ему все по ряду, король же повеле

его и з женою обвесити и труп их конми растерзати и огнем сожещи.

И сия мудрец возгласи: «Разумееши ли таковая, о цесарю?» Цесарь же рече: «Проклятая жена буди та, что на мужа своего сказала».

Мудрец же рече: «Горше того тебе будет, тако бо жена твоя учит тя, еже убити ти сына своего».

О короле и рыцаре

Бысть некий краль, имея у себе жену велми красну и замыкаше ея всегда от ревности своея к ней во высочайшем тереме своем, ключи же терема того при себе ношаше.

Она же велми во унынии зелном пребываша. Бе же некто в далних странах храбрый рыцарь, и виде он про тое кралеву сон. Она же в том тереме своем виде противо того таковый же встрешный сон, якобы она спаста с ним, рыцырем, на едином ложе и любовастася во сне сладостно. Рыцарь же той в память пришед от того сна своего и с великим желанием поеде в государьство то доступати кралевы тоя. И приеха ко кралю ея и узре кралеву, седящу в тереме своем, и позна ю. Кралева же его позна и возвестиша о нем кралю, яко прииде к нему служити славный и храбрый рыцарь. Король же призва его к себе и начат его жаловати велми, и повеле ему двор устроити близ терема, иде же бяше кралева. Рыцарь же той прикорми себе мастера хитра и даде ему злата много и повеле ему сотворити под терем той вход тайный из двора своего. Егда же ему мастер той выход учинил, он же мастера того кинул в море.

И тем входом прииде в терем ко кралеве. Кралева же рече ему: «Како ты, гостю драгий, прииде ко мне семо?» Он же рече ей: «Любовь твоя приведе мя к тебе». И нача много глаголати о любви к ней. Она же рече: «Не дай ми того Бог, еже бы мне сотворити с тобою любовного смешения». Он же взем меч и рече ей: «Аще не сотвориши воли моея и сего похотения моего не приимеши от мене, то скоро умреши от меча сего и от рук моих погибнешь». Она же убояся велми и по нужди сотвори волю его, и пребыв с ним любовным пригорбновением, последи же он облобызав ю и отиде в дом свой.

От тогда же краль той велию веру емляше рыцареви тому. Рыцарь же той уже велми мил бысть кралеве и зело любяше она его, паче краля своего. И даде ему перстень

кралевский любезный, его же всегда краль зряше на руке кралевы своея на всякий день. Во един же от дний случися королю ехать на лов со псами и тешатися в полях, и обначевася тамо на некоем месте. Рыцарю же бывшу тамо же с кралем, и упившуся велми и забывшу у себе на руке перстень той, и протяже руку свою ради картныя игры, краль же узре на руке его перстень той свой и опозна его, и не рече ему ничесоже.

Рыцарь же догадався, мало изменися и возложи на ся скорую скорбь с лютою болезнию и упросився вскоре у краля до дому своего. Король же отпусти его. Он же прииде в дом свой и иде в терем ко кралеве и отдаде перстень и сказа ей, что король его опозна.

Приехавшу же кралю от лова, и вшедшу ко кралеве, и вопроси у нея перстня оного. Она же рече ему: «О милый государю мой, пресветлый цесарю, на что тебе, государь мой, перстень той?» Король же с яростию рече ей: «Аще его днесь не увижду у тебе, в сей же час имаши казнима быти смертною казнию!» Она же взем ларец свой и иссыпа перстни многия, с ними же и той драгий перстень обретеся. И рече краль: «Винен аз, кралево моя любезная, пред тобою, видех убо у рыцера на руке его перстень таков же, слово в слово, яко и сей перстень твой». Она же рече ему: «Милостивый государю мой, или сего не веси, яко и человек человеку подобен многажды бывает, и платие платию такожде подобствует?»

Король же поцеловав ю: «О милая моя кралева, прости мя, винен есмь пред тобою». И изыде от нея.

По неких же днех прииде рыцарь ко кралю и рече: «Милостивый государю мой великий и наияснейший кралю, прииде убо в твое государьство любовница моя, уведав мене зде у тебе, и прошу, государь, великия твоея ко мне милости и приятства, пожалуй у мене, холопа твоего, благоволи днесь хлеба кушать». Король же рече ему: «Буду у тебе хлеба ясти ныне».

Рыцарь же начат уготовлятися, и иде ко кралеве и глагола ей: «Се убо кралю твоему днесь у мене хлеба ясти, ты же облецися во одеяние далныя земли и выйди ко кралю бити челом ему к столу».

Краль же, егда прииде в дом к рыцеру и сяде за столом, и се кралевы тайным хождением прииде в дом рыцарский и изыде ис комнаты его ко кралю. Краль же рече к рыцарю тому: «Исполаити рыцерю храбрый, яко соузницу имееши велми добродну, и подобна есть она во всем моей кралеве». И повеле король ей сести по близу себе и нача на

ню смотрети всеприлежно. Она же чествоваше его и бияше челом, и глаголаше: «О великий государю, добро тебе, государь, пожаловать у моего государя рыцаря пити и ясти и обвеселитися». Егда же король услыша глас ея, и нача в себе помышляти, и мня в себе, яко рыцарь подкопал терем его, и поиде, пировав, от стола. Рыцарь же взем кралеву, отведи ю скоро в терем ея, она же платие с себя сложив странное, и облечеся паки во свойственныя одежды и возляже на ложе своем, и якобы начат спати. Краль же в терем прииде и виде ю спящу и глагола ей: «Винен есмь, кралево, пред тобою второе».

Она же вопроси его: «Что твое ко мне погрешение?» Он же рече: «Обедах убо у рыцаря и видех жену его, образом и гласом подобну тебе по всему». Она же рече ему: «Не рех ли ти прежде сего, яко человек человеку многажды подобны бывают, а мне убо где тамо быти, и птицею ли перелетать?»

По сем же паки прииде рыцарь той ко кралю и глаголаше ему: «Милостивый государю, хощу аз на своей любовнице женитися и по вашему закону обручатися и венчатися. Ты же пожалуй мене, холопа своего, и буди мне на браце моем помощник во отцово место».

Король же обещася ему сотворити таков, рыцарь же нача готовитися.

И пришедшу дню святбы, король же стал у церкви, а поп в ризах. Рыцарь же прииде до церкви с своею любовницею, король же приим ю за руку и рече к ней тако: «О милая и прекрасная, подобна еси ты добротою и красотою моей кралеве, а ныне идеши за моего добраго рыцаря». И взем их обоих руки, и отдаде попу своему, поп же прием и венча их.

И нача рыцарь бити челом кралю, дабы его отпустил во свою землю, а карабль у него готов уже. Краль же сам проводи их даже и до карабля со всеми паны своими и рыцари славно, и многое множество людей государьства его идоша с ним до крабля рыцарского, зряше на них. И взыде рыцарь на карабль свой и з женою своею и начаша бити челом королю, дабы пожаловал возшел на корабль к ним и научил бы дочь свою любити мужа своего, рыцаря сего храбраго и славнаго.

Король же взыде к ним на карабль, рыцарь же повеле парусы управляти и подимати и глагола ко кралю: «Милостивый государю, уже приспе время еже отпустити нас, яко и ветру наставшу потребну сущу к плаванию нашему». Король же егда сниде с корабля, рыцарь же подняв парусы

и побеже по морю быстро во свою землю, яко и зрение человеческое не успе усмотрети.

Король же прииде во град и вниде в терем, и не обрете своей кралевы, и нача ходити около терема, и обрете тайный вход под терем подведен в рыцарев двор, и нача со болезнию от сердца своего глаголати: «Горе и увы, что мне рыцарь сотворил за мое к себе великое жалование и увел у мене жену мою, и аз убо сам изступих ума своего, зане поверих рыцаревым словам, а своим речем и очем не поверил!»

И глаголаше цесарева: «Разумееши ли, цесарю, силу дела сего?» И он же рече ей: «Разумею, что краль своим очем сам себе не верил и своими руками отдал ю ему. Во утрий день сын мой да умрет».

О рыцаре и жене его

Бысть некий рыцарь, имея у себе жену велми прекрасну, любя же ея паче меры, без нея же не могий и единаго часа пребыти.

Случиже ся некогда после стола рыцарь той держа у себе нож, очищая ногти своя, жена же его играше с ним костию и обреза сама у себе перст руки своея. И увиде же рыцерь кровь у жены своея, и закручинился от жаления велми, и уразися от печали о землю, и пад и умре. И печаловаху о нем вси людие града того, что умре скоро любве ради жены своея.

Жена же его зелно плакася о нем и помысли в себе сице: «Уподоблюся убо аз пустынолюбней птице горлице, и стану всегда жити на гробе мужа своего». И тако погребоша его честно, она же по смерти его сотвори себе камору малу и нача жити у могилы мужа своего безотступно.

В том же граде обычай таков бяше: егда коего повиннаго человека осудят к смерти и повесят его, и стрегут три дни, а стражей поставляют купецких людей, и они наимуют во свое место рыцарей, а егда по случаю, коего обвешеного сродники или знаемыя украдут за чьею стражею, и его самого въместо его казнят и повесят. Во един же от дний повесиша некоего злодея, стрегущих же к нему пуиставиша. И бе в то время стужа велия зело, и стражие увидевше огнь в каморе той, иде же рыцарева жена живяше у гроба мужа своего. И прииде к ней рыцарь страж и начат проситися к ней в камору, дабы пустила его от мороза согретися, понеже зелно страж той иззябл

бе, и глаголаше к ней: «Аще не пустиши мене огретися, то уже пад у каморы твоея и умру». Она же рече: «Пустила бы тя аз, да опасна есмь от тебе, егда любо каково недоброчинно слово промолвишь».

Он же начат ей клятися, и ротитися, и глаголаше к ней сице: «Вем убо тя аз, что ты честная и статная вдовствующая жена, яко горлица пустыннолюбная, великия ради любви мужа своего живот свой пременила».

Она же услышавши от него сие моление, и пустила его. И егда огреяся, нача глаголати к ней: «О госпоже, нечто аз тебе помышляю рещи, но не смею дерзнути твоея ради злоприбытныя кручины».

Она же рече ему: «Глаголи, что хощеши».

Рече же рыцарь: «О госпожа моя, чюдная есть повесть, лутчи бы ты жила в дому своем и житие государя своего раздала бы нищим».

Она же рече ему: «Аще бы аз ведала, ежи ти се мне глаголати, никако бы тя не пустила».

Рыцарь же нача мыслити, како бы ея возмогл чем искусити, и еще же рече в себе: «Иду и реку ей, будто злодея обвешеннаго украли, что ми она изречет», и думав изыде от нея. И прииде паки к каморе ея, и нача толкатися и молитися: «О госпоже, пусти мя, Бога ради, хощу тебе всю свою тайну исповедати!» Она же пусти его, и рече рыцарь: «О милосердая госпоже, прошу у тебе совета: злодея с виселицы украли без мене, и устав наш градцкий ненарушный, сама знаеши, что в его место мене самого повесят, и ты, госпоже, Бога ради, помози ми, како бы возможно было мне избыти беды смертныя сея!» Она же рече ему: «Брате, жаль мне тебе, что еси главу свою потерял, и аще ты сотвориши по моему совету, то избудеши от смерти и не погубишь живота своего».

Он же рече: «О любезная, все сотворю по твоему повелению!» Она же рече ему: «Поими мя себе в жены место». Он же отвеща ей: «Аз рад сему, госпоже, еже видети ми таковую ласку твою к себе, что мене, убогаго рыцера, хощеши имети мужем себе».

Она же рече ему: «Ничем иным не могу тебе избавити от смерти сея, токмо телом умершаго мужа моего, ты же возми и повеси его вместо злодея того». И начаша она сама с ним копати могилу его, и взяша мертваго из гроба.

Рыцарь же рече ей: «У того злодея были раны многия и глаза выколупаны и зубы выбиты были, а егда осмотрят его, и аз боюся того».

Она же рече ему: «Возми камень и выбей зубы его».

Он же отвеща к ней: «Нам, рыцарем, не подобает над мертвым творити тако».

Она же взем камень сама и выбила у мертваго своего мужа зубы его и глаза его выколупала своими руками и рече рыцеру тому: «Возми и обвеси его вместо злодея оного». Рыцарь же рече ей: «Еще того боюся: тот злодей имел у себе три раны на главе своей и тайныя уды его обрезаны были у него». Она же рече ему: «Возми меч и разсеки главу его на раны и выреж тайныя уды его». Он же отвеща: «Рех ти прежде, яко не подобает нам, рыцарем, тако сотворити».

Она же рече ему: «Не видех другаго такова ужаслива, яко же ты», и взем меч и начат сещи его по главе, и тайныя уды изреза ему, и рече к нему: «Иди и повеси его».

Той же рыцарь взем труп мертваго того и отнесе его до ея приятелей. Они же пришедше и раскопаша могилу его и не обретоша мертваго своего, разве гроб един, и исповедаша испытно, и казниша ю.

Сия мудрец возгласи: «Разумееши ли, государю цесарю великий и преславный, еже ти аз изрекох?»

Цесарь же рече ему: «О таковей еси злой жене не слыхал никогда никако же».

Притчи из Беседы отца с сыном о женской злобе

О слабости и неразумии жен

В лета в няже правляху римскую власть ипаты, тогда случися быти в римских совету велику о градских всяких делех. Снидоша же на сеим велицыи сенатори в велику на то устроену полату. И за единым сенаторем вшедшу в ту полату детищу его, младу сущу, именем Папиру. Начаша же о тайных и великих советовати делех, отрока же не ведяху, яко с ними в полате той. Попир вся глаголемая прилежно слушаше и сладце внимаше. Тогда же совершися совет, о нем же дела советоваху, и разыдошася восвояси, и узреша нецыи отрока вслед отца ис полаты грядуща, но не реша ничто же о пребывании отрока в полате, яко млад есть и ничто же весть. Егда же отрок Папир прииде в дом свой, мати начат вопрошати его: «Где,— рече,— чадо в толико время был еси?» Папир: «Был,— рече,— в полате с отцем моим, идеже творится совет о градских делех». Мати же его едина от безумных, яко жена вся хощет ведати и слышати, егда же и мало услышит, да много скажет и повсюду разнесет, нача сына своего увещевати лестными глаголы: «Скажи — рече — чадо мое любимое, что сенатари думали и о чем советовали?» Отрок же разумичен сый в таковом малолетствии наказа совершенных муж разум, о сицевых, яже слыша в полате, ничто же матери своеи извеща, всяко отрицаяся сказати и неведением скрываше таину. Видев же неложное притужание матери своея, яко истинну сие рече: «Слышах, яко сенаторство совет творили о сем да всяко мужю имети себе по две жены, иныи же рекоша яко женам подобно имети по два мужа, на сем же утвердиша речь, яко быти у всякого мужа по две жены». Се же отрок умысли сказати, да о притчих не вопрошает. Мати же слышавши у Папира и вменивши истинне быти. Созва к себе великих римских

госпожей и точных себе разумом, приложи же к сыновню речению свое ложное многое присвоение и увеща итти в полату к сенаторем. Наутрие же собравшися жены многи и идоша до полаты и сказывающе до сенаторей велику речь. Сенатори же воздивишиися повелеваше им с честию внити и глаголемых хотяху уведати, рекоша к женам: «Что приидосте к нам, госпожи, и чего требуете и что есть намерение ваше?» Жены же рекоша к ним: «Слышахом мы речь и совет ваш, яко умышляете и хощете сотворити единому коемуждо мужу две жены имети, и се нам неугодно, но молим вас, велможнейшие, приимете совет наш и исполните прошение наше, да будет единой жене два мужа».

Сенатори же сия слышав воздивишася о глаголех нелепых от жен, друг на друга же взирающе и мало осклабляющеся, кождо отрицашеся речений тех, иже глаголют жены, вопрошают же их: «Откуду произнесеся таковое ложное сложение?» Мати же отрока поведа, яко сын ея Папир, бывый с ними, произвести еи сия. Начаша же сице с прилежанием молити их, да будет жене по два мужа. Сенаторове же сия слышаше руце на устех положиша, помняще, яко вчерашняго дни отрок Папир с ними в полату входил, слово же, иже глаголют жены, чюждахуся, понеже не сами глаголаху, ниже от кого слышаша, женам же обещавшеся, якобы по воли их сотворити и отпуща их с честию. Жены же идоша в домы своя радующеся, чающе, яко збудется прошение их. По отпущении же их, призваша отрока Папира, начаша его вопрошати, ту же бе и отец его. Отрок же и рече вся по ряду, како при них в полате пребываша, и како и о чем они советовали, и како мати его принуждаше сказати сенаторские советы, и како замысли сказати матери своея ложная и неслышанная, да о протчих не вопрошает. «А что же вы рекли, вельможнейшие, о потребных граду и людем, ни единаго известих слова». Сенаторове же удивишася разуму отрока, восхваляюще же его и лобызающе. Женам же безстыдству и неразумию, и прелесному нраву, и немощи, и несытному хотению зазирающе и удивляющеся. И оттоле совещавшеся жены в наказании и во всяком соблюдении имети, и ни в чем им не верити, и совету их не слушати, и своих таин не объявляти. Отрока же зело возлюбиша и всякому наказанию научиша, и прияша его в сенаторство, учиниша ему над многими высочайшее место, потом и ипатом бысть.

О Даркире и его жене

Соломон, премудрыи царь, помысли испытати, какова премудрость мужу и целомудрие. Тако же хотя и жены искусити. Призва некоего ему предстоящаго синклита от великих именем Даркира и глагола ему: «Любезнейший Даркире, веси, яко надо всеми люблю тя, наипаче же возлюблен мне будеши, аще повеление мое сотвориши и велицеи чести надо всеми сподобишися». Даркий же глагола ему: «О царю, аще повелиши, сотворю волю твою». И яко обещася, рече ему царь: «Се повеление мое, да усечеши главу жены своея, аз же дам ти в жену от [д]щереи царских, понеже и сопрестолник мне будеши». Даркий же о сем ужасен бысть, обаче повинуется сотворити волю. Царь же дает ему преострый свои мечь. «Сим — рече — соверши повеление мое, и егда главу жене отсечеши и на извещение ю мне да принесеши».

Даркий же возмущашеся и з жалостию препобеждашеся, страха же царска наипаче бояшеся. Взем же меч у царя и прииде в дом, и обрете жену свою спящу, и по обою страну ея дети младенца суща. Видев же сия и восплака, и рече в себе: «Како уткну мечем сожителницу мою, толико ми лет с нею поживщу, кто ли же по смерти ея утешит детища моя и вскормися, и аще сия сотворю чести ради земнаго царя, но что отвещаю Царю царем и Господу господем». И отложи сотворити повеление царево.

Призва же его царь и глагола: «Сотворил ли повеление мое?» Даркий же рече: «О великий царю, лутче ми есть самому при всей твоей воли быти, неже сожительницу мою умертвити, младых же чад матери лишити». Царь же якобы разъярився, зелне преслушал повеление его и честь презрев, повеле его послати во иныи град.

Призывает же жену его к себе и глаголет ей: «Воистинну ты еси добрейшая в женах, прекрасная и премудрая и мною прелюбезная, но како еси за таковым мужем? Достойна ты венцу царскому, но аще что тебе реку, сотвори волю мою, и аще волю мою сотвориши, будеши ми прелюбезная царица и всему царству владетелница».

Она же окаянная рече: «Еже аще глаголеши, царю, сотворю волю твою». Глагода же ей царь: «Сия воля моего хотения: да егда муж твой приидет во град и в дом свой, ты же яко радуяся приходу его, напоив его вином,

отсецы ему главу, аз же тебе дам острый мечь, да без замедления дело скончаеши».

Она же бесом подстрекаема, вознепщевая, яко забудетца ей все, еже царь рече, обещася со усердием повеление исполнити. Послав же царь, повеле мужу ея безо всякого страхования к себе быти и во своем ему чину пребывати, яко же и прежде. Видев же в разуме царь, яко жена готова своего мужа погубити, даст еи мечь зело претуплен и глаглет: «Иди, прелюбезная, сотвори волю мою, да многу добру госпожа будеши». Она же мнев, яко острыи мечь, и принесе его в дом свои. Даркий же по царскому велению приеде в дом свой, совещания же жены своея не ведуще. Жена же ласкосердствующи, якобы во много время его не видавши, вздыхающи, слезящи и лобызающи и увещающи, яко вскоре вкусит брашна и на одре да возляжет, яко да ослабу вскоре от печали приимет и что не содевающе, еже бы ей вскоре желание свое совершити и жене царю быти.

Даркий же, не ведая злых умышлений жены своея и вкусив брашна и испив мало вина, скоре возлег на одре и усне. Жена же его, яко услыша его храплюща, веемши мечь, наложи на гортань мужу своему, яко жена не имея обычая ратного, нача мечем, яко пилою сюду и сюду проводити, и ничто же успе, яко претуплен бе мечь. Муж же ея вскоре скочи от сна, мня яко некое дияволе злохитрство мечтуется, жена же мало утаившися. Даркий же паки вскоре возлег и успе, жена же его любоначалством несытства одержима, паки нача мужа мечем по гортани сюду и сюду проводити, и паки ничто же успе, но велми ему досади, мало мечем не удави. Даркий же вскори услыша и трепетен вскочи, повеле же свещу принести и виде жену свою с мечем стоящу, ужасеся ужасом великим и рече к жене своеи: «Что сицевое зло умыслила еси надо мною и за какое дело убити мя хощеши?»

И мало ю понаказав, ничто же еи сотвори, но поведая сия царю. Царь же разумев таковыя жены к прелести готовы и злонравныи, како ни Бога убояся, ни мужних седин устыдеся, ни чад помилова. И рече царь: «Обретох во тысящи много мужеи мудрых, жены же мудрыя не обретох ни во тме единыя». И глагола Даркию, да ничто же еи зло сотворит. И паки глаголет: «Ум женский не тверд, аки храм непокровен, или паки оплот не окопан до ветра стоит, тако и мудрость жен до прелесного глаголания и до слаткого увещания тверда, егда же ли и о малом прелстится, то никако же Бога убоится, ни мужа устыдится, ни

чад помилует, ни священника почтит, ни святителя усрамится, ни пророка убоится. И сие всяк да внимает и жены прелесны совета не принимает, аще и медом реченная от уст ея каплет, последи же горчее полыни обрящется». И прирече: «Злая жена — стрела сатанина уязвляющая многих сердца, воистинне, неукротимый зверь, скорпия многожалная, былка смертоносная». И паки: «Тяжко бремя стражу иде же соблюдати великую казну, еще же и не тверду имеющу храмину, тако и мужу имети всякую жену: аще будет злообразна — мука ему есть, аще ли прекрасна, то вси на ню зрети будут, мужу же безутешная печаль».

О Юнотасе и Фриерке

Дарий царь зело премудрый и славный во граде своем господствуя, иже имел трех сынов, зело их любил. По времени же нача сыновом своим делити наследие свое, яко же что кому достоит. И первому даде все свое стяжание, второму таиныя вещи, иже сам дабы в животе своем, третиему же юнейшему три чесныя и драгия вещи: перстень златыи, застежки драгия и сукно многоценное. Перстень той такову силу имел: яко кто его начнет носити на пальцы своем, возимеет благодать от всех, иже от кого чего пожелает, то все при себе имети имать; застежки такову силу имели: кто их на персех будет носити, то чего сердце его желает, что ему угодно, то все у него будет; а сукно такову силу имело, что на нем сядет и помыслит, да был бы во мгновение ока в концы земли, абие будет. Сия три дары предаде отец сыну своему юнейшему, ему же имя Юнотас, и повеле ехати на науку, и приказал царице своей, а его матери, дабы тыя дары блюла и во время подобно сыну своему отдала.

И потом царь Дарий умре. И погребен з достохвальною честию. По нем же они, два сына его, начаша владети кождо своим жребием, еже прия от отца. Третий же сын жедая персия от матери, уготовися ехати на науку, мати же даде ему перстень рече: «Сыну возлюбленый, учися, но стрегися от жен, дабы персия не погубили». Тогда Юнотас, сын юнейший, восприим от матери перстень, еха учитися во ин некий град. И в кратком времяни довольно научися. Силою же того персня все у себя имел много и любовь от всех людей, и что у кого не восхощет, то все при себе имел. Некоего же дня Юнотас идет по пути,

встретех его девица зело красна. Он же прелстися на ню и пожелал, дабы к нему приступила, и прият ю Юнотас силою своего перстня, не погубили, всегда бы имел. По многому же времени та жена его Фриерка удивлялась, яко Юнотас велми прохладно живет, а ни пенязя не имеет. И в некое время бывшу ему в веселии, нача вопрошати Фриерка глаголя: «Прелюбезнейший мой под всем солнцем, аще любиши мя ты, молю тя, како и откуду только богатства, прохладно живеши и всего много имееши?» Отвеща Юнотас, не размысля о хитрости женской, глаголя и показав ей перстень: «Сей перстень, его же видеши, есть таковой силы, что у кого не захощу взяти, то все у мене будет». Слышавши сия, Фриерка рекла ему: «Ты, любезнейший мой, со многими человеки в товарыщстве пребываеши, боюся, да како не погубиши, сего ради даждь ми да сохраню, аз же его прилежно имам соблюдати». Тогда Юнотас даде еи перстень, она же приимши, к тому не отда его, сказа ему, яко перстень у нее украли. И тако Юнотас не имел ниоткуду дабы чем жив был, нача о персни горко плакати.

И по сем возвратися к дому матери своей царице; прииде же и сказа ей, яко изгубил перстень. Рече ему мати его: «Сыну возлюбленный, всяко тебе приказывала, дабы остерегался от жен, и отдаю тебе застежки, их же тебе оставил отец, приими и прилежно соблюди, аще ли же их погубиши, то пожиток свой вечный и честь погубиши». И взя Юнатос у матери своей застешки, еха во ино место, иде же прежде бе, в науке еще совершение учитися. Уведав сия Фриерка, сретила его во вратах и с веселием прият. Пребывая тамо Юнотас паки име Фриерку при себе, а застежки всегда носил на персех и на что помышлял, то все при себе имел, яко и прежде зело прохладно пребывал. Сия видяше Фриерка его паки удивлялася, что ни сребра, ни злата не имеет, а много пожиточно живет, и рекла себе: «Воистинну Юнотас другую вещь принес». И испытывала его о сем всякими образы и прелщенми. Юнотас же и про застешки ей сказа, какову мочь имеют. И Фриерка рече: «Како ты, любезный мой, такия драгия застежки всегда небрежно носишь, иже что помыслишь будет у тебе силою их». Чрез весь год рече: «Дай мне и я тебе опасно их соблюду». Рек ей Юнотас: «Боюся, да не тако же погубиши, яко же и перстень?» Отвеща Фриерка: «Прелюбезный мой, и здравие мое и радость, научилася есмь первым искусом о персни, ине же клятвы хранити». Юнотас же поверя ей прелщеный, даде ей и застежки хра-

нити. По сем все истощив и ниоткуду ничего не имея, нача у нее застежки просить. Она-же яко и прежде рекла с клятвою, яко у нее их украли. Слыша сия Юнотас плака зело глаголя: «О како аз, безумный юноша, по погублении перстня дал и застежки, прелщенный лукавою женою». Потом паки возвратися к дому матери своей царице и все случаи свои ей поведа. Услышавши сия, мати его велми о сем бысть в печали и рече ему: «Сыне мой любезный, на что еси ял веру жене сей, уже второе прелщен еси и вси тя имуть имети, яко юрода, но молю тя, отселе буди мудр, ибо не имам что ти дати, токмо едино сукно драгое, его же ти отец остави, но аще сие погубиши, то уже ко мне и не ходи».

Тогда Юнотас взя от матери сукно и поеха паки на науки, а Фриерка, яко же и прежде радосно его прия, лобызая и лесными виды прелщая. Но Юнотас, распростерши сукно на землю, рек ко Фриерке: «Возлюбленная моя, сие сукно даде ми отец мой за великий дар, сядем оба на нем да глаголем». И седши Юнотас с Фриеркою на земли на том сукне, помысли в себе: «Дабы аз там стал таково далеко, где бы уже селения людскаго не было». И бысть тако. Абие явися на краю света в некоем доле, иже бысть от людского жития далече. Видевши сия Фриерка убояся, ибо Юнотас обещася тамо оставити зверем диким на снедение, аще ему перстня и застежек не возвратит. Фриерка же жалосно плакася, обещая с клятвою возвратити; тогда Юнотас сжалеся о ней, утеша ю, и паки вопрошению ея и лести сказа еи силу сукна того, глаголя: «Сие сукно силы таковой, иже кто на нем когда сядет и помыслит, где хощи быти, то абие тамо будет в мгновение ока». И в сих глаголах Юнотас задрема, возлег на сукне, а главу положи на лоне Фриерки и нача крепко спати. Тогда она вытягнувши ис под него часть сукна, на нем же спа, да помысли, да будет тамо на оном месте, иде же заутра есмь была. И точию помыслила, абие обретеся в дому своем, а Юнотас остася спя во оном доле зверем на снедение. Егда же пробудися, уведе, яко Фриерка с сукном не бе, нача неутешно плакати: «О, злая, проклятая, неверная Фриерка, како показа таковую лютость надо мною, вся моя драгия вещи отъя, мене же зле остави зверем на снедение».

И плакав много, воста и идяше, не ведая камо. Наиде же старую дорогу, ею же пришед к некоей глубокой воде. Чрез ню же егда идя, и та вода была такова ядовита, что мясо с ног даже до костей снела. Виде Юнотас такову

ядовитую воду, взя ее с собою в некоем сосуде же, и иде паки. И абие восхоте ясти. Узре же некое древо со овощием. Вкусив овощу его и паки паде струп велий на него от овощу того. Видя сия Юнотас и того древа овощу взя с собою. Потом паки прииде на некую воду, через ню же когда иде, нарасте мясо на ногах его. И видячи силу воды, взя ее с собою. И паки иде, узре некое древо со овощием и алчен быв, яде от плода того, и абие спаде весь струп его, иже нападе от вкушения перваго древа овощу. Он же возрадовася зело, взя и того живущего древа плод, потом долгий путь преиде, пред узре некий град, обрадовася, иде к нему. Стретоша же его два мужа и вопросиша его глаголюще: «Кто еси и откуду, добрый муж?» Отвеща им Юнотас: «Аз есмь лекарь зело ученый». Рекоша же ему мужие: «Краль сего нашего кралевства, в сем граде живый, зело болезнен и аще ли ты уздравиши его, даст ти много богатства». Рек им Юнотас: «Аз его исцелю, зане лекарства достаточна имам». Услышавши же сие мужеве тии, приведоша его ко королю своему. Тогда Юнотас прия краля ко исцелению, даст ему втораго древа овощу и спаде весь струп его, по сем даде вторыя воды испити — и паки тело его обновися и бысть, яко у отрочати. Видя же краль всего себя здрава, даде ему великия дары.

По сем Юнотас не в кое время хождаше по морскому брегу, узря на мори корабль, на нем же бе знамя того государства, ис которого он на сукне изыде. Покланися кралю и отпущение приим, вседе на корабль, приеха на корабли со онеми людми во свой град. И абие разыдися по всему граду слава о нем, яко зело искусный и ученый лекарь приеха, никто же не позна его. По сем разнеможеся зело Фриерка, иже его прелстила; не ведая же яко есть лекарь Юнотас, посла по него. Он же при немощи рек еи: «Никоторое тебе лекарство не поможет, точию разве первие скажеши грехи своя, и аще чим кого оскорбила, и аще что у кого лестию утаила, да известиши». Тогда Фриерка вся бывшая сказа, как некоего юношу оболстила в персни, и в застешках, и в сукне, и како оставила в пустыни далней на снедение зверем. Слыша, Юнотас вопроси ю глаголя: «Госпоже, где же суть тыя три вещи есть?» — «В крабицы моей». И даде ему ключи крабицы, да иже увидит, каковы суть. Юнотас же взя к себе драгия три вещи, сей же вместо целительных даде овощу, от него же сам отрудовате и оной воды первой пити, иже с нея вся плоть опала и абие осохла, и от великого жару и внутреней болезни с плачем великим

кричаше, едва не умре. Но паки Юнотас умилосердися над нею, дав ей второго овощу и уздравив. По сем Юнотас со онеми отеческими дары возвратися в дом матери своей, и о приехании его возрадовася весь град. И поведа матери своей вся случившаяся ему, и имети же матери его радость и утешение велие, яко Бог избави его от великих бед. По сем же Юнотас поживши много лет, скончa житие свое в мире.

Толк. Братия возлюбленная, сей царь, иже глаголеся Дарий,— сей есть Господь наш Иисус Христос. Жена же его — мати святая церковь. Три сынове бе суть в сем мире людие суть. И перваго убо сына разумеем богатством от Господа Бога одаренных и силных света муд рецы.

Втораго сына разумеем света сего, иже чрез мудрости мирскую приемлет к житию своему.

Третияго сына имамы разумети православнаго христианина, от Господа Бога возлюбленного и избранного, ему же даде Господь Бог трои дары драгия: перстень веры, застежки — надежда, сукно — любовь; сего ради за благодать Божию таковыи имать любовь от человека и яко пожелает, то все приимет, яко же сказует самого Отца нашего словеса евангелист Матфей: «Аще имати веру, яко з зерно горошично и речете горе сей: приидти оттуду — и приидет». Тако же, аще что носит в сердцы своем застешки — то есть надежду, тогда что помыслит имети, то все будет, яко же рече Спаситель наш и Отец: «Просите и даст вся вам, ищите и обрящите, толцыте и отверзется вам». Будет ли кто иметь любовь такожде, яко сукно то, иди же, аще восхощет, тамо будет. Яко же рече Христос Господь: «Иде же аз, тамо и слуга мой будет». И апостол святый Павел, не ищет своих сий, но яже суть Христовы; но сия дары драгия три, то есть веру, надежду, любовь погубляет человек в науке сего света чрез Фриерку свою, то есть чрез плоть свою (се есть похотьми, ибо плоть противится души).

Фриерка взят от Юнотаса сукно, егда он спа, тако и тело многократно отлучает благость Божию от человека чрез смертный грех и оставляет его спяща во грехе безо всякой благодати и помощи Божии, дондеже лежати имать во гресех. Пробужшеся Юнотас горко плака, тако и человек, когда проснется от греха и обрящет себе без благодати Божии и добродетели зело имать плакать, почто имаши творит, восстани скоро милосердыя делы и обрящеши старый путь спасения. И [гряде дале], дондеже обрящеши

воду, иже отделяет плоть от [костей]. Тако вода сердечное сокрушение иже есть огорчевает человека и имать отделити плотския похоти от кости, то есть от дел грехов, ими же образит, то есть оскорбит Господа Бога своего. Имаши взяти то воды в твое сердце, яко в сосуд, то есть дондеже имаши быти в сем смертном телеси имети сокрушение в сердцы. И паки имаши дела и ты снести от плода древа, от него же отрудоват, то есть окрастове, того древа плод покаяния, овощ — им же возмогаема бывает душа и плоть имать подъяти труд, яко красту, и сего овощу возмеши с собою, и паки идеши и придеши на воду, от нея же плоть твоя оживится и направится, та есть вода исповедание грехов, от него же направляются добродетели погибшия. И еще имаше далече итти, что же имаши дале итти, то есть промедление в покаянии дел. Обрящеши овощь древа втораго и вкуся будеши здрав. Овощ сей — плоды покаяния, молитва, пост, милостыня, иже уздравляется от греха человек совершено. Имаши же те воды и овощи всегда с собою имети, то есть всегда по случаю обрящеши краля трудовата человека, заражена грехом, да исцелиши сиречь, егда кого обрящеши во гресех, да поможеши ему, в них же сам искусися к покаянию, иже может чрез овощь исповедания и чрез воду сокрушения и слез здрав быти, то есть отпущение грехов приимет.

Два же мужие, иже стретоша и ко уздравлению краля

приведоша, то есть страх Божий и страх адский, иже ради человек удаляется от зла и приходит к добродетели. Корабль же, иже Юнотаса везл до отчины его, то есть приказание Божие, кое нас ведет до веселия вечнаго, но имате первие узрети Фриерку, то есть плоть, иже противится души; обрящеши ю болящу — се есть на ложи лежащу тело похотей телесных, дает же ей овощу покаяния, плодов с водою сокрушения сердечного и слез. По сем приимет вторых — се есть восполнение покаяния, от Бога благодать, и тако Юнотас, то есть обратившеся покаявшийся человек, придет паки к матери своей, то есть церкви, и в скончании отдаст душу Господови з дары, их же прежде приим от нея, сей есть з добрыми делы и приимет радость и хвалу от Господа Бога и его ангел во Царствии Небеснем.

О воине

Бе зело именитый воин у некоего царя. Той же воин некоею виною розгневил его, посла же другов своих молити о себе, да упросят об нем милости у царя. Други же его упросиша к нему у царя благодати, обаче повеле царь быти ему к себе з гадательством таиным, дабы ко двору его и ехал и шел, и да приведет вернаго своего приятеля и утешника и неверного друга.

Слышав воин таковый неявленный приказ и смутися, паче же недоумеваяся, како сотворити. Случаи же ся во время то приити к нему некоиму преходнику, воин же напамянувся рещи к жене своеи тако: «Веси ли яко пришелец имеет у себя сребро, аще утаиши, аз пришельца сего убию, а сребро имети будем себе». Она же с клятвою обещася ему.

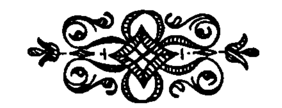
Егда же вси уснуша, воин той воста, возбуди оного пришельца и повеле ему в путь свой итти. Убив же телца и иссече его в части и вложи в мех, разбуди жену свою, показа еи мех, глаголя, яко в том меху глава и руце и нозе его же. «Аз убих оного пришельца, а тело его загреб в коморе в таине месте, загреб же и мех». И показа еи своего сребра неколико, яко взя у оного убитого пришельца.

Егда же прииде день ехания его ко царю, тогда взя с собою по правую руку малого своего сына, а жену по левую сторону. Егда же приближися ко дворцу цареву, возложи правую ногу на пса, и тако яко бы ехал, а другою

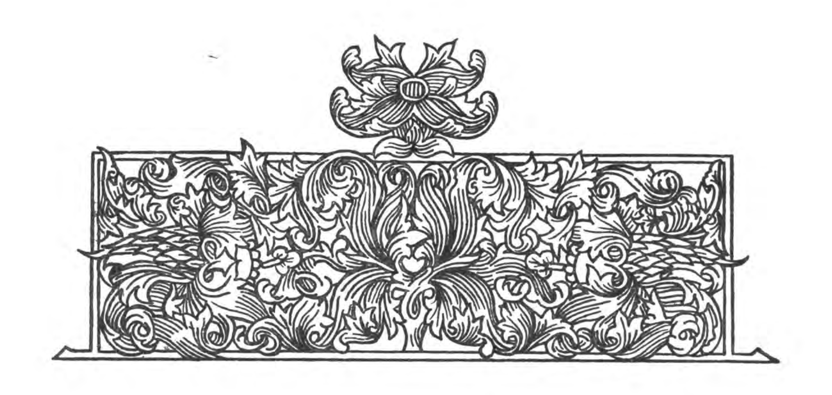
ногою яко бы пеш шел, и тако шел езно и пешю, и преиде тако пред царя. Узре же его царь со всеми его предстоящими, удивися, како исполни неявленный и тайный приказ. И рече ему царь: «Где есть твой верный приятель?» Тогда воин взят меч, удари страною пса своего. Пес же от ударения далечи отскочи. Егда же воин кликну его, пес же к ногам его притече. И рече царю: «То есть мой верный друг и приятель». Царь же похвали его и рече ему: «Что есть твое утешение?» Воин же показа отроче свое, рече: «Се есть мое утешение, тои же мя всегда веселит детскими глумлении». Царь же рече: «Где же твой друг неверный и неприятель?» Воин же удари жену свою, глаголя: «Чесо ради непристойно на царя государя моего взираеши?» Жена же возопи мужу своему: «Убийца проклятый, за какую вину биеши мя? Или такожде хощеши убити, яко же убил еси вчера пришельца малых ради пенязь?» Тогда воин муж ея паки удари ю, глаголя: «Проклятая жено, чесо ради на мя клевещиши?» Она же, люта, нача вопити, злословя его, рече: «Идите по мне, укажу вам мех, в котором муж мой вложи главу, и руце, и нозе, убив странного пришельца, а тело закопано в земли в каморе». Тогда царь повеле слугам своим, да идут с нею и свидетельствуют. Слуги же шедше во указанном от нея месте, мех из земли взяша и обретоша же телцовое мясо и недоумевахуся, и пришедши, царю поведоша. Услышав сия, царь увидив премудрость воина своего, дело его похвали. И по сем бысть вельми любим царем и умре в покою.

Толк. Возлюбленная братия, воин той, иже государя своего благодать погубил, то есть грешный человек, погубивый Бога Царя своего. Посылает же ходатаев о себе, яко сродных и другов своих, то есть Божиих и святых, иже нам благодать испрошают. Имат же ко царю итти езно и пешо, то есть что честнаго и сладости возненавидит, езно, то есть гонением ко всякому пристрастию плоти размышляти небесны вещи. Пса же яко вернаго приятеля привести с собою, иже отгоняем, убиваем и призываем паки приходит, то есть ангела хранителя, хранящего душу его же, колижды многократны грехами своими отгоняет, но яко верный страж и друг обращая протекает и таины человечи сохраняет. Веселит же ся и утешника сына на руце носит, то есть совет, иже во благих подает утешение и к добру советует. А его жену на левой стороне приведе, то есть крепость тела или враг и диавол, и неприятель, иже человека таины во время смерти пред ангелы святыми к его поступлению объявляет. Тогда воистинну зело похва-

лен будет воин мудрый, иже под хитростию убивает диавола и погребет, то есть тело во своеи каморе, се есть в сердечном сокрушении плача, не сотворный последняго мужеубийства, то есть не предовыся в последнеи и конечно похотение и сладострастие плоти, но совершенную веру имея и пребудет в посте и в молитвах, в любви и в протчих добрых делех мудре и крепце, их и сих ради обрящет благодать от Царя своего и Бога во веки. Аминь.



Притча-пословица



Притчи Соломона

Притча Соломоня сына Давидова, иже царствова в Израильтех, разумети премудрость и наказание, разумети же словеса мудростии; прияти же извитие словес и разрешение гадании; разумети же правду и истинну, и суд исправляти; да даст незлобивым художество, отроку же юну чювствие и премудрость; сего послушав, мудрый премудрее будет, а разумный строителство стяжит, разумеет же притча и темно слово, глаголания же премудрых и гадания.

Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим ю. Благоверие же на Бога и начала чювствия; премудрость же и наказание нечестивии оуничижают.

Слыши, сыну, наказание отца твоего и не отрини наказания матери твоея, венец бо благодати приимеши на твоем връсе и гривну злату о своей выи [...] Сын премудр

веселит отца, сын же безумен печаль матери. Несть бо ползы от богатества безаконником, правда же избавит от смерти. Не гладом заморит Господь душа праведных, живот же нечестивых разорит. Нищета мужа смиряет, руки же встанивых обогащаются. Сын наказан премудр будет, безумнаго же слугу приемлет себе. Спасется от зноя сын разумив, ветротленен же бывает на жатве сын законопреступен. Благословение Господне на главе праведнаго, оуста же нечестиваго покрыет плачь безгоден. Память праведных с похвалами бывает, имя же нечестивых погибнет. Премудр сердцем приимет заповеди, а осквернен оустнама остроптевая запнется. Иже ходит просто — ходит надеяся, развращая же пути своя не оутаится. Намизаа оком же со лестию събирает мужем скорбь, а обличая же не обинуяся мир творит. Источник животен в руце праведнаго, оуста же нечестиваго покрыет пагуба. Възненавидение въздвижет победу, вся же въпреки глаголющая покрыет любы. Иже от оустен износит премудрость, жезлом же биет мужа безъсръдечна. Премудрии съкрыют чювствия, оуста же неопасиваго приближаются съкрушению. Стяжание богатых град тверд, съкрушение же нечестивых нищета. Дела праведных животворят, плод же нечестивых греси. Пути животныя хранят наказание, наказание же неизбранна прельщает. Покривают вражды оустны праведных, износящеи же клеветы безумнеиши суть. Из мног словес не оубежиши греха, щадяи же глаголы разумен будет. Сребро раждено язык праведнаго, сердце же нечестивых ищезнет. Оустны праведнаых оумеют высокая, а безумнии же в нищите скончаваются. Благословение Господне на главе праведнаго, сие обогащает и не имать приложитися ему печаль в сердцы. Смех безумных творит злая, премудрость же мужеви раждает мудрость. Погибель нечестивых преносится, желание праведнаго приятно. Приходящи же нечестивыи ищезает, праведныи же оуклонився поживет в веки. Яко же гроздие зеленое пакость зубом и дым очима, тако законопреступление творящим е. Страх Господень прилагает дни, дела же нечестивых умаляются. Приближится праведных веселие, оупование же нечестивых погибает. Оутверждение преподобному боязнь Господня, съкрушение творящим злая. Праведник в веки не ослабеет, нечестивии же не населят земли. Оуста праведнаго каплют премудрость, язык же неправеднаго погибнет. Оуста праведных каплют благодать, оуста же нечестивых отвращаются [...]

Слово жестоко въздвижет гнев, язык же мудрых доброоумен, оуста же нечестивых поведят зло. На всяком месте очи Господни блюдета злыя же и благыя. Исцеление языка древо животно, съблюдаяи же исполнится духа. Безумныи поругается наказанию отца своего, храняи же заповеди художен есть. В мнозеи правде крепость многа, а нечестивии же от земля погибнут. В дворех праведных крепость многа, плоди же нечестивых погибают. Оуста премудрых связуют чювствия, сердце же безумных нетвердо. Жертвы безумных мръзость Господеви, молитвы же исправляющих прияты им. Мрьзость Господеви путие нечестивых, гонящая же правду любит. Наказание незлобиваго познавается от мимо ходящих, а ненавидящии обличения скончаются срамно. Ад и пагуба яве от Господа, како не сердца ли человеческа. Невъзлюбит бо ненаказанныи обличающих его, съ премудрыми же не побеседует. Сердцу веселящуся лице цвитет, в скорби же суще дряхло есть. Сердце право ищет чювъствия, оуста же ненаказанных разумеют в зло. Вся лета очи злых чают зла, добрии же безъмолъствуют присно. Луче мала часть с боязнию Господнею, нежели богатьствия велия без боязни. Лучше оучреждение зелием с любовию и благодатию, неже представление телца с враждою. Муж яр притваряет свары, терпеливыи же и грядущая оукротит. Тръпелив муж оукротит суд, нечестивыи же възъдвизает паче. Путие ленивых постлани терние, а борзых гладцы. Сын премудр веселит отца, сын же безумен подражает матерь свою. Несмысленнои стези скудость оума, муж же мудр исправляа ходит. Прилагает бо помышлениа не чтущим соньмищ, в [се]рдцих же советных пребывает совет. Не имать послушати злыи его, ниже речет съвершена ничесо же добра и общения. Путие живота размышления разумнаго, да оуклонився от ада спасется. Домы досадитель разоряет Господь, оутвержает же пределы вдовиц. Мръзость Господеви мысль неправедна, бескверных речения пречиста. Губит же себе мздоимец, нелюбя же мзды имать спастися. Милостыня и вера очищают греси, боязнию же Господнею оукланяется всяк от зла. Сердца праведных пооучаются вере, оуста же нечестивых отвещают зло. Прияти Господом путие праведных муж, тем же и сих ради врази друзи бывают. Далече отстоит Бог от нечестивых, молитв же праведных послушает. Луче мало приятие с правдою, нежели многа жита с неправдою. Сердце мужу мыслит праведная, да от Бога исправятся стопы его. Зряи очима праве веселит сердце, весть же блага блажит кости. Послушаяи

обличении живота, посреде премудрых въдворяется, иже не приемлет наказания — ненавидит себе, съблюдаяи же обличение — любит свою душу. Боязнь Господня наказание и премудрость, и начало славы отвещает еи. Предидет же смиренным слава [...].

Премудрость Исусова, сына Сирахова

Вьсяка мудрость от Господа и с ним есть в векы: песъка морьскааго и капля дъждевьныя, Господни век къто ишть-теть?

Премудрость кто иследит, корень премудрости кому отъкрыся, и разум ея кто разумел?

Зачало премудрости — страх Господень, страх Господень — слава и похвала, и веселие — веньць радости.

Не съкрыва премудрости своея, словъм бо познана будет премудрость.

Не может ярость неправьдьна оправьдитися, чяс бо ярости его — падение ему.

До времене сътрьпит дългострьпеливый — и напоследък дасть веселие, до времене съкрыет словеса своя премудрый.

Не възнеси себе — да не отъпадеши, и наведеши на душу свою бештьстие, и отъкрыет Господь тайны твоя, и посреде съньма низъложит тя.

Вьсе, елико нанесено ти будет — приими с съмерением, дълго трьпи: яко огньмь искушено бывает злато, а человеци приятьни в веремя съмерения. Веруй ему и заступит тя, и до времене потрьпи трьпением, и послежде ти дасть веселие, и устьны мъногыих исповедят съмысл его, и в недузе своем не презри.

Не пререкуй противу истине и о ненаказаньи своем срамляйся.

Не постыдися исповедати грехы своя, и не стани противу быстрине речьней, и не покори себе мужю безумьну, и не обинися лиця сильнааго. До съмрьти противися по истине, и Господь Бог поборет по тебе.

Не буди скор языкъм своим и ленив и слаб в делех своих.

Не буди яко льв в дому своем и велечяяся в рабех своих.

Не буди рука твоя простьрта на взятие, а на даяние съгъбена.

Не належи именьи своем, и не рьци: довълно ми есть.

Не ходи въслед душа своея, и не рьци: «Кто мя премоғжет?» — Господь бо мьстяй мьстит ти.

Не ходи вьсяцем путьмь с грешьникъм и дъвоязычьникъм.

Буди утверьжен в разуме своем, и едино буди слово твое.

Буди скор в послушянии своем, длъготьрпением отъвештай отъвет, аште есть в тебе разум, то отъвештаи искрьнюму, аште ли же несть — то рука твоя буди на устех твоих: яко слава и бештьстие в беседе и язык человечь — падение ему есть.

Не слови шьпътник и языкъм своим не лукуй: зазор бо зъл иноязычьнем.

О велице и о мале не разумевай, и в друга место не буди враг: имя бо лукаво поношение наследит, тако и грешьный и дъвоязычый.

Душя лукава погубит сътворьшааго и, радости врагом своим сътворит и.

Грътан сладък умножит другы, и язык доброглаголив умъножит добру беседу.

Съмиряюштиися с тобою да будут мнози, съветници же твои — един от тысуштъ.

Аште сътвориши друга, то в напастьх си и сътвори и, и не скоро уверися ему.

Есть бо друг в время радости, и не пребудет в днь печали твоея: и от друг пременуяся и бывая враг, и свар поношения твоего отъкрыет.

И есть друг тряпезам обьштьник, и не пребудет в днь скърби ти, а и в добре твоем будет, яко же и ты, и на рабы твоя простьреться, и аште съмерен будеши, то и на тя будет, и от лиця твоего съкрыеться; от друг своих отълучися и от друг своих вънимай.

Друг верен — кров крепък, обретый же его обрете скъровиште: друг верен — утеха житию.

Бояштеися Господа обряштют его.

Чядо, от уности своея избери наказание и до седины обряштеши мудрость.

Яко же оряй и яко же сеяи, тако приступи к ней и жиди благыих плод ея.

В деланьи бо ея мало потрудишися, и скоро имаши ясти от жит ея благая.

Премудрость бо по имени еа есть, и немногыим есть явлена.

Слыши, чадо, и сътвори волю мою, и не отъвьрзи съвета моего, и въведи нозе свои и пута ея, и в гривьну ея выю свою подъложи рамо свое и поноси ю — и да не будут узъкы узы ея.

Вьсею душею своею приступи к ней и вьсею силою своею съблюди пути ея, иследи и изишти — и познана ти будет, сам ся за нею не оставиши, напоследък бо обрящтеши покой ея, и обратиться на веселие, и будут ти пута ея на покров крепости, и гривьны ея на одение славы: красота бо злата есть на ней, и узы ея — извитье камене драгааго.

В одеждю славы облечешися ею и веньц радости възложиши на ся.

Аште въсхоштеши, чадо, наказан будеши, и аще въдаси душю свою то разумьн будеши, и аште възлюбиши слышяти, то поживеши, и аште приклониши ухо свое, то мудр будеши.

Чадо, в мъножьстве старьц стани, и аште къто е премудр, том ся прилепи, вьсяку повесть въсхочи слышяти и притьчя разума не убежит тебе.

Аште узьриши разумива, то утрьнюи к нему и степени дьврии его да търет нога твоя.

Не твори зъла, да не постигнет тебе зъло, отъступи от неправьды — и уклониться от тебе.

Сыне, не сей на браздах неправьды — и не пожьнеши их седмерицеи.

Не проси у Господа владычьства, ни у князя седалища славна.

Не оправьдай себе пред Богъм и паче цесаря не премудряйся.

Не ишти да буди судии, еда не мошти начьнеши, неправьды отълучити, еда како убоишися от лица сильнааго и положиши блазн правости своеи.

Не съгрешай в мъножьстве граду, ни изложи себе в народе.

Не сътвори дъвоици греха — в одинем бо повиньн будеши.

Не ругайся чловеку, в горести душя его сушти: есть бо съмеряяй и възносяй.

Не глаголи на брата неправьды, ни другу того сътвори, еже ти себе не може.

Не въсхоте и лъгати вьсякоя лъжа — воиньство бо ея не благо.

Не примешай себе множьства грешьник, помяни, яко гнев Господень не замьдлит.

Не измени друга различия деля, ни брата приснааго злата деля и камене драгааго.

Не лишися жены мудры и благы: благодеть бо ея есть паче злата.

Не озълоби раба, делаюшта въистину, ни наимьника, делаюшта душею своею.

Раба разумива да любит душя твоя, и не лиши его свободы.

Су ли ти чада, то наказая им, преклони от уности выя их.

Су ли ти дъштери, то внимай телесьм их, и не утишай к ним лиця своего.

Въдай дъштерь и будеши съвьршил дело велико, и мужеви разумиву въдай ю.

Е ли ти жена душевьна, то не изгони ея, и ненавидяшти тебе не веруй ей.

Вьсем срдцьм своим прослави оця своего, и матерьня болезни не забуди, помяни, яко тема рожден еси, ничьто има въздал еси, яко же та тебе.

Не сварися с чловекъм сильнъм, еда како въпадеши в руце его.

Не тиштися с чловекъм сильнъм, еда како отягъчит ти меру.

Не сварися с чловекъм язычьнъм, и не накладай на огнь его дров.

Не играй с ненаказаныим, да не приимут бештьстия прадеди твои.

Не безъчьствуй человека в старости его: и от нас бо състареются.

Не радуйся о умьръшиих, помяни, яко вьси умираем.

Не презьри повестий мудрыих и в притъчах их живи, яко от них навыкнеши наказание и послужиши вельможам.

Не отъступи от повестии старьчь, и ти бо навъкли суть от отьц своих, да навыкнеши от них и ты разуму, и в время подобьно въдаяти ответ.

Не дай чловеку, крепльшу тебе, възаим, аште ли въдаси ему възаим, то будеши яко и погубив е.

Не поручайся выше силы своея, и аште поручишися, то пьцися, яко и въдаяй.

Егда тя призовет сильный, то не отъступай, и егда паче призовет тя, то не нападай — да не отъринеши себе, и не стани далече — да не забъвен будеши.

Не належи равьн быти с ним, и не веруй мъногыим словесьм его, мъногою бо беседою искусит тя, и яко сметися испытает тя, съблюди и вънимай вельми, яко с падением своим ходеши.

Богатый бо колебляся утвьржяется другы, убогый же съпадъся, пориневен будет друг его.

Богату съблазнивъшуся мънози заступници и глаголы неиздреченьными оправьдят и.

Убогъи же съблазнися и препитиша ему и извешта разум и не дашя ему места.

Дързость гърдому — съмерение, такожде и же мързость богатуму убогый.

Богатый възглагола — и вьси умълкоша, и слово его възнесошя до облак, убогый же възглагола — и вьси рекоша: «Чьто сь есть?» — и аште потъкнеться — въздринут и.

Добро есть богатьство, в нем же несть греха, а зъло есть ништета — в устех нечьстиваго.

Чловеку завидьливу нелепо е богатьство: ниже есть себе зъл, иному добр будет, възвеселися в имении своем.

Завидьливу себе несть зълейша, и се въдание зълобе

его: аште и добро сътворит, то забывъся творит, и на наследък изнесет зълобу свою.

Око лихоимьця не насытит доръсти, и обида лукавааго исушает душю его.

Око лукаво завидьливо о хлебе и скудьно на тряпезе своей.

Несть веселия паче радости срдчьныя, луче есть съмьрть паче живота горька.

Мьсти душю свою веселием и теши срдце свое, и печаль далече отърини от себе, да не въскоре състарешися.

Красьна есть милостини в время скърби, яко же и облаци дъждевьнии в время ведра.

Братия и помоштъ в время скърби и паче обоего милостыни избавит, имение и крепость възносит сьрдце, обаче обоего страх Господень.

О въсяком деле буди бъдр, и вьсяк недуг не приступит к тебе.

Чядо, в животе своем искуси душу свою, и виждь, чьто еи: не ключит бо ся вьсе вьсем, не вьсяка душя и всем благоволит, и не пресыштяйся в вьсякой пиштти, и не разливайся на различьне брашьне.

В мнозе бо брашьне недуг бывает, и пресыщение до кручины доидет, пресыштением бо мнози умьроша, помьняй же се приложиться животе.

Несть убо добро не хранитися от всякого суда.

Не лиши ся добра, и чясть добра не минет тебе, и не инем ли оставиши тяжяние свое, и труды твоя на разделение жребия, яко несть в аде искати пиштя.

Чядо, не люби множьства неключима и не веселися о сынъх не наказаныих, рекъше нечьстивыих, аште и умъножяться, не веселися о них, аште несть страха Господня с ними: не веруй животу их, въздыхание бо и плач невидим, и вънезапу коньчину их разумееши.

Луче бо е один, нежели тысяшти, и умрете добрее бештяд, нежели имети чяда неверьна; от единого бо разумива уселиться град, колено же безаконьныих опустеет: мъного сицего виде око мое.

Человек мудр и всем угодит и в дни греха уклониться съгрешения, вьсяк разумивый познает мудрость.

Разумьнии словесы ти умудришяся и удьржашя притьчя испытьны.

Делатель пияница не обогатеет.

Мед и жены отвратят разумьныя, и прилепляйся любодейцях дързей будет.

Слыша ли слово тайно, да умьреть с тобою, и не вся-кому словеси веру емли.

И одение мужя, и смьяние зуб, и ступание чловека възвестит яже о нем.

Есть мълчя обретаяся мудр, есть другыи ненавидим многою беседою, и есть мълча — не имат бо ответа.

Чловек мудр умлъчит до времене, и умъножяи словеса, мьрзък будет, гърдяйся възненавиден будет.

Даяние безумьнааго не сътворит пользя никоея же: мало бо въдасть, а мъного испоносит.

Поплъзение от земля добрее паче, нежели от языка.

Усты безумьнааго отъвьржена будет притъчя, не речет бо ея в время свое.

Морок зъл — человеку лъжа, и в устех ненаказаныих присно будет.

Уне е тать, неже лъжа присно, оба же погубу наследуета.

Мьзда и дарове ослепляют очи мудрыих, да видяштеи не видят.

Студ отцю о ненаказании рожденааго от него.

Дъшти же на умиление будет, дъшти мудра почьстит мужя своего.

Отца и мужя посрамит дързая, и от обою приимет бещьстие.

Над мьртвыим плачися — отъиде бо света, и безумънааго плачися — иштезе бо от него разум.

Вьргый на пътице камень — отъгонит е, такоже иже поносит другу своему — разорит дружьбу.

За друга аште отъврьзеши уста — не стыдися, есть бо съмерение.

Не кльнися именьм святого: человек, кльныйся мъного исплънит ся безакония, и не отъиметься от дому его рана, и аште съгрешит, грех его на нем.

Стыдися отця и матере блудъм, сильнааго и властелина о лъжи, судия и кънязя о съгрешеньи, събора и людий о безаконии, обьштьника и друга о неправьде, места, на нем не живеши, о татьбе и правды Божия и завета его.

Хранися от словес поносьныих на друга, и не поноси ти давъшу, и не стыдися о сих.

С дързъм не ходи на путь, да не въстанет на тя, тъ бо сътворит по силе своей, и в неразумьи его погынеши.

С яръм не сварися и не ходи с ним сквозе пустыню, пред очима бо его кръвь, яко ничьто же есть, и идеже не будет помошти, то ту и низложит тя.

С уродивыим света не твори, не может бо словесе държяти.

Пред чюждиими не сътвори ничьтоже таина: не веси бо, чьто ти сътворят.

Не являй вьсякому чловеку сърдца своего, да не възнесет ти хвалы.

Не даждь жене душя своея наступити ей на крепость твою.

Не съретай жены блудьниця, да не како въпадеши в сети ея.

Девы не съматряй, еда како съблазнишися в опитимиях ея.

Не дажь блудницам душя своея, да не погубиши наследия своего.

Отъврати очи свои от жены красьны и не глядай чюжея доброты, в доброте бо женьскей мнози заблудишя, и дружьба от нея яко огнь разгараеться.

С мужатицею отинудь не поседи и не побеседуй с нею в вине: еда како уклониться душя твоя на ню, и духъм своим поплъзнешися в пагубу зъле.

Не рьвьнуй славе грешьника: не веси бо, како будет раздрушение его.

Не оставляй старааго друга, новый бо несть тъчья ему.

И с мудрыими съвещавай, и с разумьныими буди размышление твое, и вься повести твоя в законе Вышьняаго.

Мужи правьдьни да обедают с тобою, и в страсе Господни буди похвала твоя.

Премудр судии накажет луди своя, и владычьство разумиваого учинено будет, и яко же будет судии людьм своим, так же и слугы его.

Не дьржи гнева на ближьняаго своего и не сътвори ничьсо же в делех досяждения; възненавидена пред Богьм и чловекы гърдыни, и от обоих съгрешит неправьда.

Неправо есть укаряти убога разумива, и не подобьно есть славити мужя грешьна.

Сам испьрва сътвори чловека и остави и в руце мысли своея, аште хочеши съблюдеши заповеди и веру сътворити благоволения.

Предъложил ты огня и воду: на неже аште хочеши — простьреши руку.

Добро есть обличати, нежели яритися.

Обличи друга: многошьды бо бывает клевета, и не вьсякому словеси веру емли.

Премудрыи словесы предъведеться, и человек мудр годе будет вельможям.

Луче человек, съкрывая буесть свою, нежели съкрывая мудрость свою.

Познан есть издалечя сильный язъікъм своим.

Разумивый же весть, в чем ся поплъзает.

Сьрдце буяго яко съсуд утьл: вьсякого разума не удрьжит.

Слово мудро аште услышит разумивый, въсъхвалит е и к нему приложит.

Боголишивый же смехъм възнесет глас свой, муж же мудр одъва осклабиться.

Осквьрняет свою душу шъпътьник.

Яко же сълепляй съсуд изломлен, такоже учяй безумьнааго.

Иже поведает безумьному, и на коньци речет: «Чьто бе?»

Жена лукава — язва сьрдьчьная.

От жены начятък греху — и тою вьси умираем.

Жена добля веселит мужя своего, и лета его испълнит миръм.

Жену мудру неудобь обрести.

В женах редъко обрящеши истину.

Волю жити с львъм, неже с женою лукавою.

Не премудряйся, творя дело, и не славися в время тугы.

У друга подъзираюштааго тя и у врага не поведай съвета.

Отъкрываяй тайну погубил есть веру и не обряштет друга противу души своей.

Мудрость съмеренааго възнесет главу его и посреде вельмож посадит ю.

Пьрвее даже не слышиши — не отъвештявай, и не вълагайся в среду беседы, и на съвете грешьныих не седай.

И чяды своими познан будет муж.

И не всякого чловека въведи в дом свой: блюдися зълодея, зло бо съдевает.

Егда в добре будет муж, то врази его в печяли будут.

Не емли веры врагом своим в векы.

И якоже бо медь обръжявеет, тако и злоба его, и аште и съмериться и поидет поник, постави душу свою и хранися от него — и будеши ему, яко очиштено зьрцало.

Не постави его у себе, да не въздрив тя, станет на месте твоем, не постави его одесную себе, да не поиштет

седалиштя твоего, и напоследък разумееши словеса моя, и о глаголех моих умилишися.

Устьнами своими усладиться враг, а срдьцьм своим съветует въринути тя в ров.

Очима своима прослызиться враг, а егда обряштет время — не насытиться от кръви.

Даште обряштет тя зъло, то ту его обряштеши първее себе, и яко помавая подъразит пяте твои, главою своею покывает и въсплещет руками своима, и много пошьпъчет, и изменет лице свое.

Времене паче себе на въздвижи и с крепльшиим себе и с богатейшим не приобьштайся: кое бо приобьштение гърньцю с котьлъм — тъ бо приразиться и съкрушиться.

Богатый, обиду сътворив, и сам прогневаеться, убогый же, обидим, и сам примолиться; аште ли имаши — то поживет с тобою, аште ли не имаши — то отъльстит тя от себе, и въсмеет ти ся, възглаголет ти добре, и речет: «Ти е ли, ти чьто требе?» — и посрами тя борошьнъм своим, дондеже истъштит тя дъвоици, и напоследък поругает ти ся шютом, узьрит тя и оставит тя, и главою своею покывает на тя.

В пире меда не облыга и ближьняаго и не срини его в веселии его.

Старейшиною ли тя поставишя, то не възносися, буди в них яко един от них.

Идеже послушяние будет — не изнеси беседы, и без ума в пире не мудрися, буди якоже веды и мълчя.

Посреде вельмож не равьн ся твори, и иному не глаголюштю не зело прилежи, муж же съветьлив не презрит размышления.

Бесъвета не сътвори ничьсоже, и егда сътвориши — не раскайся.

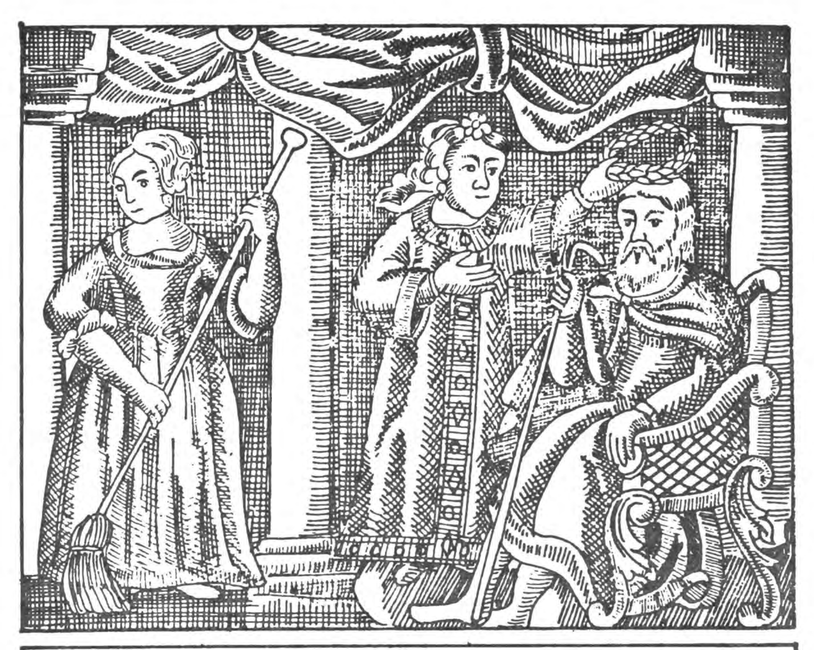
Не съвещай с подъзираюштиими тя, и от искушаюштиих тя съкрый съвет.

Не съвештавайся с страшивъм о брани, с купьцьм о приложеньи и с купуюштиими о купли, и с завидьливъм о похвалении, и с несмилостивыим о помилованьи, и с рабъм ленивъм о мънозе деланьи,— не наложи на сия о всяком съвештяньи.

Трьми украсихъся и есмь красьна (мудрость): пред Богъм и человекы, лубъвь ближьних и мужя, на селе тяжяшта; три же норовы възненавиде душя моя, и зело ми мьрзит живот их: убога хупава и богата лъжива, и старца умаляюштяся разумъм своим: егоже в уности не събьрал еси, то како можеши обрести в старости своей?

Мудрость Менандра Мудрого

Богу подобно есть Божия строити, а человеку сущю человечьская творити.
Бог творит все, елико хощеть, а человек творить, елико может.
Велико есть богатьство человеку ум.
Вси приемлем печаль от своея жизни.
Блуден есть, иже обогатев ти забудет друга.
А лениву несть льзе жити сладце ни один день.
Всегда благо и более всего в человецех мудрость.
Мужю лепо есть терпети напасти крепко.
Без съвета творяще человеци присно брежаються.
Оставив обличения, не възискай тайнаго.
Муж лукав аще обогатеет, то зле живет.
Умеяи гнев держати, то срамных дел не твори всегда.
Мужа лукава бегаи и дружьбы его не прийми.
Муж скверная от словес познаеться.
Нрав велик имети — дружитися с другы.
Безумен есть и зол, иже любит лукавство.
Муж правдив есть, иже могыи кривити и не кривит.
Мужа лукава пиши клятвы на по воде.
Муж молчалив последи въздвизает гнев.
Жизнь есть, аще кто радуеться живыи.
Всу жизнь живем таку, юже изберем.
Видев инех зло, накажися сам.
Тверду любовь имеи к родившим тобе.
Умей всем добро творити, а не себе единому.
Житие человечьское бес печали удобь осужено.
Истинен буди, истинны же имеи и другы.
На взятие всегда възираеши, а подати не хощеши.
Съвет паче всего дела прийми.
Вредит всегда мужа ум, в гнев въпад.
Помышляи паче всего рожение честьно имети.
Несть мудр, иже много умеет, но иже много блага творит.



Жена добра жизнь дому и спасение му
жу по младости домъ созидаетъ а п
старости пенецъ поздержание стяжаетъ

Язык паче всего учися держати.
Родителя присно с Богом равно чьсти.
Чрево же от всего ласкърдъя умей въздержати.
Жене всякой красота не злато, но ум и молчание.
Смех в человецех без лепоты есть велико зло.
Жена добра есть, иже умеет строити дом.
Оженивыйся борзо скоро раскаеться после.
Жена правдива — жизнь дому и спасение мужу.
Жена лукава в дому, аки зла вьялица.
Жена блага любит страду и въздержание от всего зла.
Жены добры неудобь обрести.
Злу жену луче изволи в дом погрести, нежели в дом привести.
Книги учити добро и, учившеся, ум имети.
Жене старейшиною быти не даст вещьи закон.
Жена благоумна — състав дому и имению спасение.

От раб ведома есть жена зла и неистова.
Жена добра в дому аки мравии, а зла жена акы дьлвь утла.
Женитва человеком всем обьщая печаль.
Змия ядом погубляет человекы, а жена злоумна зельи.
Женитися хотя въпрошаи сусед, тожь ся жени.
В мутне воде не видети дна, а в невесте не разумети истины.
Не яжь брашна лукава, да не скетрнав наречешися.
Хотя быти праведен имеи другы праведны.
Мьгла солнцю пакость творит, а жена блудна именью мужа своего.
Ветер север — в дому жена лукава.
Луче правдив хощи быти, нежели лукав.
Луче есть злу быти лицем, негли умом.
Несть злее ничтоже, ина паче мачехы злы.
Страшив муж страшивы мысли имать.
Ищай славы, имей нрав добр, а хулных дел бегай.
Два еста дни жене добра: егда ю просят ти егда ю приведут.
Муж правдив все в закон творит.
От труда добра доброе прибывает человеком.
Нощию бывает съвет мудрых.
Мужю в беде сущу не створи зла, да тебе не срящет зло.
Терпи печаль и болезнь всякую крепце.
Врагом мысли зло, но не своего ради вреда.
Уповая хощу быти, а дерз николиже.
Помощь старости присно уготовляй.
Кротъку быти лепо есть чюже ядущее.
Никтоже себе не пропоспсть злодей сы.
В сытости любодейство бывает, не яд же николиже.
Благ муж терпит вьсе, еже даст ему Бог.
Суть и в женах добрых смисльная делеса.
Свободну мужю лепо есть истина глаголати.
В женах редъко есть обрести истина.
Надежа убо в человецех многы погубляет.
Есть в злобах сладость многа.
Врагом не веруи николиже, да не приимеши вреда.
У вraждьнаго мужа несть ничтоже потребно.
Чиста снабди своя телеса, да Богу не мерзок явишися.
Обидим весть всегда молчалив муж.
Един есть раб во всяком дому сам господин.
Луче по суху нищю ходити, нежели по воде богатети.
Жизнь живеши предобру, аще гневу съодолееши.

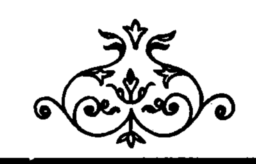
Живый блюдися далнего, аки ближнее вида.
Ревнуй добру и мудру мужю.
Жизни лукавых смерть луче.
Жити хотя, не твори съмертных дел.
Ревнование женьское запаляет дом.
Аще хощеши бес печали жити, не жени же ся.
Жити сладце несть лзе претребу, ни праведно просы имети.
Утроба и мало возмет, и велико.
Наука зла бегай и обретели злы не приемли.
Луче молчати, негли зле глаголати.
Порознь велико зло человеку.
Сладок есть отец, мудрость в гнева место имый.
Язык, соблажняя, истовое глаголет.
Лихая сласть вред ражает.
Или не створи тайны, или, створив, ти сам веси точию.
Мука есть человеком наук зол.
Сладъко есть в братьи истина любовьная.
По Бозе есть смыслящим отец и мати.
Имение есть детем мати.
Клича и мятежа бегай и не с единем всхочи добре жити.
Не сътвори зла, Бога чьсти, да все съделаеши в чин.
Бога первое чьсти, второе отца и матерь.
С смертию успешная смышляй.
Гнева не имей ни мало, аще смыслиши.
Луче сбирати ум, негли богатьство лукаво.
Равен ся имей всем, аще и болии еси жизнью.
Зол ся хощи слышати, а негли богат.
Тщея славы несть ничтоже злее.
Глаголяй злая всегда в тщету приходит.
Уне умрети, имже житие укоризну приносит.
Лжив сы и умерл и мучится.
Печаль умеет ражати человеком болезнь.
Нищю жити луче, негли богату зле.
Вещати умеют мнози, а разумети не вси.
Заим отдай же, человече, да и пакы возмеши.
Умеет слово мудро печаль врачевати.
Глад велика язя человеком.
Мала треба Богу довлеет, аще с правдою.
Утаити до конца не надейся зла си словеси.
Отлучайся от тех, иже ти слова не таят.
Помышляй предстроение потребны жизни.
Не любящаго прилюби, а любящаго не лишайся.
Срам есть отцю, аще раб боле господина смыслит.

Печаль есть всегда жена зла.
Не люблю мудра, иже есть неправдив.
Не отбегай друга, иже в беде суща.
Не пакости мужю в беде сущю: обща бо всем та чаша.
Бога премудраго дар есть человеком хытрость.
Не тщися на злое, ни пакы ленися на благое.
Единого есть бедно изъбыти в человецех хотения женьска.
Не люблю убога, дар дающа богату.
Не о всем хощю всем присно веровати.
Не хвали видев доброту, но делеса.
С праведным лепо есть совокуплятися всегда.
Жьдет человека все, еже ему подъяти.
Блажен есть, иже добрым служит.
Не желай якоже хощеши, но яко же стройно.
Бесни есмы вси, егда ся гневаем.
Ненавижю злаго, аще и добро глаголет ми слово.
За уна доброму научайся, а зла никакого не начинай.
Укоризны не глаголи, ни премудряи никогоже.
Закона послушай, а безакония не твори николиже.
Удолевает присно съважение.
Ун сы послушати старейших хощи.
Даст Бог комуждо, якоже хощет.
Луче болезнь терпети, негли печаль.
Странник сы послушай закона.
Странна и нища не мини видев.
Странну чюже есть быти лукаву.
Странным дая сугубь, приимеши от Бога.
Страннаго ни иного никогоже не обиди, аще и дойно ти есть.
Смыслен сы бегай зла дела.
Меч язвит тело, а слово зло — ум.
Страньнику всякому несть лепо блудити.
Страньник сы не буди претреба, да дойдеши добра.
Несть никтоже тебе, иже себе сам не любит.
Несть срам молчати, но глаголати безумно.
Гнев въздвизая, а тайны друга своего не являй.
Муж мудр в собе носит умение.
Вино, много пиемо, мало дает смыслити.
Несть обрести жизни ничьеяже бес печали.
Не биен муж не накажется николиже.
Несть никоеже имение добрее друга.
Никтоже не весть, еже мыслиши, но еже твориши, то вси видят.
Овем дает Бог, а другым уемлет.

Гнев много принуждает створити зло.
Иже не весть ничтоже, тъ не съгрешит.
С тугою есть старцю в дому работати.
Не радуйся ины видя в беде.
Никтоже гневен сы добре съвещает.
Чьстит век человеком нрав добр.
Вино не даст всегды стройну уму быти.
Несть како помнети первых зол.
Ум наш себе комуждо в Бога место.
Никоеяже еси пострадал беды, но юже сам себе обрете.
Не женяйся николиже не прижидет зла.
Ничтоже будет по воли, еже ся створит по лучаю.
Несть никоеяже злобы боле гнева.
Время добро есть всего деяния.
Ум, иже есть в тебе, никоегоже зла не хощет.
Никтоже добр зла не творит.
Иже велми любит, той малы ся гневает.
Гнев межи любящимися в мале времяни бывает.
Несть ничтоже ино свято в вере разве слово.
Велика болезнь есть держати гнев.
Много вино пиемо много нудит глаголати.
Вадением мнозем вино есть зло.
Нищету не всяк стерпит, но муж премудр.
Отец есть иже въскормит, а не иже родит.
Делай свое, а чюжего не съглядай.
Блюдыйся ходи к пути жизни сея.
Человечьскому уму время бывает учитель.
К добре глаголющему ничтоже супротивна словеси имей.
Лукава мужа николиже не створи си друга.
Многа изменения жизнь наша приемлет.
Множеми языкы вина бывает злу.
Нищая ленивыя не воскормит леность.
Грады вся погубит свада зла.
Мнози суть у добра житья друзи, а не у беды.
Мнози жен деля въпадают в беду.
Мнози же и в добро, но не смыслят.
Надежа жизнь творит чистейшю.
Многы худолажа время створит мужи.
На все убо лепо есть быти мудру.
Люба есть доброта, но егда имат ум чист.
Многы зле творяща оправдает сан.
Всяка болезнь сладъка есть, егда есть с славою.
Беседы, на долзе бывающая, изменяет жизнь.
Все слово извещав, ответ приимет пакы.

Легъце е терпети приходящая случая.
Тление есть в сей жизни леность.
Легчее есть утешати, негли самому стражющю терпети.
Леность велико убывание творит.
В час Бог един точию пременяет.
Ведый лукавый словеса раскажает.
От мудра мужа приими съвет.
В часе есть наша жизнь, яко в ярьме.
Мудростию есть научитися разуму.
Бывает другойци молчание луче глаголания.
Съветник буди добру, а не злу.
Сам ся снабди от всея делесы свободен.
Несть мудр, иже ся сам соблажняет.
Время поступая умение совершает.
Смяла есть веру нашю жизнь.
У мудра мужа первое прелъга хытрость светник.
Несть никоеже добрее времени разве молчати, еже есть лепо.
Богатаго вси мнят мудра.
Не престаемо дело всегда совершаемо бывает.
Ведущих недоумения терпети есть лепо.
Делание правдиво — имение честно.
Луче есть человечьскым деланием треба, а не съвет.
Имени человеком обретает другы.
Весь любит на имение свое взирати.
Добро деющему везде своя земля.
Мнози сани всегда суть со вредом.
В себе сълучьшее дело доброе нас устроит.
Благодеть приим, помни, а створь — забуди.
Время точию обличит мужа правдива.
Душею ся своею пьци, елико можеши.
Лжай не утаится в много время.
Муж много живый паче смыслит.
Душе печалне полза есть слово добро.
Хулу воздержи, ничтоже без лепоты не глаголи.
Лживу другу не веруй николиже.
Яко велико, тако и мало приими, туне даваемо.
Сладъка жизнь есть, егда ю навыкнет жити.
Много зло человеком ражае порознь.
Сладъка есть беседа родившему детий своих.
Сладъко есть избывшему понести беду.
Уне есть всегда ум имети, нежели единою безумие зло съдеяти.
Сладъко есть издалеча моря позоровати.
Богатым суть вси человеци друзи.

Та жизнь зла есть, примышление печали всей.
Сладъко есть раб добр, господину обретше.
Бедно есть зело жену пояти.
Сладъко есть благодеть прияти во время.
Беда бывает человеком старость.
Сладъко есть смысл с требованием смешено.
Бес конца вражды не держи: смертен сы.
Сила есть в человецех имение и власть.



Притчи, или пословицы, всенароднейшие по алфавиту

Предсловие до читателя

Книжица сия по азбуце есть положена, друже мой читателю, или послушателю милостивый, кратко, ниже по чину лексикона, ни мерою рифм состроена, якоже зриши, но случая ради скораго, сословие, точию литер, а не инаго коего употребления украсися сочинением. Оставишася бо сия рачителем тоя, иже могут достаточне сию в сих удобрити: мне же ныне о сих вина не мала. Точию за принуждение некиих от любящих мя, дерзнух такоже видиши, малая сократи от многих бо едино, яже обретох.

Оба писана издревле, мню яко лет за сто или болше, иная же на словах обносящаяся. Премного же зело и еще обносятся, нами неведомая, яже, аще кто и паче от многолюботрудных потщится мирския сия вещи, или пословицы, собрати, едва ли возможет. Ты же, зде проходя, или послушая писанная, молю, да не зазриши сим и да не вменими реченных в презорство: не в ново бо сия, ни нами начало прият, но стародавная некая, точию ныне во едино собра, яже от многих уже лет в мире утвердишася. И древнии мужие, собою искус пословиц сих в вещех приимше утвердиша, от них же друго преемне по ряду и до днесь твердостно множайшая в нас содержатся, мню же и впред будут держатися со усугублением.

По некотораго негде речению, елико от человеческаго жителства продолжается время, толико человецы мнятся в художествах своих древния превосходити во всякой вещи, мнящеся, якобы котори забывше реченное, ни чтоже в мире новое. И инде не помышляй начало хитроче: яко ты художества твоего предначинатель, или предначатаго украситель. Уже бо быша вся, елика под небесем разстаишася же, или в безобразие приидоша. Неких ради

случаев воспоновишася, а потом паки обезлепотятся и паки украсятся. Непостоятелна бо фортуна века сего, донележе благоволит колесу сему создатель вращатися.

Толико же множество притчей сих мирских в мире еще мною не писанных оставишася, елико ум мой не токмо собрати, но и достигнути не может. Мало убо таковых, кто ли бы по своему вразуме постигновению пословицы какия, когда наговорил елицы словом словодавца, украсишася. Их же насовершения и собрания в книжицу сию твоему доброразсудию оставляю. Точию любовь твою прошу, да не срамословная некая, или сквернословная внесеши, яже Богу мерзска, и ум имущым ненавистна, о них же и в день суда ответ дати. Но яко мудр по духу ловец, словесным ти неводом рыбы разума привлечеши, на добрую серца твоего землю. И добрыя убо в сосуды словеснаго ти органа избереши употребления. Их же и от любовных твоих и другом предложиши во увеселение. Злыя же в сланыя моря воды, скверословец, изринеши, или яко о пшенице и плевелех сотвориши. Егда же рукама си возмеши книжицу сию, и вникнув, или послушая инаго, яже ти от писанных будут требе, внемли, уподобляяся мудрой медоделателнице пчеле, полезное избирая. Но без сего бо, аще и зазрена, или посмеяна будет книжица сия неким, но буди ведая, яко ко творению воли и заповедей Божиих, ни кое ти есть от нея препятие. По речению увещателя вселенныя, ничто ны может от любве Божия разлучити.

Еще же придает знати ти книжица сия, како благих нравов и другов знати и держатися, злых же удалятися, и иная многая таковая. Аще ли речет некто о писаных зде, яко не суть писане зде от божественных писаний, таковый да весть, яко писана многая согласна Святому Писанию, точию без украшения, как мирстии жители простою речию говорят. И в лепоту от древних сие умыслися, еже в божественная писания от мирских притчей не вносити, такоже и в мирския притчи, которое будет сличне еже вносити от книг святых избранных, и приточныя строки, или мирския сия притчи божественнаго писания речением приподобляти: обоя бо, аще и един имут разум, но иже своя места держат. Того ради, таковый конец блажению своему да сотворит, загнув книгу сию положит, да оставит ю тоя рачителем, с сим ведением, яко никому от нас собою прежде нас в мире лежащым сим словесным сим притчам конца не учинит, по реченному: ничтоже в мир сей внесохом, яве яко, ни изнести что может.

Паки же любви твоей единою возбеседословлю, конец сотворю слова. Тех ли ради не хощеши при себе книжицы сия имети, иже с ругательным намерением, зде писанным, поносят, и широкий составляют; [ей р]ечеши отвещаю: не нов обычай, паче же ветхий — н[е]чест[т]ивым человеком гонити благочестивыя. Насаждена убо быша в Каине и глубоко укоренишася во Исааве и Сауле, и самочисленных таковых подобне подобными. Не точию о сей книжице, но помяни, колики и каковы хулы и укоризны приемлют божественная писания. Паче же ныне в настоящая времена от гаждателей истины, иже прияша мзду свою, прочим же и еще готовится, и о сих и слова конец да будет.

А яко пословицы, или мирския сия притчи, по общему всех жителству зело потребны и полезны, и всеми ведомы добре, и никогда ни от кого, имущых ум здравый, уничижишася и заврешася; паче же от неких мудрых и неких писаниих помяновением похвалишася, иже имут множайшая свидетелства, во своих местех сущии же великороссийскаго царствия языцы. Паче же западных стран жители, имут мирския сия притчи своим их течтом в типография живописатель бе изследованны, якоже из них некия моима видех очима, в их жития ползу ревнующе упражняющымся, ни во чтоже разве слышати некое новое.

Ты же благочестивый буди, яко мудр, и не уподобляйся нраву безгласных рыб, но износи от сокровища сердца твоего сличное времени же, и лицу, и месту сокровища твоя, ветхая же и новая. Да во всем славится всех творец Бог: и даст ти зде век яже, и получиши тая. Усердно любви твоей, яко и себе, желаю, о сем всегда и ныне и присно моление мое возсылаю. Аминь.

Повести,
или пословицы, всенароднейшыя по алфавиту

А

Аще бы не Бог, кто бы нам помог.
Адам сотворен, и рай отворен.
Антихрист примает, хто Христа отступает.
Аггел отвратится, хто в блуд обратится.
Андрей крутил, Иоанн благо вестил.
Адам зло сотворил и рай затворил.
Аз да буки избавит ли от муки.
Алчнова гостя не употчивал Костя.
Афонасья ломает к ненасью.

Азов не от сте глазов, а Крым не крив.
Ахтуба пуста, а без караула не гуляй.
Азбука в шесть денег, а псалтир по рублю.
Апрель богат водою, а октябрь пивом.
Ах, ах, а посабить нечем.
Анна не манна, не укусит ея стать.
Аль я виновата, што рубаха моя дировата.
Аз не без обеих глаз, про себя сам вижу.
Аптекам предатся, денгами не жатся.
Алтын пробивает и тын, а полтина убивает и Мартына.
Аркан не таракан: хош зубов нет, а шею ест.
Аз, буки, веди страшит, что медведи.
Алтын сам ворота отпирает и путь очищает.
Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют.
Алтын убогих прелщает, а Мартын богатых смущает.
Аршин на сукно, а кувшин на вино.
Аршин сукна швецам, а кувшин винца певцам.
Азов был славен, Смоленск страшен, а Вилня дивна.
Авось пападет, что заец в тенято.
Азбуку учат — во всю избу кричат.
Архангельской город — всему морю ворот.
Азбука велика, а тритцать слов.
Астрахань далече, а Сибирь и дале того.
«Аминь», «Аминь» писмом не велик, да велики речи замыкает.
Алфавиту учат Никиту.
Алфе учится Марфе.
Афон гору познать кому в пору.
Ад, что насад; много в себя побирает.
Алтыном Мартыну ни сапог подшить ни скоба подбидь.
Аз не вяз, и содрав лыко не сплести лаптеи.
Авеля Каин на поле манил.
Ад безо дна, век без конца.
Алчешь чюжова — потеряешь свое.

Б

Бог есть благ.
Бог любит смирение.
Богат Бог милостью.
Бог свое содевает.
Безгрешна человека на свете несть.
Беседы злы растлевают умы.
Богат мыслит о злате, а убог о блате.
Брадою честен стар, а разумом хвален млад.

Бедному кус за ломтя место.
Безумен учения не любит.
Брат брату головою в уплату.
Беды терпеть — каменно сердце иметь.
Брань на вороту не виснет.
Бранное слово на гнев приводит.
Брань правды не любит.
Бранью праву не быть.
Бранясь оставь слово к миру.
Боися Бога, а смерть у порога.
Басни соловья не кормят.
Беси то ведят, что бабы вредят.
Богу жаль куря дать, а чорт возме и борана.
Бедность и мудраго смиряет.
Без уса борода — без ума голова
Брат мой, а ум у него свой.
Бог дал путь, а чорт кинул крюк.
Береги белую денгу на чорной день.
Быть было ненастью, да дождь помешал.
Борода что ворота, а ума с малой приколиток.
Без меня хоть трава не расти.
Без притчи веку не изжить.
Были бы кости, а на костях мясо будет.
Бумага не купленая, а писмо домашное.
Бодливой корове Бог рог не дает.
Бес копусты щти не густы.
Без обеда не красна беседа.
Бел лицом, да худ отцом.
Бедной в нуже, что жаба в луже.
Болен зуб у себя во рте.
Богат силен, что лев.
Богату хотя глупу всяк деет место.
Боятся волков — быть без грибков.
Было ремесло, да хмелем зарасло.
Будь здоров со всех четырех сторон.
Баламут любит кнут.
Бортник горек, да мед ево сладок.
Беседа без хлеба ни пригожа, ни угожа.
Бритва остра, да мечю не сестра.
Был тот в ските, что Иона в ките.
Блин не клин — брюха не росколет.
Белые ручки чюжие труды любят.
Болит дед о бабке, а бабка о внуке, а внука о сучке.
Боися смерти — не утащили бы черти.
Болшой в дому, что хан в Крыму.

Барашки у Малашки, а две сумы у Фомы.
Бранит жена мужа, а бить ево не нужа.
Боится бес креста, а свинья песта.
Бил дед жабу, грозяся на бабу.
Барашка убить — не душа погубить.
Бешену мужу и море за лужу.
Бога бойся, а царя почитай.
Болезнéнну серцу горко и без перцу.
Бои красен мужеством, а приятель дружеством.
Богатство добысть и братство забыть.
Без глаз рожа не пригожа.
Береженье лутче вороженья.
Бережливова коня и зверь в поле не бьет.
Бог пристанет и пастыря приставит.
Бог дал родню, а дьявол — вражду.
Бранью праву не быть.
Бес беса и хвалит.
Брюхо, что худой друг — добра не помнит.
Брюхо что неправедной судья, и молча просит.
Был бы хлеб, а у хлеба люди будут.
Буди приветлив, а не будь изветлив.
Был было дворянин, да чорт ево переменил.

В

Великому короблю велико и плавание.
Вера без дел мертва есть.
Вино веселит сердце человеку.
Встанешъ рабою — сядешъ госпожою.
Вода путь найдет.
Вешней путь не дорога, а пьянова речь не беседа.
Время красит, а безвремянее сушит.
Ворона грает, а сокол играет.
Всякому лихо, как лето не тихо.
Взяв чорта в дом, не выбить ево лбом.
Взяв у чорта рогожю, отдать будет и кожу.
В гости на ногах, а из гостей на дровнях.
Велик смех, не мал и грех.
Волному — воля, ходячему — путь.
Век пережить — не поля переитить.
Во многом глаголании несть спасения.
Вавилонская пещь — во все роды вещь.
Волна баба в языке, что чорт в своей музыке.
Вешней лед обманчив, а новой друг не надежен.
В чюжих руках ломоть шире.

Ворон ворону глаза не выклюнет.
В одном дереве икона и лопата.
Выше меры и конь не скочет.
Ввалихся, что мышъ в короб.
Всякое дело мастера боится.
Волосы долги, да ум короток.
В чюжую дудку не наигратся.
Взявся за гуж — не говори, что не дюж.
В чюжом пиру да похмелье.
Выше лба уши не растут.
В дождь избу не кроют, а в ведро и сама не каплет.
Век жить, а век учитца.
Всякая неправда грех есть.
Волки бы сыты, а овцы бы целы.
Верну другу несть измены.
Видя мышъ кошку забыла и лошку.
Встречают гостя по платью, а провожают по уму.
Выше солнца сокол не летает.
Высоко Бог, далеко царь.
Всякое брашно гортань разсудит.
Всякой избирает друг по своему нраву.
Всякой человек у дела позновается.
Во всяком мудреце доволно простоты.
Всякои молодец на свой образец.
Всяк Еремеи по себе разумеи.
В чюжие сани не садись.
В боярской двор ворота широки, да з двора уски.
Всякой вещи время.
Всякое дело мера красит.
Ведают то болшие, у ково бороды пошире.
Выпили пиво о масленице, а похмелье ломало после радуницы.
Вор не тут крадет, где много; тут крадет, где плохо.
Вор, что заец, и стени своеи боится.
Виноват медвед, что корову съел; а не права и корова, что за поля ходила.
Вина голову клонит.
Временьщики родом велики, да недолговеки.
Всякое коренье примаи з благодареньем.

Г

Господь гордым противится, смиренным же дает благодат.
Где закон, там и страх.
Горбатого гроб исправляет.

Где нас нет, там по две милостыни дают.
Глаз видит, да зуб не имет.
Грехи любезны даведут до бездны.
Грехи чинят смехи.
Грех да беда на каво не живет.
Где тонко, там и рвется.
Гора с горою не сойдется, а человек с человеком сойдется.
Голод не тиотка — пирожка не подсунет.
Горду быть — глупым слыть.
Георгей с мостом, а Никола с гвоздем.
Где был сад, тут стал ад, а где море — там горе.
Гусли звонки, да струны тонки.
Гроб видя вздыхают, [а смертной час воспоминают.]
Гонец из Крыму, что таракан из дыму.
Горцавал пан, да с коня спал.
Говорить правда — потерять дружба.
Гортан гласу — родител, глас же гортани — кормитель.
Глеб з Борисом, а хлеб у них с анисом.
Говорил день до вечера, а слушать нечево.
Грешное тело и душу съело.
Гром не грянет — мужик не дрогнет.

Д

Два одному рать.
Далеко кулику до Петрова дни.
Двожды и Бог не мучит.
Добрая метла в место метет, а худая — розна.
Девичья красота до мужества.
Давно то пропало, что с воза упало.
Денга рубля стережет.
Дураков не сеют, не жнут — сами родятся.
Доброму везде добро.
Дорого, да мило; а дешево, да гнило.
Дорого яичко к велику дни.
Дураков не сеют, а умных не веют, и сами они обявляются.
Доброе молчание о чом не ответ.
Дух бодр, плоть немощна.
Друг верен в напастех познается.
Двор добро с ушами, а храмина с очами.
Даравому коню в зубы не смотрят.
Дунай река велми широка.
Добро тово бить, хто плачот.
Дурак стыду не знает.
Денешка любит щет.

Добрые жорнова все мелют.
Дубинка да спинка побраталися.
Друг верен во всем измерян.
Долготерпение приносит благословение.
Достанется сестрам по сергам.
Долго спать — долг наспать.
Дерево немо, а вежиству учит.
Дитя не плачет, а мать не разу́меет.
Дале в лес — болше дров.
Дале в спор — болше слов.
Досталося всякому по Якову.
Двое одново не ждут.
Далные проводы — лишние слезы.

Е

Ему же дано много, много и взыщется от него.
Египет пшеном, Италиа вином.
Его же любит Бог, того и наказует.
Еноху обличати, и Илье не молчати.
Един гонит сто, а два тму.
Елень быстра, а от смерти не уте́кает.
Есть пирог — едим, а нет ево — гледим.
Ева скурила — весь свет погубила.
Еловой пень не отродчиво, а смердей сын не покорчиво.
Еловые шишки от корней до вышки.
Ехиднино племя отца убить, а матку съесть.
Елена от всех благословена.
Елизар уж всех перелизал.

Ж

Животом и смертию Бог владеет.
Живущему в пустыни дает Бог благостню.
Жатва многа, а делателей мало.
Жнет, идеже не сеял; собирает, идеже не росточает.
Жива будет душа моя и вохва́лит тя.
Жесток нрав не будет прав.
Желание мудрсти вво́дит в Царство Небесное.
Жестоко слово воздвизает гнев.
Жена мужу пластырь, а он еи пастырь.
Железо сьедает ржа, а сердце погубляет печаль.
Женится медведь на корове.
Женится рак на легушке.
Жалеть сына — учащивать раны.

Жив человек живую и помышляет.
Женское лето по Семен день отпето.
Жить — мучится, а умерет не хочется.
Женится уж не ленится.
Жалеть коня — истомить себя.
Жидок путь водою, а ездят им з бедою.
Животы у старца толка плошка да лошка.
Живучи на Москве, пожит и в тоске.
Живи в тиши, а к нам грамотки пиши.
Живет богатой, что бык рогатой.
Жаворонок к теплу, а зяблица к стуже.
Жалеть писцу бумашки — не нажить ему рубашки.
Жилы рвутся от тяжести, а слезы льются от жалости.
Жена пряди рубашки, а муж бей гужь.
Жемчюжное зерно порою скверно.
Женские умы, что татарские сумы.
Жена говорлива мужу не мила.
Жаравль летит с моря, убавит нам горя.
Жены для в пир, а детей для в мир.
Жених весел — всему браку радость.

Женихом брак честен.
Жолна долбит древо, а жена сушит чрево.
Ждучи поп усопших, да сам уснул.
Жалом пчела страшит и кроля.
Жил бы и в орде — толко бы в добре.
Жатва поспела, и серп изострен.
Жена да муж — змия да уж.
Жаба гласом устрашает льва.
Женится — переменится.
Живет мордвин и не крещен.
Жена мужа не бъет, а в свой норовь ведет.
Женою Адам из рая изгнан.
Жив Бог — жива и душа моя.

З

Злую печаль развевай доброю мыслию.
Злое древо, и плод его зол.
Злоречивой хошь язык отрезать, и она перстом накивает.
Завидлив бывает обидлив.
Завидно в поле горох да репа.
Зелие знати — по ночам не спати.
Зимою шупка не шутка.
Зелие збирают — звезд избирают.
Злых всех злее злая жена.
Зная Авраам жену сестрою звал.
За правая слова умирают мнози.
За морям карова по деньги, да провоз дорог.
Запас мешка не порьтит.
Знать сокол по полету.
Знать сова по перью.
Зделав добро, не хвалися.
Знает сверчок свой шесток.
Загадки гадки, а отгадки с души прут.
Запор мал великим городом владеет.
Замок пригож клетью, а задок плетью.
Збылась коту своя масленица.
Зачал за здравие, а свел за упокой.
Займуя смеются, а платя долг плачют.
Зоб полон, а глазы голодны.
Збруя при рати — недруга карати,
Зелен виноград не сладок, млад человек не крепок.
Зыбак мост на речке, гибок хвост на печки.
Звал волк коз на пир, да за гостинцами нейдут.
За которой перст не укусишь — ин все болят.

З болноя головы да на здоровою.
Зять любит взять, а тесть любит честь.
За что казак гладок, поетчи да на бок.
Знает кошка, чье мясо съела.

И

Истина от земли и правда с небеси.
Истинно не ложно: против рожну прат не возможно.
Искра мала велик родит пламень.
Испила кума брашки, да хватилас рубашки.
Иже да како не солгут никако.
Ичется с голоду, а дрожится с холоду.
Испила баба табаки да несет, что от сабаки.
Идет дождь, несет он рожь.
Из доброва меха добра и потеха.
Изломя ногу, молися Богу.
Изловя вошь, отпусти хошь.
И дура то знает, что велик день празник.
Идет Фома — болшая сума.
Игла служит — пока уши; а люди — пока души.
Ива крепка запором, а двор забором, а ум меж губ.
Избу ставят — Бога славят.
Икос прикось, а кондак и так.
Исус Сирахов насказал много страхов.
Иуда лижет блюда.
Иуда удавился, Фараон утопился.
Иосифов сон збылся и не забылся.
Из песни слова не выгородить.
Из огня да в поломя.
Иной от книг, а иной от плутыг.
И сам тому не рад, что грамоте горазд.
Иной кажется и глуп, а молвит слово в пут.

К

К мяхкому воску чисто печать воображдется, а учение во младости крепко вкореняется.
Каков пастырь, таковы и овцы.
Какова постеля, таков и сон.
Крадый чюжая, не обогатеть.
Каково кто сеял, таково и пожнет.
Какова пашня, таково и брашно.
Корова черна, да молоко у неи бело.
Когда железо кипит, тогда ево и ковать.

Красна пава перьем, чесна жена мужем.
Кошке игрушки, а мышке слезки.
Красен долг платежем.
К чему кому охота, к тому и смысл.
Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет.
Каково кто постелет, таково и выспится.
Как хто живет, так тот и словет.
Как волк носил, нихто не видал; а как волка понесли, вся видит.
Как возмет голод, появится и голос.
Катается, что сыр в масле.
К милому семь верст не околица.
Коли дрова горят, толды кашу варят.
Кисель да блин — добро не один.
Косу острят на траву, а мечь на главу.
Куды волк глядит, туды он и бежит.
Кнут да пластырь, да доброй пастырь.
Книги читать — зла не плутать.
Кашира в рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула.
Казак в Запорогах, что пень при дорогах.
Книга кроника на многих улика.
Красно гумно стогами, а стол пирогами.
Кинь хлеб соль за собою — объявится пред тобою.
Кто Бога боится, тот и людей стыдится.
Крепка рать воеводою.
Конь о четырех ногах и тот потыкается.
Кто на море не бывал, тот от желания сердца Богу не маливался.
Кто сам себя хвалит, в том пути никогда не бывает.
Куды конь с копытом, а рак тут же с клешнею.
Колко воды не пить, а пьяну с нее не быть.
Колко волка ни кормить, а он к лесу глядит.
Какову другу чашу нальешъ, такову и сам выпешъ.
Каково посеем, таково и пожнем.
Как там говорить, где не дадут рта отворить.
Кошку бьют, а невестке наветки дают.

Л

Лехко мнится бремя на чюжем раме.
Лисье племя лише лстит да манит.
Летней день за зимнюю неделю.
Ленивои пьет воду.
Лутче семья гореть, а ни однова вдоветь.
Лес сечь — не желеть плечь.

Ладану бегает дьявол, а дурак доброва слова.
Люблю долго спать, да стыжусь поздно встать.
Лутче ста рублев сто другов.
Лихва и лесть — диаволу честь.
Лишние басни пора в козов.
Лутче старик семерых молодых.
Лист красит древо, а одежда чрево.
Лестное слово, что вешней лес.
Лстивой и себе веры не имет.
Лося бьют в осень, а дурака всегда.
Ловец да чернец и по ночам мало спит.
Лихо ленивому до лета, а там лишъ спи да лежи.
Ложася спать думай, как встать.
Лучьше хлеб с водою, а не пирог з бедою.
Лев страшно, обезьяно смешно.
Леность наводит бедность.
Лиска лжот да на хвост ся шлиот.
Ласково телетко две матки сосет, а лихое и одну запустит.
Ложась благословися, а встать перекрестися.
Лев дивен смирением, а жена покорением.
Людская молва, что морская волна.
Ложкою кормит, а стеблем глаз колет.
Ластка день начинает, а соловей вечер кончает.

М

Мудрость старости честнее.
Мужь дому строитель, нищете отгонитель.
Мыло не мило, коли лицо згнило.
Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу.
Мука вечная, не муха здешняя.
Мясоед с постом побронился.
Мутну воду пьют в незгоду.
Мысль человека за горами, а смерть его за плечами.
Мал язык великими людми владеет.
Мала огня искра велики вещи сожигает.
Множество мудрых — спасение миру.
Мзда и премудру мужу ослепляет очи.
Многое учение трудов потребует.
Мед каплет от уст жены блудницы.
Мимо яблонцы яблочко не падает.
Место человека не просветит, но человек место.
Мяхко стелет, да жестко спать.
Мала дождевая капля жесток камень пробивает.
Много знать — мало спать.

Меряешъ воду — не спрашивай броду.
Мил гость, что не долго гостит.
Много званных, а мало избранных.
Мног путь ко спасению.
Мертвой у ворот не стучит, а свое возмет.
Мед есть — в улеи лесть.
Мертвых на погост хоть в великой пост.
Мило волку теля, да где ево взять.
Москва, что доска: спать широка, да везде гнетет.
Мыло черно, да моет бело.
Мирская молва, что морская волна.
Мал золотник да дорог и велик фунт да бросит.
Мужь печется, как хлеба добыть; а жена мыслит, как мужа избыть.
Мил гость, что душа; избывают ево, что ежа.
Мылня, что Вилня: там не гуляется, а тут наваляется.
Муха да уха, сорока до ока, а оса да носа.
Мышъ в коробе, что князь в городе.
Муха убивает ли орла, а муровеи лва.
Меж глаз да нос пропал.
Москва стоит на болоте, а ржи в неи не молотят.
Мяхкое слово кость ломит, а покорные головы и меч не сечет.

Н

Начало премудрости страх Господень.
На суд ити — прежде самому осудитца.
Не копай под другом яму — сам ввалишся.
Не будь гостю запасен, будь ему рад.
Новая метелка чистенко метет.
Не сыпь бисеру перед свиньями, да не попрут ево ногами.
Не толко свету, что в окошке.
Не сули жаравля в небе, давай синицу в руки.
Надулся, что мышь на крупу.
На правду немного слов надобно.
Ни радость вечна, ни печаль бесконечна.
Не плюй в колодез, либо лучится воды испить.
Не люби потаковщика, люби — встрешника.
Не бранися с рабою, да не сровняет с собою.
Не молвя слова крепися, а молвя слова держися.
Не лгут книги, что времяна уж лихи.
Не радуйся нашот, не каися потеряв.
Не поклонясь грибу до земли, не поднять ево в кузов.
Норов не боров: откормя ево не убить.

Нов город щекочот, к поезду ехать не хочот.
Не пеи много вина — не истеряешь ума.
Не играй кошка углиом — обожжешь лапу.
На што было родитца, коли никуды не годитца.
Нашол дьявол клобок, да боится взять.
Не сам пьяной ходит, черт его носит.
Нов город Нижней — сосед Москве ближнеи.
Не так жить, как хочется — так жить, как Бог велит.
Написано пером — не высечешь и топором.
Не красна изба углами — красна пирогами.
Не за то волка бьют, что он сер — за то, что съел.
Не тут вор крадет, где много — там, где плохо.
Не родитца от свинеи бобрионок, всегда — поросионок.
Насилу милу не быть.
Не боися исца — боися судьи.
Недорого ништо, дорого вежество.
Не тот милостив, хто много милостии дает; тот милостив, кто никого не обидит.
Не пьянова молитва, ни голоднова пост.
Не доваи голодному хлеба резать.
Не посылаи холостова с сватаньем.
На чюжой рот не пуговица нашить.
Не зван в пир не ходи.
На битом два небитых дают.
Не тот вор, хто крадет; тот вор, хто принимает.
Не винно вино, виновато пьянство.
Недосол на столе, а пересол на спине.
Не наша еда лимоны, есть их иному.
Не померяв броду, не мечися в воду.
Не посмотря в окно, не плюи.
Не родися не хорош, ни пригож — родися щаслив.
Ношная кукушка денную перекоковывает.
На напасть не напрясть.
Никто не бывал, а полпесни пропало.
Нет такова дружка, как матушка.
Невежа и Бога гневит.
Нажил богатство — забыл и братство.
Не диво тому, что вош в пироге; у доброи жены и по две живет.
Назвался груздем — лести в кузов.

О

Обидлив, завидлив не внидут в раи.
Овцы бы целы, а волки бы сыти.

Обрадовался крохе, да ломоть потерял.
Онанья плачот, а Маланья скачот.
Овечку стрыгут, а другая тако же глядит.
Охота пуще неволи.
Обидно в поле горох да репа, завидно в мире вдова да девка.
Осердяся на блохи, да одеяло в печь.
Основание бумага, а уток писмо.
Осудари наши воля ваша, хотя на нас дрова.
Ожегся на молоке и на воду дует.
Очи добры — толко ямы одны.
Одно взять; либо дети водить, либо денги копить.

П

Правда избавляет от смерти.
Пророк не порок: что он скажет, то так и будет.
При корыстех познавается друг.
Пешои конному не товарыщ.
По пашне и брашно.
По Сенке и шапка.
Пришол посол нем, принес грамоту не писаную.
Печать вощаная, а клеть дощаная.
Плетью обуха не перебить.
Пьяному и море по калена.
Под лежачь вода не идет.
Пар кости не ломит.
Привыкай коровка ко ржаной соломке.
Поп да петух едчи поют и не едчи поют.
По платью встречают, а по уму провожают.
Пошол по канун, да и сам потонул.
Поиграл дед в сурну, да попал в тюрму.
Просите — дасться, ищите — обрящете.
Покорной головы и мечь не сечот.
Пьянова речь, а трезвова мысль.
Пьяницы Царьствия Божия не наследят.
Пить до дна — не видать добра.
При солнце тепло, а при государе добро.
Правда не гневна, да Богу люба.
Почитай божественное честно.
По милости по царскои и сам себе Пожарскои.
Пошли Ляхи на три шахи.
Праведен Бог и в милости мног.
По одежке протягай ношки.
Пиво добро, да мало ведро.
Помолчи боле, поживешъ доле.

Пьян да умен — два угодья в нем.
По нитке и клубка доходят.
После дождика в четверг.
Пословицы тьвердит — голова засверьбит.
Пению время, а молитве час.
По которои реке плыть, то тои [и] слава творить.
Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голова положить.
Пригож колчан стрелами, а обед пирогами.

Р

Рано татаром на Русь ити.
Рыба — вода, репа — земля, а ягода — трава.
Рак не рыба, нетопыр не птица, а пес не скот.
Рож да пшеница годом родитца, а верен друг всегда пригодитц[а].
Рысь сверху пестра, а лукавой человек изнутри.
Ранняя птица нос очищает, а позная глаза продирает.
Рука руку моет, а обе хотят белы быть.
Рад бы в рай, да грехи не пустят.
Рука руку чешет, а обе свербят.
Ризы черныя, яко цветы сельныя.
Римская лесть — мнимая честь.
Разбоиник — живой покоиник.
Руские догатки завернут татю лопатки.
Резал дед козу — давал бабе грозу.
Ржет конь к печали, ногою топает к погонке.
Ров глубок, а путь в нево широк.
Родион подь вон, а Ватута сиди тута.
Репу да горох не сеи подле дорог.
Рай помышлять — о душе промышлять.
Решетом воду мерять — потеряешъ время.
Родя спит и ходя, а Зиня рот розиня.
Римская вера, что неуставная мера.
Рад бы дал пирошка, да у самово ни куска.
Рогошка рядная, што матушка родная.
Ремесла за плечми не носят, а с ним лутче.
Рыба ищет где глубже, а человек, где лучъше.
Розиня ростяпе в рот заехал.

С

Старых людеи пословицы не мимо дела.
Свои ум — царь в голове.

Своя голова дороже живота.
Словом поспешон — скоро посмешон.
Свадьба без див не бывает.
Стояньем города не взять.
Смирение — человеку ожерелье.
С коим обычаем в колыбельку, с тем и в могилку.
Солнце сияет на злыя и благия.
Суд царев — суд Божий.
Слепец слепца ведутся, а оба в яму впадутся.
С сильным не борись, а з богатым не тяжись.
Смерть страшит, а грех во веки мучит.
Сухая ложка рот дерет.
Собака лает, а владыка едет.
Соловья басни не кормят.
Сила [и] закон преступает.
Собака лает, а ветер проносит.
Светильник телу есть око.
Сыт голоду не разумеет.
Со лжи люди не мрут, а впред веры не имут.
С верою лучинка о чом не свеча.
Сам себе не рад, что грамоте горазд.
Сама ся раба бьет, что не чисто жнет.
Скаска склад, а песня збыль.
Сиди криво, а суди прямо.
Сад красен оградом, а лоза виноградом.
Старую погудку на новой лад.
Сон в кручине, что корабль в пучине.
Сметану любить — коровку кормить.
Сукно избирай цветом, а друга приветом.
Семью примеряв, однова отреж.
Слово не стрела, а пуще и стрелы.
Старые немощи трудно лечить.
Смехи да хихи вводят в грехи.
Самсон сам сем.
Соли дед шти, а хлеба жди.
Сахар значит лесть, а саван кажет смерть.
Сеян скупастею — пожнет скудостию.
Сидеть у брашки смиренко — позовут и к пиву.
Сурово зелье — хрен да редка.
Своя ноша не тянет и поту не канет.
С людми и смерть красна.
Старой друг лутче семерых молодых.
Свой своим дерется, а чюжой не приставай.
Сняв голову, да над волосами плачот.

Т

Тем море не погано, что псы в него налокали.
Тише поидешъ — дале будешъ.
То тебе не в чин, потому что ты немчин.
Ты язычек смалчивай, я за тебя белку плачивал.
Тем добро, что все ровно.
Татарскому мясоеду конца нет.
То не спасенье, что пьян в воскресенье.
Тетива порветца, и татарин не бьетъца.
Теизоменита лопата Ипату, а Вавиле могила.
Тесть ведет честь, а зять любит взять.
Тужат, да служат; а хто орет, тот песни поет.

Тесень путь вводит в живот.
Тки, дочи, не суючи, жених идет по улице.
Татьяна не сметана, не шти ею белить.
Тула зипуны здула, а Кошира в рогожи обшила.
Тот Афонас давно не по нас.
Треску боятца — и в лес не ходить.
Тогда сон хвали, когда збудется.
Ты за пирог, ан чорт поперег.
Трои челом лутче матерна.

У

У страху гла[за] велики.
У семи мамак дитя без глаза.
У всякого Павла своя правда.
У пьянова басней не переслушать.
У друга пить воду, лутче неприятелска меду.
Ум добро, а два и лутче тово.
Утро вечера мудренее.
У Николы две школы: азбуки учат да кануны.
Ушми слушай, усты кушай, а очам дуракам воли не давай.
Умыкали бурка крутые горки.
У Макара лишь возгреи пара.
У рака мочь в клешне, а у богатова в мошне.
Удица крива, да рыбица пряма.
Удача кляча — лишь скачи да кричи.
Ударил лицом своим в грязь, хотя и князь.
Умре Адам, быть там и нам.
Учатся лсти, а гордость и сама выростает.
Убогай рад и киселю, а богатому и золото в горло не идет.
Узнала свинья свое порося.
Узолок да памятца, то дело станетца.
Узок путь зимою, а жидок водою.
У притчи и на коне не уйти.
У колца не сыщешъ конца.
Учи жену да детей без людей.
Ум говорит: пора итти з двора; а хмель говорит: дождемся побой да вместе домой.
У старца в келье, чем Бог послал.
У бабы волосы долги, а ум короток.
У всякого молодца своя ухватка.

Ф

Филимон поет нефимон.
Фавор гора паче света была.
Фоку твердит сорока.
Философство хоть ужжо на посолство.
Фатка бывал дядка, а ныне стал царь.
Фараон ис кореты вон.
Фома не купит ума.
Фофан с толокном стоит под окном.
Федка горек, что редка.
Фонарь да пономарь свечами пригожи.
Феураль богат снегом, апрель водою.
Фита не славна, а вещь она славна.

Х

Храбрых в тюрме, мудрых на кабаке, а глупых искать в попех.
Хвалит другу чюжу сторону, а сам в нее ни по ногу.
Хто чем играет, тот тем и зашибетца.
Хотя бы в орде, тако бы в добре.
Хто добр, тому и бобр; а хто не добр, тому и выдры не будет.
Хлеб соль вместе, а рыбка в дел.
Хто обжется на молоке, тот подует и на воду.
Хто едет тихо, тот будет дале.
Хлеб сердце человеку укрепит, а вино взвеселит.
Хваля книги не имемся, а хуля пиво не лишимся.
Х коже ума не пришить, гвоздем ево не прибить.
Хлопот полон рот, а перекусить нечево.
Хотя сосна и серед поля стоит, да к тому ж бору шумит.
Хто у нас обедает, тот про нас и ведает.
Худое порося и в Петров пост озябло.
Хто ворожит, себе боложит.
Хто во што горазд, тот тем и промышляет.
Ходила лиса курят красть, да попала в пасть.
Харитон лиш свиньям притон.
Хуля Бога, лишится многа.
Хваля Бога не погибнет, а хуля не воскреснет.
Хижа своя лутче каменных чюжих.
Христос все видит, хто ково обидит.
Холм высок, а все песок — без подков не взойдеш.
Хто чево ищет, тот то и обрящет.
Хотя дитя криво, а отцу-матере мило.

Ходит Зиня и рот розиня.
Холостой простой, женат рогат, а вдовец что зяблец.
Ходить по льду — покользнутся.
Харитон с Москвы прибежал с вестьми.
Хорошо ожерелье на Тулское дело — в три молота стегано.
Хлеб соль ежь, а правду говори.
Хлеба к завтрею оставливай, а не дела.
Худое ремесло лутче доброва воровства.
Хто не слушает отца да матери, тот станет слушат телячьи кожи.
Хорошо беречь шубу на стужу, а денги на нужу.
Хорошо беречь белую денешку на чорной день.
Хто желает власти, придут на него сласти, а потом страсти, да в том ему будет и пропасти.
Хочет старова воробья над мякинами обмануть.

Ц

Царя не всяк видит, а всяк за него Бога молит.
Царево сердце в руце Божии.
Царю служат, о домех не тужат.
Цветное платье в болшое место несет.
Цветное платье на плеча, а добрая мысль к сердцу.
Царь птицам орел, да боится сокола.
Царь лев зверем, не ложен и верен.
Царствует ум головою.
Царю предстояти — себя зазирати.
Цело стадо — пастырю радость.
Целовал ворон курку до последнева перышка.
Целование татарское — назад руки задрав буди.

Ч

Человек, яко трава: дние его, яко сень преходят.
Что не радится, то и не умирает.
Честна милостня во время скудости.
Человек убог, что конь без ног.
Час от часу, а к смерти ближе.
Чево на землю не падет, тово земля не подымет.
Чья бы корова мичала, а твоя за двое молчала.
Чюжим умом не долго жить.
Чем богат, тем и рад.
Чюжова рта не завязать стать.
Через силу и конь не скочит.
Чюжая душа темно.

Чево мало, то и дорого.
Чаять Бога спасающаго мя.
Чему быть, тово не минуть.
Чла кума соборник, да нашла она овторник.
Четверть лета — три месяца.
Что город — то норов, а что человек — то и обычеи.
Чюжим ртом сыту не быть.
Чаша моря Соловецкаго — пить за здравие молодецкое.
Что Бог дает, то и будет.
Что в деревне родится, то в городе пригодится.
Что на яве деется, то и во сне грезится.
Что стерпится, то и слюбится.
Что с воза упало, то пропало.
Что на суде говорят, то и записывают.

Ш

Шолков веник, бумажное тело.
Шутка к шутке, а Машка к шубке.
Шоптав тайно, хлопотать явно.
Шуба елова, да к сердцу здорова.
Шила в меху не утаить.
Шьет, а нити наружу выходят.
Што з гуся вода, небылные слова.
Шахнуть да махнуть, ан и вся игра.
Шурмуют в поле, учася в школе.
Шутил Купряшка, да попал в тюряшку.
Шумом праву не быть.
Шипит под нос, что блинной подмаз.
Што то за блины, все в спину без вины.
Шел бы чорт на свадбу, да боится попа.
Штаны сняли турские, а батоги кладут руские.
Шол дед пеш, роспаря плеш.
Широка дорошка Ерошке.
Широка борода клином, а зовут ево Климом.
Шахматы играть — своих оберегать.
Шуба овечья, а душа человечья.

Щ

Щедроты Господни на всех делех его.
Щитится рак клешнею, а богат мошною.
Щеткою головъку, а плеткою молодку.
Щепа в каше и рыбы краше.

Щоголь ходит, живот поджав.
Щиб с него муху — досталося и уху.

Ѣ

Езд дал, а коня не видал.
Ехала кума, не ведома куда.
Ежь, корова, солому, поминаи лето.
Ест червь древо, а зла жена чрево.
Ездил чорт в Ростов, да набегался от крестов.
Езь в реке, а язь в Оке — лишь соли да хлебай.
Ества слатенка, да лошка маленка.
Ездил Емеля, еще ждать ево неделя.
Ездить морем — не брезговать горем.
Ежь много, а говори мало.

Ю

Юн с ыгрушками, а стар с подушками.
Юс да ижица — делу конец ближитца.

Я

Явен грех малу вину творит.
Язык мой — враг мой, прежде ума моего рыщет.
Язык Киева даведет.
Яр муж не благообразен.
Яко червь сушит древо, так печаль губит сердце.
Ястреб ловит, что хочет; а богат купит, что может.
Ядь гортани сладкая, речь серцу гладкая.
Ядение сладкое — падение раиское.
Язык говорит, а голова и не ведает.
Язва от стрел глубока, а от меча широка.
Языком что хош говорит, а рукам воли не довай.

Ѯ

Ксения ждет воскресения.
Кси, пси с фитою пахнули сытою.

Ѱ

Псалтирь красен с гуслми.
Псалмопевец и у немец.
Псу болны щенята, а свинье поросята.
Псу биту лише хлыст кажи.

Ѿ

От аггел един, от человек два, от земли три.
От избытка сердца уста глаголют.
От малые огня искры велики вещи погорают.
От смерти и под камнем не скрытся.
Отрезан ломоть не пристанет.
Отрезав голову, да над волосами плачет.
От доброва корней и отросль добра.
От Бога дождь, а от дьявола ложь.
От людей утаиш, а от Бога никако.
Оттял себе ухо Кирюха.
От чиста сердца чисто зрят очи.
От берегу отстал, а к другому не пристал.
От добра добра не ищут.
От худые птицы худые и песни.

Пчела

О житиистеи добродетели и о злобе

Соломон. Да не прельстять тебе мужи нечестивии, ни ходи в путь с ними, но уклони ногы своя от стезь их, ногы бо их на зло текуть, и скори суть на пролитье крови.

Яко же от оскомины пакость зубом, и дым — очима, тако и безаконие требующим его.

Всяк, держайся добрыя детели, не можеть быти без многых враг.

Не место добродетелии, но добродетель место можеть украсити.

Нускый. Престанье от зла — починок добродетели.

Плутарх. Светлость добродетелии видима есть, яко и злато в кровех; пища же сладъка является стражущим, а добродетель наказаным.

Лукавии мужи, аще и благою речью свещають, но нрава ради неверии суть.

Идола образ украшаеть, а мужа деянья.

Тако въсхощи жити, да ни боле тебе могущеи быша тебе обидели, но не ты будеши страшен меньшим своим.

Мужу некоему насилье створившу Плутарху и бегающю и стыдящюся усретатися с ним, Плутарх, единою усрет, рече ему: «Не тебе подобаеть мене бегати, но мне тебе, зане праведен еси».

Аще нынешнее время добре исправим, то и будущаго времени добра чаи.

Сократ рече. Достоино основанью храминному и корабльному тверду быти, тако же и починку делом истинну и праву быти.

Сократ. Се видев ученика своего, селу прилежаща, а учения небрегуща, и рече: «Блюдися, друже, еда село хотя сделати, а душу пусту оставиши и несделану».

И тъ же. Се видев друга своего, тъснущася к письцем, да быша написали на камени образ его, и рече ему: «Ты ся

тъснеши, да бы камень был подобен тебе, а о сем въскую ся не печеши, а бы ты ся не уподобил камени?»

Медляя починаи дело, поченже, въборзе кончаи.

Диоген. Поноси ему некто, яко по нечистым местом ходить, и отвеща: «И солнце такоже нечистыя места осияеть, но не оскверняеться».

Пиперид мудрый рече. Достойно благому являти при словесных, яже мыслить, а при делех — яже творить.

Аристотель рече. Бог можеть створити, елико хощеть, человек же тъ добр, иже полезная промыслить.

Мужьскому добродеянию знаменье бываеть не починанье дел, но скончание.

О мудрости

От апостола. Не дети бывайте умом, но злобою млади будите, а умом же свершени.

Лествица, утвержена и устроена твердо на здание, при трусе не распадеться, тако и сердце, утвержено мысльми, во время думы не устрашиться.

Сирах. Некто рече от златолюбець сице: «Уне ми имети каплю вазни, нежели ботарь ума». Ему же отвещав, любомудрець и рече: «А бы ми капля ума, негли глубина вазни».

Сократ. Егда думаеши, помысли о преже бывших и приложи она к нонешьним; тем бо не явленым, явленая скоро разумеються.

Лепа бо речь велика знаменья доброумью являеть.

Диодор. Мудра дума паче многых рук, и мудрый паче крепкаго.

Аристотель рече. Думы несть ничтоже ино, но оскуденье ума. Неведуще бо, что подобаеть створити, или — ни, того ради и думаем; воля бо когождо не въдасть смотрити, яже подобаеть.

Некто впраша Вианта, кто есть добрый думца, и рече: «Время».

Фаворин рече. Достойно нам, конец вещи преже смотривше, и тако начатье их творити.

О чистоте и целомудрии

Иов. Аще въследова сердце мое жене мужате, или при дверех ея седел, да тако бы и моя супруга угодна бы иному была.

Не льют мюра в скверный съсуд.

Плутарх. Агисилаос, лакедемоньскый воевода, некоторей жене красней приступивши к нему, о тяжи въпрашающи, възврати лице въспять, рече: «Луче ми такым не покоритися, негли многомужный град взяти, уне бо ми есть своея съблюсти свободы, негли инех поработити».

Но и Александр царь не стерпе прити на видение Дарьевы жены, прекрасне ей сущи; но приходя к матери ее, старей ей сущи, не стерпяше младое и красное зрети. Мы же, на седло и на столце, женьскыя очи попущающе, из оконець выничюще, како не мнимъся съгрешающе?

Эпиктит. Аще хощеши кроме работы быти, сам ся отпусти от работы, свободен бо будеши, аще ся отпустиши от похоти.

Менедем рече. Уноше некоему рекшю: «Велико дело есть, иже кто улучить вся, их же жадаеть»,— он же рече: «Се есть боле, иже не жадаеть неполезнаго».

Ксанф. Ксанф мудрый, видев домогубца мужа при дверех красны жены, и рече: «Сия сладость малая купить великую напасть».

О мужестве и о крепости

Сократ. Сь, видев коринфейская врата твердо замчена, и рече: «Ци жены зде живуть?»

Александр. Се, молим сы от дружины нощью напасти на супостаты, и рече: «Не царьскыя есть крепости победа».

Леонидий рече. Сь Леонидий лакедемоньскый, мало имея вои, иде на персы, и ему некто рече: «Како с малыми вои идеши на толику землю?» Он же отвеща: «С малыми иду, но с хотящими и с довлеющими битися».

Аристотель рече. Крепльший есть, иже желание побеждает, нигли ратники. Се бо есть лют и храбор, аще кто собе одолееть.

О правде

Цесарь Филип. Некоего Антипатрова друга пристави с судьями судити; потом же, поразумев известо, яко вапом красить браду и главу, и сведе и от судийскаго стола рече: «Аще власом своим неверен еси, то како людем и суду верен можеши быти?»

Менадр. Да грабить мя богат, негли убог, да обидить

мя лучьший мене, негли хужьшии. Уне бо есть терпети вышьши себе насильство, негли пущьших.

Ипирид рече. Двоея деля вины человеци от правды отступають — или страха ради, или срама ради.

Пифагор. Злей стражеть своими страстьми мучим и свестьми, иже кого обидел, неже бьем по телу ранами и боден.

О братолюбьи и о дружбе

Иже строить протива лицю друга своего тенето, то сам своею ногою увязнеть в нем.

Не остави друга древняго; новый бо не будеть ему подобен.

Филон. Мужь правдив есть не иже не обидит, но иже обидети мога, то не въсхощеть.

Аще другу не можеши угодити, то како можеши чюжему верен быти?

Все новое лучьши — и съсуды, и порты, а дружба ветхая.

Земнии плоди от лета до лета ражаються, а дружба по вся дни.

Аристотель. Стяжанье достойно есть приобрести друг деля, неже другы стяжанья деля.

Се поношен бысть, яко с лукавыми живеть, и отвеща: «Добрый врачь есть, иже иметься лековати больных и отчаяных всеми врачи».

Критий. Иже всегда беседують с другом сладъкая, то сладость напоследок на вражьство възвращаеться.

Антигон цесарь рече. Се же рабом моляшесь, да быша и съхранили от мнимых друг. И некоему въпросившю его: «Въскую таку молбу твориши?» — отвеща: «Зане от враг сам ся съблюдаю, ведая их».

Агисилаос рече. Некто перескок прииде к нему из немець, а властелем велящим ему поручити вои свое, и рече: «Не подобает поручити чюжих побегшему от своих»...

О власти и о княжении

Плутарх. Притча глаголеть: детем ножа не давай; аз же рьку: ни детем богатьства, ни мужем ненаказаным силы и власти подавати.

Дион Римьский. Всячьская, яже велишь сущим под тобою — быти и творити, то преже сам твори, потом же учи. Тем бо луче их накажеши, неже законъным мучением: ово бо подражание имееть, а сь — страх, да уне есть с подражаньем, неже с боязнью вънити в лучьшее.

Димокрит. Любим въсхощи быти при житьи, нежели страшен: его же бо вси бояться, и тъ всех боиться.

Цесарь ума веньцем не приищеть, ум бо цесарьствуеть.

Агафон. Князю достойно три вещи въспоминати: первое — яко на человекы владеть; второе — яко закон ему поручен от Господа; третье — яко власть си временъна сущи истлевасть.

Апаминда Фивейскый виде много вои без добра воеводы и рече: «Велик зверь, но главы не имать».

Фивеем гордящим, зане обладаша Лакедемоньею, слышав же Коту, фракийский цесарь, и рече: «Аз много ручаи видех, болша рек бывающих, но на мало время».

О лжи и клевете

Уне есть злое слышати, нежели злаго молвити.

К сему пришедъшу клеветнику и рекъшю: «Онъсии пред мною сице лаяшеть тебе» — и отвеща: «Аще бы того не сладъко слушал, он бы мне не лаял».

Некоему рекъшю к нему: «Онь сии зле ти лаяшеть» — и отвеща: «Ръци ему: ат мя и бьеть кроме суща!»

Диоген. Сей, лаем от некоего плешива, и рече: «Аз лаяньем не въздаю тебе, но хвалю власы главы твоея, зане, испытавъши главу твою безумьную, и отбегоша!»

Аристип. Сей, от иного лаем, отступаше, заток уши. Оному же рищющу по нем и кличющю: «Чему бежиши?» — он же рече: «Ей же, ты бо власть имаши зле молвити, аз же власть имам ни стояти, ни слышати тебе».

Филимон. Иже лаяние претерьпить, креплии есть всех. Аще бо лаем не твориться ни слышая, то лающему есть горьчай смерти.

Димостен рече. И иному лающую ему; и рече: «Не борюся с тобою: им же бо одолею тебе, тем яко одолен буду».

Дион Римьский. Якоже очьная болезнь видение омрачает и възбраняеть лежащая пред собою видети, такоже и неправедъное слово, аще вънидет в праведных разум, то омраченьем гневным не дасть видети истины.

Дионисий цесарь рече. Сьй, слышав, цесарь, яко два уноши много молвиста на нь и на цесарьство его в пиру, и повеле възвати я к собе на обед. Вид же единого упивъшася и много суетная глаголяща, а другаго с страхом пьюща и с блюденьем, оного отпусти, зане пьяница естьством был, а оного посече, яко злоумьника и волею блудяща.

О учении и о беседе

Богослов. Негласно дело лучи есть, нежели слово несвершено. Уне есть на себе узду носити и от инех хытрых коньник исправливатися, нежели нам инех убо обуздати и коньником быти.

Деи словесная, а не глаголи деяния.

Плутарх. Сь глаголаше, яко Клеанфии и Ксенократий, тупа суща паче инех ученик, поношена быста. Она же отвещаста: «Ве подобна сесудом тонкожерлым, яже, едва приемля леемая, твердо и добре хранять й».

Филипп цесарь. Гудьцю ладящю гусли своя, и Филипп, седя и рече: «Криво ладиши, инако было». И гудець отвеща: «Да не тако попустить Бог гнев свой на тя, цесарю, яко тобе лучьши мене умети гусльная!»

Яко же и коневе рзание, и псу брехание, и волови рютье, и лютому звери риканье дано есть, да то их знаменье есть, такоже и человеку слово, да то его знаменье, то же его град, то же его сила, то же оружье, то же и стена, сь животен боголюбен кроме всех живот сим почтен есть.

Мосхион. Егда беседуеши с инеми, преже смотри, аще луче тебе есть споветьник тъ или хужьши, или равен тебе.

Аще разумееши и лучьша себе — то покорися ему, аще же хужьши — то покори и, аще ли ровен тобе — то одиноумися с ним.

Солон. Сь глаголаше, яко слово — образ есть делу.

Иродот. Равное добро есть, о цесарю, аще кто сам о собе добро мыслить и иного, глаголющего добро, хочеть послушати.

О наказании

Еврипидий. Вси есмы хитри наказати, а сами не вем, что сътворим.

Осоп. Сь рече: «Кождо нас два меха носить: един пред собою, а другый — за собою. В предний же кладем чюжие грехы, а в задний — свои».

О любомудрии и о учении детии

Невозможно есть велика учения начати мало учивъся.

Златоуст. Рьци ми, кто вас, домовь шед, книгы взял крестьянскыя в руку и чтение чел, и испытал писание?

Никто же можеть того изрещи. Но тавлеи и шахы в многых вас обретаеми суть, а книг ни в кого же, разве и в малых, но и ти таци же, якоже и не имеюще: съгнувъше бо я, и кладуть в лари — а въсе им тъщание на харатийную тонкоту и на грамотную красоту, а о чтеньи не пекуться. Не душевныя пользы ради стажають книгы, но хотяще явити богатьство свое и гордость. Тако преумножися в них тъщеславие, а никто же слыша рькуща: «Вем книжную силу!»

Климий. Мудрость вследуеть деянию, якоже и телу стень.

Делатели, видящи класы, клонящася к земъли, радуються, ведуще, яко исполнени суть жита; аще жи прости стоять, печаль возложать делателем, ведущим, яко тъщи суть. Такоже и уноше, тягости тъщее и мудростьное не имуще, с шатанием живуть, и образ хожения, и лица их буява, и обиды испольнена, им же не щадять всего. Наченше же съзирати и плод събирати от слова, тогда гордыньну укору отметають. Якоже съсуд тощь, въздуха исполнен есть, нальян же водою или вином, или иным чим исполнен, воздух отходит, такоже и человеци, исполнивъшеся истинънаго блага, отступаеть тщеславие.

Ерон. Сь цесарь сикелиискыи въпроси Ксенофонта о творци Омире, и, оному же хулившю его, пакы въпроси его: «Колико раб имееши?» А тому рекшу: «Два, и тою едва могу укормити» — и отвеща ему Иерон: «Не стыдиши ли ся, охуляи Омира, иже по своеи смерти кормить боле ста тысячь своим творением?!»

Лаос рече. Сь, въпросим, что есть мудрость, и рече: «Искушение».

Что есть человеку умну тяжеле всего работати? Ответ: А тяжеле всего человеку умну работати — глупа и упряма учити человека.

О богатьстве и о убожьстве

Сирах рече. Въспомяни глад въ время сытости, убожьство и скудьство во время богатьства: от утра и до вечера пременяеться время.

Вазнь, якоже стрелець, овогда улучаеть, стреляющи в нас яко в натычь, овогда же на прилежащая ближняя.

Димонакс. Кажеть победа храбраго, а напасть умнаго.

Димитрий. Иже не можеть крепъко держати печали, то радости не терпить.

Добровазнье мню, якоже и овощь: времени же минувшю исъхнеть [...]

О многоиманьи и обиде

Иже, чюже грабяи, създидаеть им дом свои, то яко каменье собра в реку зимьнюю.

Диоген. Се застал татя, крадуща каменье его, и, оному запирающуся и глаголющую, яко: «Не ведая, твоя суща, украдох» — и рече: «Аще не ведал еси, яко — не твоя суть?»

Аще яже имеем, не требуем, а яже не требуем, ищем, то от обоего лишени будем: овых приключенья деля, а овых — себе деля.

О чьсти родитель

Иже хотять промыслити своими отци, да позрять на стерки. Они же, узревше своего отца и старостью без крыл суща, окресть его стояще, набьдять своими крылы и корьмлю без зависти подають, и, егда летети хочеть, помогають ему, по малу облегчающе своими крилы.

Прокопий [*софист*]. Яко же удеса телесная наших детии от рожьства повиваються, да быша крепка и права, и была дебела, такоже исперва подобаеть нам нрав детиный исправливати.

Так буди родителем своим, ак бы молил быти детем своим.

Николист. Жене его поносящи ему, зане сына своего, блудна суща, не прииметь, он же рече, плюнув: «И си слины от мене суть, но не на потребу ми есть!»

О страсти

Лиственая трясанья устрашають заяци, а мужии некрепъкых — стень невещьный.

Виас. Сь въпросим, что в сем житии без страха есть, а отвеща: «Свесть права».

О скоровозвращающимся и о покаянии

Соломон. Мужь, ворочаяся языком, падеть въ зло.

Им же прост на изменение бываеть ум, тех и житье бесщинъно есть.

Человеци подобни суть облаком, иногда въ ино место воздухом носими.

Тех мним безумъных, иже скоро преклоняться на обе стране, якоже вихрь вертим, и гворове воднии, и морьскыя волны нестаемы.

Сад, часто пресажаем, плода не носить.

Епихар. Мудру мужу недостойно каятися, но промыслити [...]

О пьянстве

Кур цесарь, слышав, яко уноши, пьюще, много хулы изрекоша на нь, и, утру бывъшю, все повели привести пред ся и въпроси перваго, аще тако изъглаголаша о нем. Он же отвеща: «Тако рекохом, цесарю, и боле сих быхом изорькли, аще быхом боле имели вина!»

Диоген. Сему въдаша много вина в пиру, и, възем, пролья. Инем же поносящим ему, зане губить вино, и се отвеща: «Аще бы вино не погыбло мною, то аз бых погыбл вином».

Нахаръсос. Се рече: «Егда сядеши в пиру, первую чашю испьеши здоровью, а вторую сладости, а третиюю безумью, а последнюю — бесовьствию!»

Софоклис. Сь, въпросим, рече: «Лоза три розгы ражаеть: первый с сластью, вторый пьянства, третьюю безумью».

О дерзости и о обличении

Сему древле послану от Афиней к Филипу цесарю и с дерзновением беседующю, и Филип рече: «Не убоиши

ли ся, зане повелю усекнути главу твою?» И он рече: «Ни, аще бо ты усекнеши ю, то мое отечьство бесмертием почьстить ю».

Враг, истину исповедав, луче лицемерна друга [...]

О разуме и о собе

От Евангелия. Что зриши сучьца в оце брата своего, а в своем бревьна не видиши!

Платон. Начало разуму — разуменье невежьства своего; мы же не ведуще ничтоже, мнимся всеведуще.

Ираклий. Сь, уноша сый, приведен бысть пред учителя, вънегда философью учаше, и, въпросим сы от него: «Что, уноше, учил ся еси?», и он отвеща: «Се учил ся есмь, яко не вем ничтоже». Слышав же учитель чюдися, и вси, окрест стоящеи учителя, кликоша: «Воистину сь уноша хитрее всех нас есть!»

О законе

Дион. Достойно лежащий закон твердо хранити и ни единого их не изменяти, уне бо древний держати закон, нежели новый, аще и лучии мнитъся.

Залевк. Закон подобен есть паучине, якоже паучина, яже в ню вълетить муха или комар, то увязнеть в ней, аще ли бчела или шершень, то, исторгавше, вылетаають. Тако же и закон: аще въпадеть убог и простый мужь, то увязнеть в нем, аще ли богат или сильный, то, речью исторгавше, отидуть.

О безумьи

Песок и соль, и железа крици удобь подъяти, нежели человека безумна.

Зинон. Некто безумный уноша в Академии пряшеться о душе, Зинон же рече: «Что ся приши? Не омочив языка в уме, много съгрешишь в слове» [...]

О женах

Уне жити в пустыни съ львом и съ змиею, неже жити с женою лукавою и язычною.

[*Солон*]. Сь, въпросим от иного, аще велить ему оженитися, он же рече: «Ни! Аще бо злообразну поимеши — мука ти будеть, аще ли красну — инеи на ню хотять зрети!»

Диоген. Сь, видев жены прящася, и рече: «Зрите: како аспида от ехыдны зелья просить!»

В триех нужах был есмь: в грамотикии, в убожии, у люты жены; да двою нужю убежах, а злы жены не могу утечи!

О противословьи и о шатании

Феофрас. Срамляй сам ся, да от иного не посрамлен будеши.

О старости и о уности

Не хули мужа в старости его, ти бо от нас стареються.

Троего възненавиди, душе моя, и зело ми мерзить живот их: стара блядива, богата лжива, убога хупава.

[*Диоген*]. Сь, видев стару жену, красящюся вапом, и рече: «Аще к живым красишися — то облазнилася еси, аще ли к мертвым — то не обленися!»

Димокрит. Стар мужь унотою был есть, унота же не весть, аще дойдеть старости.

Из Поучения Владимира Мономаха

Си словца прочитаюче, дети моя, божественая, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего приимете, то половину.

Аще вы Бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: яко же блудницю и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй! И в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не ленитеся, темь бо ночным поклоном и пеньем человек побежаеть дьявола, и что в день согрешить, а темь человек избываеть. Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а «Господи помилуй» зовете беспрестани, втайне: та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, не повелевайте убити его: аще будеть повинен смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богом, ни хреститеся, нету бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будете кресть целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе свое. Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силе любите и набдите, да приимете от них молитву... от Бога. Паче всего гордости не имейте в сердци и в уме, но рцем: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гроб; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть велик грех. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своем не ленитеся, но все видите; не зрите на

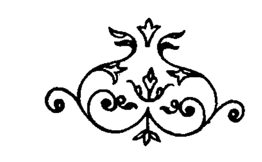
тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам ни дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышед, не ленитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивши около вои тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не разглядавше ленощами, внезапу бо человек погыбаеть. Лже блюдися и пьяньства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть. Куда же поидите, иде же станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и питьем: ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идете, яко вси мертвени есмы. И человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конец всему: страх Божий имейте выше всего.

Поучение Варлаама к Иоасафу

17 ноября. В тъ же день поученье Варлаама к Асафу паче рещи нам

Послушайте, сынове братия, что подобаеть творити по крещении. Всякого греха и всякоя страсти отврещися, призгати же к основанью веры добрая дела, зане вера кроме дел мертва есть, тако и дела кроме веры мертва суть. Вещаеть же апостол: «Духом шествуйте, желаньй плотьских не творите, яже суть прелюбодеянья, нечистота, зазренье, идолъслуженье, отравленье, вражды, рвенье, ярость, коромола, еретичьство, сребролюбье, клеветы, пьяньство, плясанье, гордыни, подобная сим, яко си творяще Царствия Божия не наследять». Плод бо духовный есть любы, радость, мир, долготерпенье, благовестины, благотворенье, вера, кротость, въздержанье, святыни души и телу, смиренье, сердечное скрушенье, милостыни, безлобье, человеколюбье, бденье, истовое покаяние всем прегрешеньемь преже бывшим, слезы покаянью всем прегрешеньемь преже бывшим, рыдая о своих гресех и о искреняго. Сими добрыми делы прославим Отца нашего, иже есть на небесех. Любите враги ваша, благословите кленущая вы, молитеся о напаствующих вам, добротворите навидящим вас и гонящим, яко будуть сынове Отца вашего, иже есть на небесех, яко солнце сияеть на злыя и на благия и одождить на праведныя. Не осужайте, не осужени будете. Оставите, оставится вам. Не скрывайте скровища на земли, иде же тля тлить и татье подокоповають и крадуть, скрывайте себе скровища на небесех, иде же ни червье, ни тля тлить, иде же ни татье не подокоповають, ни крадуть. Иде же бо суть скровища ваша, ту будуть и сердца ваша. Не пцетеся на утрия, ибо утреняя о собе печется. Вся убо, елико хощете да творять вам человеци, и вы тако же творите им. Внидете узъкими враты, яко широк и пространъны путь воводяй в погибель и мнози суть ходяще по нему. Узъкы же и прискорбьный путь, въводяй в живот, и мало обретають и. Не всяк глаголяй

ми, Господи, Господи, внидеть в Царство Небесное, но творяй волю Отца моего иже есть на небесех. Любяй отца и матерь паче мене несть мене достоин, любяй сына или дщерь паче мене несть мене достоин, иже не приемлеть креста своего и въслед мене грядеть, несть мене достоин. Сия и подобная сим заповеда Спас апостолам учити верныя, и сия вся подобна суть нам хранити, аще любим свершенье получити и нетленьных сподобитися правды ради, их же ради да̀сть Господь в день он, праведний судий всем възлюбившим просвещенье его.



Поучение Акира Премудрого сыну

Человече, внимай глаголы моя, господину мой Анадане! Всякому наказанью ясн буде во всех днех жития твоего. Аще что слышиши от царя или видиши в дому его, да сългниеть в сердци твоемь, и не известиши его человеком. Аще ли исповеси, чи будуть ти угле горящи и последок ожещися, и тогда тело твое с пороком будет. Сыну, аще что слышиши, не поведай никому, аще что узриши, не обавляй. Увязана ужа не отрешай, а отрешена не завязяй. Сыну, не взирай на красоту женьскую и сердцемь не жадай ея. Аще и все имение даси ей, тоже некоторыя ползы обрящеши от нея, но паче к Богу в грех въпадеши. Чадо, не буди жесток, яко же кость человеча, но буди, яко боб, мякок. Сыну, очи твои да будета долу зряща, глас твой обнижен; аще бо и великым гласом храмине ся создати, осел бы риканиемь своимь 2 храмене въздвигл единым днем. Сыну, уне есть со умным каменъ двигнути, нежели с безумным вино пити. С разумным безумья не твори, и с безумным не яви ума своего. Не буди сладок без меры, но егда когда пожруть тя, не буди без меры горек, да не отбежить от тебе друг твой. Сыну, едну сущю на нозе твоей, не велми въступай на ню, и уготова путь сыном и дъщерем своим. Сыну, богата мужа сын змию снел и ркоша ему людие: «Целбы деля снел ю есть», а убога мужа сын змию снел есть, и ркоша ему людие: «Гладен бе и снел есть ю». Сыну, свое участье дай, а чюжего не заимай. Иже света не приемлеть муж, то с тем на пут не ходи и со облестивым на трапезе не яждь. Чадо, аще вышеши тебе отпадеть, не велми ся обрадуй, ни въздай же глас пред други своими, да не явить ти глаголи твои, егда како, въстав, мужь въздасть ти. Сыну, егда мужь възвелицится, то не завиди ему, аще злоба придеть, то не порадуйся. Сыну, не прикасайся жене безумне, и язычне, и величаве, и женьстей красоте не жадай: тоя бо красота слабость

язычная. Сыну, аще друг твой възненавидить тя, начнеть кляти и камение метати, а ты и хлебомь срящи; и оба приимета ответь в день судный. Сыну, безумен муж падеть, а праведный востанеть. Сыну, аще от биения сына своего не воздержайся, оже бо рана сынови, то яко вода на виноград възливается <...> Сын бо ти от раны не умреть, аще ли его небрега будеш, иную кую либо вину приведеть на тя. Чадо, сына своего от детьска укроти, аще ли его не укротиши, то преже дний своих состареться. Сыне, не купи раба величава, ни рабы тативы, да те имения не расточать. Чадо, аще кто навадить на друга твоего, не послушай его, и твою бо вину ко иному понесеть. Чадо, аще тя кто срет, възмолвить к тебе, со въздержаниемь отвещай ему, зане напрасно человек <...> въборзе изронить слово и после каеться. Чадо, лжив человек испервa възлюблен будет и наконечь в смесе будет и в укоризне бываеть. Лжива человека речь, яко птича шептания суть, и безумнии послушають его. Чадо, отца своего почти, яко все стяжание оставляеть тобе. Сыну, отца и матере клятвы не приимай, егда и от чад своих не приимеши радости. Егда на тя найдеть гнев <...> зол, не молви зла, егда когда безумен наречешися. Сыну, без оружьи в ночь не ходи, кто бо свесть, кто тя срящеть. Чадо, древо с плъдом прегне е с твердостию своею, тако в красе пребываеть, такоже и с ближними своими и друг со другом своимь, такоже суть. Яко лев в твердости своей страшен есть, тако и мужь в близоцех своих честен есть. Иже родом скуден есть и детми и близоки, то пред врагы своими хулен есть, и подобен есть древу стоящю при пути, яко вси мимоходящеи секуть е. Сыну, не рци, яко «Мой осподин безумен есть, аз умен есть». Наказание осподина своего приими, и помилован будеши, и своей мудрости не надейся. Елико можеши терпети — терпи, а зла не глаголи. Сыну, немногоречив буди, ибо пред господином своим согрешиши. Чадо, аще тя на посол послуть, не медли чрес година, да не ины послуть в след тебе. Сыну, да не речеть осподин твой тобе: «Отида от мене, оскорбееши»; нъ да бы ти рекл: «Приступи близ, и обрадуешися». Сыну, в святый день церкви не лишися. Чадо, идеже в дому печаль будеть, оставль ту беду, а на чюжь обедь не ходи, но преже посетив, толи на обед иди и помяни, яко тобе умреты же есть. Сыну, коня не имея, на чюжемь не езди, аще бо опешаеши, и посмеють ти ся. И, чреву не алчющю, не яжь брашна, егда обьястлив наречешися. Со силнейшими себе брани не въздвизай, тобе не ведущу, не веси что възъдвигнуть

на тя. Сыну, аще храм твой высок есть, обнизи стену его, и тако влази во нь, и умом своим возвышися. Сыну, гнева своего устягни, и за терпенье приимиши благодать от Бога. Сыну, велику меру вземъ, а в малу не продай, не рчи, яко «тъ ми есть прибыток»: зло бо то дело есть. Кто бо весть, чи и Бог, узрив, разгневаеться на тя и потребить дом твой акы безаконьника. Чадо, Божиим именем не кленися во лъжю, да не умалится число дний твоих. Сыну, аще что просиши у Бога, то не забывай, и не буди яко небрегый, но помни, внимай, благословен будеши. Чадо, старейшаго сына възлюби, а меншааго не отрей. <...> Аще бо ти не вътдно от Бога будеть, тъщивъствомь не обрящеши; убог богат бываеть, а богат убог бываеть, и высок обнижается и низок възноситься. Чадо, к печалному прихажай и утешеная словеса глаголи: уне бо то есть многа злата. Сыну, облакомився на злато и на сребро, не въсхощеши оклеветати, от Бога бо противо тому и от человек приимеши. Сыну, без вины крови не проливай, яко мьститель сему Бог есть. Сыне, удержи уста от зла, а руце твои от татбы: иже украдеть злато или ризы, от обоего едина хула есть. Сыну, от блудниць удалися, паче же и от мужатиць, да не приидет на тя гнев Божи. Сыну, аще кто послушаеть умна человека, то якоже в день жадания студеные воды напиеться. Сыну, аще напасть и печаль приидеть на тя, Бога не укаряй, яко ничтоже не одолееши ему, но услышит укоризну твою и отвещаеть ти по истине. Сыну, прав судия буди, и на старость твою честен будеши. Сыну, язык твой сладок буди, и устне твоеи добром отверзай. Чадо, умну мужю речеши слово, и поболить сердцемь, а безумнаго, аще кнутом бьеши, не вложиши во нь ума. Сыну, умна мужа послав на путь, не много ему кажи, а безумнаго послав, то сам по нем иди, да не въведеть тебе в срам. Сыну, друга своего не искушай брашном и вином, и тогда на болше попустится. Сыну, аще тя позовуть на обед, по первому зову не ходи, и аще взовуть тя другое, тогда вижь, яко честен еси, и в честь придеши. Сыну, не приемляй мьзды, ибо мьзда очи ослепляеть судиям. Золчи и горести вкушах, и не бысть пуще убожьства. Сыну, соль и олово льжее ся мнить понести, нежели въпятити скот, егоже въземши. Сыну, железо и камень подъях, и легчи ми ся мнить, нежели мужеви, ведущему закон, тязатися со ближнимь своимь. Сыну, аще в знаемых людех седя, худобы своея не являй, егда како поругаются и не послушаютъ наказания твоего. Чадо, люби жену свою от всего сердца, яко та есть мати детем твоим и в жи-

воте твоем похоть твоя есть. Чадо, егда учиши сына своего, то наиболее въздержанию учи и; емуже бо научен будеть, в тех пребудеть. Сыну, в дому твоем не сущи вине никоейже, не възмущай дому своего, егда понос приимеши от сусед своих. Сыну, уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна. Чадо, уне есть слеп очима, неже слеп сердцем: слеп бо очима, аще по пути ходить, обыкнеть и начнет обретати стезя своя, а слеп си сердцемь, совращся со пути своего, заблудиться. Сыну, уне есть жене, дабы свой сын умерл бы ей, нели дабы ей чюжь кормити, зане еже ей добро створити, злом въздасть. Сыну, уне есть верен раб, негли свободен неверен. Чадо, уне есть друг, иже близ тебе живеть, негли блишьший, иже далече пребываеть. Сыну, имя и слава чьстьнее есть человеку, нежели красота личная, зане слава в векы пребываеть, а личе по умертвии увядаеть. Сыну, уне есть человеку добра смерть, негли зол живот. Сыну, уне есть овча нога в своею руку, негли плече в чюжей руце, и ближнее овча уне есть, негли далней вол. Уне есть един врабьи, иже в руче держиши, негли тысяща птича, летеща по аеру. Уне есть конопян порт, иже имеешь, негли брачинен, егоже не имееши. Сыну, еда призовеши на честь друга своего, веселом личем предстой ему, да он веселом сердцем отидеть в дом свой. Егда обед твориши пред другом, не стани посуплен личем, да не будеть ти обед в посрамление, егда неблаг наречешися. Сыну, не благослови человека, а другаго не клени, не сведая дела его, но, испытав, то же отвещай. Сыну, уне есть огнем болети, али трясавичею, негли жити со злою женою: да не будеть ти света в дому твоем, и сердецнаго ей не вещай. Сыну, аще слово хощеши рещи кому, то напрасно не глаголи, но размысли в сердци си, да еже ти на потребу, то глаголи, зане уне ти есть ногою подъкнутися, негли языком. Сыну, егда будеши в чади, то же приступив к ним не смейся: в смесе бо безумье исходить, а в безумьи сварь бываеть, а в сваре тязание и бой, а в бою смерть, а в смерти грех свершаеться. Сыну, аще хощеши мудр быти, да егда упьешися вином, не глаголи много и умен наречешися. Сыну, аще права суда не усудиши, то лицемер наречешися, и днье его прикратятся. Сыну, безумному человеку не смейся, но отступи паче от него и боголишиву не смейся, яко так же человек есть. Сыну, скота своего без послуха не дай в тъщету да не испортиши его. Сыну, аще хощеши умна послушати, безумнаго не прикладай, несть бо ти в нем потребы. Сыну, перваго друга не отганяй, не согрешившю

ти ничтоже, да и новый не отбегнеть от тебе. Сыну, на обеде сед, другу своему не помышляй зла, егда огорцает ти брашно в устех твоих. Сыну, господина своего чти, великы не обнизи, ни низъкия не възвышай, но еже ти речеть, то твори. Сыну, в судиин виноград не входи и с безумною женою не сходися и света с нею не твори. Сыну, лживо слово, якоже и олово тяжело есть, а напоследок по воде плаваеть. Сыну, искуси друга своего, и яви ему тайну свою и, мимошедшим днем многым, сварися с ним, и аще не явить твоея тайны, то люби и от всего сердца, яко известен ти есть друг; аще ли явит тайну твою, отвратися от него и пакы не възратися к нему. Чадо, уне есть, да ин у тебе украдеть, негли ты татем наречешися. Сыну, аще пред царем друга своего ради помощно слово речеши, и будеши, яко от уст лвов изьят овча носимо. Сыну, аще на путь идеши, не надейся о чюжемь брашне, но свое да имееши, аще ли и не имееши своего и ходити начнеши — и в укоризне будеши. Сыну, друг твой, иже ненавидить тебе, аще умреть, и то не порадуйся, но дабы жив был, и обнизил и Бог, дабы от тебе прощение приимал, и подай же ему: и того ради приимеши от Бога благодать. Сыну, стара узрев, въстани ему, аще ти противу тому не отдасть, да от Бога благословление приимеши. Сыну, друга на обед звав, к иному делу не приставляй его, то аки ложь наречешися. Сыну, егда вода воспять потечеть или птиця опять полетит, или синечь или срачинин побелееть, ли желць, аки пресный мед, усладееть, тогда безумный уму научится. Сыну, аще к суседу зван будеши и, влез в храмину, не глядай по углом: беществено бо ти есть. Сыну, его же Бог обогатить, то не завиди ему, но боле, елико мога, почьсти и. Сыну, егда внидеши в печален дом, то о питии и о яденьи не молви; егда сядеши на радостне обеде, тогда беды не поминай. Сыну, человечи ти очи яко источники кыпя, и скота не насытистася, но когда умреть, и перьсти насытится. Сыну, имение имея, не умаряй <...> себя гладом и жежею: умершю бо тобе, ин приимет и начнет веселитися всем, а ты всуе тружалъся будеши. Сыну, аще человек в убожестве украдеть, то прочее помилуй его, зане не он то створил: убожество принудило и будеть. Сыну, на брак шед долго не седи, егда преже похода твоего уженуть тя. Сыну, к другу своему не часто ходи, егда бещьсти внидеши. Сыну, в нов порт облачася, и възрачен будеши, и иному имеющю не завиди, егоже порты светлы, того и речь чистна есть. Сыну, аще имея или не имея, то не пребывай в печали, кую бо ти ползу

принесет печаль? Сыну, аще пес, отстав господина по тебе поиде в след, то обрящься, взем камень и удари и, такоже бо и тя оставив, по иномь потечеть. Сыну, аще тебе сусед не любити начнеть, но ты паче люби и, да не приведеть на тя досажения, тобе не ведущи. Сыну, аще зломысль <...> твой възхощет ти добра творити, и то вборзе не ими ему веры, да не, прельстив тебе, свой гнев свьршить на тя. Сыну, аще человек согрешить ти греха ради, то не глаголи, яко без лепа казнять и, да не впадеши в такую же казнь. Сыну, уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна маслом помазану быти, зане умен, аще ударить тя, тако мнится ему, яко сам ся ударяеть, и напоследь размышляеть, како бы тя утешить, а безумный единою цаты меры масла помазав тя, тысящу хощеть приати злата.

Сыну, еже тя научих, то с прикупом въздай же ми от своего и <...> от моего.

Наставление Езопа сыну

Паче всего люби Бога, царя чти, врагом твоим страшна себе показуй и да тя не уничижают. Другом удобнаго и приобщающагося, коль добротнейши тебе суть такожде; врагом злеи имети желаи, да тя не повредят; другом же твоим благоздравия хотя всегда. Жене твоей добре прилепляися, да не инаго мужа беду творити восхощет, лих сей убо есть женский пол и род. И скверному слову да не пристанеши слышати. Языком убо буди воздержлив. Добротворящим не зазри, но благоприветствуй, ненавидя убо паче повредиши. Домашним твоим прилежи, да тя не точию, яко господи [на] боятся, но яко благодетеля почитают, да не стыдися всегда научати я. Жене не все повествуй тайная, всегда бо вооружается, како тобою господьствует, вся день от дне соблюдает. Лучше бо мертваго оставити врагом, нежели живущаго другом требовати. Здравствуй убо яже тя сретают, зная яко пес ошибию пищу стяжавает. Да не стыдишися ропщущаго человека изверзи от дому твоего, ибо от тебе глаголанна инем исповесть. Твори, яже тя печалнаго не сотворят приключишимися скорбми. Не печалуй, ниже стропотная советуй когда, ниже нравом злым последуй.

12—2134

О наказании от родителей к детям

Слово от притчей о наказании от родителей к детем. Благослови отче

Человецы, внемлите известно от глаголемых, кажите за млада дети своя. Глаголет бо Божия премудрость: любяй сына своего, жезла на нь не пощади; наказай его во юности, да на старость твою покоит тя. Аще ли из млада не накажеши, то ожесточав не повинит ти ся.

Глаголет же в четырех Царствиих сице. Иерей бе некто именем Илии, смирен и кроток велми. Имяше же два сына, ею же не казняше, аще и злое творяста, ни на страх Божии оучаше я, но волю бяше има дал. Они же бяше в буести и ненаказании все злое творяста. И рече Бог ко Илии: «Понеже не наказа сыны своя, да оба оумрета сыны твоя от меча. И ты сам, и весь дом твой зле погибнет, сынов деля твоих». Слышите, братия, аще и богоугодно живе, но иже детей своих страху Божию не наказа, за то погибе. Да аще в Ветсем законе бысть то, а мы что приимем в Новом будуще законе, а не накажем детей.

Златословесный бо глаголет: «Аще кто детей своих воли Божии не наказа, то лютее разбойник осудится; оубиица бо тело оумертвит, а родители, аще не оучат детей, то душу губят». Но вы, братия и сестры, наказайте измлада дети своя на закон Божии, да страх Божии вкоренится в них.

Аще ли тя не слушает твое чадо, то не пощади, яко же мудрость Божия глаголет, 6 ран или 12 сыну или дщери. Аще ли вина зла, то двадесят ран плетью. Накажите дети своя Бога ся бояти, а злых нрав остатись, да помощь души вашей будет. Не ослабляйте, наказая дети своя, аще бо биеши жезлом, не оумрет, но паче здравее будет, и душу его спасеши, аще накажеши.

Дщери ли имаше, положи на них грозу свою, да соблюдеши их от телесных и не осрамит ти ся лице; аще бес порока дщерь свою отдаси, то посреди собора похвалишися о ней. Любяи же сына своего, оучащай ему раны, да после-

ди о нем возвеселишися и среди знаемых похвалу приимеши.

Воспитай детище в наказании, да обрящеши славу и благословение от Бога. Не даждь во юности воли детищу, но казни его донеле же растет. Егда, ожесточав, не повинит ти ся, и будет от него досада люта, и болезнь души, и скорбь немала, и тщета домови, и погибель имению, и оукор от сосед, и посмех пред враги, пред властели платеж и зла досада. Того ради, братие и сестры, наказайте дети своя не словом токмо, но и раною, да ныне не приимете про них от людей срама, а в будущии век муки с ними.

Беседа отца с сыном о женской злобе

Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца предание и поучение к сыну, спискателна от различных писаний богомудрых отец и премудрого Соломона и Исуса Сирахова и от многих философ и искусных мужей о жен[с]тей злобе

«Послушай, сыне мой, приклони уши свои, внуши словеса уст моих да скажу ти: исперва сотвори Бог человека единаго от всех стихий и нарече имя ему Адам, и потом успе Адам, и взят Бог ребро его и сотвори ему жену. И Адам не прельстися, но жена его прельстися советом змииным, и тоя ради вины все отъято самовластие у жены. И рече Бог ко Еве: «Отныне буди ты покорена мужу своему во всем и повинуйся ему и не буди тебе ни единыя въласти над ним; той глава тебе и господин, да владеет тобою во всем, преступила бо еси повеление мое и не восхотела еси свободна быти».

Зри же, сыне мой, яко отья Бог у жены самовластие, да не вопреки глаголют мужу своему. Единою бо поучи Евва Адама и всему миру клятву наведе и запрещение прият прабаба наша в печалех родити чада <...>»

Рече сын ко отцу своему:

«Отче, обоим сим вещем писание свидетелствует быти истине. Благовествуя бо Бог ко своему созданию, посла архангела своего Гаврила к деве Марии, вместо древние печали Евве — радость Богородице принесе, рече: «Радуйся, благодатная, Господь с тобою и благословенна ты в женах!» Сия радость сопротивна печали, и благословение сопротивно клятвы, и вместо Адама — новый Адам — Христос, и вместо Еввы — благословенная Богородица Мария; и без болезни Адама породи, той же чистоте девичести лицы ревнующе и жены, по Христе мучившеся, на уди разсекаеми и ко Христу приведошася, того ради вся нова бысть, и женское племя благословися, и яко жена добра мужа своего и по смерти спасет, и дому строителница бывает, и венец похвалы на главу мужу своему

сплетши полагает, и яко сладкия воды от уст ея истекают, и яко горесть сердечную мужу своему услаждает, милосерда, чадолюбива своим детем бывает, и дом свой всякими добродетелми наполняет; бескровных покрывает, беспомошным помогает, бедных призирает, нагих одевает, алчных и жадных накормляет, болных и в темницах посещает. И по писанному всего силнее жена бывает: жена и царей породи и одеяние им сотвори, ибо всяк человек от жены рождается и сосцами ее питается». И приrече: «Не суть зло естество женское».

Рече отец сыну своему: «Сыне, аще бы не благоволил Бог от жены родитися и водою креститися и на кресте распятися, то уже бы приближися весь род ко вратом адовым. О сем, сыне, известно буди тебе: в нынешних летех едина жена от тысящи такова, яко же ты глаголеши, обрящется. И сия у Бытии глаголется: «Позна Адам жену свою и роди от нея сына». Не Евва роди, но Адам роди. И во Евангелии глаголет: «Авраам роди Исаака». Слыши, сыне, не Сарра роди, но Авраам. Но аще и сосцами питаемся, но множицею от них кровию венчаемся; от жен бо многи крови пролияшася, и царства разоришася, и царие от живота гонзнули, села и домы раскопаша.

Горе граду тому, в нем же властелинствует жено. Горе, горе дому тому, им же владеет жена!

Зло и мужу тому, иже слушает жены. В нынешних вецех мнози человецы грады многими владеют, а женам своим работают. Извыкли бо жены их в зерцало призирати и вапами лица помазовати, и вежда свои возвышати, и черновидно лица воображати, и многим себе уряжением украшати; и многих очеса на видение красоты своея превращати, украшают бо телеса своя, и не душу. Уды своя связали шелком, лбы своя подтягнули жемчюгом, ушеса своя позавесили драгими серезами, да не слышат гласа Божия. Ни святых книг писания, ни отец своих духовных учения, жены бо познали путь заблуждения. Мужие же возлюбили на женах своих многая украшения, а сами восприяли убогое одеяние на себе носити, все для жен своих украшения.

О мужие! От кого есть прияли сия обычаи, еже многая полагают на женах своих украшения? От сего вам несть ползы, толко лише вам злое погубление, ибо женское украшение — всегдашняя мужу сухота и приводит его до остраго меча. Много бо сего бывает, еже в великия долги себе влагают и от того вечно погибают, понеже своего не имут, а жен украшают.

Аще же кто хотения ея не исполнит, тогда она зелне воздыхает, слезит и шепчет, ни худа ни добра не глаголет, очи свои изменяет, нос потупит и зубы своими скрегчет, и что речет муж ея и она, что меденица пыхнет и пред ним плачет день и нощь и мужу своему покоя не даст, гнев имеет и муж ея от нея покоя не имат. И она глаголет: «Оных мужей жены ходят красно и вси их чтут, аз же бедная, в женах возненавиденая и всеми незнаема и от всех укоряема. Почто ты мне ныне муж? Дабы аз тебе не знала! Аз была дочь богатого отца и матери добрыя и племяни славного и таковых бы родителей дщерь, а толко б аз была девицею, был бы мне муж отца богатого и была бы есмь госпожа добру многу, и везде бы чесна, и хвална, и почитаема от всех людей!»

Хочет убо жена, дабы ея вси хвалили, и любили, и почитали, аще ли иную похвалят, то она возненавидит и вменяет не в дружбу, и чужую похвалу в студ влагает. Аще ли муж ея угодити восхощет, то всех ему любити, их же она любит, тако и всех сих в ненависти имети, их же она возненавидит. И всегда хощет болшину имени и никому не хощет покоритися, ни послушати. Всегда хощет повелевати и всего хощет ведати, и получати, и умети, аще же и не умеет, и не знает, а глаголет: «Умею и знаю». Аще будет прекрасна и лепа, многи очи имут на ню зрети. Яко же бо в луже вода семо и овамо преходя погибает, тако же и женский разум, яко храмина непокровенна и яко ветрило на верх гор скорообразно вертящеся. К таковым женам мнози человецы прелщаются: ов добролепием жен, ов разумом, а ин смехотворными утехами, ин краснословием и дарованием и протчими лестьми прелщаются, яко речено есть: «Лутчи купити коня или вола, или ризу, нежели злу жену поняти», понеже немощно познати, какова обычаем: аще и недоболепна или буя, или болна, или блядива, или горда, или гневлива, или иным пороком повреждена и к тому невозможно иныя за себя поняти, доколе она жива. Аще хощеши, сыне мой, без печали жити, то лутче не жинитися и опосле не тужити».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, во Евангелии речено: «Сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепится жене своей и будета оба в плоть едину». Бог же ми даст жену добронравну, всякими добродетелми украшенну: смирением, молчанием, послушанием, доброумием, пощением и нищелюбием, рукоделием, нескверноложием. Таковыя жены у Бога милости просят о мужех своих, и когда в дому будут и доброй жене возрадуются и о делах

ее, чюжой же радости не зазрю, но всегда радость в дому моем будет».

Рече отец к сыну своему: «Сыне, аще будет тебе тако, яко же рекл еси, блажен еси и добро тебе будет, жена твоя, яко лоза плодовита, аще же грех ради житие зле проводиши и такову жену не обрящеши, яко же хощеши, всегда о ней сердцем скорбиши и в горести сердца речешь: «Блажен тои, иже девством живет, да сицевыя жены не обрящет».

И ты, сыне, последи злонравную жену не возлюбишь, и в раскаяние придешь, и ничто тебе успеет. Аще ли сицевую обрящеши: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обавницу, еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, не могу разумети словес твоих, скажи ми известно».

Рече отец к сыну своему: «Слыши, сыне мой, про лстивую и пронырливую. Сия рукоделия делати не хощет, а как муж ея придет и она лежит — шипит, стонет, востает — охает, и муж ея сия речет: «Жено, что и о чем скорбиши и ни о чем не радишь?» И она хотя и здрава, а речет: «Не могу». Сия не строителница дому своему и мужу своему не помошница, и нужного одеяния не сотворит. Аще что муж ея припасет, и она пронырством все изнурит.

Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имеет язык, яко бритву изоощренну, на всякого человека наскачет, аки лев, всех злословит и укоряет, и осуждает, и на всех яд своего языка испущает.

Слыши, сыне мой, про лукавую и крадливую. Лукавство женское сице: имеет ум остр пред мужем своим показует, и никако же муж ея не может лукавства женского разумети, ибо с мужем живет аки бы единодушно, а в сердци своем мыслит: «Аще муж мои умрет, а живота своего мне не прикажет, и мне за иного мужа поити не с чем: и никто меня убогую за себя не возмет». И се глаголя мыслит: «Ныне есми всему добру госпожа, учиню себе сокровище тайное». И начнет у мужа своего красти, а он того не ведает и сице к неи речет: «Жено, что обнищахом и в велицеи скудости дом наш сотворися?» Она речет: «А то, господине, грех ради наших». Сия ли не крадливая, иже все имение мужа своего погубит и оба обнищают?

Слыши, сыне мой, про лстивую и блядливую. Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами склабящася и нравом уничижающися, и за руце мужа принима-

юще, и одеяние совлачающе, словесы лстящи, усты лобызающи, сице глаголющи: «Поиди, государю мои, свет очеи моих, сладость гортани моему, зрети я без тебя, света моего, не могу, и ни единаго слова проглаголати. Лице мое потекло, и сердце мое окаменело, и егда возрю на тя, света моего, тогда зело возрадуюся: составы мои разступаются и вси уди тела моего трепещутся и руце мои ослабевают. Брак ты мой любезный, всегда пред очима моима есть, егда услышу слаткая твоя словеса, тогда не смею что отвещати: не отверзутся ми уста, огнь в сердцы моем горит и лице мое палит и все составы мои греются». И аще будет юн муж и она его вскоре оболстит, и аще в дому его не прилучится, и она близ оконца приседит, семо и овамо колеблющися, а со смирением не сидит: скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада, бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи переменяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юным угодит, и всякого к себе лстит.

Слыши, сыне мой, про обавницу и еретицу. Из детска начнет у проклятых баб обавничества навыкать и еретичества искать и вопрошати будет многих, как бы ей замуж вытти и как бы еи мужа обавить на первом ложе и в первой бане. И взыщет обавников и обавниц и волше[б]ств сатанинских и над ествою будет шепты ухищряти, и под нозе подсыпати, и [в]возглавие и в постелю вшивати, и в порты резаючи, и над челом втыкаючи и всякия прилутшихся к тому промышляти, и корением и травами примещати, и все над мужем чарует. Сердце его выс[о]сет, тело его изсушит, красоты в лице не оставит, и во очесех светлость погубит, и разум отымет, и всякому в по[но]шение вложит его. Сицева сотворит мужа своего и тако его возненавидит, юных же возлюбит и умерщвляющее зелие сыщет и подобно время обрящет и смертным вкусом мужа своего покусит, яко же клас прежде времяни исторгнет.

Слыши, сыне мой, про медведицу и лвицу. Яко же от таковых зверей едина, егда узрит человека, тогда главу свою похилит, и очи свои посупит в землю, и злобою пыхнет, на человека нападет и задушит его вскоре. Тако и злая жена главу свою наклонит, и очи посупит, и уста стиснет, даже злобою на мужа своего дыхнет, и на шию его сило положит, и гортанное дыхание займет, и зло кончает. А лвица в пустыни на всякого человека и зверя наскачет и затерзает. Тако и злая жена, яко лвица и домочадец

возненавидит, и ризы растерзает, и тело кровию обогряет, и власы искореняет, и на мужа рыкает и злобою восхищает, не лвовы убо зубы ухапает, ни ножем, ни мечем, ниже копием мужа своего заколает, но нравом злее лвицы бывает.

Слыши, сыне мой, про змию и скорпию, ибо змиин род велми в ползающих злобою злейши иных гадов: изначала бо велика зла сотвори человеку и проклята от Господа змия, того ради, пресмыкаяся, по земли чревом своим ходит, того же роду и скорпия, и жаба, и черепаха, аще бьешь или колешь, или стреляешь — ничто ея не возмет, тощию разжещи клещи и имати ю, и в огни сожещи, а секнутие ея таково зло, скоростию и до смерти приводит. Тако и злая жена в человецех инех злейшии суть.

Слыши, сыне мой, ис куста исходит змия и узрит человека и от него бежит, а злая жена подле человека лежит, а змииным ядом дышет, сеи истинная запазушная змия: донеле же муж ея по неи ходит и вопреки ничего не глаголет, и она ему терпит, а егда муж чем погрозит или досадит, и она на него что змия шипит. И аще ю бьет жезлием или пинанием, или за власы рванием: то злую жену ничто неймет, но точию разжизает, и она злобою своею, что змия шипит, в сердце его злохитръством секнет. По времени же и сама умрет, аще не покается — во огнь ввергнется да тамо окаянная накажется.

Слыши, сыне мой, про ехидну. Такова суть, ибо своих чад ненавидит, аще хощет родити, подшися их съести. Они же прогрызают у нее утробу и на древо от нея отходят, и она от того умирает. Сей же уподобишася ехидне нынешние девицы многие: не бывают мужем жены, а во утробе имеют, а родить же не хощет и помышляет: «Егда отроча от чрева моего изыдет, и аз его своими руками удавлю». Ибо аще девическую печать и разорит, а девицею именуется, образ бо яко девица, а нравом яко окаянная блудница. Ибо кому прилучится таковою женитися, вижль и разумеи, та бо ходит быстро и очима обзорлива, и нравом буя, всем несчастлива.

Слыши, сыне мой, про змию василиску. Такова суть, ибо зрением убивает человека, где завидит — тамо и побивает. Такова бо есмь змия василиска, стрелами своими смертными люта велми человека умерщвляет. Тако же и прокудливая жена нравом злее змия василиска, ибо прехитро себе украшает и оприятни сандалия обувает, и вежда свои ощиплет, и духами учинит, и лице и шыю вапами повапит и румяностию и черностию во очесах себе укра-

сит, и в одеяние червленое себе облачает, и персии на руце возлагает, и верх главы своея златом и камением драгим украшает, и на лукавыя дела тщится. Егда же и грядет, ступает тихо и выю кротце обращает, и очима невскоре смотряет, и зрением умилно взирает, и устне гладце отверзает, и вся составы свои на прелести ухищряет, и многия души огнепалными стрелами устреляет, яко ядом змииным видением своим юных убивает, яко разслаблении удове их бывают.

Сыне мой, глаголах ти про аспида, иже зело зол велми в роду змиевом в семидесяти родех, а сей аспид первый от них злобою, и в которую сторону вселится и сотворит ю пусту, а нравом таков есть, иже не может слышати гласа трубного, но разбивает себе о камень и скончавается. Тако и злонравная жена не может слышати доброго еи поучения: и уши свои затыкает непослушания камением и непокорения жемчюгом драгим, яко аспид хоботом, в которой дом такая жена вселится и сотворит его пуста. Ибо всяка печаль, зло бывает, а корень всему женская злоба».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, апостол рече: «Лутче женитися, нежели разжизатися». Яко же палима пещь ог-

нем, тако же и юношеская плоть к вожделению женскому разжизается, ибо огнь естественныи не ветром разгнещается, но видением красных лиц прельщаются: и время и место согрешению враг полагает. Женская красота мя прелщает, на ню же взирая, весел бываю».

Рече отец к сыну своему: «Сыне, аще ли не разумееши словес моих, яко же рекох тебе, слыши, да скажу ти известно подробну.

Сотвори Бог человека единого и помысли, яко недобро единому быти ему, и успи его в породе райстей, и взят ребро его, и сотвори ему помощницу, рекше жену. Егда же прабаба наша Евва прельстися советом змииным, тако же и мужа своего прелсти, и посети Бог Адама в раи и рече ему: «Адаме?» Он же рече: «Се аз, Господи». Господь же к нему рече: «Почто заповедь мою преобидел еси?» Адам же ко Господу рече: «Господи мой, Боже, жена мя прелсти, ю же ми дал». И рече ему Бог: «Почто послушал еси совета жены своея? Аз бо дал тебе не советницу, ни владетелницу над тобою, но поручницу и помочницу тебе». И того ради изгна Бог Адама и жену ево от райския пищи. И по изгнании нача Адам плакатися, сидя и сетуя, с плачем взываше: «Увы мне, раю мой прекрасный, яко мене ради сотворен еси, а Еввы ради заключен еси.

Увы мне, яко погубих Божие человеколюбие и Духа Святаго благодати удалихся, и коим плачем восплачюся или которым рыданием возрыдаю, или коем сетованием возсетую. От рая мое изгнание и в поте и в трудех терновное прозябание и в преисподнех адских местех воздыхание помяну». И сице рече: «Увы мне, вся злая сия соделавшая и внезапну постигоша тебе ради, жено прелесная. Ты мне незрелое безсмертие пожала еси серпом лукавства змеина, ты бо мою власть на рабство преложила и во очесех светлость помрачила, и нуждею реки слез излию. Увы мне, о жено безумная! Почто отлучи мя ангелского мирования и студным делом принуди мя? Ты, прелстившая мя, отиде от мене, уже бо не требую к тому совету твоего пагубного и лукавого, иже будет о тебе промышление мое от сего времяни». И по Адаме правнуцы его многими напастями и бедами пострадали от жен.

Слыши, сыне мой, како святыи пострадали от жен.

Ной праведный от жены напоен бысть квасом, смешеным с травою и увещаем от нея о тайне, иже заповеда ему ангел Господен з запрещением николи же поведати, но ум его невозможе терпети от воняния травного и отбеже от главы его и в забытие прииде память его о запрещении.

И сказа тайну жене своеи, и яко отщетився и прииде на место, иде же ковчег делая, и виде, яко разсыпася дело его и всех живущих на земли, и плакася на месте том 40 дней. Тако же Лот праведный в Содоме живяше з беззаконными людми и не прикоснуся и непоколебася им и никогождо осуждая, и того ради Содомского запаления убежа, но от лукавства дщерей своих не может убежати, но напоен бысть виноградным вином и падеся со дщерми своими, и зачат во чревех. Последи же уведет грех свой, начат сомневатися и душею ужасатися и плакася на горах горко, и бысть Лот дщерем своим посягатель, отец и муж.

Слыше, сыне мои, про Иосифа Прекрасного, яже рече писание, в раб продан бысть Иосиф и живяше чистотою душевною и красотою телесною и лице его яко солнце сияя. Зряше же на него господина его жена и желаше насытися красоты его и тщашеся ласканием запяти Иосифа. И без мужа своего призва его в ложницу свою и нача его увещевати, лстящи его, и напрасно его охапи руками своими к падению себе. Тои же отторгнуся от нея, она же ят за ризу его, он же оставив ризу свою в руце ея и отбеже от нея вне двора. Прииде же муж ея от палаты царевы, она же взем ризу Иосифову и показа мужу своему и с великою злобою поношаше на Иосифа: «Сей раб твой восхоте мне ругатися, жене твоей, аз же не восхоте осквернити ложа твоего и возва, иже в дому нашем, он же оставль ризу, беже от мене». Петерфирий же ят веру словесем ея и повеле Иосифа затворити в темнице, и смириша во оковах нозе его лукавыя ради жены. И избави его Бог и сотвори царя Египту.

Слыши, сыне мой, про царя Давида, како блуда ради хотя смерть прияти. Богоотец великии во пророцех царь Давид, когда виде Вирсавию, жену Урину, красну лицем и величеством, и повеле ю привести во свою палату и падеся с нею и по сотворении блуда озревся вспять и виде ангела стояща и держаща наг мечь над главою его. И паде ниц на землю молящеся и плачася горко, глаголюще: «Безвестная и тайная премудрости твоея, явил ми еси» — и паче рех: «Возсмердиша и согниша раны моя, от лица безумия моего пострадах, яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть всегда, тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворих, отврати лице твое от грех моих и вся беззаконие мое очисти». И услыша Господь моление его, и возвратися от него ангел Господень бес крови его, прия Давид Духа Святаго благодать, и глаголаше: «Аз рех, во обилии моем неподвижуся во веки».

Рече сын ко отцу своему: «Отче приях поучение твое и во уверении ми бысть. Приточник рече: «Не пощади жезла твоего и учи сына своего, его же любиши». Уже аз слышах от тебе все по ряду и от словес твоих уразумех и смысл свои укрепих и разума наполнихся, наказанию твоему и опасному житию научихся и укрепихся, и искусен бых».

Рече отец к сыну своему: «Сыне мой, несть тако, яко же рекл еси, либо дивная сия вещь — жена злая: кротима высится, а биема бесится и сворится, а подобна болезни некакой. Не превозносися, сыне мой, и не рцы во уме твоем и не уповаи на премудрость твою, и на мужество свое и на храбрость, еже жити со зверем сим, что укротити его свирепие, и безстуднее сущи полских звереи и невозможно сущи убежати ею. Обрели бо есми в писаниих: «Кто Соломона премудрее или кто Самсона силнее и Александра храбрее?» И ти от жен пострадали и скончалися. Соломон в юности своеи наполнися разума, яко река многотекущая исполнися притчами и гадании, яко звезда утреняя, яко облак и яко луна полна, и во дни сияя, яко солнце, и яко маслина славы, от нея же сладкий плод приходит, имя его и мудрость во вся страны прослышася, жены же лукавые ум его помрачиша и яко реку многотекущую пресушиша и доброту его погубиша, обратиша на пагубу и блудом растлиша его и прелстиша его во идолобесие и сотвориша его поклонятися твари. И тоя ради прелести пророческого дара лишен бысть.

Слыше, сыне, про Самсона силнаго, иже по благовестию родися: да будет силен, и глаголаше: «Аще бы Бог укрепил колце, то бы могл всю вселенную поворотити». И челюстию скотиею по 1000 на день иноплеменных побивал, а жена любодеица не убояся силы его и напоив, на коленех своих успи его и власы, ими же силен бысть, остриже и очи ему ископа и на поругание иноплеменным его предаде.

Слыши, сыне мой, про царя Александра, яко храбр бе и полестинския страны от востока солнечного вся царствия мира сего своею храбростию к себе приклони, а от жены отравлен бысть зелием травным и скончася.

Илия пророк, славный во пророцех, иже молитвою своею на три лета и на шесть месяц небо заключи и неодожди земли толико время и огнь с небесе сведе и пятдесятников пожже, а жена любодеица лютостию на него дыхну и смертию ему погрози. Пророк же Божии убояся злобы и шед скрыся в пустыни Хоривстей.

Иоанн, великий во пророцех, Предтеча, глас слова, светилник света, денница солнца, воин царев, иже достоинством своим велику славу имея в зачатии и рожестве и житии своем велику честь имея в проповедании покаяния, велик проповедник пред Богом и человеки, достоинством славы своея положи руку свою на пречестнею версе великого Бога и первие видев славу триипостасного Божества и свидетель истиннен и жити[е] его яко солнце сияя, яко же и некое зерцало пред очима нашима, ибо елико имуть светии жития и сия вся имея святыи Иоанн. И прия от Бога имя, ангелом наречен бысть, и в рожденных женами болши не бысть. Терпения же и проповедания ужасеся диавол и нача трепещущи глаголати: «Горе мне, что сей муж творит, и кто ли возвестит будущаго гнева убежати? Горе мне, яко будущая возвещает, един стоит пришедший у народа и всех учит, укоряет и обличает Ирода и советницу мою Иродиаду! Горе мне, ничто же могу сотворити ему, но вниду во угодницу мою Иродиаду и наполню ея гнева». И скверная любодеица искусити гнев свой на праведного, не убояся великого во пророцех: скакавши и плясавши Иродовии, и полюбися плясание Ироду и клятся Ирод дати и до полцарствия своего. Она же, научена матерью своею, испроси главу Иоанна Предтечи. Ирод же повеле Иоанну главу отсещи, и усеченною главою Предтечевою яко яблоком поиграв на блюде. Его же в пустыни дивии звери убояшася, змии и аспиды честно нозе его лижуще, а жена зла такова светилника не убояся.

А великого во апостолех евангелиста Иоанна Богослова, наперсника и возлюбленника и друга Господня, со учеником его Прохором злая жена по ланитама бияху.

А великого во святителех, покаянию проповедника, вселенней учителя и светилника Иоанна Златоустого, учение же его во всю вселенную пройде, яко река многотекущая, царица властолюбица, не терпя обличения его, с престола его изгна и в далныя страны в заточение засла его.

Слыши, сыне мой, уразумех ли еси словеса моя, яко тебе про праотец, и про патриарх, и про пророк, и святых апостол, и святых отец рекох, елико они пострадали от неистовства женского, толико разумных пострадали от них, ибо диявол не может сам сотворити таковые пагубы святым, яко же наводит злыми женами, то бо есть оружие дияволе и мечь сатанин - и оболгателница святым. И обретохом аз написано в Старчестве: «Некто человек добронравен живяще со злою женою и имея семь сынов, а все в совер-

шенном возрасте, и многаго ради злонравия ея наказуя муж жезлом, она же окаянная убеже в некую пустыню к некоему затворнику старцу, толкися, глаголаше: «Сего ради пришла к твоей святыни, да избуду напрасные смерти». Он же прият ю в пещеру свою. И по мале прелсти его окаянная и падеся с нею яко со своею женою. И елико муж ея бияше, она же к затворнику убегаше в пустыню и глаголаше: «Уморю мужа своего». Потом же муж ея бияше про злонравие ея, она же умори мужа своего и шести сынов умори по единому, а седмыи сын шед во град сказа народу. И изыдоша людие в пещеру яша старца и жену ту и испытавше их, огнем сожгоша. О сей повести не могу глаголати без слез многих и горкого воздыхания, понеже очи мои зелне плачют и душа моя люти трепещет.

Слыши, сыне мой, кто не прослезится о сем великом старце погибели? Зде огнем скончася, а в будущем веце зле лютей адской муце предастся! О люте! Очи мои слезы многия испустиша, а душа моя сжалеся, и сердце мое восколебася! Колико сей старец подвизався в пустыни, со многочисленными бесы боряся, а женою злоокаянною вмале прелстися и погибе, о сем всяк да восплачет умилными слезами и горким воздыханием, сердечным возрыданием.

Слышах, сыне мой, про некоего мужа пришедша в дом к жене вдовице, и хваляху людие ему да ся оженит ею, понеже юн бяше. Она же, окаянная, злонравно с ним живяше неколико лет, по времени же умре жена та, он же нача продавати дети своя и ея. Людие же кленяху его, что тако творит. Он же рече: «Егда возрастут и будут обычаем в матерь свою, тогда и мене продадут». И плакася по жене своей, людие же глаголаху, почто плачешися?» Он же рече: «Плачюся, дабы другая такова не была».

Некий человек рече: «Аз есмь бых в трех нужах: в темъницы, у висилицы, и дву[х] нужд убежах, а от третие нужды — от злыя жены — не мог убежати».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, отяготех тягостию, рци ми слово вкратце: что лихая жена и что злоба ее, скажи ми и напиши на сердцы моем».

Рече отец к сыну своему: «Слыши, сыне мой, жена злая — домовая буря, многим потоп, неудержимое стремление, сердцу копие, иноком жжение, очесем поползение, тайнам обличение, покоище змиино, смертоносная беседа, неоставляющая трясовица, неутолимая огневица, мужу спящая лесть, востающая печаль, самохотная злая ратница, грехом учителница, темный вождь, хоругвии адова,

ниспадаемое желание, ветвь дияволя, спасаемым соблазн, болезнь неисцелная, злоба безуветная, удобь уловляюща дерзость; жена злая — ветер север, день неведрян, гостинница жидовская, совокупленница бесовская, несытная похоть. Яко же ров глубок не наполнится водою и огнь дровами, тако и злая жена николи же наполнится хотения своего и злоба их не умаляется, имея сокровище злобы, источник зла кипя непрестанно».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, слухи моя наполнишася твоего наказания, уже душа моя ужасеся и разум мой умилися, и сердце мое восколебася стоя пред очима твоима».

Рече отец к сыну своему: «Сыне мой, не буди укоряти собою естество женское — велми есть зло. Приточник же рече: «Бежи и не озирайся красот жен, яко Ной потопа и яко Лот Содомского запаления, и не буди с прилежанием зрети на чюжия жены и не объят буди руками их и не желаи ея, та бо погубляет человека острейша меча». Некто рече: «Стретил бе на пути лва, а на распутии разбойника и обоих сих убежах, а злыя жены не могох убежати». Аще кому [с]лучится злая жена пояти, то над чюжим мертвецом не ходи плакати, всегда бо ти есть у себе в дому плачь.

Сыне мой и любимое мое чадо, вся сия видех и в писании обретох и согласию твоему рекох».

Моление Даниила Заточника

Слово Данила заточеника, еже написа своему князю Ярославу Володимеровичю

Въструбим, яко во златокованыя трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребреныя органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани в псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзу в притчах гаданиа моя и провещаю в языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется в телеси его красотою и мудростию.

Бысть язык мои трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице без очию; и бысть ум мои, аки нощный вран на нырищи, забдех; и расыпася живот мои, аки ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море Фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собе и притекох к обычнеи твоей любви. Глаголеть бо в Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будеши Царствия Небеснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, и тои тя препитаеть в веки.

Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко плодом твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волк на ягня, но зри на мя, аки мати на младенец. Возри на птица небесныа, яко тии не орють, ни сеють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне чернеи смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седя плачь горкии; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашен. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся. Тем же не ими другу веры, ни надеися на брата.

Не лгал бо ми Ростислав князь: лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети. Яко же бо Соломон рече: ни богатества ми, ни убожества, Господи, не даи же ми: аще ли буду богат — гордость восприиму, аще ли буду убог — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядию.

Тем же вопию к тобе, одержим нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адам рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжеи стране друзи держить; а убог во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогии возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна.

Княже мои, господине! Избави ми от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст лвов.

Аз бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посекають его и на огнь мечють; тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человек, приемля многие беды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всяк бо человек хитрить и мудрить о чюжеи беди, а о своеи не можеть смыслити. Злато съкрушается огнем, а человек напастьми; пшеница бо много мучима чист хлеб являеть, а в печали обретаеть человек ум свръшен. Молеве, княжи, ризы едять, а печаль человека; печалну бо мужу засышуть кости.

Аще кто в печали человека призрит, как студеною водою напоить во зноины день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цветы землю, а ты оживляеши вся человекы

милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мои, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твои сладок и образ твои красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки раи с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от места незаветрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одеялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть, тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам. Яко же бо похвалися Езекии царь послом царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же реша: наш царь богатеи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужеи не добыти. Яко же рече Святослав князь, сын Олъжин, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же Бог повелить, тако будеть: поженет бо един сто, а от ста двигнется тма. Надеяся на Господа, яко гора Сион не подвижится в веки.

Дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многажды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имееть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страяются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством корениа; тако и град нашь твоею дръжавою.

Зане князь щедр отець есть слугам мнопим: мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибегают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи роботы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река в брезех, а брези камены: нелзи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан.

Не имеи собе двора близ царева двора и не дръжи села

близ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устречися и сождениа порт.

Господине мои! Не лиши хлеба нища мудра, не вознесе до облак богата несмыслена. Нищь бо мудр, аки злато в кални судни; а богат красен и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутреняя моа. Аз бо, господине, оденим оскуден есмь, но разумом обилен; ун възраст имею, а стар смысл во мне. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь под лепок капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса уст моих. Яко же Давид рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устом моим. Ибо Соломон рече: словеса добра сладостью напояють душу, покрываеть же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылаи и мало ему кажи, а безумнаго посылаи, и сам не ленися по нем ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лепше слышати прение умных, нижели наказаниа безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будеть.

Не сеи бо на бразнах жита ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо не сеють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Как в утел мех лити, так безумнаго учити; псом бо и свиниам не надобе злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмешити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по воде, и коли иметь свиниа на белку лаяти, тогды безумныи уму научится.

Или ми induced речеши: от безумиа ми еси молвил. То не видал есмь неба полъстяна, ни звизд лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългал еси аки пес. Добра до пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългал еси аки тать. Аще бых украсти умел, то толко бых к тобе не скорбил. Девиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но ветри; не огнь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадаеть в вещь, но думци вводять. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скот в скотех коза;

ни зверь в зверех ожь; ни рыба в рыбах рак; ни потка в потках нетопырь; не мужь в мужех, иже ким своя жена владееть; не жена в женах, иже от своего мужа блядеть; не робота в роботах под жонками повоз возити.

Дивнеи дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка деля.

Видех жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцем, и рех еи: не зри в зерцало, видевше бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми induced речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лепше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить: а зла жена бьема бесеться, а кротима высится, в богатестве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирскии мятежь, ослепление уму, началница всякой злобе, в церкви бесовская мытница, поборница греху, засада от спасениа.

Аще которыи муж смотрить на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дел ея не испытаеть, то даи Бог ему трясицею болети, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, расмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мои и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тела моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крест есть глава церкви, а мужь жене своеи. Жены же у церкви стоите молящеся Богу и святеи Богородици; а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужеи. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены.

Добра жена венец мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена дом мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездети, нежели зле жене таины поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лепше есть камень долоти, нижели зла жена учити; железо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учениа слушаеть, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всех укоряет и всех осужаеть.

Что лва злеи в четвероногих, и что змии лютеи в ползущих по земли? Всего того злеи зла жена. Несть на земли лютеи женской злобы. Женою сперва прадед нашь Адам

из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф Прекрасныи в темници затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрела, летящеи с чемерем!

Не у кого же умре жена; он же по матерных днех нача дети продавати. И люди реша ему: чему дети продаешь? Он же рече: аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут.

Еще возвратимся на предняя словеса. Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеныи сот; тако и аз, по многим книгам исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морскиа.

Да уже не много глаголю. Не отметаи безумному прямо безумию его, да не подобен ему будеши. Уже бо престану с ним много глаголати. Да не буду аки мех утел, роня богатство и руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою беседою, яко же бо птиця, частяще песни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирских притчах: речь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, Господи, вся человекы под нози его. Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

Слово некоего калугера о чьтении книг

Добро есть, братие, почетанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну. Блаженеи бо рече: «Испытаюштии съведения его вьсем сьрдцьм възиштют его». Чьто бо, рече, испытаюштеи съведения его, егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумеи, чьто глаголют книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единой главизне. Рече бо: «В сьрдьци моем съкрых словеса твоя да не съгрешу тебе». Не рече: «Усты тъсью изглаголаах», нъ и «в сьрдьци съкрых да не съгрешу тебе»,— и поразумевая убо истиньне писания, правим

есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздьржяние, правьдьнику же книгы я. Не съставит бо ся корабль без гвоздий, ни правьдник бес почитания книжьнааго, и якоже пленьником ум стоит у родитель своих, тако и правьднику о почитаньи книжнем: красота воину — оружие и кораблю — ветрила, тако и правьднику почитание книжьное. «Отъкрыи бо,— рече,— очи мои, да разумею чюдеса от закона твоего» — очи бо, глаголет, размысл сьрдчьный и прочее; «не съкрый от мене заповедий твоих»,— разумей, яко не от очию съкрыи, нъ от разума и сьрдьца. Тем же и похули не поучаюштаяся, глаголя: «Прокляти укланяюштеися от заповедий твоих [...]»

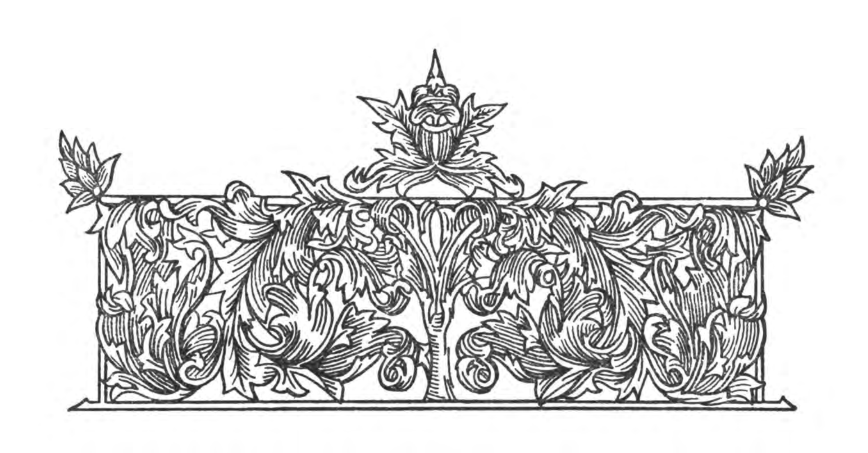
Притча к хотящим учитися

Полезно оубо есть, иже с моудрыми любитися и с ними беседоватися, от лукавых же и льстивых отбегати. Блажен человек, иже обрете мудрость, и разум добр и до седины оудръжит. Луче бо искати мудрости и разума, нежели злата и сребра. Внимай наказания мудрых, и оучения разумных не отрини, ни похули, но приими в сердцы своем с похвалою. Та бо оучения живот души, а телу исцеления, а бесом прогнание, а грехом разрешение.

Геннадия, патриарха Царя града, стих

Человече, что требуеши, многих книг ища, ни бо едину чтеши право пред Богом. Но овогда сия книги чтеши, овогда же иныя. Иногда же иных желаеши. Да токмо чрево свое наполняеши: премудрости жития святых прочитаеши, а дел их добры не подражаеши, ни твориши.

Притча-
загадка



О царе-годе

Притча о году и о прочих предстоящих в ней

Царь убо некий бяше славен зело, и велик, и благороден, и велми богат, светел, и высок надо всеми. Во времена же оубо некая его же мы знахом добре. Обладаше же царь той всею вселенною, и не бысть ин царь таков никако же нигде же. Всяка оубо начала и власти, от перваго и до последних, во всем послушают и покаряются ему. И не бысть ему нигде же противника, вси со страхом и трепетом работают ему.

Служаху же ему четыре цари, строители и правители суще царству того царя великаго. Под теми же четырми цари великии царь той оустрои великих чиноначалник, 12 князей. Коемуждо царю даде три князи, яко опасно строят царския вещи. Под теми же началными великими дванадесятьми князьми повеле 52-м епархом, яко да повелением 12 князей тех оугодно и стройно служат царю и оустрояют царския дворы. Тем же 52-м епархом предаде великий царь той своих домочадец и раб 360 и 5 мужей

светлых и храбрых. Под коимждо епархом седмь раб бяше, яко да строением епарховым угодно служат царю.

Повеле же великий той царь давати на потребу рабом своим коемуждо рабу 12 златых и 12 медных. Един же некто от менших того великаго царя послан бяше на ину страну некия ради вины. Посылаше же ему той великий царь на потребу первое три златницы и три медницы, второе посылаше 6 златых и 6 медяных, третие посылаше ему 9 златых и 9 медных. Приходит же в четвертый раб той сам ко царю, яко же ему повелено. И повеле ему царь дати 12 златых и 12 медных, яко же и прочим. И паки в той час раб он от царя отходит на оуреченное ему дело. И по сих такоже посылаше к рабу оному злато и медь, яко же и первие.

О преже реченных четырех царех и 12 князе[х]. Коемуждо единому царю предано владети 90 единым рабом, и коемуждо единому князю дано владети 30-ю рабы. Епарх же владеет седмию рабы. Всегда же оуставом того великаго царя из ризницы царевы подают рабом его коемуждо рабу 12 златниц и 12 медниц, и всего 24 златых и медниц. Еже владеет кииждо епарх седмию рабы, и входит в ризницу великаго царя, и приимает на раб своих 84 златых и 84 медных, и всего емлет 168 златых и медных. А еже владеет кииждо князь 30-ю рабы и дается ему из ризницы царевы на рабы его 360 златых и 360 медных, и всего он емлет 720 златых и медных. А иже владеет кииждо царь 90 единым рабом, дается ему из ризницы царевы на раб его 1095 златых и 1095 медных, и всего 2190 златых и медных. Всем великаго царя мужем 365 рабом дается из ризницы царевы 4380 златых и 4380 медных, кроме 3-х златых и 3-х медниц, еже посылаше к рабу своему на ону страну. И всего 8760 златниц и медниц.

Имяше же той царь два златомерителя, кои в царских его полатах злато весят, на потребу дающе рабом царским. Еще же великий царь той имеет два златомерителя збирателя, кои во царствии его стояще за дань злато и медь збираху и отдающе в царская хранилища.

Имяше же великий царь той юношей добродных, светлых и славных 36 мужей, иже всегда предстояще пред лицем царевым. Над ними же повеле ведати царь прежереченным князем 12-м, коемуждо князю предаде по три юноши.

Царица же царя того великаго прекрасна и славна во всех царствах. И некогда же видех ю аз и познах ея добре, не бысть такова нигде никогда же. Пристави же великий

царь той к царицы своей 12 князей, под них же предаде 354 раба, коемуждо шести князем единому 30 раб, другим шестьма князем коемуждо единому князю 29 раб, яко да рабы те повелением князей царских служат праведно и строино.

Сказание о четырех временех года, или частех, откуду начинается весна и прочая времена, или часть года солнечнаго

О четырех, си речь весна, лето, осень, зима. Реченно же отхождение, яко же друг ко другу себе мокротою и сухотою и теплотою и студению сойдется.

Весна речется от цветов, яже цветет. Лето глаголется от теплоты, яко же горечо и сухо. А осень зовется от буря, когда листвия падут и вся созревают. Зима от студени именуется, или от брашна, зане тогда болши есть вожделение ядению.

Весна же начинается марта от 25 дни и творит дни 91 день, часов 7. Лето же начинается месяца июня от 25 дни и творит дни 91. Осень начинается месяца сентября от 25-го дни и творит 91. Зима начинается месяца декабря от 25 дни и творит [92] дни.

Написание сие сице в нем же предлежит объявление века, си речь год солнечный и времена года, месяцы и седмицы, дни и часы, два равноденьства, два солнцу возврата, каленъды, ноны, идусы, год лунный. Оставим сие и на предреченную возвратимся притчю, о ней же нам слово предлежит. Оуслыши сия днесь, что изъявит нам повесть сия, ему же начало сице.

Притча 1-я. Весна подобна царю юну зело. Оболчена в царская одежда и венец златый на главе его. Седящу же ему на престоле обычне, нозе же его бяху наги, един не имуще ремень сапогу его. Имяше же в правой руце ключь висящь, и светилник держаще и на нем две свещи, обе равны, но обаче едина возжена, другая же не горит. В левой же руце свиток, в нем же написано два слова. Веселящу же ся ему и радующуся, и богатества многа сбирающу, и богатеющу.

Толкование. Царь оубо есть весна, царствует в часы своея красоты и юность есть первое года. И абие помалу начинает листвием одеватися, яко в царская. И венец на главе власти ради времяни на прорастение цветов. И престол — солнцу течение в последнем крузе зодейном. И ноги

наги, яко не оу еще всяко древо исполнися листвием. И яко без сапога, си речь яко не вся совершена. И ключь в руце держащь висящь, яко власть времени, ключь отверьзение водам и еже рыболовство. И светилник — месяц, а свещи — равноденьство, огненую — день, а другую — нощь. В другой руце свиток — обычай животным. Два слова написанныя — совокупление птиц. Тогда друг ко другу и плод воздадят. Веселится тогда весна и радуются людие, собирают богатство, и богатеют богатством, цветами плодов земных.

Сия стихия прообразуют юности жития человеческаго. И аще хощеши оуведати и испытати весны доброты, сицева есть весна. Яко юноша зело юн, чюдно и преславно славою и красотою сияя, еще любим всем и веселия исполнь. И вся тварь обновляема бывает во время власти его. Небо светлее темных облак, яко ризы сволкся. Солнце повыше от смиреннейших и южных на северныя и полунощным частем на северныя к равнодению приближается. И круг лунныи светлее зимняго. Волны с тихостию брег целуют. Облацы солнца не закрывают. Сады земля прорастает, и древеса процветают, и птицы воспевают. Реки наводняются, и источницы тихо текут, и винограды сладкую испущают воню, и агньцы на зелене траве скачют. Делфинь же пускает от глубины сладце. Тишине бо и ведру образ суть дельфины. Оустрояет же ратаи рало, и впряжет волы, и горе взирает к Богу, и того призывает, яко дателя плодом. И пресекая бразды, не помышляет настоящаго труда, но хотящим быти тешится ныне. Огородник воскапывает и чистит сады. И птица перо оулосняет. Сие оубо ино свидетельство известно сказует силу времени. Яже Григорей Богослов явствено во своем богословии распространив о существе времени сего глаголет, яко весна прообразует юность жития человеческаго.

Притча 2-я. Лето подобно царю мужу совершенну и вспять зрящу, оболчену же в царскую светлую багряницу и венец царскии златый на главе его. Седящу же ему на престоле царском злате и превысоце. В правой руце многоценныи скипетр держаи, в левой же с миром златыи сосуд. Сущу царю тому зело богатому, праведну же, и милостиву, и щедру. И веселящуся со своими многоторжествено.

Толкование. Царь оубо есть лето и муж совершен. Реченно сего ради, яко исполнится совершение возраста всякаго плода земнаго. Яко второе время года есть или

зрит вспять сего ради, яко солнце вспять грядет от нас, или возврат его на зиму и зело светло. Время же то есть силно от теплоты солнца и горячо и сухотворително. Престол царьскии златыи и превысокии, яко солнце течет на превысочайшем степени тверди круга зодейнаго. Или в правой руце яко во области многоценный скипетр, царьския ради почести и великия ради державы подобно венцу и червленицы. В левой же златый сосуд — корабль исполнен мирнаго оугодия, зане тогда оугодно есть к плаванию кораблем. Воздуху же ясну и светлу сущу, и морю кротку и тиху пребывающу тогда. Богато же зело лето и преизобилно всякими искушенми житейскими. Праведно же и милостиво время то, еже к нам от солнца теплотою и щедро. Яко рожденное от земля, еже есть Бог подаст, в радости собираем и веселимся благодаряще Бога, подавшаго нам таковую благодать.

Престанем оубо отсюду беседы притчи сея глаголати, яко да иного источника чиста насладимся, богословля писания. Се оубо ина свидетеля истинна обретохом. Яко от своего богословия возгреме, и в своей богословней книзе написа о доброте лета, и о существе времени сего, глаголет тако, яко время се прообразует совершение возраста человеческаго. И аще хощеши оуведати доброту лета, сицево есть, яко муж весел, и тих, и богат, и красен велми, и милостив, питая всех человек, и скоты, и звери, и птицы. И прилежно смотряя о своем дому, и любя прилежно дело без леностн. И понуждая делателей на жатву и на прочая земныя труды, на собрание плодов земных. Пастух и коровник, трости режуще, пастушеския соделывают, и подобятся сирским, и таковыя глашают и пастушескии сотворяют глас, наслажают же ся и сладости воздуха. На камени сады дышуще. И рыбарь во глубину взирает и готовит мрежу и на камени выспрь седя ловит. Ныне же птица гнездо вязет, а другая вселяется. Ова окрест парит и наглашает луги, и оувещавает человеки. Вси Бога славят гласы неизглаголанными. Ныне оубо смеется весь живот рожения и все почивание почивает. Ныне же возвышает выю конь величав, возгрызает оужа, и, пута прервав, перит по полю и играет, и по рекам красуется, реку обрет куплется. Выю и главу возвышает, яряся и гордя. И всему животну смеятися. Человеку токмо свое естество по благодати, яже рече смеятися всякому животну. Яко се бы рекл радоватися и веселитися. Радуем же ся во всем почивом во время власти сея.

Притча 3-я. Осень подобна царю мужу средовечну, обнажену от царских риз и оболчену в ризу ветху нецарску, но токмо венец на главе его. Седящу ему на престоле обычне. В правой руце ключь держит, в левой же весы. Прискорбну же ему сущу, плачющу и рыдающу своея наготы и погибели и своего царскаго богатнаго лишения.

Толкование. Царь оубо осень, средовечие, третия время года. Когда листвие от древ падут, и древеса обнажены от листвия, яко от царских являются. И оболчены ветхим листвием, яко в ризу нецарскую. Или венец к различию царскаго подобия оставших ради плодов прорастения. Или пристол солнцу в последнем крузе зодейном. Или в руце ключ — замъкнение водам, когда человецы в караблех от плавания престанут, ради нестроения воздуха. В другой же весы, яко равноденьства тогда часов, дни же и нощи равно разрешены суть. Прискорбна же тогда древеса, яко и плачются и рыдающе своея наготы, от прекрасных цветов лишения, яко богатества.

Зри оубо зде внимателне Григория Богослова, еже пи шет ясно, обьявляя силу времени, яко же сия стихия про образует старость жития человеческаго. Аще хощеши разумно оуведати, сицево есть. Яко мужу в средину века пришедшу, прискорбну ему и дряхлу сущу, сетующу и плачющу и рыдающу, рекше сумрачна время от дождевых облак и от неустроения воздуха. И люто иногда то время человеком бывает безгодная жатва. И ратай труды дряхлующи, и аки при мертвецех председяще, плачюще о жителех. Яже кроткии и теплыи дождь воспитай свирепый от суровыя туча град пожал есть, их же не наполни руки своя жняй и лона своего рукояти собирай, ни благословения на них не получи, еже подают мимоходящеи. И видение земли оумилно: обругана земля и острижена и своея первыя доброты не имущи. И о сем достоит нам плакати: земли растление, а человеком и скотом глад и мука. И сице то время болезниво есть, ради неравности воздуха. Есть бо равностудено, токмо дышуще в полудне теплота. И некогда бывают блистания, си речь снег. Италияне же стрелами зовут снег, яко стреле подобна есть студень. И никакими оуже надеждами веселящимся. Облацы же солнце и звезды покрываху. Ветри же свирепо по воздуху древесы и водою мятуще и колеблюще. Волны же о брег с нужею оударяхуся и в пены расходящеся. Свирепых волн глас говора воднаго страшьно плавающим является, и напрасными тучами нужными суть. Весы же реченно месяцу и

солнцу, заие проходящу дни же и нощи равноразвешены суть. Яко тогда есть равнонощие со днем осенним.

Притча 4-я. От декабря 20-го числа от предпразднества Рождества Христова оуказует наставшее время, отселе починается зима.

Зима подобна царю мужу стару зело, и оубогу, и нагу, оболчену во вретище. Седящу же ему на нижнеишем степени престола и зряше выспрь тверди, токмо венец един на главе его. В правой руце мечь держит, в левой же плащаницу. Зол же бяше той царь, отнюдь лих, и лют, и немилостив ко всем, горд, и напрасногневен, и никого же помилова когда.

Толкование. Царь убо есть зима, четвертое время года. И конечное оубожество, и нагота от листвия древесам. Снегом же, аки вретищем, покровенно. И нижаишая степень престола, яко солнце течет в нижнем крузе зодейном. И зрение высокое еже солнцу начинающу восходити на высочайшая круги, яко солнцу возврат на лето. И венец на главе его, власти ради времени того, яже тогда предстоит. В руце же мечь великих студеней, человеком мучителство. В другой же плащаница, яко мост, егда смерзшуся от мразов леду в водах, по них же тогда путь человеком бывает. Зла же и люта зело зима, и немилостива ко всем. От зелных и свирепых ветров и великих мразов бывает человеком многажды напрасная смерть. Во градех же и в селех и на распутиях человецы мнози помирают. Звери же, и скоти, и птицы померзаеми.

Виждь оубо разумно, понеже и Богослов показует ти силу времени, прообразуя последнюю старость жития человеческаго, болезнь и сконьчания живота. Аще хощеши оуведати, сицева есть зима. Яко муж зело стар, и болезнен, и лют, и зле яр, и злонравен, и зол бяше зело, и отнюд немилостив ко всем, и напрасногневен, и свиреп. И никако же кого милова когда во время злобныя ярости и студени. И круг лунный дряхл бе зимы деля дебельства. Облаки и ветри сверепо воздух премогаху студению. Сице и солнцу в то время последняя немощь, студению крепости его оумаляему, си речь теплоты. И лик звездныи и солнце мрачными облаки покрываются. И человецы же и скоты во время ярости стужи ея и неоустроения воздуха в храмы бегающе и пребываху. Зверие же в пещерах под землею скрывахуся. Понеже оубо время то ядовито, и люто, и злобно, без милости зноба, не едины человеки, но и тварь

всяку оумучающе, землю, и воду, и древеса, скоты, и звери, и птицы. Люто же и земли от мраза омерзаемей, не имуще красоты ни доброты своея. И всем плодом земным погибель. И в то время земля неплодна, и садом обычныя пища не дадяше и ничего же ражает, и ничто же ново родит. Плачются понеже в темных неразумныи скоти, ясльми оунужении. И всяк гад воспоминающе красную доброту, оукрашены многими цветы, яко рай бе пред очима их. Ныне же всяк конь оунужен ясльми и деланием. И всяк скот и звери от ветров, свирепо и люто гобзующих, оумучены. Понеже с небеси и вода сущи аерским преложением бела бывает и от напраснаго ветра в снег прелагается. Такова злоба, и ярость, и лютость, и немилосердие времени того ядовитых мразов, и неоустроения воздуха, и ветров гобзование, и неподание плода земнаго. Воистину бы конечная погибель и скончание от глада жития человеча, аще не бы Господь Бог дал лето и весну на подание плодов земных.

Оставим сия и на предреченную возвратимся притчю, о ней же нам слово предлежит. Оуслышим днесь, что изъявит повесть сия, ему же начало сице: «Царь некии бяше славен и велми светел», ему же конец, яко «да рабы же повелением князей царских служат праведно и стройно». Разумеем же, братие, притчи сия силу, познаем прилежно, вничюще вострубимая стихия, оуведевше, что глаголет настоящая сия книга. Великаго Бога небеснаго помощию открывается разум чтущим сия, и благодатию его света просветится оум наш к познанию истины сея.

Нач[*а*]*ло.* Первое: о году солнечном, что есть год, и откуду год, и како начало творит разнително языческии, и о високостех, и первом дни века, и о индикте. Второе: о дву надесяте знамениих зодияка, откуду и како те звезды имя восприяша. Третие: о четырех временех года, или частех, и откуду весна начинается и прочая. Четвертое: о солнечном году статии, си реч о возврате солнца и равноденьствии, си равнонощие. Пятое: о месяцех, како имянуются и почему, в коем месяцы и колико дней. Шестое: о календах, идусех, си реч о праздницех еллинских и латыньских. Седмое: о седмицах, и от коея звезды и кой день имянуется, и в кой день что своей твари сотвори Бог, и паки о первом дни века. Осмое: о дни, откуду день, и како день и нощь имянуется, черты, и о часех, како во дни или в нощи растут и отрастуют. И от инех реченой и предлежащая ведати можем.

О году солнечном

Гóд есть солнечный и предложение времени глаголется сице. Обхождение солнца два на десет страж, но животных знамения круга зодейнаго. Егда же прошедшим 365-тим днем и шестьма часом, паки солнце к тем же местом приидет, иже и месяцы в себе обходящем и по своим следом обратися год. Сия же 6 часов собирается в четвертое лето и творят день един, год високостныи. То есть общее всем языком начинает и коегождо дни скончевается.

Виждь, яко в году 52 седмицы и день един. Егда же високост, тогда два дни будут, коих ради дней по вся годы пременяются месяцам начала и седмицам.

О часех

Како во дни или в нощи часы растут и отрастают. Час есть година, си речь 24 части дни роднаго; глаголется час — конец времени. И се по солнечному течению круга зодияка, си речь зодейнаго. И егда растут во дни такоже и отрастают. Во дни 12 часов дневных и 12 нощных. В седмице 84 часа дневных и 84 часа нощных. И всех часов дневных и нощных в седмице 168 часов. В месяцы 360 дневных часов и 360 нощных часов. И всех 720 часов дневных и нощных. Во времени же, си речь в четверти года, 1095 часов дневных и 1095 часов нощных. И всех часов дневных и нощных 2190. В году 4380 часов дневных и 4380 часов нощных. И всех часов дневных и нощных в году 8760, кроме шти часов, в коих растет день високостный, о нем же речено в начале книги сея.

Ино сказание о году

Гóд четверообразен, кресту подобен: весна, лето, осень, зима. Весна имеет 3 месяцы: март, апрель, май. Лето имать 3 месяцы: июнь, июль, август. Осень имать 3 месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь. Зима имать 3 месяцы: декабрь, генварь, февраль.

Весна наричется, яко дева преукрашенна красотою сияющи, чюдна и преславна, яко дивитися всем зрящим доброту ея. Любима бо всем и сладка. Родит бо ся в ней всяко животно, радости и веселия исполнено. Сицева весна!

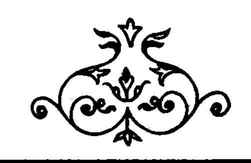
Лето нарицается муж тих, и богат, и красен. Питая многи человеки. Смотряя во всем дому своем. Любяи дело

прилежно без лености. И воставая рано заоутра, и до вечера без покоя. Тако же и муж без лености.

Осень же подобна жене смурей, и богатей, и многочадней. Овогда дряхлующи, овогда же веселящись и радующися. Рекше иногда скудостию плодов земных и глад человеком. А иногда веселящися богата и обилна плодом всем, и тиха, и безмятежна. В ню же жизнь человеком.

Зима же подобна жене — мачесе зле, неоусътройне и нежалостиве, яре и немилостиве. Егда добра, ино тогда знобит, егда милует, и тогда казнит. Подобна трясце, знобит, и мучит, и морит грех ради наших. Сякова есть зима.

Год же скращает век жития сего человеческаго. Прообразуется весна — юность. Лето же — муж совершен. Осень — старость. А зима — болезнь, смерть и скончание животу. Блажен человек в разуме блазе состаревся оумрет.



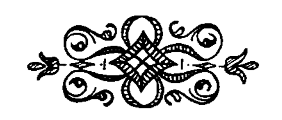
Об имени Христофор

Притча мудрая

На горе высоке стоит град велми велик и красен зело. Стены же его созданы от камени хисолифа. Около же града того 38 поприщь. В стенах же имеет 10 великих проездных башен: первая башня о 4-х верхах, 2 башня и 3 имеет по 3 верха, 4 башня о 5 верхах, 5 башня о 6 верхах, 6 башня о 3-х верхах, 7 башня о 5 верхах, прочая же 3 башни имеет по 3 верха. Внутрь же града того пробойных улиц 1948, заулков же имеет [4706], тупиков же несть числа. Царствует же во граде том царь преславен зело. У него же 4 цари велми прекрасны, боляры же у него служат думных 5. У 1-го болярина 700 дворян, у 2-го болярина 500 дворян, у 3-го болярина 300 дворян, у 4-го 200 дворян, у 5-го 100 дворян. Думных же дворян у царя пятдесят без одного, а [7] над ними суть. Протчих же дворян и детей боярских сщитается числом римским и елинским и [еврейским] 70 индиктионов да 102 олимпиады, да семдесят седмиц. Копейщиков же и сулейщиков 200 индиктионов, да пятеринная четыредесятница седм седмириц, да 76 олимпиад с полуолимпиадою. Прочая же войска 9 полков, им же несть числа.

Имея смысл да разсмотрит. Аще ли ин кто не срамится вопрошать, понеже бо словеса сего слога прикрыта суть, ответ: на горе высоке стоит град велми прекрасен — толк: человек; стены же его созданы от камени хисолифа — толк: а имя ему Христофор; около града того 38 поприщь — то есть в его имени 38 слов: Х.Р.И.С.Т.О.Ф.О.Р.Ъ; в стенах же имеет 10 великих пробойных башен — то есть 10 слов великих в полном имени Христофор; первая башня о 4-х верхах — Х, 2-я башня и 3-я имеет по 3 верха — Р. И, 4-я башня о 5 верхах — [С, 5 башня о 6 верхах — Т, 6 башня о 3 верхах — О, 7 башня о 5 верхах] — Ф, и

прочая же 3 башьни имеет по 3 верха — О.Р.[Ъ]. Внутрь же града того имеет пробойных улиц [1948] — то есть 10 чисел слов великих, считается числом всякое слово, что которое слово держит; заулъков же 4706 — то есть все слова 38, которые число держат, а которые не держат, те поч и не считай последне да о; тупиков же несть числа, то есть слова, которые в числе не пишутся — Ь, Ъ, Ы, Ж, Я. В том граде царь преславен — то есть человек во всем подобии; у него служат 4 цари — то есть вси уды, пятьми чювствы устращается, чювства же суть: 1-е зрение, 2-е обоняние, 3-е слух, 4-е вкус, 5-е осязание, понеже тело человеческое единою главою водимо есть, в ней же уды мнози есть. А дворяне служат у них — то есть кии [77] имени. Пятерица седмириц да [3] над ними суть числа считай 56. 70 индиктионов числом [1050] да 102 олимпиады числом 408, да 70 седмиц числом 490 и всего станет 10 великих слов, а числом положи всякое слово и тот останет 1948. Копейщиков и сулейщиков 200 индиктионов, а числом [3000], да пятеринная четыредесятницы седмиц числом [1400], да 76 олимпиад с полу олимпиадою числом [306], а всего станет 36 слов, 70 вон, а числом всякое слово считай и того станет 4706; прочаго же войска 9 полков, им несть числа, то есть в тридцати восми словах [Ѣ, Ъ, Ы, Ж, Ъ, Ъ, Ъ, Ы, Ъ], вон десять слов и им же несть числа, то есть 9 полков.



О Псалтири

Притча премудрая

Етер некий имея у себя в дому некую жену благородну и прекрасну, от колена царьска. Той же етер по вся дни и нощи с нею пребываше и не може исполнити желания своего, зане же зело любяше ю.

У той же жены бяше 20 жен, рабыни ей. Он же, етер, и с теми пребываше, не може насытитися сладости. От них убо родишася 150 юнош, зело прекрасных, всегда предстояху некоторому царю, благогласныя песни воспеваху. Царь же зело любляше их. Етер и с теми юноши всегда пребываше и не можаше исполнити своего хотения.

У той же прекрасные жены и благородныя бяше престаревшихъся жен две петерицы, и тем юношам пестуны и мамки. Етер же той пребываше и с теми, и не може исполнити несытства своего, и вменяше себе паче меда и сота.

Етер же той имея у себя дом зело пречюден. В нем же супруга его, яко твердо заклепана голубица, в чертозе светло пребывая.

Той же етер имея у себе превыше изрядного своего дому гору высоку и пречюдну зело. От нея же истекаху два источника теплых вод. Он же в них измываяся на всякий день и час, и всяку скверну измывая и очищая, и всяку язю исцелеваше. И пребываше в том своем благонравии вся дни живота своего и отиде ко Господу в вечную жизнь.

Сего же убо подобия и благонравия сподоби нас, сми ренных раб своих, да и мы такожде поживше, вечных твоих благ получим.

Толкование притчи сей. Етер именуется всякий человек. А что в дому его некая жена благородна царьска рода, то есть божественная книга Псалтырь, царьска рода — понеже сложил и писанию предал роду человечю царь Давид. Етер же пребываше день и нощь глаголя Псалтырь непрестанно.

А еже глаголется у той благородной жены 20 рабынь, то есть 20 кафисм. А что речется от тех рабынь 150 юноши, то есть 150 псалмо́в. А что две петерицы, то есть песни псалтырные. Етер же той по вся дни и нощи богогласны и славны непрестанно их воспеваше, и никогда же возможе насытитися сладости их.

И вменяше себе быти: быша слезы моя мне хлеб день и нощь, и питие мое с плачем растворях; измыю на всяку нощь ложе мое слезами моими, постелю мою омочю. И в том своем добром исповедании ко Господу отиде в вечную жизнь.

А еже глаголется имеяше дом избранныи и чистыи, то есть храм телеси его. А что есть в нем супруга его, то есть посреде тела его единородная душа его, яко голубица прекрасна в чертозе светле пребывая, понеже тело его чисто и непорочно.

А что есть превыше дому его гора высока, то есть глава на храме его. А что есть два источника теплых вод, то есть непрестанные радостотворныя слезы от обою очеси его. Конец притчи сея и Богу слава.

О книгах

А от книг Фелона притчи

Приточник рече: 60 есть цариц, а 80 женимых, а девиц несть числа.

Толк. Шесдесят есть цариц — книги сея Ветхаго и Новаго закона. А женимыи, рекше блудницы. *Толк.* Книги суть отметныя, в ни же не подобает приникати. Девица же суть учения церковнаго апостола и евангелия, за чистоту бо книжных словес девица наричется.

О теле человеческом

Притча сведена вкратце о теле человечи, и о души, и о Адаме

Что есть, еже рече писание: егда опустеет земля и царь изнеможет, и силнии его разыдутся, тогда разрушается камение и гради; и истоцницы изсякнут; и ветри не возвеют; и пути великия запустеют; и престану жерновы мелющия; и море великое умертвится; и многолиственная древеса плодовитая падут и опустеют; и скоти разыдутся; и рабы и рабыни от глада изнемогут. Тогда царица изыдет от престола своего и излетит, аки твердо заклепанная голубица от гнезда своего.

Толкование. Иже рече, егда опустеет земля, рекше нездраво будет тело; и царь изнеможет, рекше ум отимется; и силнии его разыдутся, рекше помыслы погибнут и тогда разрушатся кости человеческия; источницы изсякнут, рекше слезы ото очию не потекут; и ветри не возвеют, рекше гортань и проход человеческий; и престанут жерновы мелющия, рекше зубы; и море великое умертвится, рекше утроба человеческая; и многолиственая древеса плодовитая падут и опустеют, рекше многоглаголивый язык и многословесная уста уложатся; и скоти разыдутся, рекше лукавыя помыслы; рабы и рабыни от глада изнемогут, рекше руце и нозе без крови будут. И тогда царица изыдет от престола своего и излетит, аки твердозаклепанная голубица от гнезда своего, еже есть душа изыдет ис тела своего.

Из Беседы трех святителей

О Моисее

Василий рече: Водян замок, древян ключь, заяц убегл, а ловец утопл?

Иоанна рече: Моисей удари жезлом и проведе люди своя сквозе Чермное море. Тогда начаше пещи опресноки на главах от солнца, Господеви на службу.

О жизни и смерти

Василий рече: Кая два супостата борется на свете день и нощь?

Иоанн рече: Смерть и живот.

О море и реках

Григорий рече: Кая мати дети своя съесть?

Иоанн рече: Море реки.

Об Ионе

Иоанн рече: Что есть гроб хождаше, а в нем мертвец пояше?

Василий рече: Кит во мори хождаше, а Иона во чреве песнь Богу пояше.

О вере христианской

Григорий рече: Видех змия лежаща при пути, хотяше коня за ногу ухватить, конь же пады на заднюю пяту, жды избавления от Господа Бога своего?

Иоанн рече: Конь есть правая вера християнская, а путь — мир сей, а змий — антихрист, а пята — последния дни века сего.

Об учении книжном

Василий рече: Яко вода покры море?

Григорий рече: Вода — учение книжное, а море мир наречеся.

О рае

Иоанн рече: Будут в лузех ограды овцам?

Василий рече: Луг нарицается рай, а ограды — райския места, а овцы — верныя люди, работают Богу, а не диаволу.

Об Иуде

Василий рече: Егда разботатеет человек, или умножится славы дому его?

Григорий рече: Июда, прием цену, и удавися, а присное остави; также и вси избирают неправдою, умирают от богатства своего, а все останется.

О земле и людях

Что есть: стоит древо цвету полно, под ним корыты, а на древе сидитъ голубь, и цвету урвавши в корыто мещеть, цвету не умаляется, а корыто не наполнится?

Древо — земля, и цвет — людие, а корыты — могилы, а голубь — смерть.

О молодости и старости

Что есть: ни от двоего мочно убежати, ни двоего мочно постигнути?

Смерти не мочно убежати ни старости; а младости, ни живота не достигнути.

О небе и земле

Что есть: два стоят, два идут, два минуются?

Два стоять — небо и земля, а два идут — солнце и луна, а два минуются — день и нощь.

О человеке

Что есть: ни небо, ни земля, но живот, и видом сотворено бысть, на нем же рождаются птицы пернаты, и от тех птиц два назирают, три созидают, един повелевает?

Видом сотворен бысть человек, а птицы пернаты, то есть очи, руце, язык: егда начнеши писать, то очи созирают, руце созидают, язык повелевает.

Об азбуке

Что есть: птица с воробья, а мяса в ней с яловицу?

Во азбуке слов немного, а складом книг премножество много.

О евангелистах

Что есть: четыре орлы едино яйцо снесли?

Четыре евангелисты написали святое Евангелие.

Об апостолах

Что есть: 12 кузнецов в 12 молотов на едином наковолне куют?

Наковолна — слово Божие; а 12 кузнецов — апостолов 12, на четыре страны слово Божие по всей вселенной, и во второе Христово пришествие поставятся престоли, тогда и они сядут на 12 престолах, судяще обеманадесяте коленома низраилевыма.

О нищем человеке

Что есть: стоит конь на голе гумне, не имея ни травы, ни жита, а всегда сыт?

Нищий человек, не имея у себя ничего, а Бога славит, — всегда сыт бывает.

О непостоянном уме

Горе граду тому, в нем же царь юн и бояре его рано пиют и ядят?

Град — человек, а царь юн — непостоянен ум, а бояре его — помыслы: помышляше земная и небесное семо и овамо.

О церкви

Что есть: ковчег, и в нем Ной, и голубь, и лист, и сучец масличный?

Ковчег есть церковь, а Ной — Христос, а голубь — Дух Святый, а лист, масличный сучец — человеколюбие Божие на нас и милость испущает.

О правде и кривде

Что есть: стоит бел щит, а на нем сидит сокол, и прилетела злая сова и отгнала сокола?

Бел щит — свет сей, а на нем сидит сокол — то есть правда; а прилетела злая сова — то есть кривда, и отгнала правду, а лжи — кривда осталася.

О хмеле

Что есть: некий град бяше, а в нем царь с царицею и с любовными други; и приде ко граду высокоумный вельможа и взят весь град, а царя из града изгна; и любовныя его други разыдутся, тогда во граде том восплачется едина царица, аки заключенная голубица?

Град убо — человек, а царь — ум, а царица — душа, а друзи — мысли, а высокоумный велможа — хмель.

Из Повести об Акире Премудром

О годе

И рече ми тако Фараон: «Исправи ми се слово. Есть одино бревно дубово, а на том бревне 12 сосне по 30 колес, а на колесе по две мыши — одина черна, а другаа бела».

И рекох ему тако: «Се, егоже у мене вопрошаеши, в Наливстей земли и в Адорстеи конюси то ведают». И рекох ему тако: «Оже то дееши бервно то есть лето, а еже то дееши 12 сосне на нем, то есть 12 месяцев в лете. Еже дееши 30 колес, а то есть 30 дни в месяци, а еже то дееши 2 мыши — едина бела, а другая черная — то есть день и нощь».

Из жития Езопа

О годе

«Есть храм велий. И во храме есть столп. И имеет сей столп дванадесят градов. И всякий град есть покрыт тридесятми бревнами, в сих же ходят и жителствуют две жены».

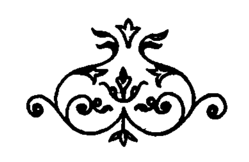
Есоп же рече: «Сие предложение, си есть притчю, и челядинцы наши ведят разрешити: храм убо есть сей мир, столп же — год, грады — дванадесят месяцев, и тридесят бревен — днии суть месяцев, две же жены есть день и нощь, яже восприемлют един от другаго».

Из Повести о рождении и похождениях царя Соломона

О царе Давиде

И рече царь Давид гостям: «Гости-заморяне, отгоните мне загатку: «По конец моего царства стоит древо златоветвие, у того древа самоцветное каминие, а сверх того древа месяц сияет, а около того древа у корении вокруг по земли — пшеница белоярая, и вкруг того-то нива ржаная сильна». И рече царь Давид гостям: «Отгоните тому древу цену, и вы в моем царьстве торгуйте безпошлинно, а не отгонете тому древу цены, и мне с вас головы поснимать, и товар ваш велю в казну обрать».

И Соломан рече: «По конец твоего царства стоит древо во златоветвие — то твое государство, а у того древа самоцветное камение — то твои государевы ближние приятели, стольные многие цари, и короли, и князи, и уланые мурзы, а сверх того древа сияет месяц — то ты, государь царь Давид, и около того древа, у корени вкруг, по земли пшеница белоярая — то твои государевы ближние бояре и стольники, и стряпчие, и думные бояре, и дворяне, а вкруг того-то нива ржаная силная — то православное християньство».



Из Повести о Португальском посольстве

О чаше с вином

Въскоре же господин дому повеле принести сосуд вина, да пиют е. Се же и бысть. Налияв чашу и держа в руце своей, и рече к мудрецу: «Повеждь ми, друже, что есть: стоит море на пяти столбах, близ того моря стоит царь с царицею и на море смотрит. Царь рече: «Море — утеха моя!» Царица рече: «Море — погибель моя!»?»

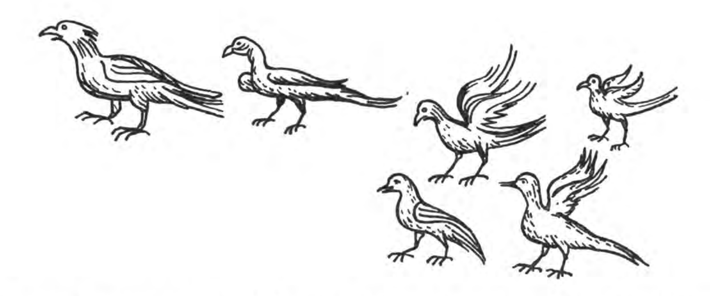
Брандебурской: «Море убо не на пяти столпах, но на трех точию вижу, а еже царя и царицы речи: с вечера — веселие, с полунощи — сон, во утрии — болезнь».

О письме книжном

Португалской некаку харатийцу взем и в руку свою держа, заваду себе творя, и абие вопроси: «Что есть — ни небо, ни земля, а видом же светъла. На том садятся птицы черныя; главы у них червленыя; тых птиц три назидают, два назирают, един повелевает. И от тых птиц многи спасени и от королей в чести бывают, неция же погибают?»

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни ина кая тварь видом бела с черными птицами и с назирятели и с протчими твоими сказании во многих государствах и королевствах обретается. И мнит ми ся велми нечто мало есть иде же быти того не было, но аще инде того и по малу, но обаче везде есть. Червленыя же главы не везде обретаются, но точию в Росии — тамо бо их велми любят и зело любителни к сказанию птиц тех паче многих язык, но своим точию любомудръством не толико же друком».

Португалской: «Не истинно ми вещаеши о сем. Мню,



яко ты сего не веси. Рцы ми о сем истинно, что есть, что хощу бо тя сим посрамити».

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни иная кая тварь видом светла — бумага. Птицы черныя — слова книжныя или писма. Главы червленыя — пропись в книгах, слова красныя. Сие убо, кроме Русии, мало обретается. Три назидают — треми персты пишут. Два назирают — очи. Един повелевает — ум. Многие от того писания спасаются и в чести бывают, нецыи ж погибают».

Из Повести об Аполлонии Тирском

О реке и рыбаке

Тарсиса рече: «Гадание есть: дом славный, всему свету надобный, той дом всегда кричит, господин же в нем молчит, з господином ходит и прибытки ему родит. Тамо муж без коня приедет, господина решеткою обведет, обведши, изведет, а дом решеткою утечет».

Рече к ней Апполон: «Невелико твое гадателство, печаль же моя не дает ми рещи, обаче слыши. Дом есть река, иже шумом своим яко кричит, господин, живущий в ней, рыба, яко есть безгласна, молчит. Тамо рыбарь кроме коня в лодиице приедет, господина — рыбу — сетью обведет, обведши же, мрежею извлечет, а дом — вода — утечет.

О лодке

Рече паки Тарсиса: «Молю, без гнева слыши еще мое гадателство: дщи леса краснаго, возраста великаго; неразумеющу слуги водят и окрест ея всегда ходят, много путем ходит, а следу не родит».

Рече Апполон: «Дщи леса красного — есть лодия, от древ великих сотворена. Слуги неразумеющу водят — ветры, и окрест ея ходят. По реке или по морю путем ходит, а следу не оставляет».

О бане

И рече паки Тарсиса: «Что же сие есть: дом в вещех не убогий, господин же, гости в нем нагии, некую вещъ в руку имеют, стыда не разумеют. Огнь и воду в дому продают, а кожды у себе даром дают».

И рече Апполон: «Дом есть мылня, одежды многих имеет, гости наги — то кто в ню мытися приходит. Вещъ в руках — есть веник, и стыда пред другом не имеють. Тамо огнь и воду продают, а в домех своих всяк сие туне имеют» .

Из рукописных сборников

Об Адаме

Отец мя роди, аз же родих себе жену, жена же моя роди мне дитя, дитя же мое роди отцу моему матер, и то рекл Адам.

Толкование. Отец есть Бог, иже созда Адама, и вынявши от него ребро, создал ему жену, о ней же рече: родих себе жену, а жена моя роди дитя, из нея же родися Богородица. Тое же рече: дитя мое роди отцу моему матерь, то есть пресвятую Богородицу.

Об антихристе

Некто родися на лицы поля в нощи тмою, пеленами не повит, водою не помыт, и солнце нань не возсияет, возрасту же его мир радуется.

Толк. Притча сия явлена есть, что антихристово пришествие изытися являет гадателне; той бо проклят сый на лицы поля родится в нощьной тьме, рекше в последняя времена, егда преумножится тьма всякаго беззакония и безверия измаилтескаго; той же противник пеленами, еже есть святыми заповедями евангельскими, не повивается, еже есть не приимет наказания, ни водою, сиречь банею пакибытия, не омыется; и сего ради ни солнце в правде, еже есть свет присносущный Христос, не возсияет нань; о его антихриста рожестве и явлении радуется мир, сиречь ожидающе его измаильтяне, татарове.

Об уме

Горе граду тому, в нем же царь юн, а бояре пьют и ядят?

Толк. По духу град есть душа, а царь наречется ум во главе не крепок, бояри же есть злыя помыслы на всяко зло.

О человеке

Сотвори царь полату, посади в нея девицу, даде ей моло[д]ца, пристави старца, и пришед муж черн, раззори полату?

О[*твет*]. Полата — человек, девица — душа, молодец — разум, старец — дела, муж черн — смерть.

О мире

Рече Господь притчю сию: два есть та мелющна в жерновах, един подъемлется, а другая оставляется?

Жернове — мир, а мелющиа — душа и тело: душа подъемлется, а тело оставляется.

О вере

Что есть: секира при корени древа лежит?

Толк. Корень есть вера, а древо — человецы, а секира — всем человеком кончина.

О милостыне

Вопрос. Что есть от человека от единыя руки видимо есть даяние его к нищим, ово злато, ово сребро, ово же медь?

Ответ. Злато есть жив человек ходит; дает милостину всякому просящему от него — сребро есть и злато; а егда же при смерти и по смерти дает милостину, а при животе своем был скуп — то есть медь.

Об устах

Вопрос. Что в себе храмина не держит, того и двери не износят?

Ответ. Храмина есть человек, чего серце не смыслит, и того и уста не глаголют.

О человеке

Стоит гора на двух холмех, среди горы кладезь глубок, на верху горы лежат два камени самоцветные, а под ними два лютые льва?

Т[*олк*]. Гора — человек на двух ногах стоит, а камение — очи ясныя, а львы лютые — брови черные, а кладезь — гортань и чрево.

О душе и теле

Стоит царь на трех столпах. Царь молыт: «Потеха моя». А царица молвит: «Погибель моя».

Царь есть тело, а царица — душа. Тело радуется, а душа плачет.

О вине

Стоит море на пяти столпех. Царь рече: «Потеха моя». А царица рече: «Гибель моя».

Море на пяти столпех — то в руце человечестей вино держимо; а царь — тело; а царица — душа. Царь речет, что «море потеха моя», сиречь вино, понеже тело упивается от вина и веселится и безчинствует; и о тех [душа] вельми печалится и сетует.

О печи

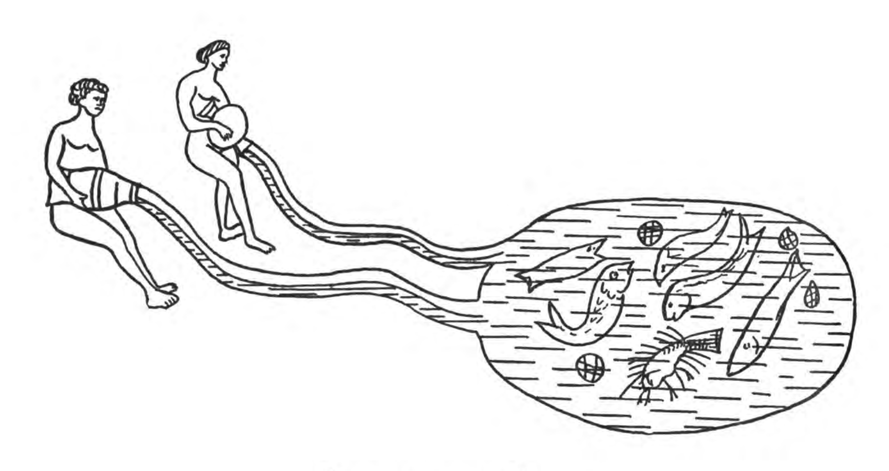
В теплом царстве стоит пещера каменная, а в пещере лютый змий лежит; и как бывает в царстве том стужа, змий раскручинится, и начнет у него изо рта пламень огненный исходити и из ушей кудряв дым метатися, а из очей искры сыплются.

Толк. Теплое царство — изба, а пещера каменная — печь кирпичная, а змий — дрова горят из утра до вечера.

О колесах

Четыре брата равно бегаютъ, ног у себя не имеют, отца тяготу носят, ясти и пити не просят, алчуще гласят и напоеми молчат?

Четыре брата — четыре колеса, ног не имеют — бегают, отца — возило носят; ведомо же, что ясти не просят, помазаны молчат, а не помазаны скрыпят.



О реке и рыбаке

Есть дом славный, всему свету надобный; той дом славный и всему свету надобный, той дом всегда кричит, господин же в нем молчит, господином ходит и прибытка ему творит; тамо муж без коня приедет, господина решеткою обведет, обведши изведет, а дом решеткою утечет?

Дом есть река, иже шумом своим яко кричит; господин, живущий в ней,— рыба, яко есть безгласна, молчит. Тамо рыбарь кроме коня в лодейце приедет, господина — рыбу — сетию обведет, а дом — вода — утечет.

О колоколе

Некий человек на древе повешен, волуями жилами привяза[н], тростию прободен, усты движим, духом исполнен, десят раз имеет, а от всех ударен бывает, плачет умилно, зрит на арган: лики составляют, пети повелевают, праведным от него плач, а грешным радование, век короток, а мука долга?

Толк. Колокол.

О горшке

Взят от земли, яко же Адам,
Вержен в пещеру огненную, яко три отрока,
Возложен на колесницу, яко Илия,
Брошен в Чермное море, яко Фараон,
Вознесен на небо, яко Енох,

Везен бысть на торжище, яко Иосиф,
И ставлен на лобное место
И биен по главе, яко же Иисус,
Возопи велием гласом,
И на глас его приде некая жена,
Яко же Мария Магдалина,
И купивши его за медницу принесе домой,
И паки вверже в пещь горящую,
И абие распадеся и рассыпася кости его,
Яко видение пророка Езекииля,
И собра их жена благочестивая
И облече в ризы новыя,
И плоть бысть и возста из мертвых,
И нача жити новый век.
Возведен бысть на высокия горы,
Откуда спадоша и имя его пропадоша.

О горшке

Некий человек от воина мучим: бьяше его по лицу и вверже его в море, и изыде, и возведе его на гору и показа муки, и невесть от чего ему смерть случися?

Т[*олк*]. Человек — горшок, а воин жена.

О жернове

Некто создан преже адамля роду и леже во тме и не виде света, и некто пришед изо адамля роду и милосердовав о нем и извлече его ис тмы и принесе его в дом свой, и положи его на престоле и обложи круг главы его венец и во уста его трость, и прихожаху к нему рабы и рабыни и поклоняхуся ему и пьяху и ядяху от него?

Т[*олк*]. Камень жернов.

О стреле

Видех чюдо крилато, а не аки птица, на камене не садится, имеет у себя ноги железны, сама бездушна, а душевных умерщвляет?

Т[*олк*]. Стрела.

О стреле

Стоит древо береза, а на древе сидит орел птица, держит в ногтях рыбу осетра?

Т[*олк*]. Древо — стрела березовая, а на нем птица — перье орловое, а в ногтех держит рыбу осетра — клей осетровой, перье клеено.

О луке

Бе некий молодец, юноша дивен удалец, имея у себя две главы, а от множества зверей силу, от Чермного моря пот, от польских людей древес одеяние?

Т[*олк*]. Юноша — лук роженец; 2 главы — два рога; от множества зверей силу — жилы звериныя; от Чермного моря пот — клей осетровой, а от польских древес одеяние — бересто.

О письме

Что есть: ни небо, ни земля, ни животно некое, но вещь предивна и образом светлообразна, на ней же заражаются мрачныя птица, имуще у себя главы златы и червлены; а тех птиц три созидают, а два назирают, а един повелевает, а от тех птиц многие люди сыти бывают и крыле отрастают и пред Бога поставляются?

Т[*олк*]. Вещь образом светлообразна — человек, у него же держатся мрачныя птица в руку — перо и чернило, а главы у них златы и червлены — золотом и киноварью прописывает; а два надзирают — то очи, а един повелевает — то ум, а три созидают — то три перста; а от писма питаются многие люди, а по писму ч[тут] книги святыя и тем Богу угождают.

О Псалтири

Некий человек богат и славен зело, поят себе жену царьского колена, а та жена роди ему 20 дщерей, а те дщери роди[ша] ему 150 сынов, а он же по вся нощи веселися с ними.

Толк. Человек есть царь Давид, жена его — Псалтырь, а дщери его — кафизми, сынове — псалмы; он же по вся нощи пояше.

О временах года

Вопрос. На востоце царь славен, и никто ему равен. И служат ему четыре цари. И дает царем по двенатцети златниц на день и по двенатцети златниц на нощь.

Ответ. На востоце Господь наш Исус Христос. Четыре царие — лето, осень, зима, весна. И дает царем по двенатцети часов на день и на ночь такожде.

О земле, росе и солнце

Стоит древо без корени и без ветвей. А на нем сидит вран без очию и без крыл. И прииде к нему без ног, и взях его без рук, и съяде его без гортани, и несть ему сытости.

Толк. Древо есть земля, а вран — роса. И пришед солнце обсушит, и несть ему сытости.

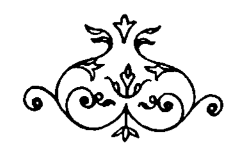
О пчелах

Некий царь имеет у себя множество слуг, а слуги же ево не имея у себя оружия, только по единой стрелы в теле: где стреляют, а стрелы не собирают?

О[*твет*]. Царь — пчелиная матка, а слуги у него — пчелы; а имеют у себя по единому жалу: где испущают ис себя, а опять их к себе не собирают.

О пчелином улье

Не в коем граде множество вой с вострыми огненными оружии резвы зело, коней не имут, а конних постизают и уходят; и прииде царь на град той с неким ухищрением без воинства и без всякого оружия, граждане же ухищрения его вси убояшася и вси разбегошася со острыми оружии; царь же град повоевав и имения их разграби?



Комментарии

14—2134

Древнерусская притча, на протяжении столетий являвшаяся, по словам академика М. И. Сухомлинова, «одною из любимых литературных форм», до сих пор остается в числе наименее изученных жанров. Тексты притч разбросаны по многочисленным рукописным сборникам и, даже опубликованные, как драгоценные жемчужины, часто спрятаны в словесную ткань разнообразных литературных форм. Это в значительной степени осложняет исследование «самого занимательного проявления аллегории в литературе», проявления весьма неоднородного и пестрого. Но эта же неоднородность привела к тому, что в отдельных своих разновидностях притча становилась объектом изучения. Одной из первых работ была статья С. Добротворского (Добротворский С. Притча в древнерусской духовной письменности//Православный собеседник. Казань. 1864. № 3. С. 375—415). О притче как литературном жанре писали С. С. Аверинцев (Притча//Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 21), Н. И. Прокофьев (Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья//Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988. С. 3—16). Взаимоотношение притчи и повести-притчи рассматривала Е. К. Ромодановская (Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 38—52). Притче-басне посвящены исследования Р. Б. Тарковского; художественное значение притчи-пословицы прекрасно показано в трудах В. П. Адриановой-Перетц; древнерусской притчей-загадкой занимался В. М. Перетц. В работах других исследователей рассматривались частные проблемы, связанные с тем или иным памятником, близким притче. Большое значение имеет и последовательная публикация древнерусских текстов, осуществляемая в серии «Памятники литературы Древней Руси». Все это позволило создать первый сборник древнерусской притчи.

В данной книге широко представлена древнерусская притча во всем ее разнообразии: пословица, меткое изречение, аллегорическое объяснение какого-либо предмета, дидактико-аллегорический рассказ, басня, притчеобразное сказание и повесть. Выделение трех разделов продиктовано основными значениями слова «притча», закрепившимися за определенными литературными формами: дидактико-аллегорический рассказ с толкованием (или без него), пословица, загадка. Правда, иногда

это разделение достаточно условно, и даже в пределах одного раздела произведения не вполне однородны.

В разделе «Притча оригинальная и переводная» памятники объединены в три группы. Первая группа открывается евангельскими притчами, которые могут быть определены как жизненные примеры, рассказанные в целях проповеди, разъяснения конкретного учения, назидания. Евангельским притчам близки по характеру притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе, притчи из Пролога и Диоптры Филиппа Пустынника, в которых аллегорические образы не воспринимаются как вымышленные, фантастические. Реалистичность повествования позволила составителю включить сюда и притчеобразные летописные сюжеты из Повести временных лет, из Галицко-Волынской летописи, историческую притчу из Повести о двух посольствах. По мнению Е. К. Ромодановской, «распространение притчи в древнерусской литературе несомненно воспитывало у читателя и слушателя умение видеть глубинный смысл «за текстом», причем воспитывало не только конечным «толкованием», в котором раскрывалось аллегорическое содержание рассказа, но и многочисленными ораторскими и публицистическими сочинениями на темы евангельских притч» (Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 51). В Древней Руси «толковая» литература занимала значительное место. И в данный раздел вошли сочинения такого порядка: это притчи из Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского, сочинения Кирилла Туровского, представляющие собой не только вершину риторического искусства, но и глубокое осознание приточной премудрости.

Притчи, вошедшие во вторую группу, принципиально отличаются от предыдущих вымышленностью сюжетов, персонажами, толкованиями. Здесь собраны притчи-басни, с говорящими животными, за масками которых скрываются люди. Концовка басни, в отличие от детального раскрытия каждого аллегорического образа притчи, содержит краткий поучительный вывод, иногда афористичный. Несомненно, между притчей и басней существует сходство; так, например, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков называли свои басни притчами, подразумевая под басней сказку («баснословие»). Басни Стефанита и Ихнилата в рукописях обозначаются только как притчи. А эзоповы басни их первый переводчик Ф. К. Гозвинский именовал по преимуществу «притчами», стараясь нейтрализовать термин «басня», с которым связывалось вполне определенное представление как о заведомо ложном, вымышленном («Бабьи басни дурак кто слушает» — такое отношение к басне зафиксировала пословица). Для Гозвинского же было важно подчеркнуть назидательность басни, заставить читателя вдумываться в басенную аллегорию, делать нравственные выводы. В этом же разделе приведены притчи Акира Премудрого — предельно сжатые басенные сюжеты, и рассказы Физиолога, занимающие промежуточное положение между притчей и басней: персонажи-животные, иногда фантастичные, описываются в при-

вычной для них обстановке, но их повадки истолковываются в духе христианской символики. Примечательно, что в рукописных сборниках Физиолог нередко переписывался рядом с Притчами Езопа.

Третья группа памятников объединяется своей притчеобразностью: как правило, это назидательные, нравоучительные слова, повести, новеллы. Их композиция более сложная, а рассказ более занимательный. Все они — продукт литературной деятельности XVII в., принесшего много нового, использующего привычные жанры в непривычных условиях. Произведения, вошедшие в этот раздел, очень неоднородны. Наряду с повестями-притчами, с заданным сюжетом, подчинением заранее определенному выводу (О царе Агее, О старце, просившем царскую дочь себе в жены), сюда включены диалоги (Притча о витязе и смерти), предания, близкие сказке (Притчи о разуме человеческом), новеллы, иногда авантюрного характера.

Раздел «Притча-пословица» объединяет различные памятники, жанрообразующим началом в которых является афористичность. Это могут быть сборники изречений, известные в мировой литературе (Притчи Соломона, Мудрость Менандра), а может быть и сборник пословиц, составленный древнерусским любителем «мирских притч», собравшим и сохранившим для потомков народную и книжную премудрость. В одних памятниках изречения группировались по тематическому принципу (Пчела), в других нанизывались на нить родительского наставления, то всеобъемлющего (Поучения Владимира Мономаха, Акира Премудрого), то узконаправленного (Беседа отца с сыном о женской злобе). Вершиной свободного владения многовековой премудростью является Моление Даниила Заточника, и ныне поражающее своей выразительностью.

Раздел «Притча-загадка», весьма небольшой по объему, включил притчи-аллегории, лишенные назидательности. Загадки встречаются во многих древнерусских произведениях, они разбросаны по многочисленным рукописным сборникам как приписки на полях, на чистых листах в начале или конце книги; разрушенные, утратившие отгадку, они входили в сборники пословиц. Притча-загадка звучит на страницах вопросно-ответных сочинений (Беседа трех святителей), где в аллегорической форме дается объяснение тому или иному явлению, предмету, случаю. Возникнув в период седой древности, загадка, по мнению Ф. И. Буслаева, отразила жажду знания, интерес к «вопросам важнейших явлений жизни и мира» (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Спб., 1861. С. 129). Наибольший интерес в этом отношении представляют загадки-игры, где ум древнерусского книжника увлечен занимательными манипуляциями с числами (О царегоде, Об имени Христофор). Некоторые загадки имеют фольклорный характер, но многие из приведенных отразили богатую книжную традицию (О горшке).

Тексты притч печатаются по рукописям и авторитетным изданиям с некоторыми изменениями в орфографии и пунктуации, принятыми современными популярными и некоторыми научными изданиями, а именно: ять заменяется на е, юс малый — на я, фита — на ф, і — на и, ъ (неслогообразующий) опускается и т. п. В квадратные скобки заключается текст, восстанавливаемый и исправляемый по другим источникам или самим составителем в целях прояснения смысла, а также опускаемый составителем текст; угловыми скобками отмечаются пропуски в оригинале. Разнобой в написании одного и того же слова в пределах одного текста, присутствующий в оригинале, сохраняется.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Библейские книги:
Быт — Бытие, Первая книга Моисея.
Чис — Числа, Четвертая книга Моисея.
I Цар — Первая книга Царств.
2 Пар — Вторая книга Паралипоменон.
Мф — Евангелие от Матфея.
Мк — Евангелие от Марка.
Лк — Евангелие от Луки.
Ин — Евангелие от Иоанна.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
МГА МИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОР — отдел рукописей.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва).

ПРИТЧА ОРИГИНАЛЬНАЯ И ПЕРЕВОДНАЯ

I

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРИТЧИ

Важную роль в Евангелии играют притчи, являющиеся здесь особой формой проповеди, которою Иисус Христос пользовался для изложения и уяснения истин своего учения. По внутреннему смыслу и отношению

к проповеди о Царствии Божием эти притчи подразделяются исследователями на три группы: период подготовления Царствия, основание и распространение Царствия на земле, условия осуществления Царствия. К первой группе относятся такие притчи, как О злых виноградарях, О званых на вечерю, О бесплодной смоковнице, О двух сыновьях. Во вторую группу входят притчи О сеятеле, О горчичном зерне, О закваске, О неправедном судье. В третью включаются притчи О блудном сыне, О мытаре и фарисее, О милосердном самарянине, О богатом и Лазаре, О десяти девах, О талантах.

Некоторые притчи повторяются с незначительными расхождениями во всех синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки), другие встречаются в одном или двух. Наибольшее число притч приведено в Евангелии от Луки.

Как само Евангелие, так и евангельские притчи являлись источником сюжетов, цитат, фразеологизмов, оказывая сильное влияние на стилистическое своеобразие древнерусской письменности.

Евангелие было одной из первых книг, переведенных с греческого на славянский язык просветителями славян Мефодием и Кириллом во второй половине IX в. В Древней Руси оно было известно во множестве списков, использовалось в богослужении и для индивидуального чтения. Древнерусскому читателю были знакомы и толкования евангельских текстов, в том числе и притч, встречающиеся у многих богословов: Оригена (ок. 185— ок. 254), Иоанна Златоуста (347—407), Евсевия Иеронима (340—420) и др. Уже в XI в. появляется Толковое евангелие Феофилакта Болгарского — свод самых распространенных толкований на Четвероевангелие.

Особенно широкое распространение получило Евангелие с началом книгопечатания. А в 1580—1581 гг. на Руси впервые издается Библия, выпущенная Иваном Федоровым в Остроге. В основу Острожской Библии лег список с так называемой Геннадиевой Библии, созданной в Новгороде еще в конце XV в. В конце XVI в. появляются и первые издания учительных евангелий, содержащих толкования текстов.

В данном издании тексты евангельских притч публикуются по кн.: Библия. Острог, 1580—1581. В примечаниях используются материалы из кн.: Толковая библия или комментарий на все книги св. писания Ветхого и Нового Завета. Пб., 1904—1913 (2-е изд.— Стокгольм, 1987).

О сеятеле

Притча о сеятеле — первая из притч, рассказанных Христом перед большим стечением народа на Галилейском озере. Эта притча является как бы введением к новому способу учения. Не случайно ученики задали после этого вопрос: «Для чего притчами говоришь им?» На что Иисус ответил: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша

не слышат, и не разумеют», то есть посредством притчи, рассказа о событиях и явлениях в жизни, Христос делал доступными отвлеченные истины.

Притча о сеятеле являет собой классический образец притчи, состоящей из иносказательного рассказа и его толкования. Она включена во все синоптические евангелия. Данный текст публикуется по Евангелию от Луки (гл. 8, зач. 35).

С. 21.
...прозяб оусше... — т. е. взойдя засохло.
...на земли блазе... — т. е. на землю добрую.
...сътвори плод сторицею. — Принесло плод сторичный. Сторичный урожай редко, но бывает на Востоке, особенно урожай проса.

О Царствии Небесном

Проповеди о Царствии Божием в синоптических евангелиях представляют собой ряд притч, как иносказательных рассказов с толкованием, так и развернутых уподоблений. Они следуют за притчей о сеятеле (Мф, Мк) или за притчей О бесплодной смоковнице (Лк).

Первая притча — О пшенице и плевелах — встречается только в одном Евангелии (Мф). Несмотря на кажущуюся простоту объяснения притчи, данного Христом, именно оно порождало множество вопросов и самые различные аллегорические толкования у последующих толкователей. Предполагалось, что здесь изображается внешний рост Царства Небесного — под образами семени, и препятствия на пути к его распространению — под образом плевел. Особо отмечалось, что «ни одного слова у Него нет о том, что плевелы должны быть истребляемы и уничтожаемы людьми, которые считают себя святыми» (Толковая Библия. Т. 8. С. 252).

Две следующие притчи без толкований — О зерне горчичном и О закваске — Христос рассказывает народу. Считается, что в этих притчах «изображаются внутренняя сила и влияние на людей царства, его внутренний рост» (Толковая Библия. Т. 8. С. 251).

Последние три притчи Христос рассказывает своим ученикам после объяснения притчи О пшенице и плевелах. Притчи О найденном сокровище (Мф) и О драгоценной жемчужине раскрывают природу учения о Царстве, вести о котором так привлекательны, что человек отдает все, чтобы их услышать. По словам Иеронима, добрые жемчужины — пророки, драгоценная жемчужина — знание Спасителя и таинств Его страдания и воскресения. Притча О неводе (Мф) является вариантом притчи О плевелах. В заключительных словах Христос поучает апостолов пользоваться для объяснения новых истин и старым, хорошо понятным и известным, и новым.

Текст публикуется по Евангелию от Матфея (гл. 13, зач. 52—55).

С. 22.
...плевелы... — сорная трава, предположительно куколь или какой-нибудь вид спорыньи; является сильным снотворным ядом; до созревания трудноотличима от пшеницы.
...исплевем я? — т. е. выберем их?
...зрьну горушичну... — т. е. зерну горчичному. Черная горчица часто достигает трехметровой высоты; своими семенами это растение привлекает мелких птиц.
...съкры в мучных сатех три... — т. е. положила в три меры муки. Сата — старинная еврейская мера объема сыпучих тел.
...«Отврьзу в притчах оуста моя... — цитата из Псалтири, псалом 77, 2.
С. 23.
...съкровену на селе... — т. е. скрытому на поле.
...добрыа бисеры... — т. е. хорошие жемчужины.

О нанятых в виноградник работниках

Притча включена только в Евангелие от Матфея (гл. 20, зач. 80).

Христос рассказывает ее ученикам после слов о трудностях пути в Царство Небесное: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф 19). Там господствует порядок, отличный от земного, определяемый Богом — хозяином виноградника. Под виноградником толкователи подразумевали не только Царство Небесное, но и церковь Божию (Ориген), и повеления и заповеди Божии (Иоанн Златоуст).

Смысл притчи заключается в том, что «первые не должны гордиться своим первенством, превозноситься перед другими, потому что могут быть такие случаи в человеческой жизни, которые ясно показывают, что первые совершенно сравниваются с последними и последним даже отдается преимущество» (Толковая Библия. Т. 8. С. 315).

С. 24.
Пенязь — римский динарий, серебряная монета.
...в третий час... — Разделение дня на часы было принято иудеями из Вавилонии, при этом двенадцать дневных часов отсчитывалюсь от восхождения солнца до заката: третий час равнялся нашему девятому, шестой — полудню, а в одиннадцатом часу день кончался.
...единый же на десяте час... — т. е. одиннадцать часов.
...мнеху вяще прияти — т. е. думали больше получить.
Или несть ми леть сътворити... — т. е. или нельзя мне сделать.

О милосердном самарянине

Притча встречается только в тексте Евангелия от Луки (гл. 10, зач. 53). Христос рассказывает ее в ответ на вопрос некоего законника о том, кого считать своим ближним (большинство иудеев понимали за-

поведь о любви к ближнему в узком смысле, ограниченном их народностью). Притча достаточно прозрачна и вместо толкования завершается ответным вопросом Христа: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» Однако, помимо явного значения, отцы церкви усматривали в ней и особый таинственный смысл: человек некий — Адам, Иерусалим — рай, Иерихон — мир, разбойники — демоны, священник — закон, левит — пророки, самарянин — Христос, осел — тело Христово, гостиница — церковь, хозяин — епископ, два сребреника — Ветхий и Новый Завет, возвращение — второе пришествие. Таким образом, «здесь изображается подвиг Воплотившегося Сына Божия, поднятый им для спасения рода человеческого» (Толковая Библия. Т. 9. С. 194).

С. 24.

Иерихон — древний город в Палестине, располагавшийся на пути из Иерусалима в северо-восточные земли, в том числе и в Самарию; был отделен от Иерусалима пустынею, опасной для путешественников из-за ютившихся там разбойников.

Левит — ветхозаветный иудейский священнослужитель низшей степени.

Самарянин — житель Самарии; Самария — древний город и область в Палестине к северу от Иерусалима. Евреи презирали самарян так, что не садились с ними за один стол, старались не разговаривать с ними.

С. 25

...и прилежанием... — вероятно, ошибка в тексте, должно быть: и прилежа ему, то есть позаботился о нем.

...аще прииждивеши... — т. е. если издержишь.

Законник — законовед; знающий законы, учитель закона Моисеева.

О бесплодной смоковнице

Притча включена только в Евангелие от Луки (гл. 13) как пример необходимости покаяния. Не сопровождается толкованием. Позднейшие истолкователи считали, что этой притчей «Господь хотел показать иудеям, что Его выступление как Мессии — это последняя попытка, какую делает Бог с целью призвать народ иудейский к покаянию, а после неудачи этой попытки — для народа ничего более не остается, как ожидать себе скорого конца. Но кроме этого прямого смысла притчи, она имеет и таинственный. Именно, бесплодная смоковница означает всякий народ и всякое государство и церковь, которые не осуществляют своего, данного им от Бога, назначения и которые поэтому должны быть удалены с своего места» (Толковая Библия. Т. 9. С. 211—212).

С. 25.

...о галилеих... — Жители Галилеи, северной части Палестины, были известны своим строптивым характером и склонностью к возмущениям

против римлян, чем, возможно, и была вызвана жестокая расправа над ними.

Пилат — Понтий Пилат, римский прокуратор (наместник) Иудеи в 26—36 гг.

...столп силоамъский... — Речь идет о башне, находившейся, видимо, недалеко от Силоамского источника у подножия Сионской горы к югу от Иерусалима.

Смоковница — фиговое дерево, инжир, плодовое субтропическое дерево, достигает огромной величины; сушеные плоды, так называемые винные ягоды, содержат до 71% сахара. Наряду с яблонями смоковницы растут в Палестине везде, где только есть подходящая почва.

...осыплю гноем... — обложу навозом, крайняя мера для того, чтобы сделать смоковницу плодородной.

О званых на вечерю

Притча публикуется по Евангелию от Луки (гл. 14, зач. 75). У Матфея есть притча, близкая по содержанию, рассказывающая о царе, устроившем брачный пир для сына. В Евангелии притча не сопровождается толкованием, будучи достаточно прозрачной. Христос рассказывает ее в доме одного из фарисейских начальников, показывая, что никто из выдающихся членов теократического иудейского общества, считающих себя достойными Царствия Божия, не будет принят в это Царство. В притче под человеком, устроившим пир, подразумевается Бог, для которого человек должен пожертвовать всем в жизни; под рабом — Христос; под нищими, бедными, слепыми, хромыми — мытари и грешники; под людьми с дорог и из-под заборов — язычники (см.: Толковая Библия. Т. 9. С. 218—220).

С. 25.

...вечеру... — ужин.

С. 26.

...на распутия и стогны... — т. е. по улицам и переулкам.
...на пути и халугы... — т. е. по дорогам и изгородям.

О погибшей овце

Притча публикуется по Евангелию от Луки (гл. 15, зач. 68), в более кратком виде встречается у Матфея (18.12—14). Христос рассказывает ее и следующие две притчи в ответ на недовольство фарисеев тем, что Он общается с мытарями и грешниками. Притча показывает, как Богу дорога каждая заблудшая душа человеческая. Образ пастыря с овцою на плечах как образ Христа Спасителя неоднократно воспроизводился на стенах катакомб в первые века христианства.

С. 26.
...девять десят и девять... — т. е. девяносто девять.
С. 27.
...възлагает на раме свой... — т. е. берет на плечи свои.

О потерянной драхме

Притча встречается только в Евангелии от Луки, следует за притчей О заблудшей овце и имеет тот же смысл, то есть раскрытие величия любви и милосердия Божия к грешникам. Под образом женщины понимали церковь, которая неустанно заботится о спасении погибающих.

С. 27.
Драхма — греческая серебряная монета, основная денежная единица, равная римскому динарию.

О блудном сыне

Данная притча встречается только в Евангелии от Луки, примыкает к двум предыдущим и развивает ту же тему. Существовали различные истолкования этой притчи, несмотря на кажущуюся ее ясность. Одни подразумевали под старшим сыном иудеев, а под младшим — язычников в их отношении к христианству; другие — фарисеев и мытарей, или праведных и грешных (см.: Толковая Библия. Т. 9. С. 223). Данная притча легла в основу сюжета пьесы древнерусского писателя XVII в. Симеона Полоцкого «Комедия притчи о блудном сыне» (см.: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.; Л., 1953; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972).

С. 27.
...мнии сын... — т. е. младший сын.
...пасти свиниа. — Пасти свиней — самое низкое занятие, с точки зрения иудеев, для которых свинья — нечистое животное.
...от рожец... — Рожки — плоды рожкового дерева, растения семейства бобовых; бобы содержат сочную сладкую мякоть, используются в пищу и на корм скоту.
...оуже несмь достоин нарещися сын твой... — т. е. уже недостоин называться сыном твоим.
...одежду первую... — т. е. лучшую одежду.
...пръстень на руку его, и сапогы на нозе... — перстень на руку его и обувь на ноги — то есть знаки свободного человека (рабы ходили босыми).

О богатом и Лазаре

Притча встречается только в Евангелии от Луки (гл. 16, зач. 83). В ней показано, к каким последствиям ведет неправильное пользование богатством, которое само по себе не есть доказательство праведности и часто приносит величайший вред его обладателю. Некоторые толкователи усматривали в этой притче аллегорический смысл; под богачом подразумевали иудейство, рассчитывавшее на свои права на Царство Небесное, но по пришествии Христа оказавшееся за пределами Царства; а под нищим — язычество, которое жило в нищете духовной, а потом было принято в лоно Христовой церкви (см.: Толковая Библия. Т. 9. С. 234). Толкования этой притчи были известны на Руси уже в XII в. и особенно широко распространились в XVII в. (см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974).

С. 28.

..в порфиру...— Имеется в виду верхняя одежда из порфиры, шерстяной ткани, окрашенной в дорогую пурпурную краску.

.виссон...— Речь идет о нижней одежде из виссона, тончайшей белой хлопковой ткани, очень дорогой.

...именем Лазарь...— В отличие от других евангельских притч, в данной персонаж наделен конкретным именем, значение которого «Бог помощник». Имя персонажа должно было подчеркнуть, что у нищего была одна только надежда на помощь Божию.

...гноин...— т. е. в струпьях.

...на лоно Авраамле...— Имеется в виду вечное блаженство праведных. Авраам — библейский родоначальник еврейских племен.

...сыи в муках...— т. е. будучи в муках.

...имам бо пять братия...— т. е. ибо имею пять братьев.

«Имут Моисеа...» — Речь идет о библейском пророке Моисее.

О судье неправедном

Притча встречается только в тексте Евангелия от Луки (гл. 18, зач. 88). Христос рассказывает ее ученикам, наставляя их на непрестанную молитву. Смысл притчи сформулирован евангелистом: «Должно всегда молиться и не унывать».

С. 29.

...не стужати си...— т. е. не унывать.

...«Отмсти мене от съпреника моего».— т. е. «Защити меня от соперника моего».

...на долзе времени...— т. е. долгое время.

...да не до конца приходящи застоите мене.— т. е. чтобы она не приходила больше докучать мне.

О мытаре и фарисее

Притча встречается только в Евангелии от Луки (гл. 18, зач. 89) Следует за Притчей о судье неправедном и также обращена к ученикам. Предваряется словами: «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и унижали других...» — в которых сформулирован смысл притчи и ее цель.

С. 29.

...*внидоста*...— т. е. вошли.

...*фарисей*...— В древней Иудее член религиозно-политической партии, представлявшей интересы зажиточных слоев городского населения. Фарисеи вели упорную борьбу с раннехристианскими общинами, отличались крайним фанатизмом и лицемерным исполнением правил наружного благочестия. Держались отдельно от простого народа, за что и получили название фарисеев, или отделенных.

...*мытарь*...— Сборщик податей, повинностей, пошлин; мытари считались не лучше язычников.

Пощуся два краты в суботу...— т. е. пощусь два раза в неделю. Фарисеи придавали важное значение соблюдению обрядов. Здесь подчеркивается, что молящийся вместо одного поста в году — в праздник очищения, постится еще два раза в неделю.

...*десятину даю всего*...— Речь идет о десятой доле доходов, отдаваемой на нужды храма. Обычно отчислялась десятина прибыли от стада или плодов; фарисей подчеркивает свое усердие: «десятину даю всего» — то есть даже самых мелких доходов.

О рабе верном и рабе злом

Притча встречается в двух Евангелиях (Мф. 24, Лк. 12) в проповеди Христа о втором пришествии, о его неожиданности и необходимости постоянной готовности к этому. Текст притчи публикуется по Евангелию от Матфея (гл. 24, зач. 103).

С. 30.

...*над домом своим, еже даати им пищу в время их?* — т. е. над слугами своими, чтобы давать им пищу вовремя?

...*коснит господин мои приити*...— т. е. не скоро придет господин мой.

...*клевреты своя*...— т. е. товарищей своих.

...*в день, вонь же не чает, и в час, вънь же не весть*...— т. е. в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает.

...*и протешет его полъма*...— т. е. рассечет его.

...*и часть его с неверными положит*.— т. е. и подвергнет его одной участи с лицемерами.

О десяти девах

Притча встречается только в Евангелии от Матфея (гл. 25, зач. 104). Христос рассказывает ее ученикам вслед за предыдущей притчей, близкой по смыслу; ее суть: «будьте лично готовы; будьте готовы во всякое время; будьте готовы идти ко Христу прямо» (Толковая Библия. Т. 8. С. 383). Притча послужила поводом для споров между протестантами и католиками, что следует подразумевать под маслом в светильниках. Протестанты разумели веру, католики — добрые дела.

С. 30.
...уподобится Царство Небесное десяти девам...— Имеется в виду, что Царство Небесное подобно всем обстоятельствам, изложенным в притче.
...пять юродивы.— т. е. пять неразумных.
...прияша елеи в сосудех...— т. е. взяли масла в сосудах. Под маслом подразумеваются все добродетели, особенно те, которые противоположны глупости, небрежности, легкомыслию и беззаботности.
Коснящу же жениху...— т. е. как жених замедлил.
...мудрым реша...— т. е. мудрым сказали.
...не вем вас.— т. е. не знаю вас.
...не весте дне и часа, вонь же...— т. е. не знаете ни дня, ни часа, в который...

О талантах

Притча публикуется по тексту Евангелия от Матфея (гл. 25, зач. 105). Похожая притча есть и у Луки (гл. 19). Это часть последней эсхатологической речи Христа, произнесенной в ближайшем кругу учеников. Под талантами подразумевали различные даруемые Богом человеку способности. Из этой притчи возникло выражение, вошедшее в пословицу: «Зарыть талант в землю», а слово «талант» стало синонимом выдающихся способностей. Основной смысл притчи — «неуклонное движение вперед на пути к самоусовершенствованию, непрерывная деятельность и развитие» (Толковая Библия. Т. 8. С. 389). Нередко древнерусские авторы, начиная свое повествование, вспоминали эту притчу, как, например, игумен Даниил в своем «Хожении»: «Убояхся оного раба лениваго, скрывшаго талант господина своего и не сотворившаго прикупа им, да сие написах верных ради человек» (Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 24).

С. 31.
Талант — греческая высшая денежная единица.
...комуждо противу силе его...— т. е. каждому по силе его.
...дела в них...— т. е. употребил их.
Такожде же и иже два...— т. е. также и получивший два таланта.
По мнозе же времени...— т. е. по долгом времени.

С. 31.

...стязася с ними о словеси.— Т. е. требует у них отчета.

...оудуже не сеял еси...— т. е. где не сеял.

ПРИТЧИ ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ С ТОЛКОВАНИЯМИ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО

Толковые евангелия являлись особым типом книги, предназначенным для правильного понимания евангельского текста, который разбивался на отрывки, размером от части стиха до нескольких стихов. Эти отрывки сопровождались толкованием, которое отделялось от собственно евангельского текста подписями типа «толк», «толкование», «т». Евангельский текст в толковом типе представлен иногда с некоторыми пропусками, так как части текста, не получившие толкования, могли опускаться.

Почти все известные в славянской письменности толкования принадлежат византийским богословам. Толковое евангелие Феофилакта Болгарского представляет собой сводку самых распространенных толкований па Четвероевангелие. Оно возникло в конце XI в. и вскоре было переведено на славянский язык. С XIII в. известно во множестве списков, древнейший из которых имеет русское происхождение.

Нередко толкования евангельского текста сами по себе являлись законченными произведениями, близкими по жанру словам и поучениям (например, толкование на притчу О безумном богаче). Подчас толкование усложнялось вставными элементами, являющимися самостоятельными жанровыми структурами. Так, в толковании на евангельский текст появилась притча О враче.

Традиция обстоятельных и пространных толкований распространилась и на другие тексты, как, например, в Притчах Кирилла Туровского.

В данном издании тексты публикуются по кн.: Евангелие с толкованиями Феофилакта Болгарского. М., 1649.

О милосердном царе и безжалостном заимодавце

Притча встречается в Евангелии от Матфея (гл. 18, зач. 77). Рассказанное в данной притче, как и в других, служит образом людских отношений к Богу и ближним.

С. 32.

...тмою талант...— т. е. десять тысяч талантов (см. примеч. к с. 31).

С. 34.

...стом пенязь...— т. е. сто динариев (см. примеч. к с. 24).

...позорницы...— наблюдатели, свидетели.

О двух сыновьях

Притча изложена только у Матфея (гл. 21, зач. 86) и рассказана Христом в ответ на вопрос первосвященников, какою властию Он поучает народ и кто дал Ему такую власть. В толковании Феофилакт раскрывает смысл притчи применительно не только к евангельским, но и к современным ему событиям: «И ныне многие дают обет Богу и Отцу стать иноками или священниками, но после обета не хранят усердия, а другие не давали обета об иноческой или иерейской жизни, но проводят жизнь как иноки или иереи; так что послушными чадами оказываются они, так как исполняют волю Отца, хотя и ничего не обещали».

С. 35.

Иоанн Креститель — Иоанн Предтеча, предшественник Спасителя, пророк, возвещавший людям о скором явлении Христа и приготовлявший их к принятию Христа Спасителя, крестил людей и самого Христа. Кончил жизнь мучительной смертью.

...глаголюще, яко «еликая Бог рече, оуслышим и сотворим».— Феофилакт имеет в виду слова еврейского народа, сказанные после того, как Моисей спустился с горы Синай и передал народу волю Божию.

О злых виноградарях

Притча приводится во всех синоптических Евангелиях. Здесь текст публикуется по Евангелию от Матфея (гл. 21, зач. 87). Начало притчи имеет большое сходство с притчей из 5-й главы книги пророка Исаии: «У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградою, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. <...> Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужы Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие; ждал правды, и вот — вопль» (Библия. М., 1988. С. 684). Феофилакт разбивает текст притчи на три части, сопровождая каждую подробным толкованием всех деталей.

С. 36.

...на земли обетования...— Имеется в виду Палестина, куда Бог привел евреев из Египта. Обетованной, то есть обещанной, земля эта названа в послании апостола Павла к евреям. Со временем выражение стало афористичным и употребляется в значении: место, куда кто-либо стремится, мечтает попасть; место, где царит довольство и счастье; что-либо желанное, что представляется высшим счастьем (см.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. 3-е изд. М., 1966. С. 468).

...Михию оудари по челюстех Седекия.— Речь идет об эпизоде из Третьей книги Царств (гл. 22). Пророк Седекия предсказал израильскому царю победу над сирийцами. Пророк же Михея не только предрек ему гибель, но и обличил пророков, устами которых «лживый дух» предсказывал благополучный исход. Пророк Седекия, оскорбленный этим, ударил Михею по щеке.

...оубиша, яко же Захарию...— Здесь и ниже имеются в виду два библейских сюжета. В первом речь идет о Захарии, сыне Варахиине, о котором Христос говорит, что его убили «между церковию и олтарем» (Мф 23.35). Во втором — о Захарии, сыне Иодая, о котором сказано, что за грозное обличение царя и народа он был побит камнями во дворе дома Господня (2 Пар 24.20—22). Существует мнение, что в обоих случаях говорится об одном и том же лице.

...олтарем...— Алтарь — место (обычно в виде возвышения) для жертвоприношения; основная часть культового здания.

С. 37.

...римская воинства посла...— В 64 г. до н. э. Палестина была завоевана римлянами.

О безумном богаче

Притча приводится только в Евангелии от Луки (гл. 12, зач. 66). Христос рассказывает ее в ответ на просьбу одного человека разделить наследство между ним и братом. Христос предваряет притчу словами, выражающими ее основную мысль: «...берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения».

С. 37.

...вся жита моя и благая моя.— т. е. весь хлеб мой и все добро мое.

О враче

Данная притча не принадлежит собственно Евангелию. Она приводится Феофилактом в толковании на евангельский текст: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф, гл. 18, зач. 72).

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

В книгу включены притчи из широко распространенной в древнерусской письменности Повести о Варлааме и Иоасафе, переведенной в

Киеве в начале XII в. Это произведение, одно из самых популярных в мировой литературе средневековья, известно во множестве переводов и переработок более чем на 30 языках народов Азии, Европы и Африки.

Такому распространению способствовал почти сказочный сюжет. У индийского царя Авенира рождается долгожданный сын Иоасаф. Звездочеты предсказывают ему будущее великого христианского подвижника. Царь-язычник изолирует сына во дворце, чтобы тот не мог узнать о христианстве. Божиим промыслом об этом узнает пустынник Варлаам. Под видом купца он проникает во дворец и наставляет царевича в христианской вере, излагая сложные догматические истины в виде притч. После многих испытаний Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму для отшельнического подвига. Их христианское подвижничество увенчивается посмертными чудесами и исцелениями на их могиле. Своеобразный характер Повести придают притчи, представляющие собой небольшие самостоятельные новеллы.

Повесть имела широкое хождение на Руси: в каждой монастырской библиотеке было по нескольку ее списков, сборники с текстами отдельных притч бытовали в различных социальных группах. В XVII в. повесть трижды издавалась. Сохранились многочисленные изображения сюжетов Повести в росписях, иконах и миниатюрах рукописей. Она получила широкое распространение в народном творчестве, в духовных стихах, особенно любимых в старообрядческой среде. Сюжеты притч Повести использованы В. А. Жуковским («Сказка о мудреце Киримс», «Из Талмуда»), А. Н. Майковым («Три правды»), Л. Н. Толстым («Исповедь»).

Предлагаемые тексты притч выбраны из Повести о Варлааме и Иоасафе в списке XVI в., опубликованном в кн.: Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.

О трубе смерти и четырех ковчегах

Это первая из притч, рассказанных Варлаамом Иоасафу в ответ на просьбу царевича поведать ему «слово ново и благо». С надеждой обратился царевич к чужеземцу по зову души и не обманулся. Рассказав притчу, Варлаам закончил ее словами: «Яко же убо он благочестивый премудрый царь створи, тако и ты створи, благого надеждою приим мя, еже не солгано ти будет, яко аз мню».

Притча была полностью без сокращений и добавлений включена в Пролог под названием «О богатых и убогих».

С. 41.

...*проповедники ко вратом его посылаше*...— В греческом оригинале речь идет о глашатаях, а не о проповедниках.

С. 42.

...да смирять, колику достойна еста... — т. е. измеряют, определяют достоинство ковчегов.

...утренима очима... — т. е. внутренними очами. Выражение широко распространенное в Древней Руси для обозначения внутреннего духовного познания и видения.

О соловье и ловце

Данная притча отличается от прочих, рассказанных Варлаамом, близостью к басне, с ее говорящими персонажами — животными. Хотя в данном случае речь соловья воспринимается как необыкновенное, чудесное явление («дасться соловьеве глас язычный»), которое заставляет птицелова удивиться («он же чюдився о глаголанию птици»). Тем не менее введение такого персонажа придавало притче сказочную занимательность, отвлекавшую от нравственно-религиозного смысла. Вероятно, поэтому данная притча, в отличие от других притч Варлаама, не была включена в Пролог, сборник учительный по характеру, но зато встречается в рукописных сборниках как самостоятельное произведение под названием «Притча Варлаама о славии».

С. 43.

...человеку липителю... — Лепитель — птицелов, ловящий птиц с помощью клея — лепа.

Об инороге

Варлаам рассказывает эту притчу после обличения тех, кто любит этот мир больше, чем будущую жизнь, и уподобляет их человеку, убегающему от бешеного инорога. Иоасаф, выслушав ее, сказал: «Яко истинъна словеса си и всима ключима (полезна)». Притча получила самое широкое распространение в древнерусской письменности. С добавленным толкованием она включена в Пролог под названием «Притча святого Варлаама о временьнемь семь веце». Во многих сборниках встречается и переделка этой притчи под названием «Притча от болъгарских книг».

Притча об инороге известна в мировой литературе во многих вариантах. Она явилась сюжетом для изображений в византийском, западноевропейском и русском искусстве и в общем цикле миниатюр лицевых списков Повести, и как самостоятельный назидательный сюжет в лицевых псалтирях, в иконописи, прикладном искусстве (см.: Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978. С. 51, 140—141).

С. 45.

...Адамля рода... — т. е. всего человеческого рода, пошедшего от первого человека, Адама.

...раде... — т. е. ради.

О трех друзьях

Варлаам рассказывает эту притчу сразу после притчи Об инороге. Со значительными сокращениями и в сюжетной части, и в толковании она была включена в Пролог под 16 апреля, получив название «Притча святого Варлаама о печали житистей и о суетнемь богатстве и о милостыни». Вероятно, одной из обработок этого сюжета является «Притча от патерика душеполезна, юже сказа отцем», помещенная в Прологе под 16 февраля.

С. 45.
...вести ко царю... имже есть должен тмою талант...— Мотив перекликается с сюжетом одной из евангельских притч (О милосердном царе и безжалостном заимодавце, см. с. 32).

С. 46.
...на провожение безуспешных друг.— В греческом оригинале вместо «друг» — «рубищ». В соответствующем тексте в Прологе сказано: «токмо срачица и савана порота будеть», т. е. речь идет тоже о рубище (ветхой, рваной одежде).

О царе на один год

В Повести притча включена в XIV главу, следующую за притчей О трех друзьях. Предваряется просьбой царевича: «Убо еще изобразуй ми образ суетного сего мира и кого убо кто с миром и твердынею сего придеть». Притча вошла в Пролог под 22 ноября, при этом составитель добавил пространное толкование, близкое и к тексту Повести, и к проложному толкованию притчи Об инороге. В Прологе притча озаглавлена «Поучение святого Варлаама о животе и смерти».

С. 47.
...нага поругаша по всему граду...— т. е. нагого водили с позором по всему городу.
Въздревнова — возревновал.
...сущю же ему чюжу царствия...— т. е. когда лишен будет царства.

О царе и разумном советнике

Данной притче предшествует разговор Варлаама и царевича об отношении к христианству в царстве Авенира. Иоасаф сожалеет о том, что отец не воспринял истин христианства, на что старец замечает: «Аще же яже от человека невозможна, возможна суть от Бога. Чим бо ты веси, аще и ты спасеши отца и образом дивным родитель будеши своему родителю»,— и рассказывает притчу О царе и разумном советнике.

Под названием «Повесть святого Варлаама к Асафу о крестьяньстеи житьи и о богатьстве и о нищите сиречь о Царствии Небесне и о муце» притча вошла в состав проложных чтений на 23 ноября. При этом опущена значительная часть диалога, зато дано истолкование образов притчи, чего нет в Повести.

С. 49.
...насмисана — т. е. поруганная.

О богатом юноше и дочери бедняка

Данная притча следует непосредственно за предыдущей, так что реплика Иоасафа относится к обеим притчам. Ее смысл сформулирован в последних словах царевича: «Я же, ради твоих неизменных постоянных слов, пренебрегая действительной пустотой, решил оставить все и дальнейшую мою жизнь пребывать с тобой; не ради временного и преходящего, но ради вечного и нетленного лишусь достояния».

Подобно притче О соловье, данная не включена в Пролог.

С. 50.
...навита в дому старца... — В тексте первоначально было: «на лета». Позднейшая правка не прояснила неясного места. В греческом оригинале: «нашел пристанище...»

О серне

Последняя притча в поучениях Варлаама, рассказанная в ответ на просьбу царевича взять его в пустыню. Притча завершается словами: «Боюсь, чтобы и с нами не поступили так же; если последуешь со мной, не лишусь ли твоего присутствия и не явлюсь ли причиной большого зла для моего друга». В Пролог притча вошла под названием «Притча святого Варлаама о ходящих в монашеский чин» (20 ноября). Объяснение Варлаама заменено там пространным толкованием.

ПРИТЧИ ИЗ ПРОЛОГА

Пролог — древнерусский сборник постоянного состава, в котором жития, слова и поучения, притчи и повести расположены в календарном порядке. Он ведет свое происхождение от византийского Синаксаря, или Менология, получив наименование по заголовку предисловия (греч. πρόλογυς), который ошибочно был принят, как предполагают, за название всей книги. Синаксарь, включавший только краткие жития святых, расположенные в соответствии с днями их памяти, был дополнен в Древней Руси не только житиями древнерусских святых, но и большим нравоучительным материалом: многочисленными рассказами из патериков, фрагментами из самых распространенных произведений византий-

ской литературы, поучениями отцов церкви, оригинальными южнославянскими и древнерусскими сочинениями.

Предполагают, что основная переработка Синаксаря была произведена в конце XII в., возможно, в Турове, при участии и по инициативе древнерусского писателя и церковного деятеля Кирилла, епископа Туровского (см. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 379).

В Древней Руси Пролог пользовался широкой популярностью и сделался со временем любимой книгой для чтения. Сохранилось около трех тысяч рукописных Прологов, начиная с XIII в. Первое издание Пролога состоялось в Москве в 1641—1643 гг., а до конца XVII в. он был издан еще 7 раз.

Пролог оказал влияние не только на древнерусскую литературу, но и на писателей нового времени. Проложные рассказы переписывались в различных сборниках, цитировались в позднейших житиях, служили основой для духовных стихов. Сюжеты Пролога обрабатывали Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой.

Среди притч, включенных в Пролог, есть переводные и оригинальные. Так, здесь встречаются притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе, помещенные в основном среди ноябрьских чтений. Однако это не просто фрагменты из Повести, но и в не меньшей степени результат самостоятельного творчества русских книжников, отредактировавших текст и сопроводивших притчи собственными, иногда весьма пространными, толкованиями. Под 24 ноября помещена небольшая статья с заглавием «Притча святого Варлаама о еретицех и идолослужителиих». Этой притчи нет в Повести о Варлааме и Иоасафе, она, видимо, является сочинением древнерусского книжника. В данной книге использованы тексты этих притч, опубликованные И. Н. Лебедевой (Л е б е д е в а И. Н. Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе//ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 42—64).

Тексты других притч Пролога печатаются по первому изд.: Пролог, первая половина. М., 1641.

О душе и теле

Сюжет притчи О душе и теле, или О слепце и хромце был известен еще в древней восточной литературе, а затем попал во многие памятники мировой литературы, такие, как «Тысяча и одна ночь», «Римские деяния» и др. Славянская версия появилась в Восточной Болгарии в X в. и широко распространилась в Древней Руси. Сюжет был использован Кириллом Туровским (см. с. 75).

С. 54.

...по Павлу глаголющу...— апостол Павел, последователь Христа, выступавший с проповедями во многих землях и оставивший четырнадцать посланий, в которых упоминается и о грядущем дне Суда Божия.

О временном сем веке

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к притче Об инороге).

О ходящих в монашеский чин

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к притче О серне).

С. 56.
...пойти в святый иночьскый чин...— постричься в монахи.

О животе и смерти

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к притче О царе на один год).

О христианском житии

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к притче О царе и разумном советнике). Проложный вариант этой притчи послужил источником для Кирилла Туровского (см. О белоризце).

О еретиках и идолослужителях

Оригинальная древнерусская притча, приписываемая Варлааму. Исследователи отмечают близость этой притчи к слову Козмы Пресвитера «К епископом и попом, пасущим стадо Христово», вошедшему в одну из редакций Пролога.

О богатых и убогих

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к притче О трубе смерти и четырех ковчегах).

О праведных и грешных

Притча принадлежит Ефрему Сирину, сирийскому богослову, писателю и поэту (Мар Афем, ум. в 373 г. в Едессе). В Древней Руси очень популярным был «Паренесис» Ефрема Сирина — сборник слов, преимущественно назидательного характера, переведенный, как предполагают, в Болгарии в X в. Многие слова «Паренесиса» в полном или переработанном виде вошли в Измарагд, Пролог, оказали влияние на народные духовные стихи, на сочинения Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др.

С. 63.
...помысли Павла... — Далее рассказывается история апостола Павла-Савла, который, будучи вначале преследователем христиан, испросил у первосвященника позволение идти в сирийский город Дамаск, чтобы разыскивать там христиан и связанными приводить их в Иерусалим на суд и мучения. После вмешательства Господа принял христианство и стал самоотверженным проповедником веры Христовой.

О Василии Великом и Ефреме Сирине

В аллегорических образах данной притчи представлены отцы церкви: Ефрем Сирин (см. примеч. к предыдущей притче) и Василий Великий (ок. 330—379 гг.), епископ Кесарии Каппадокийской, широко образованный человек и блестящий стилист, автор «Бесед на Шестоднев», содержащих основы христианской космологии, «Слов постнических», Литургии.

О посте, чистоте, послушании

Притча по сюжету перекликается с притчей О трех друзьях из Повести о Варлааме и Иоасафе, хотя ее аллегорические образы имеют иное истолкование, а само повествование предельно сокращено.

С. 66.
Пимин — Пимен, имя старца названо не случайно, в переводе с греческого оно означает «пастырь» и глубоко связано с христианской символикой.

О печали житейской

Притча из Повести о Варлааме и Иоасафе (см. притчу О трех друзьях).

ПРИТЧА ОТ БОЛГАРСКИХ КНИГ

Притча представляет собой одну из версий сюжета притчи Об инороге из Повести о Варлааме и Иоасафе. Встречается во многих рукописных сборниках. Данный текст публикуется по рукописи XVII в. (ОР ГБЛ, собр. Т. Ф. Большакова, ф. 37, № 162, л. 393—395 об.).

С. 68.
...лисвие... — листья, листва.

ПРИТЧИ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Кирилл Туровский (ум. до 1182) — церковный деятель, автор поучений, торжественных слов, молитв. Родился в состоятельной семье,

рано увлекся «почитанием книжным» и получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, знал языки, в том числе и греческий, изучал науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником и писателем, снискав себе славу русского Златоуста. Удалился от светской жизни в монастырь, позднее включился в идеологическую и политическую борьбу на стороне Киева и туровского князя Юрия Ярославича. Был поставлен в епископы г. Турова, в котором родился, прожил всю жизнь и умер.

Сохранилось много произведений, принадлежащих Кириллу и приписываемых ему, в том числе и толкований на притчи, в которых ярко проявился его творческий метод, названный В. П. Виноградовым «художественной мозаикой» (см.: Виноградов В. П. Уставные чтения. Вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 115). В них органично сочетаются сюжеты и образы известных притч, многочисленные цитаты из Священного Писания, примеры из библейской истории с собственными размышлениями над проблемами, как вневременными, вечными, так и над теми, которые были рождены современной ему действительностью.

Творчеству Кирилла Туровского посвящены работы И. П. Еремина: Литературное наследие Кирилла Туровского.//ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956; Т. 13. М.; Л., 1957.

О белоризце и о мнишестве

Притча известна под названием «Повесть к Василию игумену о белоризце и о мнишьстве, и о души, и о покаянии». Она рассматривалась как послание к игумену Киево-Печерского монастыря Василию. Однако О. В. Творогов считает, что имя Василия попало в заглавие только в XVI в. и случайно, так как Василий стал игуменом в 1182 г., когда Кирилла, возможно, уже не было в живых (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 218). Другой исследователь, Л. Гец, предполагает, что эта притча одно из ранних произведений Кирилла Туровского, написанное им до принятия епископского сана (см.: Повесть о Варлааме и Иоасафе/Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 87). Для этого произведения Кирилл использовал проложный вариант притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе, причем не только сюжет, но и толкование притчи, составленное русским книжником. Заимствованные из статей Пролога образы, отдельные фразы и выражения органично вплетаются в собственный текст Кирилла Туровского.

Текст притчи печатается по публикации: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского//ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 348—352.

С. 71.

Павел — апостол Павел (см. примеч. к с. 54).

Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (ок. 960—935 гг. до н. э.). Прославился своей мудростью. Ему приписываются библейские книги притч.

...Петра бо... молитва от темницы и вериг избави...— В Деяниях апостолов (гл. 12) рассказывается о том, как апостол Петр был освобожден из темницы ангелом, благодаря тому, что «церковь прилежно молилась о нем». Далее Кирилл приводит примеры из библейских книг о чудесных спасениях, последовавших за усиленной молитвой: Иезекии, царя Иудейского, и трех отроков — Анании, Азарии и Мисаила, брошенных в печь царем Навуходоносором, но не сгоревших (Книга пророка Даниила, гл. 3).

С. 72.

Давыд — Давид, царь Израильско-Иудейского царства (XI в. до н. э.); ему приписывается авторство псалмов.

С. 73.

...устав... келейнаго житья...— В монастырях жизнь подчинялась определенным правилам, уставу.

С. 74.

Амос, Иеремея — ветхозаветные пророки.

О душе и теле

В основе этого сочинения лежит притча О слепце и хромце, восходящая к древней восточной версии и представленная во многих памятниках мировой литературы. Славянская версия появилась в Восточной Болгарии и широко распространилась в Древней Руси. В изложении Кирилла, в соответствии с его замыслом и системой доказательств, наблюдается стилизация под евангельские притчи.

Притча О человеческой душе и теле (или Повесть о слепце и хромце) использована автором как образное основание художественной ткани произведения, на котором рассматривается философская проблема соотношения духовного и телесного, небесного (высокого) и земного (низкого) в человеке и в человеческой жизни. Целью повествования является публицистическое рассуждение о взаимоотношении церковной и светской власти, актуальном в те времена. Кирилл выступает сторонником идеи «одного господина», призывая к объединению Руси. При этом за художественными образами притчи стоят конкретные события и лица.

Текст притчи печатается по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 290—309.

С. 75.
...возметь свой от него талант...— См. евангельскую притчу О талантах.
С. 76.
...юже Матфей церкви предаст...— Использованная Кириллом притча имеет лишь общее начало с евангельской притчей (см. с. 36).
С. 77.
Моисей — ветхозаветный пророк.
С. 78.
Давыд — см. примеч. к с. 369.
...от бытийскых книг...— Имеется в виду библейская Книга бытия.
С. 79.
Исайя — библейский пророк.
С. 80.
...се церковник... на епископскыи взиде сан.— Здесь и далее Кирилл обличает епископа Феодора Ростовского, который при поддержке князя Андрея Боголюбского добился независимости ростовской епархии от киевской митрополии. Политика самого князя с 1160 г. была также направлена на самостоятельность Ростово-Суздальского княжества. В 1169 г. Феодор Ростовский был выдан киевскому митрополиту и казнен как еретик.
Падьяки — подьяк, иподиакон, священнослужитель младшего чина, помогающий дьякону при совершении церковной службы.
Четции — чтецы, или псаломщики, читают и поют в храме при богослужении.
Того древа вкуси Каин...— Кирилл приводит примеры из библейской истории, сопоставимые с поступками Феодора: Каин из зависти убивает своего брата Авеля (Быт); левит Корей восстал против Моисея, утверждая, что все люди святы, а не избранные; Корей и его сторонники попытались сами совершить богослужение, но земля разверзлась и поглотила их (Чис); сыновья жреца Илии поедали жертвенное мясо и творили другие бесчинства (I Цар).
С. 81.
...безумнии в людех сановници, буии во иереех! — Обращение к Андрею Боголюбскому и Феодору Ростовскому. В притче содержится прозрачный намек на хромоту князя («хромец»).
С. 82.
...Павел изринул...— Далее перечисляются лица, обличаемые в посланиях апостола Павла: Именей и Филит, священники в Коринфе, медник Александр.
...Трефис ефесин и Николае...— христиане, отрекшиеся от Христа и поэтому лишившие себя пребывания в раю.
...не отчаим себе, яко Иуда...— Иуда, предавший Христа за тридцать сребреников, хотел принести их в искупительную жертву; но жрецы не приняли этих денег, и Иуда в отчаянии повесился.

Садукеи — саддукеи, религиозная секта в Израиле, члены которой не верили в воскресение после смерти.

С. 84.

В Иезекили бо нам въскресения... — Далее Кирилл упоминает слова библейского пророка Иезекииля, оживившего кости.

С. 85.

Его же сын добра рода... — Образ сына не присутствует в пересказанной Кириллом притче; он заимствован из евангельской притчи.

ПРИТЧИ ИЗ ДИОПТРЫ ФИЛИППА ПУСТЫННИКА

Диоптра, или Душезрительное зерцало — сочинение византийского монаха XI в. Филиппа Монотропа (Пустынника). Композиционно оно представляет собой обращение к собственной душе и разговор Души госпожи и Плоти-служанки, а по содержанию — собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из Священного Писания, святоотеческой литературы и у античных мыслителей. Таким образом, Диоптра являет собой как бы занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог начинает Душа, захотевшая послушать «словеса наказательная» Плоть дает на вопросы пространные эрудированные ответы, прибегая и к помощи притч.

На славянский язык Диоптра была переведена в середине XIV в., как предполагают, на Афоне или в Болгарии. Старейшие русские списки относятся к концу XIV в. Это сочинение было одним из наиболее популярных и переписывалось па Руси вплоть до XIX в., известно около 160 списков его.

О блуднице

Притча О блуднице может быть отнесена к классической притче, состоящей из повествования и истолкования аллегорических образов в духе христианской символики.

Текст притчи публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ЦГАДА (собр. Мазурина, ф. 196, № 562, л. 39—44 об.).

О лукавом рабе

Подобно некоторым евангельским притчам (например, О милосердном самарянине), данная притча, рассказанная Плотью, является ответом на конкретный вопрос Души о причине падения Адама и Евы и завершается ответным вопросом, после которого Душа сама должна дать оценку поступкам, описанным в притче. И затем Плоть пускается в пространные рассуждения о смысле притчи.

Текст притчи публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 68—151.

ПРИТЧА О ДВОРЕ И ЗМИИ

Притча о дворе и змии первоначально была известна на Руси в составе полной редакции Златоструя, сборника, содержащего слова, надписанные именем Иоанна Златоустого. Златоструй, «сладкие речи» которого, словно «златые струи», омывают души людей, был одним из наиболее популярных памятников Древней Руси, распространившийся во множестве списков XII—XVII вв. В старообрядческой среде он переписывался вплоть до XIX в. Златоструй использовался в древнерусской письменности при составлении других сборников устойчивого состава — Златоуста и Торжественника. В числе других слов Златоструя в Златоуст вошла и Притча о дворе и змии, как чтение в неделю 5-ю после недели «всех святых». Позднее она была включена и в другой популярный сборник — Измарагд, предназначенный для домашнего и келейного чтения и сохранившийся в большом количестве списков, начиная с XIV в. Нередко она встречается и в других сборниках.

Данная притча имеет не классическое двухчастное строение — повествование и толкование, а, подобно притчам из Толкового евангелия или Кирилла Туровского, разбита на несколько небольших композиционно самостоятельных частей, каждая из которых сопровождается толкованием.

Текст притчи публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 559, л. 328—332 об.).

С. 92.

...разгневася Бог на Фару...— Речь идет о Фарре, отце Авраама, и сыне его Аране, отце Лота. В Библии сказано: «И умер Аран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском» (Быт. 11,28).

ПРИТЧИ МАКСИМА ГРЕКА

Максим Грек (ок. 1479—1555) — известный писатель, публицист, переводчик. Он родился в аристократической греческой семье Триволисов, юность провел в Италии, где познакомился со многими деятелями эпохи Возрождения, учился у прославленного гуманиста Иоанна Ласкариса, часто бывал у известного типографа Альда Мануция, слушал проповеди Савонаролы. Позднее он отправился на Афон, где постригся в монахи и целиком предался изучению богословия. В 1516 г. по запросу великого князя Василия III Максим Грек выехал в Москву для перевода Толковой Псалтири. Обратно он уже не вернулся: московские власти предпочли оставить его при себе, используя для перевода и исправления книг. В Москве вокруг Максима Грека собрался кружок образованных людей, в котором обсуждались многие животрепещущие проблемы русской жизни того времени. В 1525 г. Максима Грека обвинили в ереси и заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь, в 1531 г. его сослали в Тверской

Отроч монастырь. В конце 40-х гг. по ходатайству игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия Максим Грек был переведен в Сергиев монастырь, где и скончался в 1555 г.

Период пребывания в Русской земле был отмечен наиболее интенсивной писательской деятельностью Максима Грека, создавшего здесь более 300 произведений, среди которых встречаются и притчи. Причем притчи у Максима Грека могут выступать не только как самостоятельные сочинения, но и как вставные элементы в словах и поучениях. В одних произведениях этого жанра писатель использует известные сюжеты, обрабатывая и распространяя их, другие вполне оригинальны.

О свирепом коне

Притча входит в состав одного из Слов Максима Грека («Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к Души своей. В нем же и на лихоимство»), построенного в форме развернутого монолога Ума, поучающего Душу. Текст притчи публикуется по изд.: Сочинения Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1860. С. 38—39.

О младом отрочище

Притча публикуется по изданию: Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 280—281.

С. 95.
...святаго Параклита... — Параклетом, или Утешителем (греч. παράκλητοσ) именуется третье лицо Святой Троицы.

О струфокамиле

Текст этой и следующих двух притч публикуется по изданию: Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 271—274.

С. 96.
...во странах ливийских... — Имеется в виду север Африки, в пустынях которого обитает страус; между побережьем Средиземного моря и пустыней Сахарой находится Ливийская пустыня.

О неясыти

Максим Грек использует сюжет из Физиолога (см. с. 128), усложняя его. Толкование дается в традициях христианской символики.

ПРИТЧИ ИЗ ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА

Великое Зерцало — сборник нравоучительных легенд, составленный в 1605 г. ученым иезуитом бельгийцем Иоанном Майором, на основе сбор-

ника конца XV в., включавшего живые житейские примеры, которые могли быть использованы в проповедях при изложении религиозных догматов и правил. Главное внимание в сборнике уделено житиям святых и чудесам, но встречаются в нем и статьи исторического характера, примеры из светской жизни. В сборник входило более 200 самых разнообразных, часто весьма занимательных сюжетов, пришедших как с Запада, так и с Востока.

Первый перевод Великого Зерцала с польского оригинала на русский язык был осуществлен в 1677 г. по повелению царя Алексея Михайловича переводчиками Посольского приказа. При переводе отобранные статьи подверглись правке в соответствии с учением православной церкви; в большинстве случаев были опущены даты, названия местностей и лиц, что придало более абстрагированный характер повествованию.

На Руси книга обслуживала не узкий круг проповедников, ученых монахов, а широкие круги читателей — любителей занимательного и поучительного рассказа. Огромное количество списков сборника Великое Зерцало, находящихся в различных хранилищах, свидетельствует о широкой популярности книги. Отдельные статьи из нее встречаются во многих рукописных сборниках, в лубочных изданиях. Некоторые сюжеты и мотивы Великого Зерцала оказались близки народной сказке. К сюжетам книги обращался писатель XVII в. Симеон Полоцкий, в XVIII—XIX вв. отсюда черпали материал баснописцы В. И. Майков, А. П. Сумароков, И. А. Крылов. Встречаются обработки рассказов из этого сборника и у других писателей нового времени (от Н. М. Карамзина до И. А. Бунина).

Некоторые статьи Великого Зерцала имеют характер притчи. Одни из них обозначены в заглавии как притча («Поучение Иоанна Климака притчею о душе, како злых дел лишитися») и имеют двухчастное строение (повествование и толкование). В других эти признаки выражены не столь отчетливо.

Текст Великого Зерцала был подготовлен и опубликован О. А. Державиной в кн.: Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965 (по этому изданию и публикуются тексты притч).

О душе раскаявшейся

Сборник, послуживший прототипом Великого Зерцала, включал восемь разделов, в которых материал располагался по авторам, и два раздела, где различный материал был расположен в алфавитном порядке. В одном из первых разделов были собраны и сочинения Иоанна Климака. Предлагаемая притча вошла в Великое Зерцало, как самостоятельное произведение встречается в составе разных сборников.

О молитве Господней

В данной притче символическим оказывается сон, который в дальнейшем получает растолкование в ходе самого повествования.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Отдела рукописей, ф. 218, № 1151, л. 158 об.— 160).

О суде Божием

Символика данной притчи отчасти напоминает символику притчи Об инороге из Повести о Варлааме и Иоасафе. Однако здесь аллегория представлена не рассказом, а созданной ситуацией.

О двух путях

Исследователи считают, что в ряде статей, вошедших в Великое Зерцало, описываются события, очевидцем которых был составитель памятника. Судя по первой фразе, эта статья относится именно к таким. Как в притчах О молитве Господней и О богатстве, иносказание здесь дается в форме сна, а в толковании сна раскрывается его нравственный смысл.

ПРИТЧА О МИЛОСТЫНЕ

Своеобразие данной притчи заключается в том, что толкование ее смысла внесено в сюжет в форме сна.

Текст притчи публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Большакова, ф. 37, № 162, л. 264 об.— 265).

С. 102.
...из касны...— т. е. из казны.

ПРИТЧА ОБ УЗКОМ ПУТИ И О ШИРОКОМ

Данная притча построена по образцу вопросо-ответных сочинений, в которых, как правило, текст разбит на короткие фрагменты: первая часть — вопрос, вторая — ответ или толкование («ответ», «толк», «т»). Заглавие притчи, данное в рукописи, не вполне отвечает ее содержанию.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Большакова, ф. 37, № 321, л. 164 об.— 168).

ПРИТЧА О ДУШЕ ПРАВЕДНОЙ

Притча — уподобление или сравнение имеет обратную композицию: сначала раскрывается смысл: «Разумей, человече, душа чистая...», а дальше следуют образы, воплощающие чистоту душевную.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в ЦМиАР (КП 3945/71, л. 30).

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Повесть временных лет — летописный свод, созданный в начале XII в. и дошедший до нас в составе нескольких летописей (Лаврентьевской, Радзивиловской, Ипатьевской и др.). Ее составителем считают монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, постриженного при игумене Стефане (1074—1078) и возведенного им в «диаконский сан». Нестором были написаны Житие Бориса и Глеба, Житие Феодосия Печерского. Создавая Повесть временных лет, он переработал начальный летописный свод, дополнив его описанием событий конца XI — начала XII в. Летописец углубил и расширил историографическую основу русского летописания: история славян и Руси, нередко сохранившаяся в преданиях и легендах, стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам легендарного Ноя.

Д. С. Лихачев, сравнивая «величавое и логическое изложение летописью русской истории» с торжественным течением большой реки, отмечал, что в летописи соединились произведения разнообразных жанров подобно тому, как в реку впадают многочисленные притоки. В Повести временных лет встречаются сказания и легенды, устные рассказы и исторические песни, летописные записи и тексты договоров. Вошли сюда притчи и пословицы, связанные с определенными историческими событиями. Народные предания, сохранившие память об этих событиях, имеют назидательный или шутливый характер. Нередко летописец сопровождал такие предания комментариями, в которых события русской истории ставились в контекст мировой истории и христианской культуры, придавал им законченную литературную форму, близкую притче по своему нравоучительному характеру и двухчастной структуре. Некоторые из этих летописных рассказов завершаются формулой: «И есть притча и до сего дни...»

Трудно переоценить значение Повести временных лет: она вошла в летописание отдельных феодальных центров — Новгорода, Галича, Смоленска, Ростова и других; ее отголоски слышны в Слове о полку Игореве, ссылки на нее имеются в Киево-Печерском патерике; сведения из нее проникли во многие памятники древнерусской литературы, такие, как Палея, Пролог, Еллинский и Римский летописец.

В начале XVIII в. по приказу Петра I началось собирание русских летописей, тогда была сделана роскошная копия с Радзивиловской летописи. Впоследствии Повесть временных лет неоднократно издавалась, ей посвящены сотни научных трудов, она отразилась и в произведениях художественной литературы.

Текст публикуется по изд.: Повесть временных лет/Подгот. текста, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1—2. М.; Л., 1950.

О мытье в банях

В основе рассказа лежит фольклорное предание о посещении апостолом Андреем Руси. Рассказы о «хождениях» апостола Андрея были распространены в Крыму, о его посещении Корсуни сообщается в греческих «деяниях» апостола Андрея. В Византии в XI в. также было распространено убеждение, что Андрей посетил Русскую землю. Предполагают, что и это предание имеет южное происхождение, на что косвенно указывает насмешка над новгородским способом мытья в бане. Концовка рассказа отточена до афористичности. Исследователи отмечают, что рассказ о новгородских банях приобрел в XVI в. популярность анекдота.

С. 106.
...*квасом уснияным*...— Имеется в виду квас для выделки кожи. Не исключено, что упоминание о таком квасе — шутка, насмешка над новогородцами.

Об обрах

Один из нескольких случаев, летописный рассказ о которых завершается упоминанием о том, что по этому поводу была сложена «притча», существовавшая на Руси длительное время. Под притчей при этом подразумевается пословица, которая, однако, теснейшим образом связана с историческим преданием.

С. 106.
...*Обри* — авары, кочевой народ тюркского происхождения, перешедший в VI в. из Средней Азии в Европу.
...*примучиша дулебы*...— Речь идет о славянских племенах, заселявших землю по Бугу; дулебы — одно из названий этих племен.

О хазарах

Предание о сборе дани хазарами с полян завершается аналогиями с ветхозаветной историей. «Подобно многим другим историческим преданиям, попавшим в летопись,— считает Д. С. Лихачев,— оно не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью» (Повесть временных лет. Ч. 2. С. 229).

С. 106.
...*козаре*...— хазары; Хазарское государство, занимавшее территорию от Нижней Волги до Днепра, до X в. играло значительную роль в жизни юго-восточной Европы.
...*поляне*...— славянское племя.
С. 107.
Яко и при Фаравоне...— В Толковой палее рассказана легенда о том,

как Моисей, будучи ребенком, играя, уронил с головы фараона царский венец. Присутствовавший тут же волхв предрек фараону, что Моисей погубит Египет.

О волхвовании

Рассказ записан летописцем на основании народного предания о смерти Олега, в котором показано, как сбылось предсказание волхвов. Автор-христианин осмысливает это предание как отрицательный пример и находит этому аналоги в мировой истории. Таким образом, летописный текст композиционно разделяется на две части: историческое событие и его объяснение, оценка.

Сюжет был использован А. С. Пушкиным в известной «Песни о вещем Олеге».

С. 107.

...на грекы иде... — Имеется в виду поход князя Олега на Царьград в 907 г.

...Щековица... — гора в Киеве, названная в честь Щека, одного из трех братьев — легендарных основателей Киева.

С. 108.

...во царство Доментианово... — Речь идет о римском императоре Домициане (81—96).

...Аполоний Тиянин... — Аполлоний Тианский, греческий философ пифагорийской школы I в. н. э., слывший волшебником. Рассказ о нем стал известен на Руси из перевода Хроники Георгия Амартола.

...при березе сый Оронтий... — город, стоявший на берегу реки Оронт, впадающей в Средиземное море в Сирии.

...яко Валам, и Саул, и Каиафа... — Язычник Валаам и царь Саул — библейские лица, имевшие пророческий дар. *Каиафа* — еврейский первосвященник.

...Навходоновсор... — вавилонский царь Навуходоносор дважды имел пророческие сновидения.

С. 109.

...Симон волхв, и Менандр... — Симон волхв (I в.), основатель еретической секты симониан; ему приписывалась способность чудотворения. Менандр — один из его последователей.

О жадности

Историческое предание о смерти Игоря тесно переплелось в сознании народа с пословицей о волке, который выносит все стадо овец, если его не убить. Это событие, сохранившееся как устное предание, было приурочено летописцем к 945 г., однако исследователи датируют смерть Игоря осенью 944 г.

С. 109.
...иде в Дерева... — Имеется в виду земля, заселенная славянским племенем деревлян.
...убиша Игоря... — В греческой истории Льва Диакона сообщается, что Игорь «привязан был к двум деревам и разорван на две части».

О крещении

В летописном рассказе о крещении княгини Ольги исследователи выделяют два пласта: церковную основу и фольклорные элементы, вставленные летописцем в церковное сказание. В этих вставках, имеющих светский анекдотичный характер, подчеркивается мудрость Ольги, которая «переклюкала» византийского императора.

С. 109.
...царь Костянтин, сын Леонов... — Речь идет о византийском императоре Константине VII Порфирородном (913—959).
С. 110.
...сохрани Еноха... — Далее приводятся примеры из библейской истории, в которых благоволение Бога спасает отдельных людей от несчастий.
...Давыда от Саула... — Библейское предание рассказывает, что Давид, совершивший ряд подвигов, вызвал зависть и ненависть израильского царя Саула, который трижды посылал слуг и, наконец, сам отправился в Раму, чтобы схватить Давида, но Дух Божий не дал этому свершиться.
...3 отроци от пещи... — Имеются в виду три отрока Анания, Азария и Мисаил, которых за отказ поклониться идолу пытались сжечь в печи огненной, но силой Духа Божиего они были спасены из пламени; пророка Даниила за это же бросили в ров со львами, которые его не растерзали.
...приде царица Ефиопьская к Соломану... — В Древней Руси были широко распространены сказания о том, как царица Южная (или Савская) пришла к царю Соломону, славившемуся своей мудростью.

О защите родной земли

В данном летописном рассказе исследователи предполагают два уровня: первоначальное известие о жестокой осаде Киева печенегами и более позднюю вставку — народное предание об отроке, пробежавшем с уздечкой через печенежский стан, и об обмене подарками между Претичем и печенежским князем.

С. 110.
Волга — Ольга.

Об испытании богатством и оружием

Летописный текст рассказывает о походе князя Святослава на Царьград, который часто именовался просто «градом». Сам рассказ об испытании дарами сделан на основе дружинного предания, с ярко выраженной дружинной идеологией: Святослав равнодушно принимает денежный выкуп и с радостью оружие.

О коварстве

Летопись содержит рассказ о походе младшего сына Святослава Владимира против своего старшего брата Ярополка. Это событие нашло отражение в народном предании, связанном с притчей-пословицей: «Беда, аки в Родне». В некоторых списках летописи сохранилось продолжение: «брат брата убил».

С. 112.
...на Дорогожичи...— Дорогожичи — урочище между Киевом и Вышгородом.
...Давыд глаголеть...— царь Давид, автор псалмов.

О радимичах

Летописный рассказ о радимичах связан с народным преданием и поговоркой.

О выборе веры

Летопись рассказывает о том, как князь Владимир выбирал веру. Заключительные слова, призванные остановить выбор на греческой вере, близки пословице: «Всяк бо человек, аще вкусить сладка, последи горести не приимаеть»; «Аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя при яла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек».

С. 114.
...призваша я царя Василий и Костянтин...— византийские императоры-соправители: Василий II Болгаробойца (976—1025) и его брат Константин VIII (976—1028).

О возмездии

Летописный рассказ о возмездии, постигшем Святополка за братоубийственную войну и смерть младших его братьев Бориса и Глеба, соединяет в себе народное предание и христианскую историю. В рассказе о битве автор использует устойчивые формулы, характерные для воинских повестей и преданий. Нередко в летописи употребляется и другое выражение, приуроченное здесь к смерти Святополка: «Есть же могыла его

в пустыне и до сего дне». Осуждая Святополка и показывая неизбежность возмездия, автор находит аналогии в библейской истории.

С. 115.

...на Льто... — Альта или Льта, река, впадающая в Трубеж, и урочище на этой реке к юго-востоку от Киева.

...идеже убиша Бориса... — Речь идет о младшем сыне князя Владимира Борисе, убитом его старшим братом Святополком Окаянным.

...якоже мьстил еси крове Авелевы... — Библейское предание рассказывает о том, как сын Адама и Евы Каин убил своего брата Авеля, за что был проклят Богом.

...рек: «Брата моя!..» — Ярослав употребил двойственную форму «брата», имея в виду двух своих братьев — Бориса и Глеба, погибших от руки Святополка.

С. 116.

...к Берестью... — пограничный с Польшей город на западном Буге в Волынском княжестве, ныне Брест.

...в пустыню межю Ляхы и Чехы... — Исследователи отмечают, что еще в начале XIX в. в Архангельской губернии сохранилась поговорка «межу Чехи и Ляхи» в значении «где-то далеко».

...а Ламех 70... — Один из потомков Каина — Ламех, убив человека, раскаялся и сказал: «Если за Каина отмстится в семеро, то за Ламеха в семьдесят раз и семеро».

...новый Авимелех... — сын еврейского судьи Гедеона Авимилех по смерти отца убил 70 своих братьев.

О просвещении

Летописный рассказ о просветительской деятельности Ярослава, завершающийся символическим образом засеянного поля, соединяется с поучением о пользе книг, в котором, как и во многих других случаях, автор обращается к авторитету премудрого Соломона.

С. 116.

Заложи Ярослав город великый... — Речь идет о строительстве «Ярославова города», расширившего Киев значительным добавлением к старому «Владимирову городу». Церковь Георгия поставлена в честь небесного покровителя князя Ярослава, имевшего христианское имя Георгия; церковь Ирины — в честь ангела жены Ярослава — Ирины.

С. 117.

...прекладаше от грек на словеньское писмо. — При Ярославе была учреждена переводческая школа при храме Софии. В XI в. были переведены такие замечательные памятники, как Хроника Георгия Амартола, История иудейской войны Иосифа Флавия, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Александрия и др.

О бесах

Подобно преданию о смерти Олега, этот рассказ направлен против волхвов и кудесников и приведен как отвлеченный пример после слов: «Бог един свесть помышления человечьская, беси же не сведають ничтоже; суть бо немощни и худи взором». Здесь видна попытка абстрагироваться: действующим лицом выступает «некий» новгородец. Обозначение места действия указывает на русское происхождение предания.

С. 117.
...в Чудь... — земля, заселенная эстонскими племенами.

Об ангеле

Рассуждения летописца об ангелах подкрепляются примером из мировой истории, а именно — из царствования Александра Македонского, героя популярного романа Александрии, известного на Руси с XI в.

С. 119.
Ты еси козел, а он овен... — Речь идет, видимо, о знаках зодиака, под которыми родились Александр Македонский и персидский царь Дарий.

ПРИТЧА ИЗ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Галицко-Волынская летопись входит составной частью в общерусский летописный свод конца XIII — начала XIV в., известный под именем Ипатьевской летописи (первой в этом своде является Повесть временных лет). Повествование в Галицко-Волынской летописи первоначально составлялось не по годам, а в форме свободного рассказа. Эта летопись является уникальным источником сведений о Галицком и Волынском княжествах. Ее источники многообразны: различные документы и рассказы очевидцев, воинские повести и фрагменты из других летописей, переводные исторические сочинения и сочинения русских авторов. Согласно гипотезе В. Т. Пашуто, Начальная Галицкая летопись, составленная в 1211 г. галицким книжником Тимофеем, вошла в 1246 г. в состав свода Киевского митрополита Кирилла, была продолжена до 1261 г. епископом Иоанном в г. Холме, а затем перешла во Владимир Волынский.

Текст публикуется по изданию Ипатьевской летописи: Полное собрание русских летописей. Т. 2. 2-е изд. Спб., 1908.

О емшане

Этот летописный рассказ помещен под 1201 г., к которому относится начало княжения Романа Галицкого, последовавшего в своей воинской славе Владимиру Мономаху. Мономах предпринял ряд походов против половцев, в результате которых половецкие кочевья были отброшены да-

леко от границ Русской земли. Так, данный летописный рассказ сообщает о половецком хане Отроке (Атераке), изгнанном на Северный Кавказ («во Обезы за Железная врата»). Пребывание Отрока, сына хана Шарукана, в Закавказье подтверждается грузинскими источниками, а сам летописный рассказ о ханах Сырчане и Отроке, по мнению исследователей, основан на половецком фольклоре (см.: Повесть временных лет. Т. 2. С. 464, 468). Народное предание, сохранившееся в форме песни, соединилось с пословицей, завершающей этот летописный рассказ. Сюжет был использован А. Н. Майковым в стихотворении «Емшан».

С. 120.

...великого князя Романа... — Роман Мстиславич Галицкий (около 1150 — 1205), один из самых популярных деятелей XII в., воспетый в народных былинах и в летописях. Главную славу ему принесла борьба с половцами (см.: Жданов И. Русский былевой эпос: Песни о князе Романе. Спб., 1895).

...деду своему Морамаху... — Имеется в виду Владимир Мономах. Роман Галицкий был представителем старшей ветви потомков Мономаха: его дед, великий князь киевский Изяслав, был сыном Мстислава Великого, старшего сына Мономаха.

...во Обезы за Железная врата... — Обезы — народ, заселявший, вероятно, Северный Кавказ; Железные ворота — город на Кавказе.

ПРИТЧА ИЗ ПОВЕСТИ О ДВУХ ПОСОЛЬСТВАХ

Повесть о двух посольствах — литературно-публицистическое сочинение начала XVII в., в основу которого положены подлинные исторические события — посольство Андрея Ищеина-Кузминского в 1571 г. в Константинополь и посольство князя Захария Ивановича Сугорского в 1576 г. в Регенсбург. Исследователи считают, что автор Повести был связан с Посольским приказом и был знаком со статейным списком посольства Сугорского, с дневником послов. По образцу дипломатических документов построена и композиция Повести. Однако достоверные сведения в ней тесно переплетаются с вымыслом, так что Повесть может быть отнесена к произведениям легендарно-исторического жанра.

Повесть сохранилась более чем в 40 списках XVII — XVIII вв. Ее популярность объясняется актуальностью поставленных вопросов о характере царской власти и образе идеального государя, о возрождении и укреплении Русского государства. Исследователи отмечают связь этой Повести с некоторыми агитационно-публицистическими произведениями XVI — XVII вв., а также с отдельными сюжетами устного народного творчества.

О подручнике царевом

Притча О подручнике царевом, одно из вымышленных мест в Повести, включена в рассказ о посольстве Сугорского. Цесарь Максимилиан предсказывает, что в Русской земле будет «трясение великое». Предполагается, что в самом имени подручника Михаила содержится намек на Михаила Романова, воцарившегося на русском престоле после Смуты.

Текст притчи печатается по публикации: Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века//ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 218—254.

С. 121.
...король цысарской...— Речь идет о Максимилиане II (1527—1576), германском императоре.
...в вашеи земли будет трясение великое...— В данном предсказании содержится намек на Смутное время; точное указание на его десятилетнюю продолжительность позволило исследователям считать, что Повесть была написана уже после окончания Смуты.

II

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ

Повесть об Акире Премудром — переводной памятник, восходящий к ассирийской повести VII—V вв. до н. э. и получивший распространение у различных народов.

В повести рассказывается о мудром советнике ассирийского царя Синагрипа Акире. Бездетный Акир принял в дом и воспитал своего племянника Анадана, представив его царю как своего преемника. Однако Анадан оклеветал перед царем своего приемного отца, и Акира приговорили к смертной казни. Друг Акира и его жена хитростью спасли жизнь мудреца и спрятали его. Египетский фараон, узнав о гибели Акира, предъявил Синагрипу невыполнимое требование. Царь впал в отчаяние, но узнав, что советник жив, с радостью отправил его к фараону. Акир с легкостью справился со своей миссией и возвратился с богатыми дарами. Синагрип выдал Акиру коварного Анадана, и тот, не выдержав укоров приемного отца, умер.

Перевод Повести об Акире Премудром был осуществлен на Руси, как предполагают, в XI—XII вв. Позднее Повесть подвергалась переработкам вплоть до XIX в. и сохранилась во множестве списков. Ее влияние сказалось на Молении Даниила Заточника, Повести о Горе-Злочастии, на некоторых былинах и сказках, что обусловлено характером сюжета Повести.

В Повести об Акире Премудром сочетаются традиционная фольклор-

ная фабула, когда герой одолевает благодаря смекалке могучего противника, и свод наставлений и афоризмов, с которыми Акир обращается к Анадану. Последнее занимает значительную часть Повести и включает не только изречения, но и целый ряд уподоблений, в основе которых лежат предельно сжатые басенные сюжеты, укладывающиеся иногда в одно предложение. Их характерной особенностью, как и в баснях Эзопа, являются говорящие персонажи — животные, птицы, растения и т. п. В отличие от эзоповского сборника притчи-басни Акира Премудрого не сопровождаются сентенциями и все имеют целью укорить Анадана за его лукавство, неверность. Эти притчи-басни в Повести не выделены как самостоятельные, они включены в контекст поучения Акира и начинаются, как правило, с обращения к Анадану: «Был ми еси, сыну».

Тексты публикуются по кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 247—282.

О псе

С. 124.
...игрець... — имеется в виду «гричь» — пес.

О дереве над рекой

С. 126.
...яворово древо... — Под явором в древнерусском языке подразумевались платан, клен, тополь, не родящие ягод. В оригинале речь идет о финиковой пальме.

ФИЗИОЛОГ

Физиолог — переводной сборник рассказов о свойствах реальных и легендарных животных, птиц и деревьев. Каждый рассказ состоит из двух частей: первая содержит описание животного и его повадок, вторая — символико-аллегорическое толкование в духе христианского вероучения. Источниками Физиолога были античные мифы, например о горгоне Медузе, библейские сказания, в том числе апокрифические. Его возникновение относят ко II—III вв. и связывают с греческой эллинистической традицией.

Физиолог был известен уже в Киевской Руси и отразился в некоторых оригинальных сочинениях: к Физиологу, например, восходит описание горлицы в Поучении Владимира Мономаха. Символические образы Физиолога оставались постоянно в арсенале художественных средств древнерусских книжников вплоть до начала XVIII в. В древнерусской письменности Физиолог распространялся как в полном составе, так и в отдельных статьях, включаемых в сборники.

Полный текст одной из редакций Физиолога публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 474—485.

О слоне

С. 129.
...мандрагураи... — мандрагора, многолетняя трава, растущая в Средиземноморье.
Евга — Ева.
Моиси — Моисей, ветхозаветный пророк.
...12 слона не могше извести его... — Статья не содержит толкования; вероятно, здесь имеются в виду 12 апостолов.
...возведе того Адама от ада. — Мотив, восходящий к апокрифическому сказанию о сошествии Христа в ад. Этот сюжет изображается на многих древнерусских иконах.

О финиксе

С. 130.
Финикс — феникс, чудесная птица, возрождающаяся из пепла.
...уакинфов... — иакинф, драгоценный камень.
...близ Индея, близ Солнечна града... — Имеется в виду африканская Индия и город Гелиополь в Египте.

О горгони

Пересказ античного мифа о горгоне Медузе и о Персее.
С. 132.
Горгона... — в оригинале написание: «въргони».
...Александр бо имяше ю... — Речь идет, видимо, о популярном в древнерусской литературе герое — Александре Македонском, которому приписана победа над горгоной Медузой, одержанная Персеем.

О стерце и о прочих птахах

С. 135.
...от Египта и Лувиа и срацин. — Лувия — Ливия, срацины — арабы.
...во Лукию на реку нарицаемую Ксанфон... — Имеется в виду Ликия в Малой Азии с главным городом Ксанф на реке Ксанфон.

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ О СТЕФАНИТЕ И ИХНИЛАТЕ

Стефанит и Ихнилат — переводная книга басен, появившаяся на Руси в XV в. и получившая широкое распространение в XVII в. В ее основе лежит индийский животный эпос (Панчатантра), распространившийся в арабской литературе под названием Калила и Димна и оттуда пришедший в западные и восточные литературы. К XI в. относится греческий перевод, выполненный придворным врачом императора Алексея Комнина Симоном Сифом, который озаглавил произведение Стефанит и Ихнилат.

Русская редакция Повести восходит к южнославянскому переводу, осуществленному в XIII—XIV вв.

Стефанит и Ихнилат имеет весьма сложную «рамочную» композицию: в состав общей рамки входят отдельные главы, в свою очередь сами являющиеся «рамками» для отдельных новелл-басен, рассказываемых действующими лицами, и, наконец, в эти рассказы входят вставные басни-притчи. Основная рамка — разговор царя с мудрецом — служит своеобразным зачином глав, в которых излагается история льва, тельца и двух зверей, по именам которых был назван весь цикл. Царь-лев пугается появления неизвестного страшно «рыкающего» существа — тельца. Ихнилат разыскивает зверя, который оказывается вполне безобидным, и приводит его ко льву. Многочисленные придворные интриги заканчиваются казнью Ихнилата, при этом персонажи рассказывают по разным поводам множество притч-басен.

В Древней Руси памятник распространился в большом количестве списков (3 списка XV в. и более 40 — XVII в.). В русской редакции его встречаются вставки, имеющие форму назидательных толкований и часто находящиеся в явном противоречии с сюжетным повествованием. Нередко в дальнейшем эти вставки зачеркивались читателями или опускались переписчиками. В XVIII в. книга продолжала интенсивно переписываться и читаться в старообрядческой среде. От старообрядцев этот памятник стал известен А. М. Ремизову, создавшему своеобразное его переложение — «Повесть о двух зверях. Ихнелат». Сюжеты отдельных басен из памятника встречаются у В. М. Гаршина («Лягушка-путешественница»), Л. Н. Толстого («Обезьяна», «Цапля, рыба и рак», «Два купца»).

Тексты притч-басен публикуются по изд.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 152—221.

О лисице и тимпане

С. 137.
...празно видевши... — т. е. увидев, что он внутри пустой.

О вране и змии

Эта притча служит обрамлением для следующей, которая предстает историей, рассказанной другом ворона, и следует после его слов: «ты же невредим пребудеши...»

О журавле и еже

Притча является вставкой в предыдущую.

О вороне, мышонке, черепахе и серне

Данный текст представляет собой пространное повествование достаточно сложной композиции. Основной мотив — помощь в беде друзьям — раскрывается в сквозном сюжете на примере дружбы ворона, мышонка, черепахи и серны. Завязкой ему служит самостоятельный рассказ о том, как голубь со своими друзьями попал в сеть и как мышонок спас их. Другой вставной сюжет — это рассказ мышонка о своем пребывании в келье монаха и о золоте, из-за которого он едва не лишился жизни. Этот рассказ не связан с основной темой взаимопомощи, а направлен против накопительства.

О совах и воронах

Подобно предыдущему рассказу, повествование о войне между воронами осложнено вставными сюжетами: о выборе птицами царя, о змии и жабах.

О некоем муже

Притча имеет «рамочную» композицию: притча в притче. Сюжет вставной притчи встречается в сказках.

ПРИТЧИ, ИЛИ БАСНОСЛОВИЕ, ЕЗОПА ФРИГИ

Притчи, или баснословие, Езопа Фриги — первый русский перевод эзоповых басен. Полулегендарному древнегреческому баснослагателю Эзопу (VI в. до н. э.) приписывался большой корпус басен. Одна из редакций басенного сборника, изданная впервые в 1479—1480 гг. в Милане Бонном Аккурсием, многократно переиздавалась в типографиях Западной Европы, а в 1607 г. была переведена на русский язык переводчиком Посольского приказа Федором Касьяновичем Гозвинским. Предполагают, что Гозвинский был выходцем из юго-западной Руси, образование получил в одном из юго-западных братских училищ, хорошо знал славянский, греческий, польский языки. Он предпослал басням-притчам стихотворное предисловие Вирши на Езопа. Кроме того Гозвинский перевел Надписание Автония-мудреца, в котором содержалась теоретическая характеристика басенного жанра:

«Баснь, или притча, от творцев изыде. Бывает же и у риторей. И убо притча, или баснь, слово есть ложное, изобразуя истину. Нарицается же «сиварикос» и «киликос» и «киприос». Наипаче же «езопския» глаголются, поне Езоп изряднее всех написа притчи.

И бо баснь, или притча, есть «словесная», «нравоучительная» и «совокупительная». Словесная убо сложена, в ней же аще что творит человек; нравоучительная же еже от безсловесных воспоминаемыя нравы; совокупленная же еже от обоих — от безсловеснаго и словеснаго.

Похваление же, или истолкование, о чем притча есть сложена, «надбасным» нарече».

Автор этой лаконичной статьи — древний софист Автоний (Афтоний, III—IV вв.) — дал всестороннюю характеристику басни. Он отметил, что басня может быть как предметом творчества, так и учебным предметом; что при помощи вымысла в басне изображаются действительные явления; что басенный жанр известен у многих народов (сибаритские, киликийские, кипрские; кроме названных существовали также ливийские, фригийские, египетские басни); что вершиной этого жанра являются эзоповы басни. Автоний дал классификацию басен, актуальную до сих пор, указал на ее двухчастное строение, подчеркнув важную роль басенного толкования. Таким образом, русский читатель XVII в. получал прекрасное руководство для чтения басенного сборника.

Все притчи в сборнике имеют двухчастное строение: повествование и его толкование. Их тематика весьма разнообразна и охватывает широкий круг нравственных вопросов. Очевидно, нравственно-назидательный характер сборника и определил появление его в древнерусской литературе в Смутное время, когда все чаще и в официальных, и в неофициальных кругах стали обращаться к вопросам нравственности, усматривая в ее ослаблении причину всех бед. Притчи, или баснословие, Езопа Фриги оказались сводом моральных правил, которые должны были определить поведение человека. Со временем сборник получил название Книга, глаголемая Езоп. В древнерусской письменности XVII—XVIII вв. известно более 20 списков басенного сборника, который часто входил в книги назидательно-учительного или познавательного характера, наряду с Физиологом, Стефанитом и Ихнилатом, басенными сборниками, появившимися в последней четверти XVII в., Собранием русских пословиц (см. с. 305).

К XVII в. относятся первые опыты стихотворного пересказа эзоповых сюжетов, включая поэзию Симеона Полоцкого. В это же время его сюжеты использовались для сатирического иносказания о каких-либо исторических русских событиях (например, «Список судного дела как тягался волк с лисицею»), в обличительных словах и проповедях. Образы и мотивы эзоповых басен встречались в посланиях, например, протопопа Аввакума. В XVIII в. появились прозаические переводы басен Эзопа, а также новые стихотворные басни, в которых использовались традиционные сюжеты. К этому жанру обращались многие поэты от Кантемира до Крылова. В XIX в. тем не менее басни Эзопа были мало известны русскому читателю. Л. Н. Толстой писал: «Ради Бога, объясните мне, почему никто не знает басен Эзопа»; сам он составил книгу прозаических пересказов этих басен для детей. Поклонники басенного жанра находились и среди писателей XIX в.

Тексты притч публикуются по рукописи XVII в., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 249, л. 381—436 об.); исправления и добавления делаются по списку из этого же собрания (№ 229). Текст Вирш на Езопа и Надписания Автония-мудреца печата-

ется по кн.: Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 8.

Вирши на Езопа

Вирши на Езопа — стихотворное предисловие к басенному сборнику, принадлежащее переводчику Федору Гозвинскому. По-видимому, на основе жизнеописания Езопа, которое предваряло басни, Гозвинский рассказывает о легендарном баснописце, противопоставляя его внешней неприглядности внутреннюю мудрость. В краткой теоретической характеристике басенного жанра переводчик отмечает притчевый аллегоризм, двухчастную структуру и нравоучительность басни. В заключительных строках указывается, что перевод осуществлен с «еллинского», т. е. с греческого, языка.

Предисловие является образцом виршевой поэзии начала XVII в. В поздних списках появлялись дополнительные четверостишия, одно из которых было написано от имени баснеслагателя, а другое от имени читателя. Сами Вирши на Езопа входили иногда в состав сборников без сопровождения притч Езопа.

С. 158.
...надбаснами творит нам истолкование.— Речь идет о второй части басенной структуры — толковании. В Надписании Автония-мудреца об этом сказано: «Похваление же, или истолкование, о чем притча есть сложена, «надбасным» нарече»

1. О орле и о лисице

С. 159.
...богом жроша...— в некоторых списках: жгоша, то есть сжигали жертву на жертвеннике.

10. О лисице и о харе

С. 162.
...об[р]ете и главу харину...— Речь идет о скоморошьей маске.

13. О самомнителе

С. 163.
...в Родийском граде...— город Родос. Эта басня легла в основу поговорки: здесь тебе Родос — здесь и прыгай.

15. О злочестивом

С. 163.
...в Дельфы прииде ко Аполону...— В древнегреческом тороде Дельфах

находился храм, посвященный Аполлону, одному из главных богов Олимпа.

40. О секущем дрова и Ермисе

С. 171.
Ермис — Гермес, древнегреческое божество, один из сыновей Зевса, олицетворявший могучие силы природы. Первоначально Гермес был богом скотоводства, затем — покровителем путников, купцов.

41. О осле и огороднике

С. 172.
Зевс — главное божество на древнегреческом Олимпе. Весь общественный порядок людей считался установлением Зевса.

43. О путьшественнице

С. 173.
...моляшеся Ермису... — см. примеч. к с. 171.

58. О блохе

С. 177.
...Ираклия-богатыря... — Геракл, самый популярный из греческих героев, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, отличавшийся мужеством, бесстрашием, огромной силой.

64. О свинье и о суке

С. 179.
...кленяся на Афродиту... — Афродита, одна из важнейших богинь Олимпа, богиня любви и красоты.

79. О двою путшественицех

С. 184.
...не глаголати «обретох», но «обретохом». — Речь идет о единственном и множественном числе 1-го лица прошедшего времени глагола — аориста.

82. О пифике, сиречь о обезьяне, и о дельфине

С. 185.
...у Суния Аптическаго... — Аттикой в Древней Греции называли область, центром которой были Афины.
С. 186.
...близу Пирейскаго места и Афинейскаго пристанища... — Пирей — порт около Афин.

84. О Ермисе-боге и о делотворце

С. 186.
Ермис — см. примеч. к с. 171.
...идол богини Иры... — Гера — древнегреческая богиня, сестра и супруга Зевса.

85. О Ермисе-идоле и Терисе-волхве

С. 186.
Терис (Тересий, Терсий, Тиреси) — Тиресий — легендарный слепой прорицатель, наделенный даром понимания языка птиц.

91. О вороне и о псе

С. 188.
...Афине-богине... — Афина, одна из главных божеств Греции, богиня мудрости и справедливой войны, покровительница мирного труда и наук.

122. О человеце и о дивием муже сатыри

С. 198.
...сатыр, сиречь дивий муж... — сатиры, древнегреческие лесные божества, демоны плодородия.

131. О черви и о лисице

С. 201.
...врач, исцелися сам. — Это выражение встречается в Евангелии от Луки (4, 23), употребляется в значении: прежде чем осуждать других, исправься сам.

ПРИТЧИ ИЗ ЖИТИЯ ЕЗОПА-БАСНОСЛОВА

Житие Езопа-баснослова было переведено Федором Гозвинским одновременно с Притчами Езопа. По преданию, редакция Жития, получившая наибольшее распространение, была составлена византийским монахом Максимом Планудой (1260—1310). Жизнеописание Езопа представляет собой ряд эпизодов, в которых раскрывается мудрость полулегендарного баснослагателя. Значительная часть их связана с пребыванием Езопа у греческого философа Ксанфа. Во второй половине жизнеописания, рассказывающей о состязании Езопа с вавилонским царем Нектенавом, использован сюжет Повести об Акире Премудром.

Притчи входят вставными элементами в два эпизода Жития: первый — завоевание Самийского града царем Крезом и второй — убийство Езопа в Дельфах. Баснослагатель рассказывает притчи, чтобы обра-

зумить, усовестить или обличить окружающих. Смысл иносказания вполне ясен из контекста, поэтому в Житии притчи не сопровождаются толкованием. Житие Езопа не получило широкого распространения в XVII в. Иногда притчи из Жития помещались в конец басенного сборника, в сопровождении толкований переписчика, выдержанных в духе всего сборника.

Текст притч публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ЦГАДА (собр. МГА МИД, № 250).

О волках и овцах

Езоп рассказывает эту притчу жителям Самийского града (Самоса), которые, поддавшись на хитрость Креза, решили выдать Езопа царю, чтобы избавить себя от великой дани. В Смутное время этот же сюжет стал известен русскому читателю из другого сочинения — О причинах гибели царств. Там эту басню рассказывал мудрец Демосфен согражданам, намеревавшимся выдать его Александру Македонскому.

О муже и конике

Езоп рассказывает притчу царю Крезу, доказывая свою невиновность. Крез, покоренный мудростью баснослагателя, не только отпускает Езопа с подарками, но и освобождает Самийский град от дани.

О жене и муже

Эту притчу Езоп рассказывает самийцам по возвращении от Креза. Сообщив им, что они свободны от дани, Езоп покидает град.

О мыши и жабе

Эта и три следующие притчи связаны с пребыванием Езопа в Дельфах, жители которых обвинили его в святотатстве и приговорили к смерти. Пытаясь образумить их, баснослагатель рассказывает притчи, но это не помогает. В последних баснях Езоп проклинает их и предрекает им гибель.

Об орле и кровке

С. 206.
Овиш — Юпитер, римский бог неба, света, грома и молнии, царь богов; наблюдал за соблюдением клятв и договоров.

ПРИТЧА О КУРЕ И О ЛИСИЦЕ

Притча О куре и о лисице — произведение, созданное в первой половине XVII в. Мотив, положенный в основу этого сочинения, восходит к

средневековому французскому «Роману о Лисе» (в средневековье лис считался одним из олицетворений дьявола).

В древнерусской письменности более известно Сказание о куре и лисице, которое больше Притчи по объему, включает развернутый диалог, насыщенный цитатами и ссылками на тексты Священного Писания. В рукописной традиции сохранилось множество вариантов этого произведения. Из рукописей Сказание перешло в лубок, в печатные сборники XVIII в. и в устную сказку. В одном из рукописных сборников XVIII в. повествование предельно сжато, по структуре близко к эзоповой басне, имеет заголовок «Книга Быблея. Притча о куре и о лисице». В соответствии со структурой притчи повествование завершается здесь толкованием в духе христианской морали. Упоминание в заголовке Библии, видимо, призвано было придать Притче большую весомость.

Текст печатается по рукописному сборнику XVIII в., хранящемуся в ОР ГБЛ (пост. 1989 г., № 13).

ПРИТЧА ИЗ СЛОВА ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ

Московский иеромонах Евфимий Чудовский — представитель строгого православия, истовый ревнитель славянской книжности. Его Слово на тему «всяк возносяйся — смиритъся», написанное в 70-е гг. XVII в., в период напряженной идеологической борьбы, направлено против Симеона Полоцкого. Использование в Слове сюжета басни о волке и осле является, по словам Р. Б. Тарковского, «выразительнейшим примером памфлетно-сатирического применения басни», в котором сочетаются книжно-литературные и бытовые формы выражения.

Текст публикуется по книге: Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 25—26.

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Повесть о Португальском посольстве относится к популярному в средневековье жанру вопросо-ответной литературы. Время ее создания — конец XVII — начало XVIII в. Большое место в ней занимают схоластические остроты, многие эпизоды близки народной сказке и имеют баснословный характер, как, например, рассказ О быке. Некоторые повествования в традициях древнерусской притчи сопровождаются сентенциями, разъясняющими нравоучительный или иносказательный смысл рассказа. Притча О бесе является заимствованием из Великого Зерцала и свидетельствует о том, что в основу Повести легли как фольклорные, так и книжные источники. Повесть включает и ряд загадок (см. с. 405). Повесть сохранилась в трех списках XVIII в.

Текст публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 468—483.

ПРИТЧА О СОСТАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕГО ЕСТЕСТВА

Сюжет этой притчи был широко известен в античной литературе как Басня Менения Агриппы, римского сенатора, который якобы убедил таким образом плебеев, отделившихся от римской общины в знак протеста против произвола патрициев, вернуться в Рим. В XVIII в. этот сюжет был использован Сумароковым в басне «Голова и члены».

Текст притчи публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 603, л. 437 об.— 438 об.).

III

ПРИТЧА О ВРАЧЕСТВЕ ГРЕХОВНОМ

Притча известна в рукописных списках также под названием О врачестве духовном.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Никифорова, ф. 199, № 526, л. 29 об.— 30).

ПРИТЧА И ЗЕРЦАЛО ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАГО

Сочинения о смерти известны в XVII в. во множестве вариантов. Как правило, это стихотворные произведения, нередко включавшиеся в состав литературной части синодиков и призванные остановить человека перед лицом смерти, заставить его задуматься о суетности земной жизни. Содержанием этих вирш определялся их назидательный характер, что позволило одному из переписчиков произведения озаглавить его как Притчу. В данном случае ритмически организованные рифмующиеся строки соединяются с прозаическим текстом. Вариант Вирш о смерти был опубликован в книге: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. /Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 316—319.

Данный текст публикуется по рукописи XVIII в., хранящейся в ОР ГБЛ (Ярославское собр., ф. 739, № 25, л. 96—100 об).

ПРИТЧА О ПЯТИ ЧУВСТВАХ

Поучение о пяти чувствах завершается евангельскими притчами о десяти девах (см. с. 30) и о талантах (см. с. 31). В заключительной фразе автор называет свое сочинение «притчей», имея в виду ее назидательный характер: «Сия вся притча писана на осуждение невоздержании наших и небрегомаго житии нашего...»

Текст произведения публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Овчинникова, ф. 209, № 509, л. 252 об.— 258 об.).

С. 218.
...яко же и Даниилу, ввержену бывшу... — речь идет о библейском пророке Данииле, брошенном в ров со львами.

ПРИТЧА О ХМЕЛЕ

Притча о хмеле относится ко второй половине XVII в. и является переработкой так называемого Слова Кирилла Философа, известного в древнерусской литературе с XV в. Элементы учительной литературы тесно переплелись в Слове с народно-поэтическими образами, а наставление против пьянства вложено в уста хмеля. В Притче поучение оказалось заключенным в занимательную сюжетную рамку. Иной вариант Притчи включен в состав Послания о хмеле (см.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 244—249). Назидательные сочинения, обличающие пьянство, были широко распространены в древнерусской литературе XVI—XVII вв., нередко они сочетали в себе дидактику с занимательностью.

Текст притчи публикуется по изд.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 2. Спб., 1860. С. 447—449.

ПРИТЧА О ВИТЯЗЕ И О СМЕРТИ

Притча О витязе и о смерти — произведение на популярную в литературе и искусстве позднего средневековья тему — спор человека со смертью (см.: Повести о споре жизни и смерти/Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964). В конце XV в. был сделан русский перевод одного из немецких диалогов жизни и смерти, первоначально имевший заглавие — Двословие живота и смерти, сиречь стязание животу со смертью. Позднее произведение, подвергавшееся многочисленным переделкам, получило название Прение живота и смерти. В середине XV в. отвлеченный образ «живота» приобрел более реальные черты воина-удальца. В этом виде произведение получило широкое распространение в XVII—XVIII вв. Подобно Виршам о смерти (см. примеч. к с. 214), Притча о витязе и о смерти стремилась внушить читателям мысль о необходимости покаяния, говорила о равенстве всех перед смертью. В XVII в. Прение живота и смерти включалось в литературную часть синодика.

Текст притчи публикуется по изд.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 2. Спб., 1860. С. 439—440.

С. 225.
...ревнуя всячески... — в других списках «ревуя», «ревы», «рыкая».
Самсон силный... — Библейский судья Самсон был знаменит необычайною, сверхъестественною силою (Кн. Судей).
Царь Соломон... — см. примеч. к с. 283.
Акир Премудрыи... — см. примеч. к с. 123.

С. 228.
...сороковустия...— сорокоуст — поминовение души умершего в 40-й день после смерти.

ПРИТЧИ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Притчи о разуме человеческом основаны на восточном фольклоре. В списках они озаглавлены «От книг бытей татарских о разуме человеческом», что указывает на источник и среду возникновения произведения. Оно, очевидно, было написано в начале XVII в. в кругах древнерусских книжников, имевших доступ к «татарским» книгам или к устным пересказам восточных притч. Оба сюжета были включены в конце XVII в. в Книгу мудростей и лжи мусульманского писателя Сулхана Сабы Орбелиани (1658—1725). Рассказ о двух совах широко распространен в азербайджанском фольклоре и нашел отражение в сочинениях великого азербайджанского поэта XII в. Низами. Прославляя человеческий разум, притчи обнаруживают идейную близость с такими произведениями, как Повесть об Акире Премудром, Повесть о Петре и Февронии, Житие Езопа-баснослова, также возникшими на основе фольклорных источников.

Текст публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 484—486.

ПРИТЧА О СТАРОМ МУЖЕ И МОЛОДОЙ ДЕВИЦЕ

Данная Притча представляет собой диалог богатого старика и молодой девицы, отвергающей его притязания на ее молодость. В Притче слышны иногда отголоски средневековых представлений о женском коварстве, но в целом симпатия автора на стороне молодой девицы. Ее речи близки народным песням о молодой жене старого мужа, пересыпаны прибаутками, рифмующимися словами. Произведение возникло, вероятно, в демократической среде в середине или второй половине XVII в. Оно перекликается со Сказанием о молодце и девице (см.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 231—233), также в форме диалога изображающим сватовство молодца к девице.

Текст публикуется по изд.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 2. Спб., 1860. С. 453—454.

О СТАРЦЕ, ПРОСИВШЕМ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ

Повесть-притча О старце является оригинальным русским сочинением, созданным во второй половине XV в. Подобно повестям о гордом царе, оно было призвано подкрепить сюжетным повествованием истинность евангельского текста. Автор использовал популярный сюжет о заключенном и освобожденном бесе, известный в восточных и западноевропейских литературах и знакомый древнерусскому читателю по ле-

гендам о царе Соломоне, по повестям Скитского патерика, по византийским житиям. Этот сюжет оказался близким сказке, которая дополнила его новым мотивом — испытанием жениха. Влияние фольклора сказалось и на художественном воплощении сюжета. Повесть сохранилась не только во множестве списков XVI—XVII вв., но и в многочисленных вариантах и переделках.

Текст публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 48—51.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

Данная Повесть-притча создана русским книжником в 40-е гг. XVII в. на основе библейского рассказа о пророке Елисее (IV Цар., гл. VI—VII). Автор заменил имена действующих лиц, перенес действие из Самарии в Иерусалим, но почти полностью сохранил сюжет, умело использовав его в целях обличения корыстолюбия. Повесть не содержит прямолинейной дидактики, открытых характеристик героя. Его образ вырисовывается благодаря специально подобранным ситуациям. Один из художественных приемов автора Повести является ассоциация, иносказания. Повесть сохранилась в трех списках.

Текст публикуется по изд.: Р о м о д а н о в с к а я Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 280—282.

С. 238.

Царь еросалимской Газия... (Хазия) — измененное имя Гиезия, прислужника пророка Елисея, наказанного проказой за жадность. Древнерусскими писателями это имя употреблялось как символ корыстолюбия.

...пророк Агей... — В библейском рассказе говорится о пророке Елисее. Автор дал иное имя, вероятно, имея в виду широко распространенное в Златоустах XVI—XVII вв. слово, посвященное обличению «златолюбивых» и связанное с именем пророка Агея.

С. 239.

...твоя кадь пшеницы... — Кадь — мера сыпучих тел; в Древней Руси в разных землях существовали различные местные меры: «кадь можайская», «ростовская», «московская». Эталоном являлась «заорленная» кадь. В данном случае речь идет об особой, «царевой», кади.

О ИСКУШЕНИИ БОГА

Повесть о искушении Бога, о царе некоем сохранилась в единственном списке, в составе сборника, переписанного в 1665 г. новогородским посадским человеком Семеном Васильевичем Жулевым. Его же считают автором Повести, являющейся оригинальной, нигде больше не встречаю-

щейся версией популярного сюжета о гордом царе. Повесть не получила распространения, так как сборник, в который она входила, как предполагают, до 90-х гг. XVII в. принадлежал составителю, а в 1710 г. был передан в Типографскую библиотеку, то есть не явился в XVII в. источником для новых списков. Но уже в Типографской библиотеке Повесть была использована для создания нового произведения на сходный сюжет — Повести о Димитрии Римском.

Текст публикуется по изд.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 285—286.

С. 240.
...мняста его яко храбителя... — т. е. приняли его за грабителя.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГЕЕ

Повесть о царе Агее, созданная в конце 1670-х гг., восходит к широко известному у разных народов сюжету о царе, лишенном престола за свою гордость. Это произведение представляет, по словам Е. К. Ромодановской, «типичный образец повести-притчи, характеризующейся четкостью сюжета в сочетании с его многозначностью» и в разных кругах воспринималось по-разному: «и как занимательный рассказ о необычайном происшествии, и как нравоучительное повествование, долженствующее внушить читателю определенный эталон поведения, и как политический памфлет, в аллегорической форме высказывающий критику в адрес правящего государя» (Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 639). Предполагается, что в Повести отражены взгляды кругов, недовольных церковной политикой царя Алексея Михайловича, возможно, она была написана кем-то из сторонников опального патриарха Никона.

Текст публикуется по изд.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 294—297.

С. 242.
...чтущу иерею святое Евангелие. — Далее искаженно цитируется Псалтирь, а не Евангелие.

О ДИМИТРИИ КНЯЗЕ РИМСКОМ

Повесть о Димитрии Римском, появившаяся в 10-х гг. XVIII столетия, противостояла повестям на сходный сюжет, соединяя в образе героя черты гордого царя и святого, которому помогают ангелы. С их помощью Димитрий работает за десятерых, подобно сказочному волшебному помощнику. Е. К. Ромодановская относит создание этой Повести-

притчи к Петровскому времени, отмечая, что Повесть выразила «концепцию официальной пропаганды» и представила образ царя-работника, умельца на все руки, связавшийся в общественном сознании с образом Петра I.

Текст Повести публикуется по изд.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 361—363.

С. 245.
...страстотерпца Димитрия...— Память мученика Димитрия Солунского (ок. 306) празднуется 26 октября (по ст. ст.).

ПРИТЧИ ИЗ ПОВЕСТИ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

Повесть о семи мудрецах — одна из наиболее популярных обработок древнего индийского сказания, известного во многих литературах. Она пришла в древнерусскую литературу в начале XVII в. Как в Повести о Варлааме и Иоасафе или в Повести о Стефаните и Ихнилате, основная фабула Повести о семи мудрецах служит лишь обрамлением для группы отдельных новелл-притч, с помощью которых состязаются борющиеся между собой стороны. По навету мачехи царь осуждает на казнь своего единственного сына, который в течение семи дней не может оправдаться сам, так как по звездам ему была предсказана смерть, если он произнесет хоть слово до истечения указанного срока. Воспитатели царского сына — семь мудрецов, чтобы оттянуть казнь, каждый день рассказывают царю поучительные истории, склоняя его к отмене казни. Но мачеха, настаивая на исполнении приговора, в свою очередь убеждает царя другими примерами. Рассказы мудрецов объединяются двумя темами — необдуманное решение и женское коварство; рассказы мачехи изображают сыновей и советников, злоупотребляющих доверием царя. К бытовым рассказам, восходящим к сюжетам городских новелл, добавлена упрощенная морализация, подражающая стилю церковной дидактики.

В древнерусской литературе Повесть пользовалась большой популярностью и сохранилась во множестве списков. Обилие сказочных элементов в Повести поддерживало ассоциацию с русской сказкой: говорящие птицы, вещие сны, игра на сходстве героев и т. д. Рассказы, восходящие к европейским новеллам, в которых сочетаются лаконизм, острота коллизии и умелое ее разрешение, познакомили русского читателя с новыми для него представлениями.

Текст публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988.

О некоем древе и огороднике

Это первая «притча цесаревы», то есть царицы, толкующей сюжет рассказа в своих интересах, весьма произвольно.

О псе и о птице соколе

Притча рассказана первым мудрецом Венцелиусом. В ее основе лежит популярный мотив об ошибочном наказании спасителя (см. притчу О некоем муже из Повести о Стефаните и Ихнилате). Необыкновенная способность одного из персонажей предсказывать будущее сближает притчу с народной сказкой.

О цесаре, пастухе и вепре

Вторая притча царицы, подобно первой, сопровождается толкованием, извращающим смысл притчи, в основу которой лег сказочный сюжет.

О старом муже и молодой жене

Притча второго мудреца Лентеуса основана на популярных и многочисленных рассказах о злых женах (см. притчи из Беседы отца с сыном о женской злобе, с. 268).

С. 251.

...кликнувшим троим куром... — т. е. когда в третий раз прокричали петухи, ранним утром.

О цесаре, любившем злато

Царица называет рассказанную новеллу притчей. Основной сюжет осложнен дополнительным мотивом неугасимого огня и самотекущей воды, не участвующего в развитии фабулы.

С. 254.

...ему же имя Октовиан... — Имена прославленных царей появились в Повести о семи мудрецах в более поздних пересказах; место действия также переносилось из одной страны в другую, число мудрецов в некоторых версиях увеличивалось до 40. При Октавиане (Августе) в I в. до н. э. в Риме окончательно утвердилась империя.

О короле и о морщалке

Притча рассказана царицей. В рыцарскую новеллу включен христианский мотив о чудодейственной силе святых мощей.

С. 258.

любимаго мудреца морщалку... — Маршалком в некоторых европейских

государствах именовался человек, получивший или высший придворный чин, или высшее воинское звание, или высший ранг в духовно-рыцарском ордене.

С. 258.

...мощи святых апостол Петра и Павла... — Апостолы Петр и Павел, проповедовавшие христианство во многих странах, были казнены в Риме при императоре Нероне (37—68), отличавшемся исключительной жестокостью. Папы римские считают себя наследниками первого римского епископа апостола Петра.

О трех рыцарех

Сюжет притчи мудреца Калеофаса имеет параллели в русской сказке о хитрой жене (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1986. С. 315—316).

О короле и рыцаре

Занимательная новелла, рассказанная царицей, приобрела большую популярность и уже в XVII в. вошла в рукописные сборники как самостоятельное произведение.

О рыцаре и о жене его

Притча о злой жене рассказана мудрецом Ицихимом. Это последняя новелла, завершающая состязания семи мудрецов и царицы.

ПРИТЧИ ИЗ БЕСЕДЫ ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

Одна из редакций популярной в древнерусской литературе Беседы отца с сыном (см. примеч. к с. 356) завершается занимательными новеллами, близкими тем, что входили в состав Повести о семи мудрецах.

Текст публикуется по изд.: Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 148—236.

О слабости и неразумии жен

Рассказ об отроке Папире известен по сборнику Римские деяния (см.: Римские деяния. Вып. 1—2. Спб., 1877), переведенному на Руси с польского оригинала в 80—90-е гг. XVII в. Это один из наиболее популярных в средневековой западноевропейской литературе сборников, содержащий «приклады» мнимоисторического характера. В его основу легли выборки из латинских авторов, сказочные и легендарные повести, которые были дополнены толкованиями в духе христианской морали. В них нередко фигурирует злая, лукавая и изворотливая «жена» как воплощение греха.

К таким «прикладам» относится и рассказ О слабости и неразумии

жен. Однако, по мнению Л. В. Титовой, он был переведен на русский язык раньше, чем весь сборник, и усвоен циклом Беседы отца с сыном, минуя Римские деяния. Об этом свидетельствует и отсутствие толкования.

О Даркире и его жене

Повествование представляет собой один из многочисленных апокрифических рассказов о мудрости библейского царя Соломона. Этот сюжет входил в состав Палеи, книги, в которой с дополнениями пересказывалось содержание Библии. Он завершается изречениями о женском коварстве и женской злобе, которые в большом количестве встречаются в Притчах Соломона.

О Юнотасе и Фриерке

В списке данное произведение имеет название «О похоти плотстей и о заслеплении прельстившихся, глаголет же ся о трех сынех царских». Это «приклад» из Римских деяний (гл. 10). Повествование здесь завершается пространным толкованием в духе христианской символики и морали, в котором раскрывается тайный смысл каждой детали рассказа. Сам сюжет включает сказочные мотивы: волшебные предметы, волшебные ягоды и т. п. По структуре и художественному языку это повествование также тяготеет к сказке.

О воине

Данный рассказ, заимствованный из Римских деяний, озаглавлен в рукописи «О неверности и крепости тела, глаголет же ся виною, яко не вверяти тайны женам». В его основе лежит фольклорный мотив, который получает истолкование в духе христианской символики. Связь толкования с повествованием имеет достаточно искусственный характер. Трудные задания, придуманные царем, сближают это произведение со сказкой.

ПРИТЧА-ПОСЛОВИЦА

Притчи Соломона

Соломон — царь объединенного Израильско-Иудейского царства (около 960—935 до н. э.). В библейской III книге Царств Соломон изображен великим мудрецом и поэтом. По преданию, он попросил у Бога не богатство и не славу, а только разум, чтобы управлять вверенным ему народом, за что Господь наградил его невиданной мудростью. В результате царствование Соломона явилось временем благоденствия, слава о

нем разнеслась по всем землям. Библейское повествование о Соломоне включает мотивы, послужившие основой для разнообразных апокрифических сказаний. Так, рассказ о его справедливом суде над двумя женщинами, оспаривавшими право на ребенка, в древнерусской литературе породил целый цикл о судах Соломона.

Соломон считается автором нескольких ветхозаветных книг, в том числе и книги Притч, состоящей из 31 главы. Собранные здесь изречения Соломона, поэтическо-дидактические по характеру, принадлежат к нравоучительной литературе, широко распространенной в древности на Ближнем Востоке. Не случайно в книгу Притч включены также изречения мудрецов Агура и царя Лемуила (не известных по другим источникам), притчи которых обнаруживают сходство с египетской книгой Поучений Аменепоме (X в. до н. э.) и арамейской книгой Премудрости Ахикара (VII в. до н. э.) (см.: Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С. 178—179). Притчи Соломона в поэтической форме излагают возвышенные религиозно-философские истины с вытекающими из них нравственными положениями. Автор осуждает насилие, корыстолюбие, ложь, убийство, тщеславие, высокомерие и другие пороки. Этическим идеалом составителя Притч является мудрость и правда.

Многие изречения этой книги вошли в народное миросозерцание. Ее влияние заметно в оригинальных древнерусских сочинениях, для которых Притчи Соломона являлись авторитетным источником, тем более что частично они читались во время богослужения.

В полном объеме Притчи Соломона были впервые изданы в Древней Руси в XVI в. в составе Острожской Библии (см. примеч. к Евангельским притчам).

Книга Притч Соломона состоит из 31 главы. Изречения в главах не объединяются тематическим или иным принципом, один мотив может варьироваться и повторяться несколько раз, прочно оседая в сознании читателя или слушателя. В настоящем издании публикуются три фрагмента из книги — главы 1 (начало), 10, 15,— дающие общее представление о памятнике и позволяющие прослеживать связь с аналогичными древнерусскими сочинениями.

Текст Притч Соломона публикуется по изд.: Библия. Острог, 1581.

С. 284.

Нищета мужа смиряет...— Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает (здесь и далее для пояснения используется текст синодального перевода Библии, выполненного в середине XIX в.).

Възненавидение въздвижет победу...— Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи.

Иже от оустен износит премудрость...— В устах разумного находится мудрость, но на теле глупого — розга.

Пути животныя хранят наказание... — Кто хранит наставление, тот на пути к жизни; а отвергающий обличение — блуждает.

С. 285.

Лучше оучреждение зелием... — Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть.

ПРЕМУДРОСТЬ ИИСУСОВА, СЫНА СИРАХОВА

Премудрость Иисусова, сына Сирахова является памятником учительной литературы, относящимся к числу неканонических книг Священного Писания. Она была составлена в начале II в. до н. э. и выдержана в стиле древневосточных поучений с увещеваниями быть почтительным к родителям, помогать беднякам, вести умеренную жизнь, следовать мудрости и пребывать в страхе Божием. Исследователи отмечают близость некоторых изречений взглядам, типичным для эпохи эллинизма. В конце I в. н. э. книга Иисуса, сына Сирахова была изъята из ветхозаветного канона и запрещена для чтения, однако продолжала читаться, переписываться и цитироваться в других сочинениях. Многие изречения этой книги легли в основу пословиц и поговорок.

Древнейший перевод памятника, сделанный на Руси, вошел в состав Изборника 1076 г. Этот компилятивный труд принадлежал дьякону Иоанну, который переписывал для великого князя Святослава Киевского с болгарского оригинала Изборник 1073 г. Писец собрал для себя выписки из различных нравоучительных текстов, подвергнув их стилистической и языковой правке, введя в текст отдельные слова и выражения, отражающие древнерусский быт (см.: Изборник 1076 года/Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965).

Исследователи не исключают возможности влияния Изборника 1076 г. (сохранившегося в единственном списке) на составителей и авторов других древнерусских памятников. Многие части Изборника, в том числе и Премудрость Иисусова, сына Сирахова, неоднократно использовалась в поучениях, посланиях и других сочинениях, например в Молении Даниила Заточника (см. с. 369).

Текст печатается по изданию: Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.)/Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов, пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1989. С. 32—42.

С. 288.

Не слови шьпътник... — Не прослыви сплетником и языком не лукавь: ибо презираемы бывают лицемеры.

С. 296.

Даште обрящет тя зъло... — Если постигнет тебя беда, он тут же окажется первым и, как бы поддерживая, подставит подножку, головою покивает и всплеснет руками, но много сплетен разнесет и предаст.

С. 296.
Трьми украсихъся... — здесь испорченный текст, в синодальном переводе: «Тремя я украсилась и стала прекрасною перед Господом и людьми: это — единомыслие между братьями и любовь между ближними, и жена и муж, согласно живущие между собой».

МУДРОСТЬ МЕНАНДРА МУДРОГО

Мудрость Менандра — сборник кратких изречений из сочинений древнегреческого драматурга Менандра (ок. 343 — ок. 291 до н. э.). Предполагают, что его появление на Руси относится к XIII или XIV в. В древнерусских сборниках этот памятник часто соседствует с Пчелой, книгой Премудрости Иисуса Сирахова, изречениями Соломона, Исихия, Варнавы. Тематика изречений, включенных в Мудрость Менандра, разнообразна: это прославление добродетелей и осуждение пороков, сентенции на темы семейной жизни, высказывания о злых и добрых женах и т. д.

Текст изречений печатается по изд.: Мудрое слово Древней Руси. (XI—XVII вв.) М., 1989. С. 186—193.

ПРИТЧИ, ИЛИ ПОСЛОВИЦЫ, ВСЕНАРОДНЕЙШИЕ ПО АЛФАВИТУ

Самый ранний сборник русских пословиц, составленный в алфавитном порядке первых слов, без соблюдения точной последовательности. Пословицам предпослано Предсловие до читателя, принадлежащее составителю, который отмечает, что часть этих пословиц записана была еще в древности, другие передавались изустно, но многие «мирские притчи», бытующие в устной речи, остаются еще не собранными, не записанными: «Толико же множество притчей сих мирских в мире еще мною не писанных оставишася, елико ум мой не токмо собрати, но и достигнути не может». Сборник включил около трех тысяч пословиц, назначение которых — наставить человека, «како благих нравов и другов знати и держатися, злых же удалятися». Наряду с народными пословицами сюда вошли и книжные изречения, о чем тоже сказано в Предсловии: «...писана многая согласна святому писанию, точию без украшения». В сборник включены пословицы, восходящие к изречениям Иисуса Сираха и Соломона, к псалмам Давида, к евангельским текстам и апостольским посланиям (см.: Адрианова-Перетц В. П. Библейские афоризмы и русские пословицы//ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 8—12).

Сборник пословиц дошел до нас в рукописи второй половины XVII в., хранящейся в ЦГАДА.

Текст печатается с сокращениями по изд.: Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Спб., 1899. С. 73—162.

Предсловие до читателя

С. 307.

Насаждена убо быша в Каине...— Речь идет о преступлениях, порожденных завистью, о которых рассказывается в ветхозаветных книгах: Каин убил своего брата Авеля; Исав возненавидел брата Иакова и хотел убить его, и поэтому Иакову пришлось уйти из родной семьи; Саул задумал убить Давида, так что тот вынужден был скрываться до самой смерти Саула.

Повести, или пословицы, всенароднейшыя по алфавиту

С. 307.

Аз да буки...— название первых букв (А, Б) славянской азбуки.

С. 308.

Ахтуба — левый рукав нижней Волги, проход по которому был небезопасен для русских торговых караванов.

Аминь — истина, правда — слово, которым в древнерусской литературе завершались молитвы, поучения и иные произведения.

Алфа — первая буква греческого алфавита.

Афон — Святая гора — восточный выступ полуострова Халкидона в Эгейском море; здесь расположены монастыри, принадлежащие различным национальностям, в том числе один русский — Пантелеймонов монастырь.

С. 309.

Был тот в ските, что Иона в ките.— Библейский пророк Иона был наказан за то, что не внял гласу Божьему. Корабль, на котором он плыл, был застигнут сильной бурей, и Иону принесли в жертву, выбросив за борт. Пророка проглотил огромный кит, в чреве которого Иона пребывал три дня и три ночи, молясь о помиловании, после чего был спасен. Скитом называлось уединенное помещение для монахов-отшельников в православных монастырях.

С. 310.

Вера без дел мертва есть.— Изречение из Соборного Послания Иакова (гл. 2, 20).

Во многом глаголании несть спасения.— Изречение из Евангелия от Матфея (гл. 6, 7).

Вавилонская пещь — см. примеч. к с. 110.

С. 311.

Верну другу несть измены.— Изречение Иисуса Сираха из Пчелы.

С. 312.

Георгей с мостом, а Никола с гвоздем.— Два больших церковных праздника в начале зимы: святого Георгия (26 ноября по ст. ст.) и Николая-чудотворца (6 декабря).

Глеб с Борисом...— см. примеч. к с. 115.

...до Петрова дни...— 29 июня (по ст. ст.).

Дураков не сеют, не жнут...— Пословица близка к изречению из Евангелия от Матфея (гл. 6, 26): «Воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы». В Слове Даниила Заточника «Безумных бо ни сеють, ни орують, ни в житници собирають, но сами ся родят».

Друг верен в напастех познавается.— Изречение Сираха в Изборнике 1076 г.: «Аште сътвориши друга, то в напастех ся и, и не скоро уверися ему».

Двор добро с ушами, а храмина с очами.— Эта пословица-загадка встречается в древнерусской Повести о Петре и Февронии Муромских. Героиня так объясняет ее смысл: «Если бы был в доме пес, он бы, почуяв подходящего к дому, залаял бы: это и есть дому уши. И если бы было в доме дитя, увидев приближающегося, сказало бы мне: это и есть дому очи».

С. 313.

Ему же дано много...— Изречение из Евангелия от Луки (12. 48).

Жатва многа, а делателей мало.— Изречение из Евангелия от Матфея (9. 37).

Жнет, идеже не сеял...— См. евангельскую притчу О талантах.

С. 314.

...по Семен день...— память преподобного Симеона Столпника — 1 сентября (по ст. ст.).

С. 316.

Иже да како...— название букв славянского алфавита — И, К.

Икос прикось, а кондак и так.— Икос и кондак — церковные песнопения.

Исус Сирахов — см. примеч. к Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

Иуда удавился, Фараон утопился.— В Евангелии рассказывается о том, что Иуда, предавший Христа, повесился. Войско Фараона, гнавшееся за еврейским народом, выводимым Моисеем из египетского плена, погибло на дне моря.

Иосифов сон...— В Библии рассказывается о пророческих снах Иосифа (Быт, 37).

С. 317.

Книга кроника...— Хроника — особый тип переводной книги, в которой излагались события всемирной истории от сотворения мира.

С. 318.

Мзда и премудру мужу...— Афоризм Иисуса Сираха в Изборнике 1076 г.: «Мьзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштеи не видять».

С. 319.

Много званных...— Изречение из Евангелия от Матфея (20.16; 22.14).

Вилня — старое название г. Вильнюса.

Не копай под другом яму...— Текст двух псалмов (7 и 56): «Ров издры и ископа и въпадеся в яму, юже створи».

Не сыпь бисеру перед свиньями...— Изречение из Евангелия от Матфея (гл. 76).

С. 321.

Пошел по канун...— Канунником в церкви именуется столик с распятием и подставкой для свечей, перед которым служатся панихиды по умершим.

Просите — дасться...— Евангельское изречение (Мф, 7.7).

С. 322.

Рысь сверху пестра...— Изречение Варнавы из Пчелы: «Рысь пестра извону, а человеци лукавии изнутри».

С. 323.

Слепец слепца ведутся...— Евангельское изречение (Мф, 15.14; Лк, 6.39).

Светильник телу есть око.— Евангельское изречение (Мф, 6.22).

С. 326.

Фавор гора...— На горе Фавор произошло преображение Христа: лицо его просияло, одежды стали белыми, как снег, и блистающими, как свет.

Фита — название буквы славянского алфавита.

...в Петров пост...— пост, предшествующий дню Петра и Павла, празднуемому 29 июня (по ст. ст.).

С. 329.

Ежь, корова...— т. е. ешь, корова...

Юс да ижица...— название букв славянского алфавита, из последних шести, следовавших за Я.

Яко червь сушит древо...— Изречение Соломона из Пчелы: «Яко моль и червь древу, тако и печаль мужеви пакостить серцю».

Кси, пси — названия последних букв славянского алфавита.

ПЧЕЛА

Пчела — переводной сборник изречений, наставлений, исторических анекдотов, поговорок, расположенных по главам. Главы содержат цитаты из книг Священного Писания, сочинений отцов церкви (Иоанна Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского и др.), изречения античных философов и писателей (Аристотеля, Пифагора, Демокрита, Диогена, Сократа, Плутарха и др.). В исторических анекдотах содержатся краткие эпизоды из жизни Александра Македонского, спартанских царей Агесилая и Леонида, восточных царей Дария, Артаксеркса, Креза и других исторических лиц. Некоторые редакции Пчелы включают главы, составленные на основе Паренесиса Ефрема Сирина и Лествицы Иоанна Лествичника, книги Притч Соломона и Мудрости Менандра. Таким образом, Пчела явилась и сводом нравственных правил и источником исторических знаний.

Пчела была переведена на Руси не позднее XII—XIII вв. и распространилась в нескольких редакциях, отличающихся количеством и поряд-

ком глав. Исследователи неоднократно указывали на связь Пчелы с Молением Даниила Заточника, к ней обращался публицист XV в. Вассиан Рыло. Пчела известна в значительном количестве списков вплоть до XVIII в.

Текст публикуется по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. Л., 1981. С. 486—519.

С. 331.

Нуский — вероятно, имеется в виду Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394), церковный писатель и богослов, представитель греческой патристики.

С. 333.

Эпиктит — Эпиктет (ок. 50 — ок. 138), греко-римский философ, представитель позднего стоицизма.

Менадр — Менандр (см. примеч. к с. 297).

С. 334.

Агисилаос — Агесилай (442—358 до н. э.), царь Спарты.

С. 335.

Димокрит — Демокрит (ок. 460— ок. 370 до н. э.), древнегреческий философ.

Апаминда Фивейскый — Эпаминонд (ок. 418—362 до н. э.), древнегреческий полководец, вождь фиванской рабовладельческой демократии.

Фивеем гордящим, зане обладаша Лакедемоньею, слышав же Коту... — Когда фивейцы гордились тем, что владели Лакедемонией, фракийский царь Кутус сказал...

...ат мя и бьеть кроме суща! — т. е.: пусть меня и побьет заочно.

Димостен — Демосфен (384—322 до н. э.), древнегреческий оратор и политический деятель.

С. 336.

Богослов — Иоанн Богослов, один из апостолов, автор Евангелия и Апокалипсиса, или Григорий Богослов (см. примеч. к с. 384).

Иродот — Геродот (ок. 490—425 до н. э.), древнегреческий историк.

Еврипидий — Еврипид (ок. 480—406 до н. э.), древнегреческий драматург.

С. 337.

Осоп — Эзоп (VI в. до н. э.), полулегендарный древнегреческий баснописец.

Златоуст — Иоанн Златоуст (ок. 344—407), византийский церковный деятель, проповедник, патриарх Константинопольский.

...тавлеи и шахы... — карты и шахматы.

С. 337.

Ерон — Гиерон (478—467 до н. э.), тиран Сиракуз в Сицилии, покровитель поэтов.

...о творци Омире... — о поэте Гомере (VIII—VII вв. до н. э.), легендарном древнегреческом поэте.

С. 339.

Епихар — Эпихарм (VI в. до н. э.), древнегреческий писатель.

Софоклис — Софокл (ок. 497—406 до н. э.), древнегреческий драматург.

С. 340.

Ираклий — Гераклит (ок. 540 — неизвестный г. до н. э.), древнегреческий философ-материалист.

Залевк — Селевк (ок. 358—280 до н. э.), древнегреческий полководец.

Зинон — Зенон (490 — ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ.

С. 341.

Феофрас — Теофраст (372—287 до н. э.), древнегреческий философ, естествоиспытатель, крупнейший ботаник древности.

Димокрит — Демокрит (см. примеч. к с. 335).

ИЗ ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь Киевский, получивший свое прозвание по линии матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был крупнейшим политическим и военным деятелем своего времени и вместе с тем выдающимся писателем и покровителем летописного, литературного и законодательного творчества. Главное литературное произведение Владимира Мономаха — его знаменитое Поучение детям и «инь кто прочтет», сохранившееся в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи под 1096 г. (см. примеч. к с. 106).

Жанр «поучений детям» был достаточно распространенным в средневековой литературе. Так, например, в состав Изборника 1076 г., хорошо известного Владимиру Мономаху, входило наставление Исихия. На Поучении Владимира Мономаха сказалось влияние Псалтири, Шестоднева Экзарха Болгарского.

Текст отрывка из Поучения Владимира Мономаха печатается по книге: Повесть временных лет/Подгот. текста, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. I. М.; Л., 1950.

С. 343.

...кресть целовати... — В Древней Руси давали клятву, присягали, целуя крест.

...в земли не хороните... — Имеется в виду евангельская притча О талантах (см. с. 31).

ПОУЧЕНИЕ ВАРЛААМА К ИОАСАФУ

Повесть о Варлааме и Иоасафе (см. примеч. к с. 41) включала в себя не только иносказательные рассказы — притчи, но и наставление в духе поучения отца к сыну. Это наставление представляло собой подборку изречений, прямо заимствованных из Священного Писания или перекликающихся с ним. Высокий авторитет Повести позволил включить Поучение Варлаама в состав Пролога (см. примеч. к с. 53) как чтение на 17 ноября.

Текст Поучения печатается по публикации: Лебедева И. Н. Афанасьевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе// ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 54—55.

ПОУЧЕНИЕ АКИРА ПРЕМУДРОГО СЫНУ

Наставление Акира Премудрого приемному сыну Анадану из Повести об Акире Премудром (см. примеч. к с. 123) является классическим образцом поучения «от отца к сыну». Некоторые исследователи полагают, что оно было вставлено в Повесть из другого источника при переводе. Поучение значительно по объему, содержит многочисленные афоризмы христианской учительной литературы. Как в целом Повесть, так и поучение оказали влияние на Жизнеописание Езопа.

Текст поучения печатается по кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 246—281.

С. 348.

...в день судный.— В день Страшного суда, который совпадет со вторым пришествием Христа на землю.

...в смесе будет...— т. е. осмеян будет.

С. 349.

...соль и олово льжее ся мнить понести...— т. е. соль и олово, легче, думается, нести, чем возвратить скот, который взял.

С. 350.

...красота личная...— красота лица.

...конопян порт, иже имеешь, негли брачинен...— т. е. лучше посконные одежды, которые имеешь, чем шелковые, которых нет.

...огнем болети, али трясавичею...— т. е. горячкой болеть или лихорадкой.

...света с нею не твори...— т. е. совета с нею не твори.

С. 352.

...без лепа казнять...— т. е. безвинно наказывают.

...единою цаты меры...— Мера, или сат, являлась единицей объема и равнялась примерно 13 литрам.

НАСТАВЛЕНИЕ ЕЗОПА СЫНУ

Житие Езопа-баснослова (см. примеч. к с. 205), наряду с прочими, содержит эпизод, в котором Езоп из-за коварства приемного сына едва не лишился жизни (мотив, возникший под влиянием Повести об Акире Премудром). В ответ на злодеяние мудрец, как любящий отец, наставляет сына. Его поучение, небольшое по объему, содержит советы на самые разные случаи жизни.

Текст поучения публикуется по рукописи, хранящейся в ЦГАДА (собр. МГА МИД, № 250).

О НАКАЗАНИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЯМ

Слово от притчей о наказании от родителей к детям читается в составе Измарагда (см. примеч. к с. 90) — памятника, который с XIV в. заменил изборники. Слова, поучения на разные случаи, собрания афористических изречений, притчи — таково содержание Измарагда, который, в свою очередь, повлиял на последующие аналогичные сборники, к числу которых относится и Домострой.

Текст слова публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ЦМиАР (КП 3945/71, л. 71 об.— 72).

С. 354.
...в четырех Царствиих...— Речь идет о ветхозаветных четырех книгах Царств. В Первой книге (гл. 1—4) рассказана история о священнике Илии и его сыновьях Офни и Финеесе.
Златословесный...— Иоанн Златоуст.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

Беседа отца с сыном о женской злобе — одна из наиболее популярных повестей XVII—XVIII вв., созданная в середине XVII в. и сохранившаяся более чем в 100 списках. Она восходит к литературной традиции Слов о добрых и злых женах, известных в древнерусской письменности начиная с XI в. и входивших в состав Златоструя, Измарагда, Пролога, а также во множество разнообразных сборников смешанного содержания. Подобно Молению Даниила Заточника или Повести об Акире Премудром, Беседа составлена из отдельных фрагментов, метких афоризмов, ярких бытовых зарисовок, библейских легенд. Такая структура памятника позволяла переписчикам включать в состав новые фрагменты, что привело к большому разнообразию текстов Беседы, стиль которой представляет сложное переплетение форм книжной и разговорной речи. В некоторых списках к Беседе присоединялись самостоятельные единицы сходной тематики (см. с. 268).

Текст Беседы печатается по кн.: Титова Л. В. «Беседа отца с

сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987. С. 196—218.

С. 357.

...у Бытии глаголется...— Речь идет о библейской Книге Бытия.

С. 360.

...яко прельстившаяся блудница Иродиада...— Имеется в виду дочь Иродиады, угодившая своим танцем Ироду и потребовавшая в награду голову Иоанна Крестителя (Мф, 14.6—10).

С. 361.

...про ехидну.— Автор использовал сведения, почерпнутые в Физиологе (см. с. 134).

С. 363.

...нача Адам плакатися...— Плач Адама составлен автором по аналогии с многочисленными духовными стихами с этим названием.

Ной праведный от жены напоен бысть квасом...— Рассказ о Ное обнаруживает сюжетное сходство с аналогичным рассказом в Исторической палее, которая пересказывала библейские события, достаточно свободно пользуясь апокрифическими сочинениями. Как этот, так и другие тексты Беседы достаточно далеки от соответствующих рассказов Библии.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Моление Даниила Заточника принадлежит к числу наиболее замечательных литературных произведений домонгольской Руси. Его создание относят к XII в. Учеными высказываются различные предположения и о личности самого Даниила, и об адресате его Моления. Некоторые считают, что Даниил обращается к одному из сыновей Владимира Мономаха — Юрию Долгорукому или Андрею Владимировичу Доброму, другие — к сыну Всеволода Большое Гнездо — Ярославу Всеволодовичу и т. д. В тексте повторяется обращение: «Княже мой, господине».

Моление наполнено афористическими изречениями, пословицами и небольшими рассуждениями. Образованность автора проявилась в подборе книжного материала, который занимает в сочинении большое место. Он обращается и к Священному Писанию, и к летописям, цитируя их по памяти. Но наряду с книжными образами и темами в Молении присутствуют и элементы народного творчества.

Текст публикуется по кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 388—399.

С. 369.

...в псалтыри и в гуслех...— струнные музыкальные инструменты. На псалтыри аккомпанировал себе царь Давид (кон. XI в.— ок. 950 г. до н. э.), автор поэтических произведений, составивших книгу Псалтырь.

...трость книжника...— отточенный кусок тростника, один из инструмен-

тов для письма в Византии и, возможно, в Древней Руси в XI—XII вв.

...древняя младенца о камень.— Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастья.

...смоковница проклятая...— Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не давшую плодов.

...аки ханаонскыи царь...— видимо, имеется в виду падение ханаанского города Иерихона, стены которого рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

...аки Чермное море Фараона.— Моисей провел израильский народ, бежавший из Египта, по дну Красного моря, воды которого расступились. Войско Фараона, преследовавшее израильтян, вступило на морское дно, но море сомкнулось и поглотило их.

...аки Агарь рабыни от Сарры...— Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

С. 370.

Лаче озеро — озеро Лаче на севере Новгородской области.

Не лгал бо ми Ростислав князь...— Приводимые слова были сказаны переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (Лаврентьевская летопись, 1139 г.). Возможно, Даниил имеет в виду здесь, что Ростислав (сын Юрия Долгорукого?) передал слова, сказанные Андреем Добрым.

...сыне великаго царя Владимера...— Под Владимиром здесь мог разуметься Владимир Мономах.

С. 371.

...похвалися Езекии царь...— Езекия — еврейский царь, вместо прославления Бога за свое чудесное выздоровление показывал свои богатства послам вавилонского царя. Тогда пришел к нему пророк Исайя и предрек, что все это будет взято вавилонянами.

...рече Святослав князь, сын Олъжин...— Имеется в виду Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова в летописи отсутствуют.

...яко гра Сион...— Цитата из 124-го псалма («Надеющийся на Господа, как гора Сион»). Сион — гора близ Иерусалима.

Дивна за буяном кони паствити...— Хорошо за бугром коней пасти.

С. 372.

...рядовичи...— закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином.

...в кални судни...— в грязном сосуде.

...неба полъстяна, ни звизд лутовяных...— неба холстяного, ни звезд из лучинок.

...надымание мешное...— поддувание мехами.

С. 373.

...ни потка в потках нетопырь... — ни птица в птицах нетопырь. *Нетопырь* — летучая мышь.

С. 374.

...Данила пророка в ров ввергоша... — Здесь неточность: пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.

СЛОВО НЕКОЕГО КАЛУГЕРА О ЧЬТЕНИИ КНИГ

Слово некоего калугера о чтении книг входит в Изборник 1076 г. (см. примеч. к с. 287), в котором, наряду с переводными памятниками, встречаются и сочинения славянского происхождения. К таким произведениям относится и данное Слово, прославившее книгу и ставшее хрестоматийным.

Текст печатается по изд.: Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.). М., 1989. С. 25.

ПРИТЧА К ХОТЯЩИМ УЧИТИСЯ

Притча к хотящим учитися — пример небольшой подборки изречений, объединенных одной темой. Такие статьи нередко встречаются в различных рукописных сборниках, иногда дополняясь авторскими изречениями.

Текст публикуется по рукописи 1603 г., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 681, л. 312—312 об.).

ГЕННАДИЯ, ПАТРИАРХА ЦАРЯ ГРАДА, СТИХ

Стих Геннадия — константинопольского архиепископа, жившего в V в., в рукописи примыкает к предыдущей притче.

Геннадию принадлежал Стословец, сборник ста сентенций, трактующих основные положения христианского вероучения и христианской морали, древнейший список которого находился в Изборнике 1076 г. Памятник пользовался большой популярностью и входил в состав таких сборников, как Златая чепь, Измарагд, соседствовал с Пчелой, Мудростью Менандра и другими сочинениями аскетического и философского характера.

Текст публикуется по рукописи 1603 г., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 681, л. 312 об.).

ПРИТЧА-ЗАГАДКА

О ЦАРЕ-ГОДЕ

Притча О царе-годе — весьма популярное произведение древнерусской литературы, встречающееся в составе своеобразных христианских

календарей — Месяцеслова (где в календарном порядке перечислялись церковные праздники) и Пасхалии (где содержались таблицы с расчетами дней празднования Пасхи в разные годы). Отсюда Прйтча перешла в другие сборники — Синодики, Азбуковники, Иконописные подлинники (см.: Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. Спб., 1895). При этом ее объем мог изменяться, до предела сокращаясь или же разрастаясь за счет вставных элементов. Притча представляет собой занимательные манипуляции с цифрами, с одной стороны, и метафорические образы времен года — с другой.

Публикуемый текст относится к пространной редакции, включающей не только научные сведения о единицах отсчета времени, но и поэтическо-аллегорические образы четырех времен года. В рукописи эта Притча предваряет Измарагд и Хронограф.

Текст публикуется по рукописи 1642 г., хранящейся в ЦМиАР (КП. 3945/71, л. 31—37).

С. 381.

...52-м епархом... — т. е. 52-м неделям (седмицам).

С. 382.

Един же некто от менших... — Речь идет об одном дне, которым високосный год отличается от обычных.

...12 златниц и 12 медниц... — Далее следуют подсчеты, сколько дневных и ночных часов содержится в неделе, месяце, трех месяцах или в каждом времени года и, наконец, в целом солнечном годе.

...36 мужей... — т. е. 10 дней.

Царица же царя того... — Далее речь идет о лунном календаре, в котором год насчитывал 354 дня (6 месяцев по 30 дней и 6 месяцев по 29 дней).

С. 383.

...каленъды, ноны, идусы — название дней в римском календаре: (calendae) — первый день месяца; ноны (nonae) — седьмой день в четырех длинных месяцах или пятый в остальных восьми; иды (idus) — 15-е число (полнолуние) в долгих и 13-е в коротких месяцах (см.: Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1985).

...крузе зодейном... — т. е. круге зодиака.

С. 384.

...Григорей Богослов... — Григорий Богослов, Назианзин (ок. 330 — ок. 390) — один из отцов церкви, видный представитель патристики, автор теологических сочинений, проповедей, гимнов, вошедших в обиход православного пения.

С. 389.

...о индикте — единица летосчисления, равная 15 годам.

ОБ ИМЕНИ ХРИСТОФОР

Притча мудрая (по другому списку — Притча мудрым) представляет собой образец занимательной игры-задачи с числовым значением букв, входящих в слово (Христофоръ). Эта Притча — результат одной из особенностей древнерусской числовой системы, где для обозначения чисел употреблялись буквы. К числовым значениям букв прибегали в тех случаях, когда хотели зашифровать запись. Так возникла тайнопись.

Притча известна нам в двух списках. Текст печатается по опубликованному списку из собрания Погодина (ГПБ, № 1556, л. 129—133). Перетц В. М. Студії над загадками//Етнографічний вісник. 1932. Кн. 10. С. 137—138. Уточнения вносятся по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Тихонравова, ф. 299, № 227, л. 582 об.— 583)

С. 392.

...от камени хисолифа.— В Тихонравовском списке: самъпфира.

...заулков же имеет [4706]...— В Погодинском списке в первом случае ошибочно обозначено 2706, хотя в толковании правильно указано число 4706.

У 1-го болярина 700 дворян...— В Тихонравовском списке — 600.

...в его имени 38 слов...— Имеется в виду общее количество знаков в наименовании каждой буквы в слове Христофоръ: х — хѣръ (4), р — рцы (3), и — иже (3), с — слово (5), т — твердо (6), о — онъ (3), ф — фертъ (5), о — онъ (3), р — рцы (3), ъ — еръ (3). Далее в перечислении башен под «верхами» разумеется именно количество знаков в наименовании каждой из десяти букв.

С. 393.

...имеет пробойных улиц [1948]...— Данное число получается от сложения цифрового значения каждой из названных букв: х — 600, р — 100, и — 8, с — 200, т — 300, о — 70, ф — 500, о — 70, р — 100, ъ — не имеет цифрового значения.

...заулков же 4706...— Число 4706 получается следующим образом: складываются все цифровые значения букв, входящих в наименование букв, составляющих слово: х — хѣръ — 600+100; р — рцы — 100+900 и т. д. Следует учитывать, что некоторые буквы не имели цифрового значения: ѣ, ъ, ы, ж, я.

70 индиктионов...— индиктион — 15 лет.

...олимпиады...— единица летосчисления в 4 года.

...пятеринная четыредесятницы...— т. е. 5×40.

О ПСАЛТИРИ

Притча премудрая — развернутая метафора Псалтири — нередко встречается в рукописных сборниках.

Текст публикуется по рукописи XVIII в., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Большакова, ф. 37, № 314, л. 47—50 об.).

С. 394.

...две петерицы...— т. е. десять (два раза по пять).

С. 395.

...20 кафисм.— Псалтирь разделена на 20 разделов, кафизм.

О КНИГАХ

Притча публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Большакова, ф. 37, № 321, л. 43).

С. 396.

Книги суть отметныя...— т. е. апокрифические сочинения, входящие в список запрещенных книг, не признанных церковью в качестве канонических.

О ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Притча публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 603, л. 333 об.— 334).

ИЗ БЕСЕДЫ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Апокрифическое сочинение Беседа трех святителей известно в переводе на славянский язык уже в XI в. Вопросно-ответная форма способствовала подвижности текста, вызывавшего неизменный интерес древнерусского книжника. Списки появлялись вплоть до XIX в.

Три святителя — это три византийских писателя IV в., чьи сочинения нравственно-дидактического характера пользовались в Древней Руси большим авторитетом — Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов. В древнерусских рукописных сборниках им приписывались многие сочинения, возникшие уже на славянской почве. Вероятно, и данное сочинение не принадлежит им.

В основе Беседы лежит библейская книга Бытие и ее пересказ, известный в древности по Толковой Палее. Вопросы Беседы касаются устройства мира, понятия добра и зла, наказания за грехи, ветхозаветной истории и евангельских событий и т. п. Многие из вопросов-ответов имеют фольклорный характер, близки загадкам-притчам, выражающим нередко очень древние представления о мире. Именно такие вопросы-ответы и представлены в настоящем издании.

Избранные вопросы-ответы печатаются по кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 136—147.

С. 398.

...Моисей удари жезлом...— См. примеч. к с. 316.

...Иона во чреве песнь Богу пояше...— см. примеч. к с. 309.

С. 399.

...Июда, прием цену, и удавися...— см. примеч. к с. 82.

ИЗ ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ

Варианты притчи-загадки О годе встречаются в различных произведениях.

Текст печатается по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 272—274.

ИЗ ЖИТИЯ ЕЗОПА

Текст притчи публикуется по рукописи XVIII в., хранящейся в ГПБ (Q. XVIII. 3, 31 об.).

ИЗ ПОВЕСТИ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В древнерусской литературе был известен обширный комплекс апокрифических сочинений о библейском царе Соломоне. Многие из них восходили к античным и средневековым восточным источникам и читались в составе Палеи. Сочинения о Соломоне были близки народной сказке, их герой отличался мудростью.

Текст притчи О царе Давиде печатается по кн.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988.

ИЗ ПОВЕСТИ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Текст загадок печатается по книге: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 468—483.

О письме книжном

С. 405.

...главы у них червленыя... — В древнерусской письменности начало абзацев украшалось красными буквицами-инициалами (отсюда: красная строка).

ИЗ ПОВЕСТИ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

Повесть об Аполлонии Тирском известна в большом количестве списков XVII—XVIII вв. Ее сюжет восходит к древнегреческому роману, с присущим для него соединением любовной интриги и авантюрной фабулы. Важную роль в развитии действия Повести играют загадки.

Текст загадок печатается по изд.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988.

ИЗ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

По древнерусским рукописным сборникам разбросаны многочисленные загадки-притчи, которые часто записывались на последних чис-

тых листах, являясь как бы «пробой пера». Основной корпус этих притч был собран В. М. Перетцем, по работе которого и публикуются тексты в настоящем издании: Перетц В. М. Студіі над загадками//Етнографічний вісник. 1932. Кн. 10.

Особо отмечаются те случаи, когда текст притчи публикуется по рукописи.

О вере

Текст притчи публикуется по рукописи, хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Большакова, ф. 37, № 321, л. 23 об.).

О душе и теле

Текст притчи публикуется по рукописи XVII в., хранящейся в ОР ГБЛ (собр. Беляева, ф. 29, № 2).

О горшке

С. 412.

Взят от земли...— Сведения о сотворении Адама от земли содержатся в апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама».

Ввержен в пещеру огненную...— См. примеч. к с. 110.

Возложен на колесницу...— В апокрифических сказаниях сохранилось предание о том, что за свою праведную жизнь пророки Илия и Енох были взяты живыми на небеса; причем Илья вознесся на огненной колеснице.

Брошен в Чермное море...— См. примеч. к с. 316.

С. 413.

Везен бысть на торжище...— Иосиф был продан братьями в рабство купцам, направлявшимся с товарами в Египет.

Мария Магдалина — одна из благочестивых жен, сопровождавших Христа; ей первой явился воскресший Спаситель и повелел рассказать ученикам о его воскресении.

...видение пророка Езекииля...— Библейскому пророку Иезекиилю было видение поля, усеянного человеческими костями, которые должны были ожить по слову Божию.

О временах года

Текст публикуется по рукописи XVIII в., хранящейся в ОР ГБЛ (пост. № 39.1—1984 г., л. 74 об.).

Словарь древнерусских слов

Абие — тотчас.
Агаряне — турки, мусульмане.
Аггел — ангел.
Аер — воздух.
Аеропарний — летающий по воздуху.
Аз, яз — я.
Аки — как.
Алектор — петух.
Аллилуя — хвалебный возглас: Хвалите Господа.
Алтын — денежная единица и монета, достоинством в 6 денег, позднее в 3 копейки.
Аминь — истинно.
Амо, аможе — куда, где.
Аньел — ангел.
Аравитский — аравийский.
Архангел — один из ангельских чинов.
Аршин — мера длины, равная 16 вершкам (71,12 см).
Аспид — ядовитая змея.
Аще, аште — если.
Аще быхом — если бы.

Багряница — торжественная багряная одежда царей и вельмож.
Бдети — не спать, бодрствовать.
Безсловесный — животное.
Белоризец — мирянин.
Бесущийся — бешеный.
Бештьстие — бесчестие.
Бисер — жемчуг.
Благая — сокровища; имущество, достояние.
Блажити — восхвалять, прославлять.
Блазн, блазнь — соблазн.
Блазнитися — соблазняться.
Блато — болото.
Блатный — болотный.
Близоки — близкие, родные.
Блядити — обманывать, пустословить.
Блядословие — обман; пустословие; богохульство.
Богопарный — воспаряющий к Богу.
Болма — гораздо.

Боляи — больной.
Борзо — быстро.
Бортник — пасечник.
Борчати — жужжать.
Брашно — еда, пища.
Брение — глина, изделия из глины.
Буесть — дерзость.
Буй — глупый; дерзкий; сильный, смелый.
Бумага — хлопчатобумажная ткань.
Былие — трава, злак; лекарственная трава.
Бяху — были.

Вадение — злоречие, клеветание.
Вап — краска.
Вар — зной.
Василиск — вид ящерицы, змеи.
Васнь — спор, раздор.
Вборзе, въборзе — второпях, поспешно.
Вдод — удод.
Веде — ведь.
Вежды — веки.
Вежество — знание; вежливость.
Вейка — плетка.
Велблуд — верблюд.
Велегласно — громко.
Велеречие, вельричье — многословие, красноречие.
Вено — приданое, дар.
Велий — большой.
Вепрь — кабан.
Вертеп — пещера; ущелье.
Весно — известно.
Весь — село, селение.
Ветрило — парус.
Вечеря, вечера — ужин.
Вещь — ошибка.
Видь — зрелище, образ.
Винарь — виноградарь.
Виссон — тонкая белая хлопковая ткань.
Влагалище — котомка, сумка.
Власяница — грубая шерстяная или волосяная одежда, которую носили на голом теле в целях самоистязания.
Вметати — ввергать.
Возарь — возница.
Вознепщеватися — надеяться.
Возраст — рост; возраст, размер.

В о и — воины.
В о л и т и — хотеть; предпочитать.
В о л н а — шерсть.
В о н ь, в о н я — запах, аромат.
В о т щ е — напрасно, попусту, бесполезно.
В р а ч е с т в о, в р а ч е в с т в о — лечение, врачевание, лекарство.
В р е д — язва; рана; испорченная кровь.
В р е м е н ь щ и к — фаворит.
В р е т и щ е — одежда из грубой толстой ткани.
В с п е в а к — певец.
В с у е — напрасно, попусту.
В ъ з д р е в н о в а т и — возревновать.
В ъ р г о н а — горгона; крылатая женщина-чудовище со змеями вместо волос.
В ъ с к л о п о т а т и — хлопать.
В ъ с к у ю — почему, зачем.
В ъ с х о п и т и с я — привстать.
В ы н у, в ъ и н у — всегда, непрестанно.
В ы п л ь — сова.
В ы ш е л е т н и й — прошлогодний.
В ы я — шея.
В ь я л и ц а — вьюга.
В я щ е, в я щ ш е — больше; впредь, далее.

Г а в р а н — ворон.
Г а д а н и е — иносказание, сокровенный смысл, загадка.
Г и н у т и — гибнуть, пропадать.
Г л а в и з н а — глава.
Г л а г о л а т и — говорить.
Г л у м л е н и е — смех, насмешка.
Г н о й — навоз; грязь, нечистоты.
Г о б и н а — урожай; богатство, изобилие.
Г о в е й н ы й — почтительный, благочестивый.
Г о в е н и е — почтение, уважение, благочестие.
Г о д — время, пора, час.
Г о д е — угодно.
Г о д и н а — час.
Г о н з у т и — спастись, избавиться; избежать.
Г о р а — верх.
Г о р е́ — вверх, вверху, наверху.
Г о р н е ц, г ъ р н ь ц — горшок.
Г о с т и н н и к — хозяин гостиницы.
Г р и в н а — металлическое украшение (или знак отличия), которое носилось на шее.
Г р я с т и, г р е с т и — идти.

Гудец — музыкант.

Гуж — кожаная петля в хомуте, которой прикрепляют оглобли к упряжи.

Гулящий — бродяга, не имеющий собственного двора.

Гумно — площадка для молотьбы; помещение для сжатого хлеба.

Дабы — чтобы.

Дебрь — ущелье, ров; лес, чаща.

Делва, делвь, дьлвь — бочка, кадка.

Деньга — русская серебряная монета.

Дивий, дивный — дикий.

Длань — ладонь, рука.

Для, деля — ради.

Дметися — пыжиться.

Днесь — ныне, сейчас, сегодня.

Довлети — быть достаточным.

Дол — низ; долина, яма.

Доле, долу — внизу, вниз.

Домовит — хозяин дома.

Дондеже, донъдеже, доньдеже — до тех пор, пока; как только.

Донележе — до тех пор, пока.

Досадитель — тот, кто досаждает, оскорбляет другого.

Доспети — сделать; достигнуть.

Достояние — наследство.

Дотоле — до тех пор.

Драхма — древнегреческая монета, основная денежная единица.

Дресва — крупный песок, образующийся при разрушении некоторых горных пород.

Дровни — сани.

Дрочити — ласкать.

Другиня, другыня — подруга.

Другойци — в другой раз.

Дрязга — лес; туман, мгла.

Дудок — хохлатый жаворонок, хохлач.

Думцы — советчики.

Дуси — духи.

Дщица — доска.

Е, еже — оно.

Евшан, емшан — полынь.

Еда, егда — когда.

Едем — земной рай.

Единочадый — единственный у родителей.

Езеро — озеро.

Е л е й — оливковое масло; благовонное масло, употребляемое в церковных обрядах.

Е л е н ь — олень.

Е л е ф а н, е л е ф а н д — слон.

Е л и к а, е л и к о — что; сколько.

Е л и к а я — что; которая.

Е л л и н с к и й — греческий.

Е л ь м а... т о л ь м а — столько... сколько.

Е п и т и м и я, о п и т и м и я — наказание.

Е т е р — некий, некоторый; кто-то; иной, другой.

Е у а г г е л и е — евангелие.

Е у а г г е л ь с к и й — евангельский.

Е ф и о п л я н и н — негр.

Е х и д н а — ядовитая змея; фантастическое существо, полуженщина-полузмея.

Ж а д а н и е — жажда, желание, стремление.

Ж а д а т и — возжелать.

Ж е л н а, ж о л н а — дятел.

Ж е н у т и — гнаться, догонять.

Ж е р а в — журавль.

Ж е с т о к о в ы й — строптивый, непокорный.

Ж и в о т — жизнь; имущество.

Ж и т и е — место постоянного поселения; жилая постройка; жизнеописание.

Ж и т о — хлеб.

З а б д е т и — начать бодрствовать.

З а д н и ц а — наследство.

З а н е — так как; потому что.

З а з и р а т и, з а з р е т и — осудить, укорить; увидеть, посмотреть.

З а з о р — подозрение; позор; порицание, поношение; зависть.

З а к о н — вера; совокупность правил поведения, предписываемых религией.

З а с т о я т и — докучать, утруждать.

З а у ш и т и — ударить по уху; дать пощечину.

З г о л о в ь е — изголовье, подушка.

З е л и е — злак, трава; лекарство; отрава.

З е л о — очень.

З е р ц а л о — зеркало.

З л о м ы с л ь — недруг.

З н а е м ы й — известный; знающий, разумный, знакомый.

З о б а т и — есть, кормиться.

З о л о т н и к — мера веса, 1/96 фунта.

З р а к — вид, образ; зрение.

И, и ж е — он.
И д е ж е, о у д у ж е — где.
И е р е й — священник.
И ж е — кто, что; который; когда; где; так как; даже.
И ж е н у т и — выгнать.
И з в е т — доказательство; совет.
И з в е т о в а н и е — объяснение.
И з в е щ е н и е — доказательство, свидетельство.
И з в и т и е — изящная, утонченная речь.
И з в н у — изнутри кнаружи; наружу.
И з в о л е н и е — желание, хотение.
И н о к — монах.
И п а т — сановник, консул.
И с к р ь — вблизи, рядом, подле.
И с к у с т в о, и с к у с с т в о — разумение, знание; опыт.
И с п а с т и, и с п а д а т и — быть изгнанным откуда-либо, лишенным чего-либо.
И с п о в е д а т и — рассказать о чем-либо; узнать; свидетельствовать.
И с п о л а и т и, и с п о л а т ь — слава, хвала.
И с т о в ы й — истинный, настоящий; правдивый.
И с т я з а т и — спрашивать; испытывать; требовать.
И с т я з а т и с я о с л о в е с и — сводить счеты, рассчитываться.

К а д ь, к а д ь я — мера сыпучих тел; кадка.
К а л — навоз.
К а л у г е р — монах.
К а м о — куда.
К а м о р а, к о м о р а — жилище.
К а м ы к — драгоценный камень.
К и й — который, какой.
К л а д е н е ц — колодец.
К л е в р е т — тот, кто входит в число лиц, составляющих ближайшее окружение.
К л и р о с, к л и р о с н и к — священнослужитель.
К л и р о с, к р и л о с — низшие служители церкви; места для певчих в церкви.
К л о б у к, к л о б о к — монашеский головной убор.
К л я п ц а, к л я п е ц — западня, ловушка, силок, капкан.
К л я т в а — проклятие.
К н е я — кувшин, ведро.
К о в ч е г — небольшой сундук, ларец; сокровищница, хранилище.
К о ж а н — летучая мышь.
К о л и — если.
К о л ь м а, к о л м а — во сколько раз, насколько.
К о л ь м а п а ч е — насколько более, тем более.

К о м к а н и е, к а м к а н и е — причастие.
К о м к и й — короткий.
К о н и к — кузнечик.
К о р к о д и л — крокодил.
К о с н е н и е — промедление, задержка.
К о с н и т и — медлить, задерживаться.
К о ш, к о ш ь — корзина, ящик.
К о щ у н а — запретный грех; шутовство, насмешка.
К р а б и ц а — ларец для хранения ценностей.
К р а г у а р ь — сокольничий.
К р а г у й — сокол.
К р а д ь б а — кража, воровство.
К р а л ь — король.
К р а с т а — короста, язва, струпья на коже; духовная язва, ересь.
К р а с т а в ы й — покрытый коростой.
К р е п о с т ь — сила.
К р е с т ь я н и н — христианин.
К р е с т ь я н с к и й — христианский.
К р и в о й — лживый, неправедный, несправедливый.
К р о м а — большой ломоть хлеба, отрезанный от целого каравая.
К р о п т а т и с я — ворчать.
К у п и н а — торг, рынок.
К у п н о — вместе.
К у р о г л а ш е н и е — пение петухов; время пения петухов.
К у т — угол.
К у т н и к — лавка в крестьянской избе у дверей напротив печи.
К у щ а — шалаш, хижина; шатер; вместилище.

Л а г о д и т и — предаваться чему-либо; щадить; угождать.
Л а д а н — ароматическая смола.
Л а й, л а я — ругань, брань.
Л а л о к а, л а л о к — небо, глотка, нижняя челюсть, десны.
Л а н и т а — щека.
Л а с к а р д ь е — обжорство.
Л а с т о в и ц а — ласточка.
Л е к с и к о н — словарь.
Л е н о щ а м и — по лености, по небрежению.
Л е п — клей.
Л е п и т е л ь — птицелов, ловящий птиц с помощью клея.
Л е п о — хорошо, красиво, подобает, следует.
Л е п о к — название цветка.
Л е п о т а — красота.
Л е п ш е — лучше.
Л е с т ь — ложь.
Л е т ь — возможно; не; нельзя.

Л ж и ц а — ложка.

Л и т е р а — буква.

Л и т у р г и я — обедня, основная часть дневного круга богослужения, во время которой совершается таинство причастия.

Л и х в а — прибыль; рост, проценты.

Л и х в о п р и я т и е — дача в рост.

Л о б — череп.

Л о в и т в а — охота.

Л о ж и щ е — постель; кладовая; место для хранения драгоценностей.

Л о ж н и ц а — постель; спальня.

Л о н о — грудь, пазуха.

Л у к о м о р и е — морской залив; берег вдоль морского залива.

Л у ч и т и с я — случиться, приходиться.

Л ю б о д е е ц — развратник, распутник.

Л ю б о п р е н и е — склонность к спорам, спор.

Л ю д и н — человек, простолюдин.

Л ю т ы й — трудный, мучительный; плохой, вредный.

Л я д и н а — сорная трава.

М а с л и ч и н а — маслина, оливковое дерево.

М а с т ь — масло.

М е д е н и ц а — безногая ящерица медного или серого цвета.

М е с к — мул.

М е ч е т н ы й — преходящий, суетный; происходящий от наваждения.

М е х — мешок.

М е х о н о ш а — носильщик сумы, мехов.

М з д а — плата, вознаграждение.

М и г д а л — миндаль.

М н а с а — мина, древняя серебряная монета; единица веса.

М н и и — младший.

М н и х — монах.

М н о г а ж д ы — часто, многократно.

М н о ж а й ш а — больше.

М н о ж и ц е ю — многократно.

М о з о л и е, м о з о л ь — рубец на теле от язвы; страдания, раны.

М о р о к — обман.

М о с т о л ы г а — мосол.

М о т ч а т и — медлить.

М о т ы л а — помет, кал, навоз.

М о ч ь — могущество, сила; способность.

М о ш н а — кошелек; сумка для хранения денег и мелких ценных предметов.

М р а в е й — муравей.

М р е ж а — сеть.

Мудный — медленный, медлительный.
Мудо — парная мужская половая железа.
Мужатица — замужняя женщина.
Муравль — муравей.
Мусика, мусикия — музыка.
Мутовуз, мутоваз — веревка, бечевка, шнурок.
Мытарь — сборщик податей, повинностей, пошлин.
Мытница — сборщица дани.
Мясоед — время, когда по церковным канонам допускается принятие мясной пищи.

Навадити — наговаривать.
Надолзе — долго.
Наказание — наставление.
Належати — полагаться, рассчитывать.
Налезти — натолкнуться; отыскать; добиться; найти.
Намизати — мигать, подмигивать.
Наносити — говорить вдобавок, добавлять к сказанному.
Напрасно — внезапно; сразу; быстро.
Нарок — повеление; звание; срок.
Нарочитый — определенный; известный; достойный; особо чтимый.
Насмисатися — надсмеяться, поругаться.
Наук — ученье; назидание; обычай, привычка.
Наутрия, наутрея — на следующий день, наутро.
Неблазнено, неблазньно — непорочно; твердо, неуклонно.
Небрегати — пренебрегать.
Небреглый — невнимательный.
Небрежение — нерадение; недосмотр; пренебрежение.
Негли, некли — пожалуй; неужели, разве; нежели.
Невеголос — невежда.
Недро — пазуха.
Неключимый — негодный; дурной; несообразный.
Нелепый — безобразный; негодный, неподобающий.
Нелестный — истинный; искренний, простодушный.
Ненаказанный — необразованный, невежественный.
Неотметный — неизменный.
Непреложимый, неприложимый — неизменный; твердость, неизменность.
Непризирание — отсутствие присмотра.
Нераступный — не расходящийся в пространстве.
Несть — нет.
Нетопырь — летучая мышь.
Нетрудный — легкий; неутомимый.
Нефимон — церковная служба, совершаемая вечером.
Неции — некие.

Неясыть — пеликан.
Николи — никогда.
Норец — утка.
Нудити — убеждать, увещевать; заставлять, принуждать.
Нужда — необходимость; принуждение; усилие, напряжение.
Нужный — сильный, бурный, тягостный, мучительный; скудный.
Нъ — но.
Ырищи — вершины.

Обавница — колдунья; целительница.
Обаче — однако; а все-таки.
Обвалятися, обалятися — разрушиться.
Обвесити — повесить.
Обдержати — охватывать; обладать; окружать.
Обеманадесят — двенадцать.
Обещник, общник — сотоварищ, участник; тот, кто причастен к чему-либо; последователь.
Обинитися, обиноватися — быть пристрастным, оказывать лицеприятие.
Область — власть, господство.
Облежати — окружать; покрывать, окутывать.
Облестивый — обманщик.
Обначеватися — заночевать.
Обносити — рассказывать, распространять устно.
Обон пол — на другой стороне, по другую сторону.
Обретель — прибыль.
Обухати — обдавать запахом.
Ов, овый — который, кто; один, этот, некоторый.
Овдод — удод.
Овогда — иногда.
Огневица — горячка.
Одебелети — огрубеть.
Одесную — справа.
Одъва — едва.
Оже — если бы; даже если.
Ожь — еж.
Оземъствование — изгнание, ссылка.
Окаянный — несчастный; горестный, плачевный.
Окопище — кладбище.
Оле — междометие, соответствующее «О!»; противительный союз а, но.
Омрачение — слепота; нравственное ослепление, заблуждение.
Омрачити — покрыть мраком; быть отягощенным чем-либо.
Он — тот.
Онуду — с той стороны, оттуда; по ту сторону.
Онсица — один; такой-то.

Опаш — хвост.

Оплот — ограда.

Опона — покрывало.

Орати — пахать.

Оскорд, оскордец — род секиры, большого топора с длинной ручкой.

Осмнадесят — восемнадцать.

Осочити — обнаружить.

Осподин — господин.

Остенити — оградить.

Острупленый — покрытый струпьями, язвами.

Отверзти, отверсти — открыть, раскрыть.

Отень — отцов.

Отметный — непозволительный; неприемлемый; скверный.

Отмстити, отмьстити — воздать; защитить.

Отнели — с того времени, как; с тех пор, как, откуда; если, коль.

Отрок — слуга, раб; помощник; воины князя.

Отрудоватити — стать больным.

Отчина — отчизна, родина.

Очервленый — обагренный (кровью).

Ошибь — хвост.

Ошую — слева.

Ощутити — узнать, понять.

Пава — павлин.

Паволока — дорогая шелковая ткань; покрывало; одежда.

Пажить — луг, пастбище; пустошь.

Пардус — барс, леопард, гепард.

Пасть — капкан.

Паче — более, тем более; лучше; особенно.

Пеклъ — смола.

Пенязь — динарий, римская серебряная монета.

Перный — спорный; вздорный.

Перси — грудь.

Персть — земля, пыль; тлен; прах.

Печаловати — скорбеть; заботиться; просить за кого-либо.

Печера — пещера.

Пещь — печь.

Пира — сума, котомка.

Пифик — обезьяна.

Плачный, плачаный — скорбный, траурный.

Плевел — сорная трава.

Плинфа — кирпич плоской формы.

Пльза — польза.

Поганый — язычник.

Погнетати — погружать.
Погост — кладбище.
Погружати — обижать.
Подзерие — неприязнь.
Подзирати, подзерати — смотреть исподлобья.
Подразити — подбить.
Пожиток — имущество, состояние.
Позобати — поклевать.
Позорник — зритель, наблюдатель.
Позоровати — видеть, глядеть, любоваться.
Полатка, палатка — небольшая комната.
Полма, полъма — на две части, пополам.
Помавати — подавать знак.
Пометати — побросать; разрушить.
Поне — потому что, так как.
Пономарь — псаломщик, церковнослужитель, читающий и поющий на клиросе.
Понос — насмешка.
Поползнутися — поскользнуться.
Поползтися — поскользнуться.
Поприще — путевая мера длиною около 2/3 версты.
Поругати (ся) — насмеяться.
Порфира — дорогая шерстяная ткань пурпурного цвета.
Последи — потом, после.
Послух — свидетель.
Постав — буфет.
Потщитися — постараться.
Потылица — спинной хребет.
Потязати — обвинять.
Пощение — соблюдение поста.
Пояти — взять.
Прах, порох — пыль.
Праща — ручное метательное оружие для камней или металлических шаров.
Предняя — прежнее, прежде бывшее.
Предстатель — ходатай.
Предстроение — попечение.
Презельное — очень сильное; очень большое.
Прельсть — прельщение.
Прение — спор.
Прещение — угроза; запрет; наказание.
Прилагати — прибавлять.
Прилепитися — присоединиться.
Приразитися — удариться.
Присно — всегда.
Пристав — гонец.

П р и с т р я п а т и — приступать, идти.
П р и с т у п и т и — подойти.
П р и т е ч ь — прийти.
П р и т ч а — случай; пословица, поговорка; иносказание.
П р и т я ж а т и — приобретать.
П р о б о д е т и — проткнуть.
П р о з о р и в ы й — гордый.
П р о з я б а т и — восходить, прорастать.
П р о к а я — прочая.
П р у з и — саранча.
П р я — ссора, распря.
П у с т ы н ь — небольшой монастырь в глухой местности; уединенная келья отшельника.
П я т о к — пятница.

Р а д е — ради.
Р а з в е — кроме.
Р а з ж е н и т и — разогнать, рассеять.
Р а з р е ш е н и е — окончание.
Р а з т л и т и — погубить.
Р а з у м и в ы й — умный, разумный.
Р а м о — плечо.
Р а м я н о, р а м е н о — напряженно; сильно, стремительно.
Р а ч е н и е — забота, попечение.
Р е м е с т в о — ремесло.
Р е т ь — стремление.
Р е ш а — сказали.
Р е щ и — сказать.
Р и з а — облачение, одежда священника для богослужения.
Р и с т а т и — бежать.
Р о ж к и, р о ш к и — плоды рожкового дерева.
Р о ж н и, р о ж н ы — кол, заостренный шест; вилы.
Р о т и т и с я — клясться.
Р о т ь б а — клятва.
Р у б а, р у б и щ е — рваная одежда.
Р ц ы — скажи.
Р ы б а р ь — рыбак.
Р ю т и е — рык, рев.

С а н — чин.
С в а д а — раздор.
С в а р а, с в а р ь — ссора, раздор.
С в е с т и — знать, ведать.
С е д а л и щ е — место.
С е д м е р и ц е й — семикратно.

С е й м — высший орган власти в некоторых европейских государствах.
С е к и р а — топор.
С е л и т в а — население, поселение.
С е л и щ е — поселение.
С е л о — поле.
С е л ь н ы й — полевой.
С е м о — сюда.
С е м о и о в а м о — туда и сюда.
С е н ь — тень, отражение.
С е т о в а н н и ц а — плакальщица.
С и н е ч ь — эфиоп.
С и р е ч ь — то есть.
С и ц е — так.
С к и т — жилище отшельника.
С к о р ы н (ь я) — челюсть.
С к у д е л н и ч и й — гончарный.
С к у р ы й — истощенный.
С л а н ы й — соленый.
С л и м а к — улитка, устрица.
С л и ч н ы й — приличный, подходящий.
С л у ч а й — несчастие.
С м е р д — мужик, крепостной.
С м о к в а — плод инжира.
С н е с т и — вкусити.
С о л и л о — солонка.
С о н м, с ъ н ь м — собрание, толпа.
С о н м и щ е — собрание.
С о с т а в — сустав.
С о у з, с ъ у з — союз.
С п р я ж а т и с я, с п р я г а т и с я — соединяться.
С р а ч и н и н — сарацын.
С р а ч и ц а — сорочка.
С р е б р е н н и к, с р е б р е н и к — монета иудейской чеканки.
С р е д а — середина.
С р е т е н и е — встреча.
С т е з я — путь.
С т е н ь — тень.
С т е п е н ь — ступень.
С т е р к — аист.
С т о л п — башня.
С т о р и ц е ю — в сто раз больше.
С т р а д а т и — работать.
С т р а с т ь — острастка.
С т р е щ и т и с я — остерегаться.
С т р у ф о к а м и л — страус.

С т у д е н е ц — колодец.
С т у ж а т и — унывать.
С т я ж а т и — приобрести, взять.
С т я з а т и с я — требовать, спрашивать, сосчитаться.
С у г у б ы й — двойной.
С у н к л и т, с и г к л и т — синклит, совет.
С у р н а, з у р н а — духовой музыкальный инструмент.
С ц л я н ы й — стеклянный.
С ъ в а ж е н и е — подстрекательство.
С ъ ж и з а т и — сжигать.
С ъ у з — оковы.
С ъ х о д а т а й — выходец, потомок.
С ы й — сущий, находящийся.
С ы т а — вода, подслащенная медом; разварной мед.
С я к о в ы й — такой.

Т а й — тайно.
Т а л а н т — высшая греческая денежная единица.
Т а р т а р — преисподняя, ад.
Т а т ь — вор.
Т а т ь б а, т а д б а — воровство.
Т а ч е — тогда, потом.
Т е н е т а — сеть.
Т е р н и е — всякое остистое, колючее растение.
Т е с л а — род топора.
Т е ч е н и е — движение.
Т е ч ь, т е к т и — идти, бежать.
Т и в у н, т и у н — домовой управитель, особая должность при князьях и боярах; должностное лицо по управлению городом или местностью.
Т м а, т ь м а — десять тысяч.
Т о л и к о — столько.
Т о р ж н и к — торгующий, торговец.
Т о ч и ю, т о ч ь ю — только.
Т р е б а — жертва.
Т р е б о в а н и е — потребность.
Т р е п е т и ц а — осина.
Т р о с т ь — палочка для писания; трость, палка.
Т р у б н и к — трубач.
Т р у с — землетрясение.
Т р я с и ц а, т р я с о в и ц а — лихорадка.
Т у ж д е — здесь, тут.
Т у ж д и й — чужой, чуждый.
Т у к — жир.
Т у л — колчан.
Т у н е — безвозмездно.
Т щ е — напрасно, бесцельно.

Тщея слава — тщеславие.
Тъщивъство — старание; усердие.
Тя — тебя.
Тязание — свара.
Тязатися — тягаться, судиться.

Убо, оубо — итак, посему; ибо; же.
Убожество — бедность, нищета.
Уветливый — приветливый.
Угажати — угождать.
Угобзитися, оугобзитися — уродиться.
Уда — удочка.
Удолевати — одолевать, побеждать.
Удолие, удоль — долина, овраг, ложбина; яма, бездна.
Удуже, оудуже — где.
Уж, ужище — веревка.
Уклюнути — укусить.
Укоснеть — замедлить.
Укроп — горячая вода.
Укрух — кусок хлеба, ломоть.
Улан — конный воин, охранник.
Улус — территория, занятая кочующим родом.
Уне — лучше.
Уноша — юноша.
Уный — юный.
Уразитися, заразитися — удариться, разбиться.
Устав — свод церковных или монастырских правил.
Устягнути — обуздать.
Утлый — дырявый.
Ухапати — ухватить.
Участье — доля.
Ушкнути — укусить.

Фарисей — член религиозно-политической партии в древней Иудее.
Феураль — февраль.
Фимиам, фимиян — благовонное вещество, сжигаемое при богослужении.
Фунт — мера веса, 409,5 г.

Хлябь — глубь, пропасть, бездна.
Хоругвь — знамя.
Храмина — дом.
Художество — искусство, мастерство; убожество.
Художник — мастер, ремесленник.

Х у д о л а ж и й — ничтожный.
Х у п а в ы й — надменный, гордый.

Ц е л б а, ц е л ь б а — исцеление.
Ц е с а р ь — царь.

Ч а с т ь — участь.
Ч е м е р и е — яд.
Ч е р м н ы й — красный.
Ч е р н е ц — монах.
Ч р е в о — живот, брюхо.
Ч р е с л а — стан.

Ш у я, ш у и ц а — левая рука.

Ю — ее.
Ю р о д, ю р о д и в ы й — неразумный, безумный, глуповатый человек.

Я, я ж е — она; их.
Я в о р — платан, клен, тополь.
Я д ь — еда, пища.
Я з ы к, я з ы ц ы — народ, народы.
Я з ы ч ь н ы й — бранчливый.
Я з я — страдание.
Я к о — как.
Я л о в и ц а — молодая корова.
Я р и г а, я р ы г а — мошенник, пьяница.
Я р ы й — вспыльчивый.
Я с т и е — еда, пища.
Я т и — брать, схватить; овладеть.
Я т и с я — схватиться, взяться, браться.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис
Варлаам и Иоасаф. Гравюра А. Т. Трухменского по рис. С. Ушакова.— Симеон Полоцкий. Повесть о Варлааме и Иоасафе. М., 1680.
С. 23.
Проповедь Христа. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 358.
С. 26.
Притча о званых на вечерю. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 674.
С. 29.
Притча о мытаре и фарисее. Гравюра.— Триодь постная. Киев, 1649. С. 1.
С. 33.
Притча о милосердном царе и безжалостном заимодавце. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 459.
С. 38.
Притча о безумном богаче. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 649.
С. 44.
Единорог. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 197.
С. 62.
Притча о наемниках. Гравюра.— Евангелие. Львов, 1636. Л. 67 об.
С. 69.
Леопард. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 210 об.
С. 77.
Притча о злых виноградарях. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 485.
С. 91.
Иоанн Златоуст. Гравюра.— Служебник. Львов, 1646. Л. 100 об.
С. 115.
Крещение князя Владимира. Миниатюра.— Радзивиловская летопись. XV в. Л. 62 об.
С. 125.
Овцы. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 9 об.

С. 130.
Горлицы. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 116 об.

С. 135.
Аист. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 139 об.
С. 141.
Лев. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 210 об.
С. 154.
Змеи. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 101.
С. 159.
Орлы. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 209 об.
С. 170.
Дракон и медведь. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 144 об.
С. 175.
Павлины. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 171 об.
С. 178.
Олень. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 57.
С. 180.
Дикие свиньи. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 66 об.
С. 191.
Птицы и рыбы. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 9 об.
С. 195.
Верблюд. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 53 об.
С. 200.
Телец. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 68.

С. 202.
Кони. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 41 об.
С. 206.
Орел. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 141 об.
С. 219.
Притча о десяти девах. Гравюра.— Триодь цветная. Киев, 1631. С. 84.

С. 226.
Смерть. Гравюра.— Триодь постная. Киев, 1627. С. 800.
С. 231.
Притча о сучке в глазу. Гравюра.— Евангелие. Львов, 1636. Л. 19 а.
С. 243.
Притча о богатом и Лазаре. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 594.
С. 255.
Притча о пшенице и плевелах. Гравюра.— Евангелие. Львов, 1636.
С. 277.
Притча о блудном сыне. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 17.
С. 290.
Добрая жена. Лубок.— Беседа отца с сыном. XVIII в. ГИМ, собр. Барсова, № 2409. Л. 6 об.
С. 298.
Добрая жена. Лубок.— Беседа отца с сыном. XVIII в. ГИМ, собр. Барсова. № 2409. Л. 6 об.
С. 314.
Притча о талантах. Гравюра.— Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 522.
С. 324.
Притча о сеятеле. Гравюра.— Евангелие. Львов, 1636. Л. 42 а.
С. 341.
Злая жена. Лубок.— Беседа отца с сыном. XVIII в. ГИМ, собр. Барсова, № 2409. Л. 6 об.
С. 362.
Злая жена изгоняет мужа. Лубок.— Беседа отца с сыном. XVIII в. ГИМ, собр. Барсова, № 2409. Л. 7 об.
С. 375.
Притча о сеятеле. Гравюра.—Евангелие учительное. Киев, 1637. С. 579.
С. 385.
Царь-лето. Миниатюра.— Месяцеслов. XVII в. ГИМ, собр. Хлудова, 181.
С. 400.
Солнце. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 188.
С. 406.
Птицы. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 225.
С. 412.
Рыбы в море. Миниатюра.— Киевская псалтирь. 1397. ГПБ, собр. ОЛДП, F. 6. Л. 224 об.
С. 415.
Царь-осень. Миниатюра.— Месяцеслов. XVII в. ГИМ, собр. Хлудова, 181.

Содержание

Н. И. Прокофьев «Прелесть простоты и вымысла» 5

ПРИТЧА ОРИГИНАЛЬНАЯ И ПЕРЕВОДНАЯ

I

Евангельские притчи

О сеятеле 21

О Царствии Небесном 22

О нанятых в виноградник работниках 24

О милосердном самарянине 24

О бесплодной смоковнице 25

О званых на вечерю 25

О погибшей овце 26

О потерянной драхме 27

О блудном сыне 27

О богатом и Лазаре 28

О судье неправедном 29

О мытаре и фарисее 29

О рабе верном и о рабе злом 30

О десяти девах 30

О талантах 31

Притчи из Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского

О милосердном царе и безжалостном заимодавце 32

О двух сыновьях 35

О злых виноградарях 36

О безумном богаче 37

О враче 40

Притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе

О трубе смерти и четырех ковчегах 41

О соловье и ловце 42

Об инороге 44

О трех друзьях 45

О царе на один год 47

О царе и разумном советнике 48

О богатом юноше и дочери бедняка 50

О серне 52

Притчи из Пролога

О душе и теле 53

О временном сем веке 54

О ходящих в монашеский чин 55

О животе и смерти 56
О христианском житии 58
О еретиках и идолослужителях 59
О богатых и убогих 60
О праведных и грешных 61
О Василии Великом и Ефреме Сирине 63
О посте, чистоте и послушании 66
О печали житейской 66
Притча от болгарских книг 68
Притчи Кирилла Туровского
О белоризце и о мнишестве 70
О душе и теле 75
Притчи из Диоптры Филиппа Пустынника
О блуднице 86
О лукавом рабе 87
Притча о дворе и змии 90
Притчи Максима Грека
О свирепом коне 95
О младом отрочище 95
О струфокамиле 96
О неясыти 96
О голубе 97
Притчи из Великого Зерцала
О душе раскаявшейся 98
О молитве Господней 98
О суде Божием 99
О богатстве 100
О двух путях 100
Притча о милостыне 102
Притча об узком пути и о широком 103
Притча о душе праведной 105
Притчи из Повести временных лет
О мытье в банях 106
Об обрах 106
О хазарах 106
О волхвовании 107
О жадности 109
О крещении 109
О защите родной земли 110
Об испытании богатством и оружием 112
О коварстве 112
О радимичах 113
О выборе веры 114
О возмездии 115
О просвещении 116

О бесах 117
Об ангеле 118
Притча из Галицко-Волынской летописи
О емшане 120
Притча из Повести о двух посольствах
О подручнике царевом 121

II

Притчи из Повести об Акире Премудром
О змее и игле 123
О козе и зелье 123
О человеке и стреле 123
О коварном друге 123
О лютом звере и осле 124
О зайце и сети 124
О олене 124
О котле 124
О пахаре 124
О псе 124
О свинье 125
О дереве 125
О птенце и хорьке 125
О воре 125
Об овце 125
О дворе 126
О кроте 126
О дереве над рекой 126
О волке 126
О волчонке 126
Об ослиной голове 127
Физиолог
О льве 128
О утропе 128
О слоне 129
О елени 129
О орле 129
О фениксе 130
О иряби 130
О горлици 131
О неясыти 131
О ластовици 131
О овдоде 131
О дятле 132
О лисици 132
О жене и о мужи 132

О горгони 132
О змии 133
О голуби 133
О ехидне 134
О стерце 134
О утропе 134
О стерце и о прочих птахах 135
Притчи из Повести о Стефаните и Ихнилате
О пифике 137
О лисице и тимпане 137
О вране и змии 137
О журавле и еже 138
О льве и зайце 139
О трех рыбах 139
О вше и блохе 140
О льве и верблюде 140
О норцах и желве 142
О пификах и сокровище 143
О купце 143
О слепом враче 144
О сокольничем 144
О вороне, мышонке, черепахе и серне 145
О совах и воронах 151
Об обезьяне 155
О некоем муже 157
Притчи, или баснословие, Езопа Фриги
Вирши на Езопа 158
1. О орле и о лисице 158
2. О соловье и о ястребе 159
3. О лисице и о козле 159
4. О лисице и о льве 160
5. О коте и алекторе 160
6. О лисице 161
7. О лисице и о кусте 161
8. О лисице и коркодиле 161
9. О алекторе и о пелепелице 161
10. О лисице и о харе 162
11. О уголнике и сапожнике 162
12. О рыболове и о камени 162
13. О самомнители 163
14. О болезнуемом 163
15. О злочестивом 163
16. О рыболовех 164
17. О жабах 164
18. О старом муже и о смерти 164

19. О бабе и о враче 164
20. О господине и о собаках 165
21. Оугрызенной от пса 165
22. О двою младенцах и о поваре 165
23. О недрузех 166
24. О жене и о курице 166
25. О коте и о мышах 166
26. О лисице и о обезьяне 167
27. О сельди и о дельфине рыбах 167
28. О враче и о болящем 167
29. О бобре 168
30. О псе и о поваре 168
31. О псе и волке 168
32. О псе и алекторе 169
33. О льве и о жабе 169
34. О льве и осле и о лисице 169
35. О льве и о медведе 169
36. О ворожее, сиречь о волхве 170
37. О муравле и о голубице 170
38. О кожане и о репье и о чайке 171
39. О болящих и о враче 171
40. О секущем дрова и о Ермисе 171
41. О осле и огороднике 172
42. О ловце и о птице дудок 172
43. О путьшественнице 173
44. О детище и о матери 173
45. О пастыре и море 173
46. О груше и о яблоне 174
47. О кроте 174
48. О шершнях и перепелицах 174
49. О паве и о галке 175
50. О куколке, сиречь о зекзюле, и о лисице 175
51. О птице дудоке 175
52. О еленьце малом 176
53. О заицах 176
54. О осле и коне 176
55. О сребролюбце 177
56. О гусех и о жаравлех 177
57. О черепахе и о орле 177
58. О блохе 177
59. О еленице 178
60. О елене и о лве 178
61. О елене и винограде 178
62. О осле и о льве 179
63. О огороднике и о псе 179

64. О свинье и о суке 179
65. О свинье и о суке 180
66. О змии и о раке 180
67. О пастыре и о волке 181
68. О лве и о волке 181
69. О жене и о муже пьянице 182
70. О лебеде и гусе 182
71. О ефиоплянине 182
72. О ластовице 183
73. О птице подкропивнице 183
74. О отрочателе 183
75. О жене и о рабынях 183
76. О жене волхвующей 184
77. О кошке и пиле 184
78. О земледелателе 184
79. О двою путшественицех 184
80. О двою жабах 185
81. О пасичнику, сиречь пчелнику 185
82. О пифике, сиречь о обезьяне, и о дельфине 185
83. О мухах 186
84. О Ермисе-боге и о делотворце 186
85. О Ермисе-идоле и о Терисе-волхве 186
86. О двою псах 187
87. О козле и о волке 187
88. О раке и о лисице 188
89. О татях и алекторе 188
90. О вороне [и о вране] 188
91. О вороне и о псе 188
92. О вране и о змие 189
93. О галке и о голубех 189
94. О галке 189
95. О Ермисе-идоле и о лжи 190
96. О Зевсе и о сраму 190
97. О Зевсе-идоле 190
98. О волке и о овце 190
99. О зайцах и о орлах 191
100. О птице алкион, при мори живущей 191
101. О рыболове 192
102. О ловце птичном и о ехидне 192
103. О муравле 192
104. О комаре и о лве 192
105. О нетопыре и о кошке 193
106. О путешественницех 193
107. О осле дивием и домашнем 194
108. О осле и о Зевсе 194

109. О осле и о лисице 194
110. О осле и жабе 194
111. О осле и о лисице 195
112. О курице и о ластовице 195
113. О велблюде 195
114. О орле 196
115. О змии 196
116. О голубице 196
117. О голубице и вороне 196
118. О богатом и о дщерех 197
119. О пастыре 197
120. О рыболове и о рыбице смарис 197
121. О осле и о коне 198
122. О человеце и о дивием мужи сатыри 198
123. О лисице и о древосечце 198
124. О человеце, разбившем своего идола 199
125. О человеке и о псе 199
126. О рыболове и о свирелех 199
127. О волопасе 200
128. О вране болящем 200
129. О козле и о волке 201
130. О конике, сиречь о кузнечике, и о муравле 201
131. О черви и о лисице 201
132. О курице златородной 201
133. О льве и о лисице 202
134. О бабе и о волке 202
135. О муле, сиречь осличне сыне 202
136. О трубнике 203
137. О трости и о масличине, о терпении и о крепости . . . 203
138. О волке и жаравле 203
139. О алекторех 204
140. О агньце и волке 204
Притчи из Жития Езопа-баснослова
О волках и овцах 205
О муже и конике 205
О жене и муже 205
О мыше и жабе 206
Об орле и кровке 206
О старом земледельце 207
Об отце и дочери 207
Притча о куре и о лисице 208
Притча из Слова иеромонаха Евфимия
О волке и осле 209
Притчи из Повести о португальском посольстве
О быке 210

О глухом и слепом 211
О бесе 211
Притча о составлении человеческого сущего естества 212

III

Притча о врачестве греховном 213
Притча и зерцало жития человеческого 214
Притча о пяти чувствах 217
Притча о хмеле 221
Притча о витязе и смерти 225
Притчи о разуме человеческом
Об Алтыне Золотое Слово и его брате 229
О птичьем языке 230
Притча о старом муже и молодой девице 233
О старце, просившем царскую дочь себе в жены 236
Повесть о царе Газии 238
О искушении Бога 240
Повесть о царе Агее 242
О Димитрии князе римском 245
Притчи из Повести о семи мудрецах
О древе и огороднике 248
О псе и о птице соколе 249
О цесаре, пастухе и вепре 250
О старом муже и молодой жене 251
О цесаре, любившем злато 254
О короле и морщалке 258
О трех рыцарех 259
О короле и рыцаре 262
О рыцаре и жене его 265
Притчи из Беседы отца с сыном о женской злобе
О слабости и неразумии жен 268
О Даркире и его жене 270
О Юнотасе и Фриерке 272
О воине 278

ПРИТЧА-ПОСЛОВИЦА

Притчи Соломона 283
Премудрость Иисусова, сына Сирахова 287
Мудрость Менандра Мудрого 297
Притчи, или пословицы, всенароднейшие по алфавиту 305
Пчела
О житиистеи добродетели и о злобе 331
О мудрости 332

О чистоте и целомудрии . . . 332
О мужестве и о крепости . . . 333
О правде . . . 333
О братолюбьи и о дружбе . . . 334
О власти и о княжении . . . 334
О лжи и клевете . . . 335
О учении и о беседе . . . 336
О наказании . . . 336
О любомудрии и о учении детии . . . 337
О богатьстве и о убожьстве . . . 338
О многоиманьи и обиде . . . 338
О чьсти родитель . . . 338
О страсти . . . 339
О скоровозвращающимся и о покаянии . . . 339
О пьянстве . . . 339
О дерзости и о обличении . . . 339
О разуме и о собе . . . 340
О законе . . . 340
О безумьи . . . 340
О женах . . . 340
О противословьи и о шатании . . . 341
О старости и о уности . . . 341
Из Поучения Владимира Мономаха . . . 343
Поучение Варлаама к Иоасафу . . . 345
Поучение Акира Премудрого сыну . . . 347
Наставление Езопа сыну . . . 353
О наказании от родителей к детям . . . 354
Беседа отца с сыном о женской злобе . . . 356
Моление Даниила Заточника . . . 369
Слово некоего калугера о чьтении книг . . . 375
Притча к хотящим учитися . . . 376
Геннадия, патриарха Царя града, стих . . . 378

ПРИТЧА-ЗАГАДКА

О царе-годе . . . 381
Об имени Христофор . . . 392
О Псалтири . . . 394
О книгах . . . 396
О теле человеческом . . . 397
Из Беседы трех святителей . . . 398
Из Повести об Акире Премудром . . . 402
Из Жития Езопа . . . 403
Из Повести о рождении и похождениях царя Соломона . . . 404
Из Повести о Португальском посольстве . . . 405

О чаше с вином 405
О письме книжном 405
Из Повести об Аполлонии Тирском 407
О реке и рыбаке 407
О лодке 407
О бане 407
Из рукописных сборников
Об Адаме 409
Об антихристе 409
Об уме 409
О человеке 410
О мире 410
О вере 410
О милостыне 410
Об устах 410
О человеке 410
О душе и теле 411
О вине 411
О печи 411
О колесах 411
О реке и рыбаке 412
О колоколе 412
О горшке 412
О горшке 413
О жернове 413
О стреле 413
О стреле 414
О луке 414
О письме 414
О Псалтири 414
О временах года 416
О земле, росе и солнце 416
О пчелах 416
О пчелином улье 416

Комментарии 417
Словарь древнерусских слов 496
Список иллюстраций 513

Древнерусская притча/Сост. Н. И. Прокофьева,
Д73 Л. И. Алехиной. Коммент. Л. И. Алехиной; Предисл. Н. И. Прокофьева; Оформл. Б. А. Диодорова.— М.: Сов. Россия, 1991.— 528 с., ил.— (Сокровища древнерусской литературы).

Настоящая книга — первое собрание древнерусской притчи, оригинальной и переводной, жанр которой имел далеко идущее благотворное влияние на развитие отечественной литературы. Притчи Кирилла Туровского и Максима Грека, притчи из «Повести временных лет» и других древнейших русских летописей, переводных «Повести о Варлааме и Иоасафе», «Повести об Акире Премудром», притчи из Пролога и Физиолога, притчи евангельские и ветхозаветные», притчи-пословицы, притчи-басни, притчи-загадки.

Богатство литературной формы притчи, ее распространенность во всех социальных слоях древнерусского общества на протяжении многих веков говорят о ее глубоких корнях в отечественной словесной культуре.

84Р1

Д $\frac{4702010101-103}{М\text{-}105(03)91}$ 28—91

ISBN 5—268—01286—х

Сокровища древнерусской литературы

Древнерусская притча

Редактор Э. С. **Смирнова**
Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **М. Е. Козлова, Т. А. Лебедева**

ИБ № 6126
Сдано в набор 12.05.91. Подп. в печать 28.11.91. Формат 84×108[1]/32. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура обыкновенная новая. Усл. п. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 27,72. Уч.-изд. л. 26,95. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2134. Цена 6 р. Изд. инд. ЛХ-383.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.